

Александр Марин

Восстание Архидемона

DRAGON AGE

Книга 1. Пятый Мор стал тяжелым испытанием для тех, кто имел несчастье жить в это нелегкое время. И все же люди не опускали рук, бросая все силы на противостояние архидемону и его орде порождений тьмы. Рассказывают также и о некоем Герое, остановившем их. Но был ли Герой один — от начала и до конца? История мужества, надежд и разочарований, дружбы и любви, тревог и радостей, крепости духа, самоотречения и великодушия, которые подарили победу и дали начало рождению историй о легендарном Сером Страже...Новеллизация игры Dragon Age. Origins-Awakening. Задействованы все игровые ГГ (Айдан Кусланд, Дайлен и Солона Амелл, Фарен Броска, Нерия Сурана, Дюран Эдукан, Терон Махариэль, Дарриан Табрис), хотя не все становятся Стражами. Соблюдение канона, но с вариациями в деталях.

Восстание Архидемона

Церковь считает, что именно людская спесь привела в наш мир порождений тьмы.

Маги пытались захватить небеса, но уничтожили их.

Они были изгнаны, поражены тьмой, прокляты и всему виной их порочность.

Они вернулись под личиной чудовищ, первых порождений тьмы.

Безжалостные и непобедимые, они принесли в наш мир Мор.

Они вернулись и прокатились Мором по земле — неумолимым и безжалостным.

Первым пали королевства гномов. С Глубинных троп порождения тьмы снова и снова поднимались в наш мир, пока мы не оказались на грани полного вымирания.

И тогда появился орден Серых Стражей.

Мужчины и женщины всех рас, воины и маги, варвары и короли. Серые Стражи пожертвовали всем, чтобы остановить натиск тьмы. И они победили.

Это случилось четыреста лет назад, но Серые Стражи не теряли бдительности.

Они ждали нового прихода тьмы.

И вот Мор снова пришел. Серые Стражи и только они смогут остановить Мор.

Но какой ценой?

Смотр войск в огромном внутреннем дворе замка Кусландов длился уже несколько часов и вот-вот должен был подойти к концу. Большинство незанятых работой обитателей замка, сбежавших поглазеть на храбрых солдат, уже разошлись. На стенах остались самые упорные мальчишки. Интерес их можно было понять — мысленно каждый из юных зрителей был там, во дворе, в шеренге с такими же как он боевыми товарищами. Готовыми идти на войну, к защите своих земель, победе и славе в веках.

Один из лицезревших сверху парней стоял чуть в стороне. В отличие от других, одетых, как простолюдины, он был затянут в кожаный доспех, плотно пригнанный к его ладной фигуре. Со стороны могло казаться, что юноша и его доспех составляют единое целое, ровно как и меч выглядел продолжением его тела. Внешность молодого воина отличалась необычностью. Его шевелюра была медно-рыжей, такой, что казалось — еще немного, и она начнет отбрасывать блики на стены. Зато кожа наоборот имела золотистый, даже смуглый оттенок безо всякого намека на пятна на лице, характерные для людей с его цветом волос. В целом внешность юноши можно было бы назвать приятной, если бы ее не портило сейчас выражение угрюмой злобы, вот уже несколько часов не сходившее с его лица.

Айдан Кусланд, младший сын всеми уважаемого Брайса Кусланда, тейрна Хайевера, смотрел на маршировавших по двору его родового замка солдат, но мысли его были далеко. Он словно пребывал на полпути между миром смертных и Тенью, хотя всем известно, что осознанный путь в Тень доступен только для магов. Айдан, больше привыкший откликаться на уменьшительное от своего имени Айан, уже долгое время пытался отрешиться от обжигающей его нутро душевной боли, которая толкалась в груди с каждым ударом сердца, но никак не желала прорваться наружу, превращая его душу в единое больное естество. Состояние это было чем-то новым, доселе неизведанным и приводило юношу в такое отчаяние, что он с трудом обуздывал его, скрывая от посторонних глаз. Еще утром сын тейрна проснулся в отличном расположении духа, собираясь вместе с отцом и старшим братом принять смотр войск, а затем... Впрочем, думать дальше особо не хотелось. Повинуясь всеобщему призыву, его отец и брат отправлялись в Остагар, на помощь королю, собиравшемуся дать бой орде порождений тьмы, и навсегда закрыть для них дорогу в земли северного Ферелдена. Его же, Айана, участие в походе до сих пор стояло под вопросом. Замок и поместья вокруг тоже нельзя было оставлять без присмотра и защиты. И хотя Айан небезосновательно полагал, что матушка со всем этим справится гораздо лучше, окончательного ответа от отца, возьмут ли его на войну, он так и не получил.

Впрочем, он был готов подчиниться воле отца, какой бы она ни была. У него имелись свои причины оставаться в замке. Очень веские причины, как он полагал этим же утром, несколькими часами ранее. Когда по привычке мягко ступая по каменным плитам двора, шел на кухню, чтобы выпросить у Нэн свежих оладий с молоком до завтрака. Старая нянька, грубая и сварливая даже с младшими господами, любила его как сына, чем Айан охотно пользовался, особенно когда он просыпался по ночам от самого настоящего голода, часто мучившего его растущий организм.

Однако Нэн на кухне еще не появлялась. Айан издали увидел ее, идущей на скотный двор, и понял, что придется подождать. Зная характер Нэн, она ни за что не отвлечется от нужных дел, разве если только на то не будет прямого приказа от самого Брайса Кусланда.

Конечно, можно было бы войти на кухню и потребовать раннего завтрака от работавших там эльфийских поваров, но Айану отчего-то не хотелось так поступать. Принять еду от Нэн было гораздо приятнее. К тому же, он все равно проснулся и больше не ляжет. Торопиться некуда.

От нечего делать, юноша присел на один из многочисленных ящиков, стоявших у кухонной двери и, опершись локтями о колени, приготовился терпеливо ждать. Он примерно представлял, что скажет Нэн, когда вернется на кухню, и застанет его здесь: «А, вы снова проголодались, милорд? Как, опять? И куда все девается в этом молодом медведе, если он один ест, как целый взвод голодной солдатни?» Кусланд ухмыльнулся и привалился к стене, лениво прислушиваясь к доносившимся из-за двери кухни голосам.

— Я в восхищении! Как тебе это удалось? Он действительно на крючке! Хотя пока это можно увидеть только, если приглядываться специально. Эти благородные господа умеют скрывать свои чувства от окружающих.

— От слуг, ты хотела сказать, — сердце Айана, услышавшего другой голос, мелодичный и спокойный, стало биться чаще. — Да, мне пришлось немало потрудиться. Но сейчас я могу сказать, что гораздо ближе к своей цели, чем когда я два года назад записалась в охрану замка.

— Никогда не понимала этого, — судя по всему, одна из двух говоривших молодых женщин, пожала плечами. — Зачем тебе становиться оруженосцем нашего господина, если тебе действительно удалось заставить его полюбить тебя? Разве ты не думала о том, чтобы... ну, ты понимаешь... сделаться госпожой Кусланд? Как ты думаешь, у тебя могло бы получиться и это?

Возникла пауза, но продержалась она недолго. Собеседница рассмеялась.

— Не делай вид, что ты глупее, чем есть на самом деле, Амалия. Конечно, выйти за него было бы лучше. Но надо смотреть на вещи так, как они есть на самом деле. Айдан — сын тейрна. Не какого-нибудь бана, и даже не эрла... Тейрн Хайевера — это, знаешь ли, титул. А я... Старый Брайс никогда не даст согласия на наш брак, а мальчишка ни за что не послушается папочку.

— Но ведь милорд Айдан не всегда будет младшим сыном... Я хочу сказать... тейрн Брайс не вечен, и уже в годах. Может, тебе стоит хотя бы попытаться? Только представь, быть хозяйкой всего этого!

— Кроме Брайса есть еще матушка, — явно передразнивая кого-то конкретного, напомнила обладательница мелодичного голоса. — И уж она-то точно не позволит сыночку совершить такой неблагоприятный поступок, как женитьба на простолюдинке, у которой в крови, к тому же, мешались остроухие плебеи. Я уверена, еще год-два, и они женят его на какой-нибудь невесте голубых кровей, которую выберут сами. Айдан слишком послушный сыночек, чтобы огорчать своих высоких родителей. Нет, если чуда не произойдет, мне никогда не сделаться госпожой Кусланд. Но вот служба в оруженосцах у такого вельможи откроет передо мной ворота казарм даже королевской гвардии. Это то, чего мне хочется больше, чем ходить в платьях, вышивать подушки или жить с мягкотелым дурачком, от которого слышно только «да, отец», «как скажешь, матушка». И который только внешне похож на мужчину.

В затылок словно ударилось что-то душное и горячее. Айан машинально провел по волосам ладонью, но, конечно, снять ничего не получилось. Неслышно поднявшись, он шагнул было прочь, но едва донесшийся до него следующий вопрос любопытной Амалии заставил его замереть.

— Кэйна... а ты уже спала с ним? С молодым господином? Быть может, если ты понесешь ребенка...

— С кем, с ним? С этим рыжим мальчишкой? — тон ее голоса, каждое слово как будто плескало в зияющую рану на груди Кусланда новую порцию жидкого огня. — Он безнадежный девственник! И ведет себя, как будто готовится стать храмовником. О, и самое интересное, ты не согласишься, но Айдан до сих пор уверен, что я тоже невинна! Я! — Кэйна рассмеялась вновь. — Нет, я с ним не спала. Только поцелуи. Да и так все выходит лучше, чем нужно. Конечно, я могу соблазнить его в любой момент, но придержу это на потом. Если в силу каких-то обстоятельств он будет удаляться от меня, придется это сделать. Хотя я терпеть не могу рыжих.

— Ну, вот тут ты преувеличиваешь. Милорд очень хорош собой...

— Знаешь ли. Я предпочитаю настоящих мужчин.

Понимая, что еще слово, и он не сможет сдержаться, Айан спешно пошел прочь от кухонной двери. Он услышал все, и даже более того, что ему хотелось бы услышать. Теперь оставалось самое сложное — скрыть бурю, которая последовала вслед за услышанным в его душе.

— ... Милорд!

Айан вздрогнул, и с трудом стряхнул остатки воспоминаний, обернувшись к караульному.

— Прибыл эрл Хоу, милорд. Его светлость настаивает на вашем присутствии.

В приемном зале, уступавшему размерами разве что тому, который был у короля, у большого очага стояли двое вельмож. Оба были уже в летах. На одном из них был расшитый золотом богатый камзол. На другом — запыленное дорожное платье. Однако, как видно, различия любого рода ничего не значили для этих двоих. Держались они так, как могут держаться только старые и очень хорошие знакомые, которых связывают не только дела, но и общее ратное прошлое.

— ... Коли так, полагаю, что твои солдаты скоро придут? — видимо, продолжая беседу, переспросил один из них.

Старый воин в дорожном платье слегка склонил седую голову.

— Я думаю, что они начнут подходить сегодня вечером, и завтра мы сможем выступить. Прошу прощения за задержку, милорд. Это моя вина.

— Нет-нет. Появление тварей на юге всех застало врасплох. Я сам получил приказ пару дней назад. С моими людьми я отправлю старшего, а мы с тобой поскачем завтра вдвоем. Как в старое доброе время.

— Верно. Только тогда мы были не такими седыми. И драться приходилось с орлесианцами, а не с... чудовищами.

— Да, но запах войны не изменился! — хозяин замка обернулся на звук грохнувшей боковой двери, пропустившей в зал высокого рыжего юношу. — А вот и ты, Волчонок. Хоу, помнишь моего сына?

Айан подошел к старшим и слегка поклонился — не меньше, но и не больше того, к чему обязывало его положение.

— Я вижу, он стал настоящим мужчиной, — эрл Хоу с одобрением оглядел статную фигуру молодого Кусланда. — Рад снова тебя видеть, парень. Моя дочь Делайла спрашивала о тебе. Я вот думаю, может, привести ее в следующий раз?

В памяти Айана всплыла высокая худая темноволосая девушка. Застенчивая до немоты, она была полной противоположностью Кэйне, с ее острым, как бритва, языком, и постоянной тягой к приключениям.

— Как вам будет угодно, эрл Хоу. Я не против.

— Вот и славно, — видя облегченные улыбки на лицах обоих седых вельмож, Айан понял, что его ответа и отец и его давний приятель ждали с некоторым напряжением. Похоже, Кэйна оказалась права. Его явно задумали женить, быть может, уже этой осенью. Что ж, оно и к лучшему. По крайней мере, он не будет больше попадать в истории с такими, как Кэйна. — Делайла все уши мне прожужжала, какой ты замечательный воин, — продолжал тем временем эрл Хоу весело переглядываясь с его отцом. — Парень, она определенно твоя поклонница!

— Впрочем, Волчонок, я позвал тебя по делу, — отец опустил руку на его плечо. — Помнишь наш разговор о том, стоит ли тебе идти с нами в поход? Так вот, я решил. Пока мы с твоим братом будем в отъезде, оставляю замок на твое попечение.

Айан бросил быстрый взгляд на прислушивавшегося к их беседе эрла Хоу и неслышно вздохнул.

— Отец, я сделаю все, что в моих силах.

— Хорошие слова! — отец еще раз улыбнулся, снимая руку с его плеча. — Здесь

остается лишь немногочисленная стража, а тебе придется поддерживать порядок в окрестностях. Знаешь пословицу: кот из дома, мыши в пляс. Да, и я хотел бы познакомить тебя кое с кем, — он обернулся к караульному. — Позовите Дункана!

В зал вошел высокий смуглый и чернобородый человек. При его появлении Айану сделалось вдруг не по себе. Чувства безопасности, защищенности и собственной силы, не покидавшие его с рождения, сменились глухой тревогой. Встретившись взглядом с чернобородым, сын тейрна отчего-то смутился и опустил глаза. Ни с того ни с сего пришло твердое убеждение — этот человек, несомненно, очень хороший воин, уж кого-кого, а воина видно всегда. Так вот этот человек обладает властью, непостижимой, способной вырвать его, Айана, из его привычного, уютного, домашнего мира и швырнуть... куда? Этого молодой Кусланд не знал. Но по мере того, как он находился в обществе странного гостя, дурацкая уверенность, что незнакомец прибыл сюда именно за ним, Айаном, росла совместно с уверенностью в том, что дойди до этого дело, отец — даже отец не сможет его защитить. Вот последнее уже было полной нелепицей. Выругав себя за глупые мысли, несомненно, навеянные его недавними душевными переживаниями, Айан направил горячую молитву Создателю с просьбой послать ему столько сил, чтобы никто из находившихся в комнате не догадался об обуревавших его чувствах.

Впрочем, никто, кроме чернобородого, на него и не смотрел. Эрл Хоу, казалось, был растерян.

— Ваша светлость не упоминали, что здесь будет Серый Страж.

Серый Страж. Теперь все встало на свои места. Оказывается, его беспокойство не было таким уж нелепым. Серый Страж мог отдать приказ — и никто, будь он хоть сын тейрна или сам король — не имел права отказать ему.

— Дункан прибыл только что без предупреждения, — отец пожал плечами. — А что тебя смущает?

— Ничего, — эрл Хоу уже овладел собой. Чувствовал он то же, что и Айан? Нет, навряд ли, Стражам нужны молодые и крепкие. Они редко берут стариков. — Разумеется, ничего. Но гостя такого ранга полагается принимать по определенным правилам. Я оказался в невыгодном положении.

Брайс Кусланд кивнул.

— Редко выпадает удовольствие видеть Серого Стража своими глазами, это верно. Волчонок, я надеюсь, твой учитель рассказывал тебе о них.

Не поднимая головы, чтобы не встретиться с испытывающим взглядом чернобородого, Айан ответил, стараясь, чтобы его голос звучал уверенно.

— Да, отец. Много лет назад Стражи одержали победу над порождениями Тьмы и остановили нашествие Мора на наши земли.

— Но боюсь, та победа была не окончательной.

Айан машинально посмотрел в сторону теперь только заговорившего Серого Стража и тут же попал под гипнотическое влияние его темных глаз. Отец же ничего этого не заметил. Казалось, то самое напряжение, которое создавало такое неудобство для Айана, существовало только между ним и чернобородым Дунканом.

— Все верно. Однако если бы они нас не предупредили, что порождения Тьмы возвращаются, половина страны была бы захвачена еще до того, как мы сумели среагировать. Сейчас Дункан ищет новобранцев, а потом со своими людьми присоединится к нам на юге. Мне кажется, он положил глаз на твоего товарища, сэра Гилмора, Волчонок.

— Не хочу показаться дерзким, но полагаю, что ваш сын тоже отлично подойдет.

Айана словно бы облили холодным кипятком — от макушки до самых пяток. Брайс Кусланд, впрочем, тоже казался несколько ошарашенным словами Стража.

— М...может это и почетно, — через силу проговорил он спустя какое-то время, пока все ждали его ответа. — Но ведь речь идет об одном из моих сыновей, — он обернулся к Айану, словно за поддержкой.

— Если мне дозволено будет выбирать, — отчаянно борясь с подавлявшей его волей чернобородого, почтительно ответил молодой Кусланд. — Я бы предпочел остаться со своей семьей.

— Видите, Дункан, — с видимым облегчением поддержал его отец. — Его это не привлекает. Так что если вы не воспользуетесь Правом Призыва...

Взгляд Серого Стража обжег Айана напоследок, а потом Дункан медленно, словно нехотя, отвел глаза.

— Вам незачем бояться, — с явным сожалением оттого, что упустил свою жертву, проговорил он. — Хотя нам и нужны новобранцы, я не собираюсь пускать в ход принуждение.

Отец и сын Кусланды переглянулись.

— Волчонок, постарайся, чтобы за время моего отсутствия Дункан ни в чем не нуждался.

— Конечно, — все так же вежливо принял к сведению Айан, вовсе не обрадованный тем, что после отъезда отца Серый Страж останется в замке, и с ним, вероятнее всего, придется иметь дела.

— Хорошо, — отец мотнул головой в сторону двери. — Сын, отправляйся наверх и передай Фергюсу, что он поведет войско один. Мы с эрлом Хоу выступим завтра. Я присоединюсь к вам, как только смогу убедиться, что уже ничем не смогу быть полезен нашим гостям.

Айан вновь склонил голову и, повернувшись, вышел. До самой двери он всей спиной чувствовал провожавший его взгляд Серого Стража.

Юный Кусланд отправился спать очень рано. Предыдущий день принес ему немало волнений, грядущий грозил еще большими, а вечера его обычно принадлежали Кэйне, с которой Айан еще не решил, что сделает — вышвырнет из замка или все же оставит на службе, где-нибудь на кухне. Воин, не уважающий своего командира — плохой воин, а Кэйна не уважала никого из Кусландов, и даже осмеливалась так бесстыдно трепать об этом языком с кухарками. Определенно, путь воина для нее был закрыт. Во всяком случае, в замке Айана. Но любая встреча не сулила ничего хорошего, и, чтобы не вводить себя в это искушение, Айан сбежал в свою комнату сразу после ужина, оставив для общества только боевого волкодава мабари по прозвищу Иеху, про которого говорили, что «он слишком умен, чтобы разговаривать». Иеху, чувствуя настроение хозяина, не стал приставать, и улегся у его кровати, выполняя свою обычную работу «сторожить». Потрепав его по голове, Айан сбросил с себя одежду и нырнул под покрывало. На сегодня с него всего было довольно.

Спал он тревожно, и снилась все какая-то гадость. Периодически из глубины его видений выплывали образы Кэйны, оголившей плечи и призывно подмигивающей, бледной и тощей Делайлы Хоу, смотревшей на него с ужасом и отвращением, и чернобородого Дункана, который с улыбкой людоеда пинками гнал связанного Айана по бесконечной и очень серой степи, навстречу кровожадно ухмылявшимся и потиравшим мерзкие лапы порождениям тьмы. «Не упрямься, — громовым голосом отдавал приказы Дункан. — Ты им тоже отлично подойдешь». Айан с ужасом смотрел на бесконечную, превышавшую своим числом все мыслимые и немыслимые пределы Орду самых отвратительных тварей, которых только могло бы создать его воображение, а чернобородый подгонял его все сильнее и сильнее. Наконец, добравшись до цели, он схватил Айана за волосы и со словами «Приветствуйте вашего нового вождя, отребье!» с силой швырнул Кусланда в лапы в единый миг взвывших тварей.

Айан сел на постели, потирая грудь. Увиденный им бред никак не хотел идти из головы. Занятый стряхиванием ошметков недавнего сна, он не сразу обратил внимание на поведение пса. Мабари у кровати уже не было. Он стоял у самой двери и, пригнув голову, негромко, но злобно рычал на что-то, очевидно, находившееся за ней. Прислушавшись, Айан различил какие-то неясные вскрики, как будто звон и звуки ударов.

Вскочив, юный Кусланд спешно обмотал бедра куском полотна, и рванулся было за мечом, когда дверь его комнаты распахнулась. На порог вскочил молодой слуга, подававший по утрам воду для умываний.

— На помощь, милорд! На замок напали...

Больше ничего сказать он не успел. Пущенная кем-то стрела навывлет пробила ему горло. Злобно гавкнув, Иеху перепрыгнул через труп, и ринулся в коридорную комнату, откуда слышались отчаянные крики и его яростный лай.

На пороге показался вооруженный человек. Не добежавший двух шагов до подставки с оружием Кусланд столкнулся с ним лицом к лицу. Узнав сына тейрна, воин коротко полоснул его мечом, но Айан легко увернулся от удара и, перехватив руку противника, уверенным движением вывернул ее. Еще в воздухе подхватив падающее оружие, Кусланд танцующе развернулся и, используя всю силу от этого движения, всадил короткий меч в живот противнику по самую рукоять.

Следующего он встретил уже собственным мечом. Пропустив нападавшего в комнату, Айан с силой грохнул дверью сунувшегося было за ним третьего, и, отбив довольно точный удар, едва не снесший ему голову, нырнул под меч. Ошеломленный столь неожиданно близким контактом с врагом воин отпрянул, и покрутившийся в умелой руке клинок страшно ударил — сверху вниз, наискось пронзив сердце. Противник еще падал, когда дернувшийся в сторону Айан пропустил мимо себя удар чьей-то булавы и, провернувшись на пятках, единым движением полоснул по незащищенному наплечниками горлу.

Путаясь в складках размотавшегося полотна, Кусланд выскочил из комнаты. В проходной валялся еще один труп, принадлежавший к той же группе, что и другие нападавшие. Иеху с рычанием терзал своими страшными клыками кого-то еще живого, но уже явно не жильца. Услышав окрик хозяина, мабари тут же отпустил свою жертву. Однако одного взгляда на этого легковооруженного лучника оказалось достаточно, чтобы убедиться — тот уже никому и ничего не скажет. Миг Айан стоял молча, соображая, что бы могло значить все то, что произошло. А в следующее мгновение тело отработанным движением прыгнуло к рывком открывшейся двери на лестницу.

— Стой! — тейрна успела вскинуть руку до того, как меч Кусландов в руках ее сына повторил тот самый страшный удар сверху вниз, от которого почти не было спасения. Айан с трудом сдержал руку, чувствуя мгновенно выступивший на лбу холодный пот от осознания того, что он чуть только что не сделал.

— Матушка! — он подхватил с пола размотавшееся полотно, но тейрне не было дела до его наготы. Она стремительно пересекла комнату и открыла дверь в покои его брата Фергюса. Мгновение спустя оттуда раздался ее стон, полный боли и отчаяния.

— Создатель, нет! Мой маленький Орен... Негодяи! Убить невинного ребенка!

Не веря своим ушам, Айан заглянул ей через плечо. Жена его брата и племянник валялись на полу, в лужах крови. Его мать, тейрна Элеонора стояла над ними, прижимая ладонь ко рту.

Однако все это продолжалось всего несколько мгновений. Тейрна стремительно выпрямилась и, шагнув из комнаты, прикрыла дверь.

— Чего ты ждешь, Айдан? Одевайся, живей!

Опомнившись, юный Кусланд бросился к себе. Пока он спешно натягивал кожаный доспех и вооружался, его мать стояла в дверях, привалившись к косяку. Теперь только Айан заметил, что она тоже была одета в доспехи. У ее бедра висел меч из легкой стали, уже вымаранный в чьей-то крови.

— Меня разбудили крики, — безжизненно произнесла тейрна, глядя, как ее сын затягивает кожаные ремни нагрудника. — В зале были люди. Я закрыла двери на засов. Ты видел их щиты? Это же люди Хоу! Но с чего им вздумалось напасть на нас?

— Он предал отца! — Айан натянул сапог и уверенным движением всадил в гнездо засапожный нож. — Вместо того чтобы вместе идти на помощь королю в Остагар, он дождался, чтобы брат увел все наши войска, и напал на замок! Получается, он нарочно задержал своих людей, чтобы Фергюс успел уйти подальше. Но зачем, матушка?

— Я... я не знаю, — тейрна мотнула головой, словно пытаясь таким образом отогнать все гнетущие мысли. — А ты... не видел отца? Он ведь так и не ложился.

— Я был в своей комнате, матушка, — Кусланд поднялся, выражая готовность идти. Тейрна кивнула.

— Внизу идет бой, сын. Мы должны пробиться в главный зал. Именно там я видела

твоего отца в последний раз.

Готовые ко всему, они спустились по лестнице во двор замка. Повсюду действительно шла жаркая схватка между солдатами Кусландов и людьми Хоу. По всему было похоже, что пока защитники одерживали верх. Все-таки охрана Хоу не была такой же многочисленной, как гарнизон оставленных в замке воинов. Однако, если войска эрла, отобранные будто бы в помощь королю, сейчас стояли под стенами замка, их прорыв вовнутрь был только вопросом времени. Судя по звукам, идущим из-за стен, все так и было.

— Быстрее, сын!

У самых дверей, ведущих в главный зал, их атаковали четверо мечников. Айан прыгнул им навстречу, заслоняя мать, однако, особого геройства тут не понадобилось. Защитники замка быстро разделались с этой группой. Ровесник Айана и его некогда товарищ по детским играм сэр Гилмор уверенно и четко руководил всем тем, что осталось от гарнизона. К тому моменту, когда тейрна и ее сын встретились с ним, он отправлял группу солдат на стены. Другая спешно укрепляла ворота замка всем, что попадалось под руку.

— Ваша светлость! Милорд! Я боялся худшего... Люди Хоу напали неожиданно. Мы успели закрыть ворота — вот и все, что нам удалось сделать. С теми, кто прорвался, мы уже почти разделались, однако, основное войско эрла — под стенами замка. Я... боюсь, мы долго не продержимся.

— Где мой отец?

— Тейрн направился в сторону кладовой. Он, как видно, ждал, что вы присоединитесь к нему там. Тейрн был едва жив от ран, когда я в последний раз видел его. Вам... вам лучше поспешить. Мы постараемся как можно дольше удерживать этих ублюдков.

Тейрна слегка склонила седую голову.

— Благослови тебя Создатель, сэр Гилмор.

— Да позаботится Создатель обо всех нас.

Рыцарь быстрым шагом направился к воротам, куда со всего двора продолжали собираться уцелевшие стражники замка Кусландов. Тейрна решительно мотнула головой, и они с сыном повернули в другую сторону. Некоторое время они петляли между построек, то и дело натыкаясь на тела, и, наконец, добрались до кладовой. Кладовая была устроена прямо в стене замка, противоположной от главных ворот. Почти у самого порога в луже собственной крови сидел Брайс Кусланд. С трудом повернув голову к ним, тейрн Хайвера улыбнулся бледными губами, но это все, на что его хватило. Он даже не смог пожать пальцев жены, с тревогой и болью склонившейся над ним.

— А вот и вы оба, — с усмешкой на заляпанном кровью лице, довольно спокойно просипел он, но и так было понятно, во что ему обходится такое спокойствие. — Я все ждал, когда же вы придете.

— О, Создатель, да что же здесь происходит! — в присутствии мужа тейрна Элеонора растеряла всю свою жесткость. Брайс сделал над собой усилие и, подняв руку, провел кончиками пальцев по ее щеке.

— Люди Хоу набросились на меня. Едва не прикончили... Ну ничего. Ему это не сойдет с рук! Король его...

Тейрн не договорил, поморщившись, и застонал сквозь стиснутые зубы. Тейрна Элеонора сильнее сжала его руку, с болью заглядывая в глаза.

— Брайс! Нужно выбираться отсюда, слышишь! Сын, — она резко обернулась к застывшему Айану, которому никак не удавалось справиться со своим жалостно кривящимся

лицом. — Отсюда за стену ведет потайной ход. Там, за бочками. Ты сможешь нести отца?

— Конечно, матушка, — рыжий потомок Кусландов решительно шагнул вперед, вкладывая меч в ножны.

— Нет, — тейрн покачал головой, отводя руки сына. — Это бесполезно. Мне уже не подняться. Мерзавцы Хоу вот-вот пробьются через ворота. Кто-то должен найти Фергюса и рассказать, что здесь произошло.

— Вот сам и расскажешь! — Айан присел перед Брайсом Кусландом, твердо глядя тому в глаза. — Отец, я всегда был послушен тебе. Так прости меня теперь, когда я тебя слушаюсь. Клянусь Создателем, я буду нести тебя до тех пор, пока мы не выберемся отсюда. А если... Они не получают и твоего тела! Так что умоляю тебя, хватит разговоров, и позволь мне...

— Боюсь, это невозможно.

Незаметно подошедший со стороны двери Серый Страж Дункан был заляпан кровью куда больше тейрна Брайса, но судя по тому, как он держался, вся кровь на нем была чужой. Он склонился над хозяином замка и, бегло осмотрев его раны, покачал головой.

— Я только что со стен. Люди Хоу еще не нашли этот ход, но они окружили замок. Пробраться мимо них будет непросто. И если вы собираетесь бежать, нужно торопиться.

— Дункан, — Брайс возвысил голос, напрягая последние силы. — Я знаю, вы ничем мне не обязаны... Но умоляю, выведите мою жену и сына в безопасное место!

— Выведу, ваша светлость, — чернобородый успокаивающе стиснул плечо тяжело дышавшего тейрна. — Но боюсь, мне придется попросить кое-что взамен.

— Что угодно!

Страж посмотрел на него, скользнул глазами по лицу тейрны Элеоноры и, наконец, остановил взгляд на присевшем в напряженной позе Айане. Несмотря на то, что происходило вокруг, тот снова почувствовал на коже холодный кипятик.

— Ваше несчастье бледнеет перед тем, что прорывается сейчас в наш мир, — твердо проговорил чернобородый. — Нас мало, и нам нужны новые Стражи. Я прибыл в ваш замок в поисках новобранцев. Исходящая от порождений тьмы угроза не позволяет мне уехать с пустыми руками.

— Я... я понимаю, — Брайс встретился глазами с сыном, но на этот раз не нашел в себе сил улыбнуться ему.

— Я доставлю тейрну и вашего сына в Остагар, — продолжал Дункан все тем же спокойным голосом. — Сообщу Фергюсу и королю о том, что случилось. А потом ваш младший сын Айдан вступит в Серые Стражи.

Айан отшатнулся от чернобородого. Он понимал, что поступает недостойно, показывая свои чувства, но был слишком молод, чтобы до конца удерживать себя в узде. Единственное, что он мог сделать, это опустить глаза в пол, чтобы не видеть обращенных к нему лиц. Он так и поступил.

— Если это нужно, чтобы справедливость настигла Хоу — я согласен.

Слова отца донеслись как через толстое шерстяное одеяло. Айан стиснул зубы, еще внимательнее разглядывая узор камней на полу. Дункан удовлетворенно кивнул, впервые напрямую обращаясь к нему.

— Итак, сим я предлагаю вам, Айдан Кусланд, вступить в ряды Серых Стражей, — видимо, исполняя часть какого-то ритуала, заговорил он. — Будем биться бок о бок с порождениями тьмы.

Возникла пауза.

— Я не хочу, — тихо проговорил Айан, когда молчать дальше уже было попросту нельзя. Он действительно никогда и ничего в жизни так мучительно не хотел. Молодой Кусланд понимал, что не время теперь было думать о себе, и с готовностью пожертвовал бы жизнью, будь на то необходимость, пусть даже немедленно. Но та жертва, которую от него требовали здесь и сейчас, внушала ему только страх и отвращение.

— Хоу считает, что этот хаос поможет ему возвыситься, — Брайс со стоном прижал руку к страшной ране на животе. — Волчонок, покажи ему, что он ошибается. Сделай так чтобы справедливость его настигла! Но в нашей семье долг всегда был превыше всего, — выражение горечи на его лице жарко тронуло сердце Айана. — Уходи ради себя и всего Ферелдена!

Айан с трудом расцепил плотно сжатые зубы.

— Хорошо, отец. Ради вас. Я согласен. Слышите? — он обернулся к чернобородому, глядя на него почти с ненавистью. — Я согласен!

— Брайс! — молчавшая до сих пор тейрна сжала руку мужа. — Ты уверен, что поступаешь правильно?

— Наш сын не станет жертвой вероломства Хоу. Он будет жить, и оставит след в мире!

— Нам нужно идти, — чернобородый поднялся, уже по-хозяйски положив руку на плечо молодого Кусланда. Выпад последнего он предпочел, видимо, проигнорировать. Во всяком случае, пока.

— Мальчик мой, иди с Дунканом, — тейрна Элеонора на миг прижалась к сыну, одарив его поцелуем. — Без такой обузы, как я, вам будет легче справиться.

Тейрн переменялся в лице.

— Элеонора...

— Не надо, Брайс, — его жена поднялась на ноги и, шагнув к двери, вытащила из ножен свой меч. — Мое место здесь, с тобой. И клянусь, чтобы выиграть для них время, я убью каждого ублюдка, который сунется в эту дверь! Сын, — Айан поднял на нее глаза, зеленые, как у нее самой. — Отныне твое место — среди Серых Стражей. Не мешкай. Уходи быстрее, пока еще есть время!

Далекий грохот, казалось, прокатился по всему замку, заставив стены вздрогнуть. Все одновременно поняли, что он мог означать.

— Они прорвались через ворота! — Дункан, как показалось Айану, бесцеремонно толкнул его в спину. — Нужно уходить!

— Прощай, любовь моя!

Бросив последний взгляд на обреченных родителей, Айан Кусланд вскочил и вслед за Стражем бросился в темноту кладовой.

Командор Серых Стражей задумчиво разглядывал своего свежего рекрута, с таким трудом уведенного им из замка Кусландов. Над северным Ферелденом стояла тихая и теплая ночь. Уже четыре солнца поднялось и зашло с того самого времени, когда, милостью Создателя выскользнувшие незамеченными из осажденного замка, Дункан и молодой Айдан Кусланд пробирались на юг, туда, где у руин Остагара стояла армия короля. Дункан торопился в Остагар и не торопился с юношей. Прежде, чем начать говорить с ним о долге, Командор хотел сначала понять, что такое был на самом деле сын тейрна Хайвера. Тем более, похоже на то, что Айдан Кусланд совсем не намерен был ему в этом помогать.

Дункан появился в замке Кусландов так вовремя конечно, не случайно. Айдан попался ему на глаза на королевском турнире несколько месяцев тому назад. Ловкость, с которыми молодой еще парень обращался с мечом, и даже двумя мечами сразу поневоле привлекли внимание Командора. Ровно как и его физическая сила, больше приличествующая косситам, а не обитателям северного Ферелдена. Одним ударом щита юный Кусланд опрокидывал на землю воинов старше и опытнее себя, мог драться сразу с тремя и с пятью, с пешими и конными, и в целом, было видно, что его светлость немало сил потратил на воинскую сноровку сына. Пользуясь статусом гостя короля и умея оставаться незамеченным, когда того требовали обстоятельства, Дункан смог немало пронаблюдать за Кусландами и после турнира на приеме. Айдан умел держать себя в обществе, был учтив и почтителен ко всем, к кому обязывало положение, так же как и к тем, к кому оно ни к чему его не обязывало. Во всяком случае — внешне. Последнее, по крайней мере, говорило о здравости его рассудка, несмотря на юный возраст. В целом Айдан произвел довольно сильное впечатление на Командора, а своим ощущениям тот привык доверять. Вот почему, завершив дела и отобрав показавшихся ему достойными рекрутов, Дункан отправился к Кусландам в последнюю очередь. Не без оснований он опасался, что в случае с рыжим отпрыском столь благородного семейства могут возникнуть трудности. И, как показало время, он не ошибся.

Тем временем Кусланд занимался тем же делом, что и обычно во время непродолжительных ночных стоянок перед сном: оторванным от подола рубахи куском полотна протирал оружие и доспех. На Серого Стража он смотреть избегал, безропотно исполняя его приказы, но никогда не обращаясь к Дункану первым. Командор не до конца понимал причину такого отношения. До сих пор все, кого он отбирал, считали честью оказанное им доверие и изо всех сил старались, чтобы их взяли в Стражи, а не наоборот. Возможно ли такое, чтобы он ошибся в выборе? Нет, такого с ним еще не случалось. Значит, дело в отношении самого Айдана. Привыкнув иметь дело со зрелыми и знающими, чего они хотят рекрутами и Стражами, Дункан все же представлял себе, что такое мальчишеское упрямство. Внутреннее чутье указывало на то, что сын тейрна со временем станет хорошим Стражем. Но это — со временем. Сейчас же необходимо было убедить его, что свершившееся должно было свершиться. Не больше и не меньше. Но как? Этого Командор пока еще не знал.

Прямота — не лучший помощник в таких делах, но все попытки подойти к Кусланду в обход натыкались на вежливые ответы, не имевшие ничего общего с целью начинаемого разговора.

— Мне хочется знать, отчего ты так сильно настроен против вступления в наш орден, —

решив, что дольше оттягивать разговор все равно нельзя, выговорил Дункан. Против ожиданий, Кусланд повернул к нему голову почти сразу. Правда, перед тем, как заговорить, видимо, долго размышлял, подыскивая слова.

— Есть множество причин. Вы обманули моего отца. Он отдал меня вам в обмен на спасение моей жизни. Но ее не было нужды спасать... с вашей помощью. Из замка мог выбраться я и сам.

Голос Кусланда звучал почти спокойно. Видно, что за эти несколько дней он не раз проигрывал в голове этот разговор. Командор поднял бровь.

— Да, есть еще причина, и она важнее первой, — юноша вскочил и вплотную подошел к чернобородому. Видно было, что этот разговор был нужен и ему тоже и, не признаваясь себе, он все же давно его ждал. — Я не знаю, что вы делаете с людьми, чтобы превратить их в Серых Стражей. Но не сомневаюсь, что что-то... сложное. Ведь понятно, что будь это не так — орден не держал бы в секрете... сам процесс, и всех без исключения людей можно было бы сделать подобными вам. Это так?

Дункан помедлил и кивнул.

— К сожалению так, Айдан. Могу даже сказать — этот, как ты его называешь, процесс — не из приятных. Тебя это пугает?

— Меня не пугает боль, если вы об этом.

— Тогда что?

Юноша резко отвернул голову в сторону, прикусывая щеку. Командор спокойно ждал продолжения. Все указывало на то, что момент для разговора он выбрал крайне удачно.

— Мой отец, — наконец через силу и даже некоторое смущение выговорил Айдан, — отпустил меня с вами и потому, что он не желал, чтобы наша семья осталась без наследников. Мой брат Фергюс, быть может, уже погиб. Я хочу знать... правду. После того, что вы со мной сделаете, я смогу... Я хочу сказать... смогу продолжить свой род?

Впервые за беседу Дункан широко усмехнулся сквозь усы.

— А если я скажу тебе «нет», ты сбежишь от меня тотчас же ночью? Успокойся, — понимая, какое впечатление могли оказать его слова, поспешил уверить он. — С этим все останется в порядке. Наследники у тебя будут. Разумеется, если нам удастся остановить Мор, а ты найдешь себе невесту.

Сын тейрна, как казалось, облегченно вздохнул, после некоторого колебания, опускаясь рядом. Это была победа. Не совсем полная и окончательная, но все же победа. Необходимо было закрепить ее. Дункан протянул руку и с силой сжал крепкое плечо.

— Прости, что пришлось обмануть твоего отца, — негромко попросил он. — Но когда я обещал свою помощь, я не знал, что она не понадобится. Я вынужден был забрать тебя по принуждению. Но таков долг Серого Стража. Нас очень мало, а порождений тьмы все больше. Если мы будем брать только добровольцев... они победят. Ты ведь понимаешь, что будет тогда?

— Королевские войска уже провели несколько боев с порождениями Тьмы. Именно здесь на нас двинутся основные силы Орды. Серых Стражей сейчас в Ферелдене немного. Не все, кто есть — в Остагаре. Мор должен быть остановлен здесь и сейчас. Если он распространится на север — Ферелден падет.

Айан внимательно слушал Дункана, после вчерашнего разговора с которым ему сделалось легче воспринимать того, как командира. Однако при этом он не забывал смотреть по сторонам. Ибо по сторонам действительно было, на что посмотреть.

Остагар, до руин которого они добрались-таки на четвертый день ближе к полудню, даже в том виде, в котором он сохранился, поражал своей красотой и величием. Айан с восхищением разглядывал гранитные стены, раза в три повыше, чем в его родовом замке, мощные оборонительные сооружения, величественные колонны и каменную резьбу. Даже ярко выраженным следам запустения, глядевшим отовсюду, не удавалось испортить впечатление от того великого творения разума и рук, каким был Остагар.

— Уже близко, — указывая на огромную каменную арку впереди, обнадежил рекрута Дункан. — Сейчас пройдем мост, а за мостом уже лагерь. Там мы, наконец, сможем поесть.

Последнее было бы совсем нелишнее. Айан давно чувствовал свой живот прилипшим не к спине, а к шее.

Когда они уже были возле арки, к ним навстречу выступили высокий светловолосый молодой человек в самом лучшем доспехе из тех, которые когда-либо доводилось увидеть Айану, под охраной двух латных рыцарей. Он приветственно поднял руку. Через мгновение только в сознание Кусланда толкнулось узнавание — перед ним был король.

— Приветствую, ваше величество, — Дункан не стал припадать на колени и Айан, сделав над собой усилие, тоже остался на ногах. — Признаться, я не ожидал...

— Что сам король выйдет тебе навстречу? — король Кайлан радостно улыбнулся Командору Серых Стражей. На не проявление почтительности он не обратил внимания вовсе, из чего Айан сделал вывод, что либо война сделала короля Кайлана равнодушным к церемониям, либо, что вероятнее, Серые Стражи могли их не придерживаться.

— Тебя давно не было, Дункан, — тем временем продолжал король, обменявшись пожатием рук с Командором Серых Стражей. — Я уж боялся, ты решил пропустить такую потеху, которая скоро здесь начнется.

— Кто, я? — добродушно улыбнулся тот. — Да ни за что на свете, ваше величество!

— Значит, я все же выйду в битву бок о бок с могучим Дунканом? Великолепно! От Стражей я узнал, что ты отлучался в этот раз за весьма одаренным рекрутом. Я так понимаю, это он?

Айан поклонился.

— Ваше величество, разрешите представить...

— Не нужно, Дункан, — король подошел вплотную, вглядываясь в лицо юноши. Потом поднял взгляд на его рыжую шевелюру, и вспомнил. — Ты младший сын Брайса, верно? Мы ведь встречались раньше.

— Да, ваше величество, — молодой Кусланд не опустил глаз под пристальным взглядом короля. — Мое имя Айдан.

— Твой брат с отрядом солдат Хайевера уже прибыл в лагерь, но твоего отца еще нет.

Айан переглянулся с Дунканом.

— Не ждите его, ваше величество. Мой отец погиб, когда был захвачен наш родовой замок.

— Погиб? Что ты имеешь в виду? — король недоуменно обернулся к Командору. — Дункан! Ты что-нибудь об этом знаешь?

Чернобородый утвердительно склонил голову.

— Ваше величество, тейрн Кусланд и его жена убиты. Эрл Хоу предательски захватил замок Хайевер. Если бы мы не бежали из замка, он убил бы и нас, а потом придумал бы какую-нибудь убедительную историю.

С каждым словом Командора лицо короля все больше чернело от гнева.

— Я... просто поверить не могу, — запинаясь от бешенства, наконец, выговорил он. — И как эрл... мог подумать... что ему сойдет с рук такое предательство? — он взял себя в руки и закончил более спокойно. — Как только закончится битва, я поверну войско на север и предам Хоу правосудию. Слово короля!

Айан поклонился еще раз.

— Благодарю, ваше величество.

Кайлан помолчал. Помолчали и остальные. Наконец, король дружески положил руку на плечо молодого Кусланда.

— Ты, конечно, хотел бы повидаться с братом, — благожелательно предположил он. — К сожалению, он со своим отрядом отправился на разведку в Дикие земли. Боюсь, он вернется не раньше, чем закончится бой. До тех пор мы не можем даже связаться с ним. Прости, но сейчас я ничего не могу сделать для тебя. Разве что предложить, чтобы ты выместил свое горе на порождениях Тьмы.

— Мне достаточно будет знать, что эрл Хоу расплатится за свое предательство.

Король хлопнул Кусланда по плечу и с сожалением отвернулся от него. Видно было, что он с удовольствием провел бы больше времени в обществе Серых Стражей.

— Жаль прерывать нашу беседу, но мне пора возвращаться в шатер, — он вздохнул. — Тейрн Логейн с нетерпением ждет возможности заморочить меня до полусмерти своими тактическими выкладками.

— Твой дядя шлет тебе наилучшие пожелания, — вмешался Дункан, до сих пор помалкивавший. — Он напоминает, что войско Редклифа может прибыть сюда меньше, чем за неделю.

— Ха! Эамон просто хочет примазаться к нашей славе, — король покачал головой. — Мы выиграли уже три битвы с этими чудовищами, а завтра выиграем и четвертую! Я даже не уверен, что это — настоящий Мор. Порождений тьмы на поле боя хватает, но увы, мы еще пока не видели архидемона.

— Вы разочарованы, ваше величество?

Король улыбнулся.

— Я мечтал, что это будет такая война, как в старинных сказках. И король плечом к плечу с легендарными Серыми Стражами ринулся в битву с мерзостным богом тьмы! Что ж, придется мириться с тем, что есть, — он вздохнул. — Мне надо идти, пока Логейн не выслал людей на поиски. До встречи, Серые Стражи.

Дункан и Айан поклонились. По знаку Командора, Кусланд задержался, давая Кайлану и его охране уйти далеко вперед. Они же со Стражем пошли медленно, едва передвигая ноги, зато имея возможность поговорить без свидетелей.

— Король сказал правду, — произнес Дункан, как только убедился, что их никто не может слышать. — Здесь было одержано несколько побед над порождениями Тьмы.

Однако в голосе его особого воодушевления не было. Кусланду это было понятно.

— Победы победами, но орда порождений тьмы растет, — тем временем продолжал Дункан, неспешно прогуливаясь по направлению к лагерю.

— Слова короля заставляют сомневаться в том, воспринимает ли он всерьез порождений тьмы, — негромко сказал Айан. И, видя, что Страж ждет продолжения, пояснил. — Я точно не осведомлен, сколькими именно силами сейчас располагает король Кайлан здесь, в Остагаре, но из того, что мне довелось услышать — люди эрла Эамона не успевают к битве, а что касается отряда эрла Хоу, довольно многочисленного, он вообще не придет. Рассчитывает ли король свои действия с учетом того, что армия будет ослаблена на такое значительное количество солдат?

— А что бы предложил ты?

— Я бы предположил худшее, — не смущаясь под испытывающим взглядом Дункана, Айан повел плечом. — Что нас намного меньше, чем порождений тьмы, и на месте короля укрепился в Остагаре и завалил тропу, которая соединяет южный и северный берега. Насколько мне известно, другого пути на север нет. Мы бы выиграли несколько дней, чтобы подошли подкрепления от эрла Эамона и других опоздавших, и... вы говорили о Серых Стражах Орлея?

Дункан невесело улыбнулся.

— Все же я не ошибся в выборе, мой мальчик. Тебе не нужно ничего объяснять. К сожалению, король не хочет прислушиваться к моим доводам. Он высоко ценит Серых Стражей, но все же не настолько, чтобы внять голосу осторожности. Взамен он верит, что легенда, которая окружает Серых Стражей, делает его неуязвимым. Однако, в Ферелдене не так много Серых Стражей. Остается одно — делать то, что в наших силах и ждать войск тейрна Логейна. Так что не будем тянуть с ритуалом посвящения.

Айан промолчал.

— Сейчас в лагере поешь и отдохнешь, но не более часа, — Дункан остановился перед огромным мостом, соединявшим два берега Ферелдена. — Когда будешь готов, найди мой шатер. В лагере есть Страж, его имя Алистер. Если меня не будет на месте, он введет тебя в курс дела. Помимо тебя у нас еще двое рекрутов. До начала битвы нужно будет успеть завершить ритуал для вас троих.

Айан доел третью миску каши и зажевал приложенный к ней лист салата. Поймал вопросительный взгляд повара и отрицательно покачал головой. К удивлению больше в него не лезло, хотя изначально он был уверен, что способен съесть все, что было в общем котле. Лагерь армии короля ему нравился — он был разбит по всем правилам в очень удачном месте. Кайлан ухитрился поднять под свои стяги очень многих, которых ранее вообще трудно было бы вообразить стоящими плечом к плечу. Чего только стоили храмовники, прогуливающиеся в своих меченых доспехах неподалеку от палаток магов Круга! Айану несмотря на то, что ему доводилось не раз бывать в столице, раньше не приходилось видеть такого скопления магов в одном месте. Как, впрочем, и служителей Церкви. Он уже успел побывать и у псарни, где несколько десятков волкодавов мабари, особых особей крупнее оставленного в замке Иеху, готовились к своей последней битве. Айану объяснили, что в случае победы собак все равно умертвят, так как те неоднократно пробовали на клыки плоть порождений тьмы, и скверна уже поразила их тела. Вдоволь налюбовавшись на солдат со всех концов страны, и перекинувшись словами с очень многими, молодой Кусланд отправился, наконец, утолять свой голод. Несмотря на общую обстановку тревожности окружавших его людей и собственный страх перед таинственным ритуалом посвящения, Айану здесь нравилось. Кроме медной шевелюры, не свойственной для человеческих жителей Ферелдена в принципе, хотя и встречавшейся, ничего более его не выделяло. О том, что он — сын тейрна, знали только он, Дункан, и сам король. Остальные обращались к нему как к простому солдату, пусть даже благородных кровей, и Айану такое было неожиданно по душе. Он даже стал раздумывать о том, чтобы, когда все кончится, и права его семьи на родовые земли будут восстановлены, не возвращаться в замок, оставив титул тейрна Фергюсу, а самому... Быть может даже, судьба была права, бросив его в орден Серых Стражей?

На этой крамольной мысли, Айан поднялся и, поблагодарив дарующих яства, отправился на поиски палатки Дункана. Ее он нашел довольно быстро. О том, где был разбит шатер Стражей, знали все. Возле палатки на обломке камня сидел высокий, не ниже Айана, коротко стриженный светловолосый воин и что-то делал с ножами от меча. Сам меч лежал на куске полотна у его ноги.

Когда на него упала тень от подошедшего близко Кусланда, воин поднял голову. Айан увидел, что этот парень старше его самого самое большее на год. У воина было довольно приятное лицо, причем лицо его показалось Кусланду как будто бы знакомым. Должно быть, светловолосый был отпрыском благородных кровей, во всяком случае, его черты не были свойственны тем, которые в большинстве своем встречались у простолюдинов. Чем дольше вглядывался в лицо этого парня Айан, тем сильнее крепла в нем уверенность — еще чуть-чуть, и он даже сможет назвать, из какой благородной семьи был этот человек.

Однако долго разглядывать себя и размышлять на эту тему тот не дал. Отложив ножны, светловолосый поднялся и протянул руку.

— Я уверен, ты — Айдан Кусланд, про которого говорил Дункан. Я — Алистер, новообращенный Серый Страж. Рад знакомству.

Как того требовал обычай, Айан положил руку поверх протянутой к нему руки и на миг почувствовал крепкое пожатие Стража. Однако после пожатия Алистер его не отпустил, а

отвел голову, будто бы присматриваясь.

— Вряд ли, конечно, но все-таки должен спросить. Ты, случаем, не маг?

Айан поднял брови.

— Это сильно осложнило бы тебе жизнь?

— Да нет, — Серый Страж отпустил его руку и рассмеялся. — Просто прикидываю свои шансы ни с того ни с сего превратиться в лягушку.

Айан улыбнулся. Всегда встречались люди, которые жить не могли без шуток. Похоже, Алистер был из их числа. И, в отличие от большинства шутников, он, что было крайне важно, не вызывал никакого раздражения.

— Дункан весьма похвально отзывался о тебе, — Алистер снова присел на камень и взялся за ножны. — Откровенно говоря, он отправился в Хайевер только затем, чтобы привезти тебя сюда. Тут еще двое рекрутов. Как младший член ордена я буду сопровождать вас во время подготовки к посвящению.

— Сопровождать? Куда? — не понял Айан, присаживаясь рядом прямо на землю. Если с присутствием Дункана в своей жизни он смирился, то Алистер сразу же завоевал его расположение. Немаловажную роль тут, видимо, сыграл и возраст самого Стража, с которым сын тейрна был ровесником.

— Дункан расскажет, когда подойдут остальные, — Алистер починил, наконец, застежку на ножнах и, приладив ее ремень через плечо, застегнул на груди. После чего почти нежно поднял с земли меч и вложил его в ножны за спину.

— Вот мне интересно, — неожиданно обратился он к Айану, уже решившему, что Страж утихомирился, а потому сунувшему в рот соломинку. — Ты когда-нибудь сражался с порождением тьмы?

Кусланд выплюнул траву.

— Нет, а что?

— Когда у меня был первый в жизни бой с порождением тьмы, я оказался не готов к тому, как чудовищно выглядела эта бестия, — Алистер кивнул, подчеркивая свои слова. — Не сказал бы, что я предвкушаю новый бой с таким противником.

В памяти Кусланда всплыли события двухлетней давности, когда в ответ на жалобы крестьян, сообщавших о нападениях болотной гидры, тейрн Брайс отправил отряд, который в первый раз в жизни самостоятельно вел его младший сын. Они убили тварь без потерь, ценой только трех раненых, но испуг при виде показывавшейся из ночной трясины мерзости остался в душе Айана на всю жизнь.

— О, а вот и они, легки на помине, — Алистер качнул кистью в сторону двух подходивших к шатру воинов. — Странно, что Дункана еще нет. Представляю, как ему не терпится начать.

Айан скорчил неопределенную гримасу, но промолчал. Ему пришлось подняться, чтобы поприветствовать еще двоих рекрутов Серых Стражей.

Эти двое были постарше, чем Страж Алистер. Низковатый лысеющий мужчина средних лет показался Айану рыцарем, выбившимся из простолудинов. Зато второй, среднего роста и худощавый, должно быть, был отлично незаметен в толпе.

— Приветствую! — еще издали поздоровался рыцарь, доброжелательно скрещивая руки на груди. В ответ Айан слегка наклонил голову.

— Ты, как я полагаю, еще одна жертва вероломства Серых Стражей, любыми способами затягивающих к себе новых рекрутов?

Кусланд слегка опешил. Он не ожидал, что еще кто-нибудь здесь поймет его чувства так быстро.

— Не слушай Давета, — лысеющий рыцарь махнул рукой на худощавого. — Быть избранным Серыми Стражами — большая честь!

— Ага, особенно если тебе не дают выбора.

— У тебя был выбор — идти в Серые Стражи или болтаться на веревке, — Алистер пожал плечами, явно не обрадованный таким поворотом разговора. — И ты сам его сделал. Чем ты недоволен?

Худощавый Давет подмигнул Айану, у которого отчего-то резко улучшилось настроение.

— Серые Стражи меня не искали — я сам их нашел, — сверкнув зубами, поведал он. — Срезал в толпе кошелек у Дункана. Он схватил меня за руку, я вырвался и побежал. Он — за мной. Бегают старики о-го-го, но сцапали меня все равно стражники. Они хотели меня повесить, но вмешался Дункан. Объявил право Призыва и... короче, мне показалось, это лучше, чем болтаться на веревке. Когда я уходил с Командором, показал стражникам фигу. Скажу вам, оно того стоило!

— Сам видишь, кто он такой, — рыцарь хмыкнул. — Я — сэр Джори, из Редклифа. Но Дункан нашел меня в Хайевере. Это город на северном побережье. Ты там бывал?

— Я там родился, — не стал вдаваться в подробности Айан. Сэр Джори покивал.

— О, тогда ты знаешь, какое это замечательное место. Ну, так вот, я был в свите эрла Эамона на погребении короля Мэрика. И потом в Хайевере я познакомился со своей Хеленой. Она поразила меня в самое сердце. У моей Хелены такие красивые глаза! С тех пор я под любым предлогом старался вернуться туда. Мы поженились год назад. Эрл Эамон отпускал меня служить в Хайевер, но я пытался убедить Хелену уехать со мной жить в Редклиф. А потом меня призвали Серые Стражи.

Айан попытался припомнить этого рыцаря. Но не сумел.

— А как тебя нашли Серые Стражи? — любопытствовал он. Впрочем, в вопросах не было нужды, сэр Джори и так был достаточно словоохотлив.

— В прошлом месяце в Хайевер приехал Дункан и банн устроил турнир в его честь. Я стал победителем. Признаться, я уверен, это судьба.

— С какой стати? — подал голос худощавый карманник, который явно скучал, выслушивая восторги товарища по призыву.

— Да потому, что до меня трижды турниры в Хайевере выигрывал Айдан Кусланд, младший сын тейрна Брайса. Сам я не видел, но говорят, во всяком случае, на мечях его побить очень сложно. Я не надеялся на победу, разве что на почетный щит. Но за день до начала турнира на милорда Кусланда напала стая диких собак. Не знаю, в чем там точно было дело, но в турнире участвовать он не смог. И скажите теперь мне, что это не веление свыше — попасться на глаза Дункану как победитель!

— Да, действительно, — не стал спорить Кусланд, и, видя обращенные на него взгляды, нехотя пошел на откровенность. — Отец отдал меня Дункану в ответ на важную услугу с его стороны.

— Услугу?

— Воспользоваться ею его отцу не довелось, — раздалось за их спинами. Увлеченные разговором, они не заметили, как подошел чернобородый Дункан. — Айдан очень зол на меня. Он полагает, что я преднамеренно обманул его отца. Я прав, Айдан?

— Уже нет.

— Нет? — Дункан поднял брови.

— Нет, — Кусланд пожал плечом. — Теперь я не вижу в этом смысла.

Командор Серых Стражей обернулся к остальным.

— Позвольте внести ясность: вы не добровольцы. Призваны вы в орден, или пришли сами — не важно. Вы были выбраны потому, что это необходимо. Дороги назад нет. Поэтому, соберите все свое мужество. Оно вам понадобится.

Он помолчал.

— Вы вчетвером отправитесь в дикие земли на юге, чтобы выполнить два задания. Первое — добыть три пузырька свежей крови порождений Тьмы, по одной на каждого рекрута. И второе. Недалеко отсюда в диких землях есть... была застава Серых Стражей. После того, как мы вынуждены были сдать тут позиции, был утерян архив, который сейчас представляет для нас большую ценность. Не так давно стало известно, что там могли остаться некоторые свитки, защищенные магическими печатями. Алистер, я хочу, чтобы вы достали эти свитки — если сможете.

— Если эти свитки еще там, мы принесем их, Дункан.

— Вы должны понять — это очень важно. В тех свитках — соглашение о взаимной помощи. Очень скоро они могут прийти очень кстати, — Дункан вздохнул. — Времени у вас на все про все сегодня до полуночи. Застава Стражей не далее, чем в двух часах пути отсюда. И столько же на обратную дорогу. Два-три часа, если что-то задержит вас в дороге. Но помните, до полуночи вы должны вернуться. Ты понял, Алистер? Береги своих подопечных.

— Будет исполнено.

— Собирайтесь, — отдал приказ новообращенный Страж, после того, как Дункан отошел снова — в сторону разбитого в отдалении королевского шатра. — Выступаем через полчаса.

— Так тебя зовут Айдан? — интересовался сэр Джори, пока они, поминутно озираясь, быстрым шагом мерили старую дорогу в земли Коркари, поросшую зеленым разнотравьем. — Я слышал, Дункан называл тебя так. Мы ведь не успели узнать твоего имени.

— Друзья зовут меня Айаном.

— Так нам-то тебя как звать?

— Зовите, как я сказал, — Айану хотелось подольше оттянуть момент, когда товарищи узнали бы о его происхождении. Хотя он и понимал, что вечно скрывать это у него не получится.

— И то верно, — вмешался Давет, придерживая ветку, чтобы она не шибанула по лицу идущего следом за ним Алистера. — Айдан — слишком вычурно. Больше подходит для благородных. Хотя... ты ведь тоже из них? Что-то такое проскальзывает у тебя через всю физиономию. Так все-таки, благородный? Или бастард? Я голубокровных нутром чую.

— Что ж ты не почуял этого в нем раньше? — добродушно поинтересовался Алистер, не забывая прислушиваться, приглядываться и в целом следить за дорогой. — К чему тогда твои вопросы?

— О чем хочу, о том и спрашиваю, — огрызнулся Давет, приостанавливаясь и делая знак другим. — Погодите. Там кто-то есть!

Они постояли, прислушиваясь. Однако густо поросшие лесом южные земли не располагали к тому, чтобы толком что-либо расслышать в том шуме, который не стихал в них ни днем, ни ночью. Алистер досадливо махнул рукой в произвольном жесте.

— Пойдем дальше. Будьте начеку.

Они и без того были начеку. Однако несколькими десятками шагов позже выяснилось, что, по крайней мере, здесь в этом не было особой необходимости. Заросшая лесом дорога привела их на вытоптанную поляну, через которую со стонами ковылял безоружный человек в заляпанных кровью доспехах. Завидев выходящий из леса отряд, воин издал невнятное восклицание и ускорил шаг.

— У вас есть лечебная настойка? Хоть немного? Я прошу вас!

— У меня есть в сумке настойка и бинты, — Алистер снял с плеча дорожный мешок и принялся там копаться. Айан и сэр Джори, усадив раненого на траву, осторожно снимали с него продырявленный доспех и исподнюю рубаху, липшую к ранам и причинявшую воину сильную боль. Тот терпел молча, изредка постанывая сквозь стиснутые зубы.

— Это сделали порождения тьмы? — закончив промывать раны из походной фляги и наложив бинты, спросил Алистер, когда все было кончено. Воин глотнул из пузырька с лечебным снадобьем и благодарно кивнул.

— Да, Страж. Они напали на наш отряд. Вылезли прямо из-под земли! Мы... не успели опомниться. Многие из нас были убиты на месте. Мы сражались с ними, но их как будто прибывало с каждым убитым. Мне удалось уцелеть только чудом!

— Ты дойдешь сам до лагеря? — Алистер убирал бинты в сумку. По его лицу трудно было понять, как подействовали на него эти слова.

— Да! Большое спасибо вам, — с помощью Айана раненый поднялся на ноги. — Я буду упоминать вас в своих молитвах!

Они провожали воина взглядами, пока тот не скрылся из виду. Потом переглянулись между собой. Сэр Джори не выдержал первым.

— Вы слышали? Они перебили весь патруль! А ведь это были опытные солдаты!

Алистер поднял бровь.

— Спокойнее, — ровно посоветовал он. — Если мы будем осторожны, все пройдет хорошо.

— Эти солдаты тоже были осторожны, и что с ними случилось? Сколько порождений тьмы мы сможем перебить вчетвером? Сотню? В этих лесах их целая орда!

— Да, тут есть порождения тьмы, но уверяю, орда нам не встретится, — тон Серого Стража был таким же ровным, словно он не стоял посреди враждебного леса, ожидая, что в любой момент из чащи вылетит стрела или выскочит какой-нибудь зубастый ужас.

— Откуда нам знать? Я не трус, но это глупо и безрассудно! Давайте вернемся!

— По-моему, ты говоришь, как трус, — не выдержал Айан, обтирая кровь с рук об древесный ствол. На него сильного впечатления вид раненого не произвел. После того, что он видел в своем родовом замке, особенно.

Рыцарь, казалось, был обескуражен.

— Я... я просто хочу уцелеть. У меня беременная жена! И... я же не сбежал, ведь так?

Алистер шагнул между ними.

— В страхе нет ничего постыдного, — примирительно сказал он. Айан почувствовал, что новообращенный Страж на самом деле далеко не так спокоен, и что в роли старшего группы чувствует себя не в своей тарелке. Однако, старался он изо всех сил, и, похоже, никто кроме Кусланда его истинного состояния не понимал. — Мало кто способен радоваться встрече с порождением тьмы. Я уж точно не из таких.

Айан пожал плечами и вытер остатки крови листьями.

— Я этого не говорил.

Алистер поблагодарил его взглядом.

— Могу сказать, что все Серые Стражи издавна чувствуют порождения тьмы, — сказал он вслух. — Им не захватить нас врасплох. Вот почему я пошел с вами.

— Видишь, сэр рыцарь, — Давет ухмыльнулся, проверяя, легко ли выходят из ножен его клинки. — Может, мы и помрем, но сначала нас об этом предупредят.

— Пошли, — Айан напоследок потер ладони о шерстяные обметки сапог. — Мы еще не добрались, а уже вот-вот пора будет возвращаться.

... Лес не кончился, но перешел в перелески, утопавшие в болоте. Вечерело, и множественные насекомые вносили свою лепту в общий гомон, стоявший над дикими землями. Земля под ногами уже долгое время была мокрой и влажной, и смачно чавкала, стоило сойти с тропы. Сэр Джори уже дважды попадался в коварные объятия болота, из которых тащить его приходилось общими усилиями сразу трех мужчин. К тому моменту, как в трясину провалился Айан, все уже были заляпаны грязью по самые брови, уставшими и такими злыми, что вполне могли сами сойти за порождений тьмы для неискушенного зрителя. По крайней мере — издали.

— Мы почти пришли, — Алистер указал вперед, на видневшиеся далеко, чуть ли не на горизонте, руины какой-то башни. — Это должно быть там.

— А ведь нам еще обратно идти, — негромко подсказал Давет, снимая с плеча Айана длинную ленту мокрицы. Сэр Джори жалостливо поморщился.

— Надеюсь, свитки окажутся там. Зря, что ли, мы тащились в такую даль по болоту? И

как быть с первым заданием Дункана? Никаких порождений тьмы мы еще не...

Договорить он не успел. В воздухе свистнуло, и Айан, мгновенно пригнувшись, пропустил что-то зеленое и мерзкое, целившее ему, видимо, в горло, но безобидно прокатившееся по спине под ноги остальным. Алистер первым полоснул тварь своим клинком, другие присоединились спустя мгновение. Сердца их не успели сделать и по десятку ударов, когда сменившая цвет с зеленого на красный непонятная тварь замерла на земле, похожая на рваные тряпки.

— Ты же говорил, что издали их чуешь! — почти взвизгнул сэр Джори, прыгнув к Алистеру. Серый Страж нарочито спокойно присел и вытер клинок о зеленовато-серую шерсть.

— Я и чую, — не стал отрицать он. — Если они — порождения тьмы. А это — обыкновенный кровосос. Зеленый. Прыгают из болота, вцепляются в горло и присасываются намертво. Отодрать их зубы можно только с мясом. Они у этих тварей — как крючки. У тебя хорошая реакция, Айан.

Кусланд машинально потрогал свое не защищенное наплечниками горло. От мысли, что его путь Серого Стража мог закончиться прямо здесь, на болоте, в животе запоздало шевельнулся неприятный холодок.

— Подождите! — Алистер внезапно замер с таким выражением на лице, точно его припекло настолько срочно, что он понял, что не успевает выбраться из доспеха. — Подождите и заткнитесь все! Я что-то...

— Ну, что еще?

Однако, и Давет, и Айан уже поняли, прыгая друг к другу и разворачиваясь спина к спине. Это получилось у них так слажено, что в другой ситуации могло бы только порадовать командира отряда. Сейчас же Алистер, как почувывший дичь мабари, втянул воздух носом и внезапно развернулся лицом к тропе, по которой они только что пришли.

— Ты уверен?

Раздавшиеся вслед за этим утробный рев и улюлюканье подтвердили правильность чутья Серого Стража. Частично, потому что доносились они со всех сторон. На глазах застывших рекрутов охапки гнилья и грязи вокруг разлетались, выпуская порождений тьмы словно бы из-под земли. Почти все твари были в рост человека, кроме двух стрелков, сразу отбежавших дальше по тропе и как по команде вскинувших скверные луки.

— Стрелы! Берегись!

У Давета не было щита, поэтому Айан, толкнув его, принял стрелу на свой. Второй стрелок так и не успел спустить тетиву, осев в болото с ножом карманника в горле. Давет выхватил второй клинок и, пригнувшись, отразил колющий удар первого порождения тьмы.

Дальше все смешалось. Нашедшие сразу друг друга Давет и Айан дрались спина к спине, и вдвоем создавали довольно мощную взаимную оборону, в особенности когда к ним сумел пробиться Алистер. Зато сэру Джори приходилось туго. Он с самого начала был отрезан от остальных, и пока удерживался на ногах только чудом. Случайно обернувшись, Айан заметил неуверенное движение рыцаря, щитом отражавшего удар порождения тьмы, и понял, что дела сэра Джори плохи. Вне сомнений, он был ранен, причем, скорее всего, даже неоднократно. Отшвырнув от себя рослого порождения тьмы в ржавом кольчужном доспехе, Кусланд привлек внимание Алистера, кивком указав на погибавшего товарища.

Втроем им удалось сдвинуться на шаг, потом еще один... Порождения тьмы не отступали, в их выеденных скверной глазницах горел лишь зов, бездумное желание убивать,

и останавливаться они не собирались. Однако их число тоже не могло быть бесконечным. К тому моменту, когда товарищи подобрались к изнемогавшему и истекавшему кровью сэру Джори, им осталось разобраться лишь с теми тварями, которые окружали его. Спустя короткое время все было кончено.

— Не здесь! — Алистер жестом остановил собиравшегося усесться прямо там, где стоял, раненого рыцаря. — Тут везде их кровь! Вы еще не Стражи и не имеете защиты. Скверна поразит тебя. Отойдем.

— Меня дважды ранили в бедро, — пояснил сэр Джори, отойдя на значительное расстояние от места схватки. — Раны не тяжелые, не стоит снимать доспех. Потеряем время. Просто перевяжите меня. Не хотелось бы оставаться в этом проклятом месте до темноты.

— Займись им, — Алистер кивнул Давету, сбрасывая тому на колени свой походный мешок. — Я наберу крови. Айан, иди за мной.

Кусланд повиновался и следующие несколько минут они потратили на то, чтобы набрать в стеклянные пузыри той вязкой жижи, которая текла в жилах тварей вместо крови. Несмотря на то, что ее носители были мертвы, жижа отказывалась покидать их жилы, и ее приходилось буквально выдавливать. Айан то и дело морщился, когда очередной мокрый шлепок свидетельствовал о том, что новый сгусток оказывался в сосуде.

— Не знаю, зачем они вам... нам нужны, — не сдержался он, бросая руку одного из мертвых чудовищ, которую сдавливал, пока Алистер ловил неохотно текущую из разреза кровь. — Но я рад, что в ней мараешься ты, а не я. В первый раз вижу такую мерзость.

Алистер промолчал, закручивая последнюю крышку. Теперь по крайней мере одно задание Командора было исполнено. — Они всегда такие? — кивая себе под ноги, спросил Айан. Разбросанные всюду тела тварей были мерзостны на вид, но не настолько, чтобы кровь стыла в жилах, вызывая смертный ужас. Прокаженные, говорят, могут выглядеть и страшнее. Этих же издали можно было бы даже принять за людей. Вблизи их гниlostная кожа, клыки, когти и уродливые морды не оставляли ничего человеческого. Но до «кошмарно выглядевшей бестии» о которой говорил в лагере Алистер, или хотя бы до болотной гидры им было далеко.

— Думаешь, я знаю? — Серый Страж пожал широкими плечами и, тщательно вытерев нож, спрятал его в прилаженный на боку чехол. — Я ведь новообращенный. Видел немногим побольше твоего. И не горю желанием видеть намного больше.

Теперь промолчать пришлось Айану. Так в молчании они и вернулись к остальным. После перевязки сэр Джори уверил, что сможет идти дальше. Ему предпочли поверить, тем более что цель их похода была уже близко.

До самых руин драться больше ни с кем не пришлось. Наученные горьким опытом, они даже сумели избежать коварных объятий болота, что было кстати, потому что болотная грязь, попадая в раны, часто вызывала лихорадку. Однако, сами руины их тоже разочаровали. Это были настоящие развалины, поросшие густыми болотными травами. Все, что могло сгнить — давно уже сгнило, а ржавеющее — рассыпалось в прах. От предполагаемой башни остался только полуразрушенный остов. Стараясь держаться вместе, они бродили по двору крепости, заглядывали в то, что осталось от ее построек, Давет, как самый ловкий и легкий из всех, даже рискнул подняться по еле державшейся лестнице и обследовать башню. Однако, то, что их усилия были бесполезны, стало ясно еще на подходе к крепости. После получаса активных поисков это признал даже Алистер.

— Если здесь что и было, его уже нет, — карманник устало пожал плечами, опираясь

спиной об уцелевшую внешнюю стену крепости. — А нам еще идти назад. Давайте уходить. Мы ничего не найдем.

— Поддерживаю, — осматривая напивавшуюся кровью перевязку, подал голос рыцарь.

— Поддерживаю, — кивнул Айан, у которого под доспехом невыносимо зудело между лопатками, толи от пота, толи оттого, что туда кто-то заполз и теперь кусал, пребывая в относительной безопасности.

Алистер вздохнул, но было видно, что он согласен со своими подопечными.

— Идем обратно, — решил он, и прибавил с огорчением. — Дункана наша неудача сильно расстроит. Ему очень важно было найти те документы.

— О каких документах говорите вы? — раздалось со стороны. Очумело дернувшись на речь, товарищи по оружию обнаружили стоявшую на стене одной из уцелевших построек рослую девицу. Каждый из них мог бы поклясться, что минуту назад ее еще там не было. Но плоше всего было не внезапное появление, а ее одежды. Сшитые из шкур охотничьи штаны скрывали низ, что до верха, то груди незнакомки были едва прикрыты узкими и тонкими кусками материи. Зато на ее шее, поясе и руках болталось такое количество самых разнообразных амулетов, что сомнений в том, с кем свела их судьба, не возникало.

Как-то незаметно для себя самих, воины придвинулись ближе друг к другу, из толпы вновь превратившись в боевой отряд.

— Не отвечай! — одернул открывшего было рот Алистера Давет. — Похоже, она из хасиндов. А значит, рядом могут быть другие!

Незнакомка усмехнулась и повела плечом. Ткань на ее груди всколыхнулась, открыв так много, что Алистер и Айан непроизвольно отвели глаза, а карманник напротив, уставился с немалой долей интереса. Что касается сэра Джори, то он давно уже взирал на девицу в шкурах с ужасом.

— Боитесь вы, что варвары набросятся на вас?

— Да, — Серый Страж с усилием заставил себя снова поднять на нее суженные глаза. — Набрасываться нехорошо.

— Это ведьма из диких земель! — мотнув головой, словно бы скидывая наваждение, вновь влез Давет. — Она превратит нас в жаб!

Девушка подняла лицо кверху и расхохоталась. Против ожиданий, ее смех был довольно приятным, даже мелодичным, как журчание ручья.

— Ох, как верите вы в сказки, — отсмеявшись, она легко спрыгнула вниз и медленно, словно танцующе, стала приближаться к мужчинам. — Однако и не убегаете, что меня немало забавляет. Эй, красавчик, — она оказалась перед Айаном так неожиданно, что он даже не смог отследить ее движение, успев только подумать, что захоти она всадить в него нож — у нее вполне могло бы получиться. — Ты тоже боишься меня? М? Осмелишься сказать мне свое имя? А я взамен скажу тебе свое. Чтоб соблюсти приличья.

Стараясь казаться увереннее, Айан сложил на груди руки.

— Обещай, что не причинишь нам вреда.

Девушка улыбнулась ему. Айан успел только заметить, что у нее полные губы и прямые черные волосы. Долго она себя разглядывать не дала, зайдя куда-то ему за спину.

— Хорошо, — когда Айан обернулся, девушка уже миновала трех других его товарищей и, остановившись на расстоянии трех-четырех шагов, снова оказалась к ним лицом. — Во мне вы разбудили любопытство, так что даю я обещание.

— Мое имя Айан, — признался Кусланд, прикидывая, может ли ведьма причинить ему

вред, узнав его имя, или все рассказы про такое — только враки. Девушка еще раз усмехнулась и кивнула.

— Морриган — вот мое имя. Я уже давно за вами наблюдаю. Сначала решила я, что вы стервятники. Любители покопаться в мусоре. И лишь потом я поняла, что не похожи вы. Так что же, ищите вы свитки? С магическими печатями, не так ли? Так знайте, все напрасно. Их больше нет.

— Они здесь были? — Алистер в волнении сделал шаг вперед. — Ты их видела?

— Возможно, — Морриган кивнула, смеривая его взглядом. — Однако прежде, чем я отвечу на вопрос ваш следующий, ответьте вы на мой. Зачем вам сдались свитки те?

— Мы — Серые Стражи, — Алистер вскинул голову, с вызовом глядя на ведьму. — Свитки принадлежат нам по праву.

На некоторое время воцарилось молчание. Морриган, казалось, тщательно изучала каждого из них.

— По крайней мере, один из вас — точно Серый Страж, — медленно произнесла она наконец совсем другим тоном. — Не думала я, что увижу кого-нибудь из вас.

— Так ты вернешь свитки? — выкрикнул новообращенный, теряя терпение.

— Не буду, — резко ответила ведьма, но тут же пояснила. — Потому что не брала. Их взяла моя мать.

Алистер переглянулся с Айаном, который незаметно подошел, остановившись рядом.

— Ты можешь проводить нас к твоей матери? — видя, что молчание затянулось, рискнул подать голос Кусланд. Морриган переключила внимание со Стража на него, и хмурое выражение на ее лице вновь сменилось благожелательной улыбкой.

— Твоя разумна просьба, красавчик. Я провожу тебя. Нравишься ты мне.

— Я бы на твоём месте не расслаблялся, — вполголоса пробормотал Алистер в сторону поднявшего брови Айана. — Сначала это вот «нравишься ты мне», а потом клац — и тебя перекусили пополам.

— Попадем мы к ней в котелок, вот увидишь!

Ведьма, звавшая себя Морриган, фыркнула.

— То дело ваше. Вернуть хотите свитки — следуйте за мной.

Безо всяких видимых опасений она повернулась к ним спиной и пошла куда-то вглубь болот. Четверо мужчин летуче переглянулись, и Айан пожал плечами. Непохоже было, чтобы для них имелся хоть какой-то выбор.

По счастью, идти пришлось недалеко. Хижина, где Морриган жила с матерью, обнаружилась уже за ближайшим перелеском. Подойдя ближе, воины увидели саму старую женщину, словно бы поджидавшую их на пороге. Ее руки были заложены за спину, но сама поза на угрожающую не походила. Старуха была высока, худа и здорова на вид. Приближения дочери в компании четверых вооруженных мужчин она ожидала с видимым спокойствием.

— Мама, приветствую тебя, — Морриган небрежно кивнула через плечо. — Вот Серых Стражей четверо. Они...

— Я вижу, девочка, — старуха продолжала спокойно стоять, поочередно вглядываясь в лица мужчин. Алистера она разглядывала дольше остальных. — Признаться, такое я не ожидала увидеть, — отведя, наконец, от него взгляд, пробормотала она, обращаясь больше к себе.

— Приветствую, добрая женщина, — решил взять на себя переговоры Айан, видя, что Алистер этого делать не торопится, замороженный взглядом старухи. — Мы пришли к тебе по делу. Твоя дочь Морриган сообщила нам, что ты взяла свитки Серых Стражей, защищенные магическими печатями, за которыми мы явились в дикие земли. Если они еще у тебя, мы бы хотели их забрать. Если нет — укажи, где они могут быть, и мы уйдем с миром.

Старуха покачала головой. На ее губах появилась усмешка.

— Уважительность и учтивость. Вот уж воистину, находишь их в самых неожиданных местах... совсем как старые носки. Ваши свитки я сохранила, — она вынула, наконец, руки из-за спины, в которых держала несколько плотно скрученных в рулоны листов бумаги. — Хваленые магические печати давно истлели. Я защитила их.

— Ты... сохранила их? — не поверил Алистер, принимая бумаги. От этого изумления он даже не успел изумиться по более весомому поводу — что старуха заранее знала, что они идут за свитками, и вышла навстречу, держа их наготове.

— А почему нет? — старуха пожала плечами. — Отнесите их Серым Стражам и передайте — угроза Мора сильнее, чем они думают.

— Благодарю тебя, добрая женщина, — Айан поклонился с глубоким почтением, и вслед за ним поклонились его товарищи. — Как мы можем тебя отблагодарить?

— Вам не нужно этого делать, — старая ведьма кивнула в такт своим мыслям. — Мы все обязаны помогать Серым Стражам, разве нет?

— Ну что ж, вам пора идти, — вмешалась Морриган. Старуха хмыкнула.

— Не будь смешной, девочка. Они — твои гости. Проводи их к границам Остагара самой короткой дорогой через болота, и проследи, чтобы с ними ничего не случилось.

Видно было, что Морриган совсем не по душе был приказ матери, но послушаться она его не посмела даже на словах. Бросив недовольный взгляд на Айана, затем на Алистера, и проигнорировав двух других гостей, она сделала им знак следовать за собой.

В Остагар рекруты вернулись до того измученными, словно на них было вспахано не одно поле. Морриган действительно провела их незаметной тропой через болота, которая была вдвое короче той дороги, по которой они пришли. Однако у тропы имелись и минусы — она была уже и мокрее большой дороги, и мужчины то и дело оступались, сразу по колено уходя в топь и проклиная всех и вся. Ругаться, впрочем, тоже приходилось исключительно шепотом, чтобы не привлекать ничьего ненужного внимания. Сумерки между тем спускались все быстрее. У поляны, на которой они сами днем встретили раненого, девушка распрощалась с ними — без слов, в своей манере. Она просто указала рукой вперед, и без объяснений ушла, бесшумно растворившись в ночных зарослях. Впрочем, к тому моменту рекрутам Стражей было не до нее. Последние несколько сотен шагов им приходилось по одному помогать сэру Джори держаться на ногах. Раны на его бедре воспалились, из-за чего нога распухла до самой щиколотки, хотя Алистер щедро вылил на нее остатки целебного снадобья из своей фляги. Рыцарь держался, и старался идти быстро, не отставая от остальных, но все равно сильно задерживал отряд. Так что к тому времени, когда лесные заросли раздвинулись, и темнота впереди осветилась светом десятков костров, потенциальные Серые Стражи способность испытывать хоть какие-то чувства почти потеряли, и возвращение не обрадовало их в той степени, в какой бы могло.

— Отведите его к целителям, — Алистер устало снял с плеча сумку, в которой нес драгоценные свитки. — Пусть сделают все, что возможно, и очень быстро. Потом все приходите к старому храму. Мы с Дунканом будем ждать вас там. Больше никуда не ходите и не задерживайтесь!

Несмотря на утомление, он быстрым шагом ушел к шатру Стражей. Рекруты же без слов потащились выполнять приказ.

К счастью, набившим руку целителям не пришлось объяснять дважды, что от них требовалось. Раны сэра Джори были обработаны с похвальной быстротой. Маг-целитель ухитрился даже частично снять отек и боль, торопясь перед предстоящей схваткой привести в порядок как можно большее количество солдат. Разобравшись с этим, рекруты отправились, куда им было приказано — к развалинам старого храма. Между собой они не разговаривали.

Ночь уже приближалась к своей середине, но вокруг было светло — от многочисленных костров, и от святающегося роя облаков, низко висевших над Остагаром. Крыша храма давно уже провалилась, поэтому его внутренности и стоявший у алтаря Алистер были хороши видны. Возле Алистера на алтаре стоял большой кубок, вырезанный из цельной кости. Что в кубке, понять было трудно, если не заглядывать. При Алистере же почему-то подойти и заглянуть было неловко.

— Чем больше узнаю о посвящении, тем меньше оно мне нравится, — прислонившись задом к стене, пробормотал сэр Джори, поглядывая то на Алистера, то на кубок. Дункан где-то задерживался, но новопосвященный Страж глядел суровее обычного и все трое непривычно робели в его присутствии теперь, чего раньше не было.

— Опять хнычешь? — Давет подернул плечами.

— Ну, зачем все эти испытания? Я уже показал себя!

— Может, у них такой обычай. Может, они просто хотят досадить тебе.

Рекруты разговаривали вполголоса, не будучи уверенными, слышит ли их Алистер. По его лицу сейчас понять что-либо было трудно.

— А ты что думаешь, Айан?

Кусланд покосился на Стража и дернул щекой.

— Мне все это нравится ничуть не больше, чем вам.

— Я знаю только одно: в Хайевере у меня жена, и она ждет ребенка, — сэр Джори сглотнул. — Все эти тайны нравятся мне все меньше. На что похоже это посвящение?

— Какая разница, — Давет покачал головой, разглядывая пол. — Пусть даже этот ритуал может нас убить. Я бы чем угодно пожертвовал, если бы знал, что это остановит Мор. Может, ты умрешь. Может, мы все умрем. Но если никто не остановит порождений тьмы, всем нам крышка.

— Мы приблизились к ритуалу посвящения, — Дункан, как всегда, подошел незамеченным и сразу начал говорить. — Орден Серых стражей был основан во времена первого Мора, когда род людской стоял на краю гибели. И тогда первый Страж испил крови порождений тьмы и сумел обуздать скверну.

— Что? — поперхнулся сэр Джори. — Нам придется пить кровь этих... этих тварей?

Айан почувствовал, что нутро у него куда-то опустилось. С большим удовольствием он бы выпил жидкого дерьма.

— Так же, как и первому Серому Стражу до нас, так же, как и всем нам до вас, — Дункан сделал утвердительный жест рукой. — Именно в этом источник нашей силы и залог нашей победы.

— Те, кто выживает после посвящения, становятся неуязвимыми для скверны, — пояснил Алистер, по примеру Дункана незаметно приблизившись к ним со спины. — Мы чувствуем ее в порождениях тьмы, и используем, чтобы одолеть архидемона.

— Те, кто выживает?

— Серые Стражи имеют перед собой смерть, — Дункан едва заметно пожал плечами. — Не стану скрывать. Не все из тех, кто выпьет крови, останутся в живых. Тот, кто останется — изменится навсегда. Может так случиться, что вы заплатите свою цену сейчас, а не потом. Вот почему посвящение — тайна. Такую цену платим мы, чтобы спасти мир.

Он помолчал.

— Перед посвящением мы говорим немного. Но эти слова звучат с самого первого ритуала. Алистер, ты готов?

— Присоединяйтесь к нам братья и сестры, — новопосвященный опустил голову и заговорил тихо, так тихо, что неожиданная серьезность этих слов поползла в их сердца холодной жутью. — Присоединяйтесь к нам, сокрытым тенью. Присоединяйтесь, ибо на нас лежит долг, от которого нельзя отречься. И если суждено вам погибнуть, знайте — ваша жертва не будет забыта, и когда-нибудь мы все присоединимся к вам.

Дункан взял в руки кубок и, обернувшись к рекрутам, обратился к побледневшему от волнения карманнику.

— Давет, подойди.

Тот без слов шагнул вперед и обеими руками принял кубок. Совсем едва помедлив, приложился и глотнул. Дункан отступил на шаг. По меньшей мере, четыре пары глаз были устремлены на Давета.

Несколько мгновений как будто бы ничего не происходило. Внезапно Давет схватился за горло и упал на колени. Распахнутым ртом он пытался сделать вдох, но видно было, что

тело больше его не слушалось. Пальцы карманника скрючились, его словно корежили чьи-то невидимые, но не ведающие жалости огромные руки. Все это продолжалось от силы несколько мгновений, однако для охваченных ужасом рекрутов, казалось, прошли часы. Наконец, в последний раз дернувшись, он упал на затертые камни пола и больше не поднимался.

— Мне жаль, Давет, — Дункан снова поднял кубок. — Подойди, Джори.

— Дыхание Создателя! — рыцарь отступил на шаг, потом еще. Глаза его метались, как у безумного. — Нет! Вы не можете! У меня ведь жена... ребенок... Если б я только знал...

— Назад дороги нет.

— Нет! — сэр Джори выхватил меч, выставив его в сторону надвигавшегося на него Дункана с кубком. — Бесславная смерть — это слишком!

Дункан медленным движением отдал кубок в руки подскочившего Алистера и вытащил свой собственный меч, не отводя взгляда от пятящегося рыцаря.

— Опомнись, пока не поздно.

— Нет! — Джори прыгнул вперед, замахиваясь. Дункан легко, словно бы и не заметив, отбил его удар и, не дожидаясь следующего движения рыцаря, всадил свой клинок тому в живот. Брызнувшая кровь в единый миг осела на лице Дункана, его одежде, и даже на доспехах стоявшего в нескольких шагах от действия Айана.

— Мне жаль.

Чернобородый вытащил клинок, и, обернувшись, посмотрел в глаза последнему из Кусландов. Поняв без слов, Алистер вновь шагнул вперед, отдавая кубок старшему.

— Посвящение еще не закончено.

Айан бросил быстрый взгляд по сторонам. Он не был уверен, сможет ли он выстоять один против Дункана и Алистера, который наверняка присоединит свой меч к чернобородому. Хотя... стоило ли пробовать?

Он принял в руки оказавшийся неожиданно тяжелым кубок, на дне которого плескалось... Айану хватило и запаха. Стараясь не дышать, он поднес ко рту, прикрыл глаза и — опрокинул в себя все то, что там оставалось.

— Ради вящего блага да отдайся ты этой скверне...

Голос Дункана звучал как будто издалека. На миг Айану показалось, словно ему заткнули оба уха. В голове зашумело, сильно, еще сильнее... разъяренное нутро вздыбилось, собираясь выбросить то, что Айан ему дал, и тому пришлось схватиться за горло, чтобы оставить все внутри. Из неоткуда пришла резкая, скручивающая боль, в единый миг сокрушившая кости и перекрутившая все мясо и жилы... Айан рухнул на каменные плиты, ударился головой, но не почувствовал этого, крича и самого себя не слыша, пытаясь вдохнуть — и не вдыхая. Перед его застеленными пеленой глазами все быстрее и быстрее замелькала бескрайняя серая степь, черные стены страшного и незнакомого города, сотни, тысячи лап, которые хватали его, мяли, комкали, душили и ласкали, тянули куда-то далеко и вниз, и сладкий зов, ужасный и прекрасный одновременно звучал и манил, обещая радость и покой, уют и единение... Айан видел морды миллионов тварей, они смотрели на него и хотели его — их соратника, их брата, часть их естества... Он растворялся в них, растворялся так, как капля дождя растворяется в озере с водой, как щепоть праха исчезает на ветру, как маленькая искра сливается с единым ревушим пламенем... И вот уже он был с ними, в них и частью них, и все утратило свою важность, кроме Зова, того, без чего раньше он мог жить, и эту проклятую жизнь теперь обязывался искупить своей кровью и кровью Врагов... Айан

снова мог дышать, смотреть и слышать, и он был счастлив — так, как никогда раньше в той, другой, нелепой жизни. Могучие и многочисленные лапы братьев подхватили его и повлекли — куда? Он вскоре понял. Источник зова был уже рядом, еще чуть-чуть и... И перед ним из пустоты, таинственной и манящей, вспыхнули два изумрудных глаза. Айан подался вперед, всем естеством желая слиться с Ним, Тем, который звал и даровал Свободу... слиться, чтобы остаться навсегда, ведь только так было единственно правильным...

Чудовищный рев, рев ярости и узнавания потряс всю его преобразившуюся сущность. Братья, бросив его, разбежались в разные стороны, а самого Айана ухватило вновь, и понесло, дальше от Зова, от Него, от братьев и сладости упущенного счастья, понесло... куда? Но вмазало со всего размаха, с силой, болью и страданием. И — все прервалось. Он уже не был частью единого целого, не ощущал с собою братьев, не слышал сладостного зова. Все прошло, оставив вязкую горечь не сбывшегося и комканную боль во всем теле. В теле?

Айан открыл глаза. Склоненные над ним лица были ему откуда-то знакомы. Еще через миг в голове прояснилось, и с вернувшимся зрением пришло узнавание.

— Все кончено. Добро пожаловать.

Алистер протянул руку, помогая ему подняться. Это было нелишне, потому что Айана шатало так, как на палубе корабля при хорошем шторме. В голове еще стоял легкий шум, правда, он скорее был последствием удара затылком о камень, чем заново зарождавшимися в нем отголосками зова. Во всяком случае, Кусланду так казалось.

— Отныне и навсегда ты — Серый Страж.

Айан опять схватился за горло, так как нутро все еще воевало с содержимым. Правда, на этот раз вяло и нерешительно. На серьезную схватку это уже не тянуло.

— Еще две смерти, — Алистер повернул голову в сторону неподвижно лежавших тел. — Когда я проходил посвящение, умер только один из нас, но все равно это было ужасно. Рад, что хоть тебе удалось уцелеть.

— Как ты себя чувствуешь, Айдан?

Кусланд тоже посмотрел на лежавшего в луже крови сэра Джори.

— Все прошло. Я в порядке, — не стал распространяться он. Тем более что даже если бы хотел, к такому слов ему было не подобрать. Дункан испытывающе поглядел на него в последний раз и неслышно вздохнул.

— Теперь ты знаешь, что такое — быть Серым Стражем.

Перед глазами Айана всплыла та оргия, которой он чуть было не предался с порождениями тьмы по ту сторону барьера, и его замутило.

— А видения были? — Алистер уже оправился от тягостного происшествия во время обряда. Или, во всяком случае, казался таковым. — У меня были ужасные видения после посвящения.

— Видения придут позже, — пришел Айану на помощь Дункан. — В ближайшие месяцы тебе много чего предстоит узнать об этом. Сейчас я хочу, чтобы вы двое отправились со мной на встречу с королем. Времени у нас немного. Если ты уже оправился, мы должны идти.

— Подождите, Дункан, — Алистер протянул Айану подвеску на тонкой металлической цепочке. — Здесь немного этой крови. Мы все носим такие, чтобы они напоминали нам о тех... кто ушел раньше.

Айан послушно одел эту гадость на шею. В первый миг она показалась ему тяжелее

кузнечной наковальни.

— Тейрн Логейн прав — король ведет себя как д... дитя, — проговорил Айан, вслед за Алистером быстрым шагом пересекая мост, соединявший два берега Ферелдена. На мосту за деревянными укреплениями спешно рассредоточивались лучники и прашники, призванные прикрывать выстроенную под мостом армию короля Кайлана. Сам Кайлан вместе со всеми Серыми Стражами Ферелдена за исключением Алистера и Айана, стоял во главе своего войска.

Совет, если его можно было так назвать, закончился ничем. Король еще раз озвучил свое желание сражаться с порождениями тьмы в первых рядах, бок о бок с Серыми Стражами. Задачей его отряда было заманить армию порождений тьмы в ловушку, где в нее с тыла ударил бы тейрн Логейн со своими людьми. Логейн должен был атаковать по световому сигналу, зажженному на самой высокой из уцелевших башен Остагара. Именно туда сейчас и отправлялись два новоиспеченных Серых Стража. Подчиняясь непонятному приказу Дункана, Айан и Алистер все время, пока длился совет, усиленно мозолили глаза Кайлану, и в последний момент король решил, что честь зажечь огонь должна выпасть именно им.

— Ты полагаешь? — Алистер обошел очередное укрепление, на этот раз защищавшее магов Круга, непривычно одетых в легкие доспехи. Видно было, что в таких одеяниях привыкшие к мантиям маги чувствовали себя неудобно. — А по-твоему, как он должен поступить?

— Королю вообще не следует идти в бой, — Айан бросил взгляд вниз, на выстроенных солдат и в его душе шевельнулось нехорошее предчувствие. — На короля смотрят все. А он, в свою очередь, должен видеть всю картину сражения. Он стратег! Дункан и другие Стражи, если они идут в первых рядах, должны сражаться в полную силу, чтобы сдержать первый, самый страшный натиск. Вместо этого они вынуждены будут нянчиться с королем, уследить за которым в схватке будет непросто. Ведь его могут убить. Я бы вообще занял здесь глухую оборону, и дождался подкреплений от эрла Эамона и Стражей Орлея. А ход на север просто завалил. Здесь полно магов, совместными усилиями они бы справились быстро. А вместо этого он выстроил армию перед врагом, как на блюде. Без прикрытия флангов, без должного количества защитных сооружений для лучников, без...

Айан споткнулся и прикусил язык. Алистер помалкивал, слушая товарища. Тактические выкладки сына тейрна были как будто бы убедительны. Плохо было, что сам Алистер мало что в них смыслил. Айан вне сомнений получил хорошее образование, и разбирался в тактике и стратегии лучше его, сироты и недоучки. Оставалось верить ему на слово или не верить вообще. Алистер предпочитал первое. И не только потому, что Айдан Кусланд стал его братом по Ордену. Нет, что-то такое Алистер чувствовал и сам, какую-то неправильность, которая не давала ему покоя еще на Совете. И теперь у него на сердце было беспокойно. Командор Дункан, самый близкий человек из всех, кого когда-либо знал Алистер, в чем-то заменивший ему отца, стоял сейчас внизу, в ожидании появления армии порождений тьмы, а он, Алистер, не мог быть рядом, чтобы если что, протянуть ему руку помощи. Или умереть, защищая его. Нет, определенно многое не нравилось новообращенному Стражу. Но сейчас у него было задание, и все его «не нравилось» могло сводиться только к тому, чтобы слушать недовольное бормотание нового побратима и

быстро добраться до указанной им башни.

— Вот они! Идут! Порождения тьмы! — раздалось внезапно, когда Серые Стражи уже почти достигли противоположного берега. Не удержавшись, Алистер и Айан бросились к каменной кладке, некогда служившей перилами этому великому мосту и вгляделись в тьму.

Сначала приближение армии порождений тьмы больше всего походило на факельное шествие, даже скорее не шествие, а бегство, потому что в темноте казалось, что твари передвигаются стремительно. Возможно, так оно и было. Потом кроме отдаленных огней стало возможно различить неясные очертания Орды — настолько пугающие, что кровь стыла в жилах даже у стрелков, стоявших пока что в относительной безопасности на мосту. Думать, что чувствовали солдаты под мостом, которые вот-вот должны были столкнуться с порождениями тьмы лицом к лицу, не хотелось.

— Лучники! — раздался снизу зычный приказ короля. Сотни луков разом поднялись вверх, готовые по следующему сигналу пустить сотни стрел в ночное небо.

— Пошли! — Айан дернул Алистера за локоть. Опомнившись, тот побежал, видя перед собой уже спину Кусланда. Неизвестно, когда мог наступить тот самый момент в битве, когда нужно будет зажигать сигнальный огонь, и лучше будет наблюдать за ходом сражения, стоя рядом с приготовленным костром.

Башня была рядом, быть может, не более чем в сотне шагов от моста, так что добрались они быстро. Но у самого входа им преградили дорогу двое насмерть перепуганных потрепанных магов.

— Хвала Создателю, Стражи здесь! Башня захвачена!

— Что??

— Башня захвачена! Порождения тьмы! Они вылезли прямо из-под земли. Сейчас башня кишит ими!

— Порождения тьмы — здесь? Что ты мелешь? — не выдержав, заорал Айан, нервно оглядываясь назад, на шум уже начавшейся схватки. — Как они могли здесь оказаться?

— Не знаю, Серый Страж, но клянусь Создателем, они там, и их там много! Мы едва успели спастись!

Стражи переглянулись.

— Я... не знаю, что делать, — Алистер беспомощно оглянулся на лучников, непрерывно посылавших все новые стрелы под мост и вновь посмотрел на Айана. — Нам неоткуда ждать помощи.

— Зато они там ждут помощи от нас!

— Если будет дозволено, мы поможем Серым Стражам, — подал голос один из магов, который казался старшим. — Мы хорошо управляемся с боевыми заклинаниями.

Айан бросил еще один взгляд на товарища и принял решение.

— Идите за мной. Поможете нам пробиться наверх.

Двери башни были заперты изнутри, но совместными усилиями маги вынесли ее с третьей попытки. Внутреннюю площадку башни патрулировали пять порождений тьмы из тех, что повыше. С ними Стражи расправились даже без помощи магов. С лестницей же пришлось сложнее. Крутая и узкая, она была идеальным местом для обороны, а вот атаковать противника, стоявшего выше на ступеньках, было чудовищно непросто. Подгоняемые чувством долга и страхом, что из-за них Логейн не успеет на помощь королю и произойдет самое худшее, Стражи отчаянно набрасывались на замахивавшихся на них ржавыми мечами порождений тьмы, вознося хвалу Создателю за то, что, несмотря на их

многочисленность, как следует драться твари так и не умели. Маги осыпали врагов комьями плазмы и молний, но это почти ничего не решало в схватке, служа, скорее, отвлекающими маневрами. Впрочем, как для порождений тьмы, так и для самих Стражей, вынужденных то и дело уворачиваться от неточно запущенных заклинаний. С невероятными трудностями им удалось преодолеть один пролет, затем другой... На пяточок площадки перед узкой деревянной лестницей, ведущей на крышу башни, Стражи вползали уже на четвереньках.

— Стой, Айан! — тяжело дыша, и вытирая заляпанный кровавой жижей лоб тыльной стороной руки, от чего тот едва ли стал чище, просипел Алистер. Его воззвание, впрочем, было услышано. Кусланд сам не стремился одолевая еще один лестничный пролет прямо сейчас. Задыхаясь, они привалились спинами друг к другу. Несколькими ступенями ниже упал, где стоял, старший маг. Младшего они потеряли еще на нижних пролетах.

— Мы не можем долго сидеть, — Алистер предпринял еще одну попытку протереть глаза. — Король ждет нашей помощи.

— В любой момент могут появиться еще твари, — едва слышно подал бесцветный голос утомленный, будто бы выжатый маг. Он прижимал окровавленную руку к животу, поддерживая края рваной раны. — Нужно закрыться наверху и продержаться... сколько сможем.

Сделав над собой усилие, Алистер поднялся. Мир едва не кувыркнулся перед его глазами, оставив тупую неприятную боль в затылке и под желудком. В последнем бою он пропустил несколько ударов, и, хотя броня частично защитила его, боль никуда не пропала, напоминая о себе при каждом его шаге. Вслед за ним со стоном поднялся Айан. Кусланду досталось еще больше. Его легкая кожаная броня, в которой он пришел из Хайевера, была пригодна разве что для охоты на мелкого хищника — чтобы вцепившийся зубами волк не сразу прокусил до мяса. Но никак не для сражений с хорошо вооруженным противником. Тем более теперь, когда после восхождения на верх башни, она висела на нем лохмотьями.

— Ты сильно ранен, — собственный сиплый голос заставил Алистера прокашляться. — Если не наложить перевязок прямо сейчас, истечешь кровью.

Айан раздраженно дернул плечом и скривился. Плечо левой руки было вывихнуто когда-то давным-давно. То ли на восьмом, то ли на десятом лестничном пролете.

— Лучше помоги мне, — хрипло попросил он, протягивая Алистеру руку. — Я не могу орудовать щитом.

— Я не уверен... — Страж запнулся о взгляд товарища. — А, тьма с тобой. Дай попробую.

Несколько мгновений спустя громкий хруст и стон Айана возвестили благополучное вправление его плеча на место. Дружески хлопнув его по спине, Алистер спустился на несколько ступенек вниз и присел над неподвижным магом.

— Он не дышит.

Все еще морщась, Айан кивнул.

— Я был удивлен, что этот человек вообще сюда дошел с такими ранами.

Он посмотрел на последний пролет деревянной лестницы, упиравшейся в крепкие дубовые двери. Встретившись взглядом с Алистером, которого одолевали те же мысли, улыбнулся углом рта и кивнул в ту сторону.

— Готов?

— Пошли, — Алистер поднял меч. — У нас приказ.

Плечом к плечу они поднялись по шаткой деревянной лестнице. Заскрипев, отворилась

незапертая дубовая дверь. За дверью оказалась частично крытая смотровая площадка верха башни. Отсюда открывался прекрасный вид на сражавшиеся армии, однако, кучи дров, которые им нужно было зажечь, Стражи не обнаружили. Точнее, не обнаружили в одном месте. Большая часть дров исчезла, а те, что оставались, были разбросаны по всей крыше. Но хуже всего было не это.

Хуже всего было огромное, мощное и рогатое порождение тьмы, стоявшее на четвереньках задом к ним. Заслышавшее шум, оно поднялось на массивные толстые лапы и обернулось к вошедшим. При виде его морды у обоих Стражей сердца опустились к желудкам.

Чудище взревело и бросилось вперед. Айан и Алистер метнулись в разные стороны, чем на несколько мгновений озадачили рогатое порождение тьмы. Однако, при том, что думать оно не умело, надолго его такой маневр не остановил. Выбрав того, видимо, кто ему показался аппетитнее, рогатый бросился за Алистером, что дало Айану небольшую фору в разработке стратегии. Монстр был огромен, в полтора человеческих роста, и такой массивный, что сходить с ним в ближнем бою теперь, когда оба Стража были вымотаны до предела, было бы верхом неразумия.

Намотав круг по площадке, Айан остановился у самого ее края, там, где каменная кладка перил полностью осыпалась, открывая обрыв.

— Алистер!

Товарищ понял на удивление быстро и из последних сил побежал прямо на него. Рогатый догонял его сотрясавшими пол мощными скачками. Двадцать шагов, пятнадцать... Айан приготовился, покрепче уперевшись ногами, и готовый в любой момент оттолкнуть от себя пол. Десять, пять... В самый последний момент свернувший в сторону от пропасти Алистер упал на край обрыва, хватаясь руками за кромки кладки. Айан же, прикрыв голову щитом, бросился под ноги несущемуся на них чудовищу.

Рогатый не успел ни увернуться, ни затормозить. Лапы его заплелись, он потерял равновесие, грохнулся и, перекатившись по инерции, с ревом исчез за обрывом.

Алистер с усилием поднялся и бросился к Кусланду, скрючившемуся на боку рядом с погнутым щитом.

— Грохнул в бок ступней, ск-котина, — прохрипел Айан, сплевывая кровью. — Запри двери.

Опомнившись, новообращённый бросился к дверям. С трудом задвинув проржавевший засов, он забегал по комнате, собирая оставшиеся дрова для сигнального костра, который, судя по видимому им ходу битвы, они вот-вот должны были зажечь.

Пламя костра над сигнальной башней взвилось высоко в темное небо. Стоявший во главе своей армии тейрн Логейн поднял голову и на его лице отразилась угрюмая злоба.

— Труби отход, — коротко приказал он стоявшей рядом женщине в дорогой броне. Та обернулась с изумлением.

— Отход? Но король... разве мы не должны?

— Выполняй приказ!

Костер на башне продолжал ярко пылать, даже когда последний из бывших в засаде солдат растворился в темноте на дороге, ведущей в Денерим.

*** — Как там? — прохрипел Айан, по подбородку которого текла кровавая слюна. Периодически он рывком поднимал руку и вытирал ее, размазывая по лицу. Алистер бросил взгляд на товарища и внутренне поморщился. Ему уже доводилось видеть такие увечья. По тому, как треснула кожа доспеха Кусланда, его хриплому дыханию и пузырящейся на губах кровавой пене, новообращенный понимал, что рогатый выродок сломал товарищу ребра и те пробили дыхательные мешки. Выходить его можно было бы только чудом. И то, если начинать прямо сейчас. Кусланд не пытался подняться, догадываясь о похожем.

— Чего ты молчишь? Тейрн Логейн уже ударил?

— Пока не вижу, — из-под ладоней Алистера вниз полетела каменная крошка, и он перестал опираться на заградительную кладку, вглядываясь в ночь. — Создатель, чего же он медлит? Что могло их задержать?

Виски Айана словно сдавило стальным обручем, а к горлу внезапно подступила тошнота. Он увидел, как Алистер повернулся к двери и на лице его мелькнул мгновенный испуг. Как у человека, над ухом которого внезапно хлопнули в ладони.

— Они? — выдавил Кусланд. Алистер молча кивнул и вытащил свой меч.

— Помоги мне подняться.

— Ты уверен?

— Помоги мне подняться, — зло повторил Айан, стискивая рукоять собственного лежавшего рядом с ним на полу меча. Другой рукой он оперся на каменную кладку за спиной. Алистер подставил плечо, с трудом подтягивая высокого и тяжелого Кусланда на ноги.

В дверь ударили чем-то тяжелым. Потом еще, и еще. Оставив товарища, Алистер подскочил к дверям и, прижавшись спиной к стене рядом с проемом, отставил руку с мечом. Во всяком случае, первая из вломившихся тварей — умрет обязательно, это было уже предрешиено.

Когда сорванная с петель дверь отлетела в сторону, задев Алистера, стоявшего к ней слишком близко, Айдан Кусланд молча и страшно в последнем порыве бросился вперед...

Невыносимо прекрасный зов пел, притягивал и манил, доставляя острое, ни с чем не сравнимое наслаждение, и одновременно заставляя страдать, точно от возлжания на остриях мечей. Вокруг мелькали серый туман серой степи, серые камни, серые морды, и серое небытие вместо неба наполняло душу Серого Стража сосущей серой тоской. Но в той тоске крылась особая прелесть, которая заставляла ее хотеть — чем дальше, тем больше. Тьма внутри постепенно расползалась, отравляя и заполняя все естество, даря страдание и усладу, и чем больше места занимала она, тем меньше хотелось от нее избавиться.

Когда он почти растворился в заполонившей все сладкой скверне, в ускользящем сознании возникла какая-то заноза. Это было странно и необычно здесь. Однако, заноза не исчезала, становясь все надоедливее и обширнее. Она мешала сливаться, подчиняться и расплываться, настойчиво тянула его обратно, куда-то в сторону и вниз, а может, вверх? Этого он так и не понял. Внезапно статичный и серый мир пришел в движение, все быстрее и быстрее мелькая у него перед глазами. Глазами? Да, у него снова были глаза. Полыхнувшая на миг ослепительно-белая вспышка в единый миг выжгла всю заполонившую его скверну, оставив только тень того, что было. А затем он вновь стал ощущать.

Айан дернул рукой, и неожиданно у него это получилось. Но дальше дело не пошло. Сжав волю в кулак, он повторил попытку. Что-то неслышно прошелестело совсем рядом, и внезапно он обрел зрение. Склонившаяся над ним полногубая и темноволосая девушка убрала пахнущую чем-то целительским повязку с его лица. Айан зажмурился, и только через некоторое время рискнул вновь приоткрыть глаза. Девушка уже стояла к нему спиной в нескольких шагах и что-то перебирала на полке. Айан узнал ее, но вот имя молодой ведьмы, встреченной рекрутами Стражей... когда? — в диких землях, напрочь вылетело у него из головы.

— Я Морриган, коль ты не помнишь, — не оборачиваясь, помогла ему девушка, снимая с полки нужную ей склянку и откупоривая ее. — Сейчас мы в диких землях, где тебе я раны перевязываю.

Айан поднял голову и попытался себя осмотреть. Его грудь была туго стянута бинтами. Видно было, что их только что сменили. Зато раны на животе, там, куда в него попали то ли две, то ли три стрелы порождений тьмы прежде, чем Айан свалился им под ноги и уже не смог подняться, были обнажены. Морриган присела рядом с ним и, накапав зелья из склянки на скомканный чистый кусок полотна, принялась их обрабатывать.

— На всякий случай, пожалуйста, — закончив, она прижала уже частично зарубцевавшиеся раны сложенным в несколько раз куском чистой материи. Айан приподнялся, давая ей наложить повязку, и ему удалось это неожиданно легко.

— Спасибо тебе, — голос тоже слушался отменно. Даже откашляться, чтобы убрать последствия длительного молчания, ему не пришлось. — Я помню, какие тяжелые у меня были увечья. Ты, чаровница, что одолела их.

Морриган фыркнула и, не отвечая, ушла обратно к полкам.

— Что с памятью твоей? — прибирая склянки, спросила она. — Ты помнишь, как мать спасла вас?

Айан помнил только серо-черную пустыню, в которой он пробыл, должно быть, не меньше вечности.

— Помню, как порождения тьмы ворвались к нам с лестницы, — честно напрягся он. — Алистера накрыло дверью, а в меня всадили столько стрел, что я... Дальше все. Ты говоришь, твоя мать нас спасла? Нас — меня и Алистера? Но... подожди, что с армией? Что с королем?

Морриган закончила расставлять снадобья и склянки. Вернувшись к его постели, она присела на что-то рядом.

— Покинул поле тот, кто должен был на ваш сигнал ответить, — после паузы, сообщил она. — Порождения тьмы победу одержали. Тех, кого бросил он — на части разорвали. И короля. И Командора Серых Стражей. Твой друг переживает очень сильно.

— Мой друг? — не сразу понял Айан, но тут же поправился. — Хочешь сказать — Алистер? Твоя мать спасла нас обоих?

— Она оборотилась гигантской птицей, — Морриган тряхнула головой. — С вершины башни вынесла вас в когтях. Твой друг не так пострадал, как ты. Он там, снаружи. То отрицает все, то горю предается. И о тебе переживает сильно. Молвит, что жизнь ему ты спас, приняв удар весь на себя.

Айан ничего такого не помнил. Да и не до того было. Сообщенное Морриган тяжким бременем поразило его мысли.

— погоди, а твоя мать... уверена, что больше никому не удалось спастись? Король... мертв?

— Только дезертирам, да и тех... переловят очень скоро. Я видела поле битвы в долине страшной той. Там порождения тьмы... питаются над трупами, нужно полагать. Кого живьем найдут — под землю утаскивают. Зачем — не ведаю. Король ваш мертв. А жаль. Я бы предпочла, чтоб мать спасла его вместо тебя. За него выкуп много больше.

Несмотря на тяжелые вести, Кусланд не сдержался и хмыкнул.

— Но почему твоя мать нас спасла?

Молодая ведьма пожала плечами.

— Про то не ведаю. Желает — так спроси ее об этом сам. Она снаружи. Сказала, как проснешься — сможешь подняться. Раны твои затянулись, те, что внутри. На виду лишь малая часть осталась.

По своим внутренним ощущениям Айан поверил, что Морриган говорила правду. Грудь его больше не пронзало болью при каждом новом вдохе. Слабость отступила. Да и раны, те, которые обрабатывала ведьма перед его пробуждением, были в таком состоянии, что делала она это, видимо, на всякий случай, чтобы окончательно убедиться, что они больше не вскроются.

Айан сел. В голове слегка зашумело, как после долгого лежания в постели. Убедившись, что с раненым все хорошо, и он не собирается лишаться чувств, Морриган выскользнула из хижины. Несколькими мгновениями позже хлопнувшая дверь пропустила внутрь Алистера.

— Друг мой! Хвала Создателю!

Новообращенный выглядел неважно. Даже хуже, чем тот, кого едва вытащило с серых равнин врачевание старой ведьмы. Видно было, что Алистера сжигал внутренний огонь, вызванный какими-то сильными чувствами. Хотя, какими — догадаться было можно.

— Сколько времени мы здесь?

Помогавший ему натянуть рубаху Страж хмыкнул

— Шестой день.

— Шестой??

— Твои раны были тяжелыми, — Алистер подставил плечо. Опираясь на него, Кусланд поднялся на подрагивавшие ноги. Но тут же сел обратно. В голове зашумело сильнее. — Такими тяжелыми, что я... по правде, я не думал, что ты выживешь. Если бы не мать Морриган — мы оба были бы мертвы. Как... как все, которые там... при Остагаре.

Последние слова Алистер произнес совсем тихо. Айан догадался, что, возможно, среди Стражей у товарища было множество друзей, и не стал расспрашивать.

— Морриган сказала правду? Логейн предал короля?

— Не наклоняйся. Твои раны еще свежи. Я зашнурую сам, — Алистер, видимо, решил опекать новообращенного товарища всерьез. — Я помню не больше твоего, — склонившись над сапогами Кусланда, невнятно ответил он. — Когда они ворвались, меня приложило дверью по голове, и я потерял сознание. Очнулся уже здесь. Я не видел всего, что произошло. Но из того, что видел ранее с башни — ведьмы говорят правду. Логейн нас предал. Не только короля. Весь Ферелден. Создатель, зачем он это сделал?

Айан вспомнил эрла Хоу и поморщился.

— Зачем обычно предают королей?

— Но дочь тейрна и так была королевой Ферелдена. Кайлан был его зятем!

Кусланд мрачно пожал плечами.

— Быть королевским тестем и королем — две большие разницы.

— Как бы то ни было, все кончено, — Алистер встал с колен, и помог Айану подняться вновь. — Мы — единственные Серые Стражи, оставшиеся в Ферелдене. И нам нужно решить, что делать дальше.

Дверь скрипнула повторно. Прямая, как жердь, старуха, мать Морриган, пересекла комнату и, положив Айану ладонь на лоб, откинула его голову, всматриваясь в глаза. Изучала она его долго. Потом со вздохом отпустила и присела рядом на табурет, который до того служил ее дочери. Больше в хижине сесть было не на что, и Алистер, недолго думая, сел прямо на пол. Оба Стража поняли, что разговор предстоит долгий.

— Сперва скажу. За раны свои не беспокойся. Они тебя больше не потревожат, — прокаркала старуха мягче, чем прежде. — Да ты и сам это понимаешь, верно?

— Да. Благодарю тебя, добрая женщина...

— Не перебивай. Раны твои тебя не потревожат. От них и следа не останется, если еще хоть два-три дня воздержись от драки. Перевязки тоже не понадобятся. Вот эти снимешь — и, считай, здоров.

Старуха сделала паузу, но, наученный опытом общения с ней на этот раз Айан промолчал. Зато не промолчал Алистер.

— И все же... не пойми превратно, я благодарен тебе. Но... зачем ты нас спасла? Я уже не раз задавал тебе этот вопрос, но ты не отвечала... Ты даже имени своего не назвала до сих пор. Может, теперь скажешь?

Старуха насмешливо взглянула на него сверху вниз.

— Имена красивы. Но бесполезны. Если хочешь меня как-то называть, зови Флемет. Так меня зовут хасинды.

— Как? — изумился Страж, подаваясь вперед. — Флемет? Та самая? Бессмертная ведьма из диких земель?

— И что это меняет? — старуха как-то странно передернулась. — Да, я знакома с магией. Как видите, вам это пригодилось.

— Но почему ты нас спасла? — вмешался Кусланд, которому это тоже было интересно.

В последнюю очередь он ждал помощи от лесных ведьм. Флемет повернулась к нему.

— Почему? Потому что вы — последние, кто оставался в живых из вашего Ордена. Нельзя же было допустить, чтобы перебили всех Серых Стражей, — она вздохнула опять с каким-то неприятным присвистом. — Во все века долг Серых Стражей состоял в том, чтобы объединить все земли в борьбе с Мором. Или сейчас что-то изменилось?

Алистер и Айан переглянулись, как-то одновременно вспомнив, какими зелеными, желторотыми и до сих пор ничего не решавшими были они оба. И на что они оба годились без направляющей руки Дункана. Рыжий Страж смущенно кашлянул.

— Мы... нет, — Алистер, говорил, как всегда заикаясь, и совсем не будучи уверенным в правильности своих слов. — Ничего не изменилось. Но нас осталось всего двое на весь Ферелден. Мы... я... Тейрн Логейн. Он предал короля и Стражей. Если мы что-то попытаемся сделать...

— Логейн не знает, что мы живы, — неожиданно для самого себя, жестко проговорил Айан. — Но если мы займемся поиском союзников... я хочу сказать... если у нас начнет получаться — он узнает. Нужно это учитывать. Но... простите мне мою неосведомленность. Я в Серых Стражах не так давно. На каких именно союзников мы можем рассчитывать?

— В тех свитках, которые я вам передала, и которые, как я надеюсь, вы не потеряли, — подчеркивая слово «потеряли», ответила ведьма, — говорится о союзе с долийскими эльфами, гномами Орзаммара, и магами Круга. Вы ведь и сами можете их прочесть?

Все взгляды сошлись на Алистере. Тот поерзал, оттянул свой доспех за ворот и, с трудом протиснув туда два пальца, вытащил на свет кожаный чехол.

— Я недоумевал, когда Дункан... Командор отдал их на хранение мне, — он протянул свитки Айану.

Тот вытащил толстые листы желтой бумаги. Все договора были стандартными с очень небольшими вариациями. Флемет терпеливо ждала.

— Значит, решено, — Айан вернул свитки товарищу. — Мы должны поочередно потребовать союзничества у всех.

— Надеюсь, хотя бы кто-нибудь из них не ответит отказом, — пробормотал Алистер. Он встретился взглядом с товарищем и отшатнулся. Зеленые глаза Кусланда сверкнули в ответ.

— Мы их убедим, — с непонятной уверенностью мрачно пообещал он. — Не зря же мы — Серые Стражи.

Уже не первую минуту легендарные Серые Стражи стояли у старого деревянного стола. Стол был пыльным, а вот лежавшие на нем доспехи отливали хищным блеском, точно только что вычищенные заботливым хозяином. И тому, и другому трудно было бы выразить на словах все то, что они чувствовали, глядя на это совершенство творения чьего-то гения.

— Откуда они у тебя, Флемет?

— Какая вам разница, — сложив на груди руки, старуха поджидала чуть в отдалении. — Они у меня давно. Прошлый их хозяин... не справился.

— Не справился?

— Не понравился доспехам, — таким тоном, как будто это что-то объясняло, ответила ведьма. — Он пришел ко мне в надежде, что я смогу ему помочь. Увы, он пришел слишком поздно.

— Так ты хочешь сказать... что эти доспехи — прокляты?

— Спокойно, белобрысый, — Флемет опустила руки, заложив их за спину. — Тому, кто им глянется, они будут большим подспорьем.

— А кто не глянется?

— Кто не глянется, тому тоже служить будут верно, — заверила старуха. Однако что-то в ее тоне заставляло насторожиться.

— Расскажи нам об этих доспехах, — попросил Айан, проводя ладонью по нагруднику. Влитой рыжий дракон скалился, мерцая крошечными изумрудами глаз. И чем дольше стоял рядом с ним Айан, тем труднее было просто развернуться и уйти. — Как именно они прокляты?

— Да никак они не прокляты, — старуха шмыгнула носом. — Это — доспехи Красного Дракона. Ну, или рыжего дракона. Как по мне, то он — рыжий, прямо как ты. У них — свой характер. И всегда только один хозяин. Их нельзя носить по очереди. Доспехи эти отражают магию. Любую магию. Даже мою. Но только там, где тело ими прикрыто. Если в тебя швырнут огненным шаром, а ты будешь без шлема — будь уверен, от головы останутся угли. И еще пробить их тоже сложно. Хозяин этих доспехов неуязвим для большинства ударов мечом или стрел. Но не прикрытое доспехом тело — даже уязвимее, чем обычно. Впрочем, большинство прежних хозяев Красного дракона об этом забывали.

— Так в чем подвох? — не понял Алистер, тоже разглядывая оскаленную драконью пасть. — Что доспех этот делает уязвимее не прикрытое им тело? И все?

— Нет, не все, — Флемет мрачно усмехнулась, но стоявшие к ней спинами мужчины этого не увидели. — Я же сказала — доспехи с характером. Они ищут Настоящего Хозяина. Иногда находят. Иногда нет. Но с ненастоящего берут плату кровью.

— Плату кровью? Ты можешь говорить яснее?

— Единожды надев, их уже не снимешь. И когда срок придет, сожмутся они до малых размеров и свою службу твоей кровью оплатят.

Алистер поспешно отдернул руку, которую протянул, чтобы тоже потрогать доспех.

— Какая мерзость. Зачем ты вообще нам их показала?

Флемет пожала плечами.

— Один из вас остался без доспехов после битвы при Остагаре. Я подумала — может быть, он заберет эту мерзость из моей хижины?

Айан еще раз посмотрел на доспехи. Зеленые глаза кровавого дракона призывно замерцали.

— Если решила убить, тебе легче было бы просто не забирать нас из башни, — проговорил Алистер, с тревогой вглядываясь в замороженное лицо Айана.

— Если бы я решила тебя убить, ты бы был уже мертв. Я привела к ним его, потому что думаю, что его они признают. И будут служить, пока он сам не решит от них избавиться.

Этого было как будто достаточно. Кусланд снова повернулся к доспехам, и искорки глаз дракона отразились в его собственных зеленых глазах.

— Я бы на твоём месте этого не делал, — вполголоса проговорил Алистер. Он был в отчаянии, но не знал, как отговорить явно зачарованного товарища от его безумной затеи.

— Потому-то тебя бы они и раздавили, как букашку, — спокойно парировала Флемет. — Ну, долговязый, ты будешь примерять? У меня полно других дел.

Болота диких земель нельзя было бы назвать красивыми в любое время суток или года. Однако теперь, когда раннее южное солнце, поднявшись выше далекого леса, заиграло в бликах многих луж, оживив буйную зелень и выпустив дневных обитателей болота навстречу новому дню, они были, во всяком случае, терпимыми. Хотя по лицу стоявшего у хижины Серого Стража не было заметно, что вид оживавшей природы оказывает на него хоть сколько-нибудь благотворное воздействие. Скорее по его виду можно было бы предположить, что он — узник, ждущий казни.

С едва слышным позвякиванием, сопровождавшим его шаги, подошел Кусланд, заранее изобразив на лице виноватое выражение. — Не сердись, друг.

Алистер стиснул зубы, отворачиваясь к болотам. Айан зашел с другой стороны.

— Я бы не надел их, если бы не был уверен.

— Как ты мог быть уверен?

— Морриган меня предупредила, что ее матушка любит шутить. Она так и так собралась отдать доспехи мне, но просто так помогать кому-то ей не интересно.

— Морриган? И ты ей поверил?

— А зачем ей причинять нам вред? — Айан пожал плечами. — Друг, все в порядке. Это просто удобный и прочный доспех. Я даже не уверен, что он отражает магию.

— Он ее отражает, — явившаяся вместе с ним молодая ведьма, проходя мимо Айана, провела двумя пальцами по линии изображенного дракона. — В этом мать моя правду говорила. Все прочее — ложь, для развлечения придуманная. Испытывала она Стражей. Достойны или нет. Доспех этот давно уже у нас часа своего ждал. Хранила его мать, а чей и для кого — не ведаю. И отдать почему решила Стражам — не знаю. К лицу он тебе. Точно по тебе его ковали.

— Да, этого отрицать не станешь, — все еще мрачный Алистер окинул взглядом фигуру товарища. — Но все равно, ты не имел права рисковать собой! Ты забываешь, что теперь ты — Серый Страж. Твоя жизнь принадлежит не тебе, а всему Ферелдену.

Кусланд покаянно опустил голову.

— Я обещаю. Такого больше не будет. Клянусь честью дома Кусландов! — он отсалютовал сжатой в кулак рукой.

Алистер еще раз с сомнением взглянул в его сторону, но промолчал. Дверь хижины за их спинами отворилась, выпуская Флемет. Слышала она или нет их последние слова, было неясно. Во всяком случае, виду она не показала.

— Итак, вы готовы идти?

— Да, — Айан склонил голову. — Спасибо тебе, добрая женщина. За то, что сохранила свитки. За твой подарок.

— И за то, что спасла наши жизни, — негромко добавил Алистер. Айан согласно покивал.

— И за это тоже. Не знаю, как нам тебя благодарить...

— Нет, это вам спасибо, — Флемет прошла между ними, остановившись рядом с Морриган. — Ведь это вы — Серые Стражи, а не я. И прежде, чем вы уйдете, я могу предложить вам еще кое-что. Морриган, — она посмотрела на дочку. — Серые Стражи сейчас уходят. Ты идешь с ними.

— Что??

— Ты меня слышала, девочка, — в противоположность своей дочери, Флемет говорила абсолютно спокойно. — Вроде как уши у тебя есть.

— Но я...

— Ты годами мечтала выбраться отсюда. Считай, что это — твой шанс.

Стражи переглянулись.

— Ее магия может оказаться вам полезной, — Флемет мотнула головой. — И она может провести вас в северный Ферелден в обход Остагара. Другая дорога туда есть, хотя о ней мало кто знает. Считайте это платой за спасенную жизнь.

— Мы должны сопровождать Морриган в какое-то конкретное место? — уточнил Алистер, растерянный от такого неожиданного прибавления в отряд.

— Не должны. Она пойдет с вами столько, сколько захочет.

Стражи переглянулись вторично. Отказываться после всего того, что для них сделали, было нехорошо. К тому же ничего сложного от них и не требовалось.

— Хорошо, мы согласны, — за двоих ответил Айан. Морриган поморщилась.

— А мне сказать нельзя?

Флемет не ответила. Ее дочь все поняла без слов.

— Можно, я хоть вещи собираю?

— ... это, конечно, глупо, — чуть приотстав от идущей впереди Морриган, тихо говорил Алистер Айану, которого, по-видимому, уже считал своим другом. — Но мне хочется вернуться в Остагар. Я... мне хотелось бы найти тело Дункана. И похоронить его. Не могу представить, чтобы его пожирали эти... твари.

Айан поднял брови.

— Ты что-то такое говорил мне об осторожности, — напомнил он. — Флемет уверила, что основная Орда ушла из Остагара. Слишком холодно для них. Но осталось еще порядочно. На нас двоих с лихвой хватит.

— Да, ты, пожалуй, прав, — Алистер тяжело вздохнул. Как успел отметить про себя Айан, его товарищ вообще был склонен к пессимизму и меланхолии, которые временами успешно маскировал удачными шутками. — Но все же...

— Он был твоим другом? — ради приятеля решил поддержать эту тему Айан. Алистер на ходу сбил подобранной где-то палкой шляпку большого плоского цветка.

— Наверное. Не знаю... Дункан использовал Право Призыва. Я же не успел о себе рассказать. Я был отдан Церкви и проходил обучение на храмовника. Дункан призвал меня прямо перед посвящением. Этим он меня просто спас.

— Ты не хотел быть храмовником? — Айан не был удивлен, но история Алистера в конце концов его заинтересовала. — Зачем же ты тогда проходил обучение?

— Учиться мне нравилось, — еще один цветок стал жертвой настроения Стража. — Но, по правде говоря, у меня не было выбора. Я жил при церкви с десяти лет. Моя судьба была предрешена.

— Тебя в церковь отдали родители? — уже догадываясь об ответе, спросил Айан. Алистер невесело усмехнулся.

— Нет. Моя мать умерла в родах, а отец... видишь ли, я бастард.

— Вижу.

— О, — новообращенный удивился. — Это так заметно?

Кусланд дернул плечом.

— Когда я впервые тебя увидел — решил, что ты из благородных. Только не смог вспомнить, к какой именно семье ты принадлежишь.

Алистер промолчал. Айан тоже не стал задавать следующего вопроса.

— Но в Остагар мы все же можем наведаться, — спустя пару сотен шагов внезапно подумал он вслух. Алистер вскинул на него изумленные глаза.

— Ты в своем ли уме, друг мой?

— А что здесь такого? — в тон ему ответил Айан, но безумная идея уже увлекла его. — Мы могли хотя бы проверить, как там сейчас. Хоть издали. Ведь обо всем, что произошло, мы с тобой знаем только со слов, — он понизил голос, — этих двух ведьм. Неумно верить на слово ведьме, пусть даже она спасла тебе жизнь.

— Мне многое показалось подозрительным, — Алистер тоже понизил голос, хотя они и до того говорили негромко. — Как-то они слишком уж старались. На тебя извели много снадобий. Я знаю, потому что помогал им с перевязками. И твои доспехи... им нет цены. Точнее, есть, но таких денег на руках я не держал никогда. И вряд ли буду. Да и ты, думаю, тоже. Они нам помогают так, как раньше никто другой. Но зачем?

— Мы ей для чего-то нужны. Я говорю о старухе, — Айан, прищурившись, бросил взгляд на скользящую впереди тенью Морриган. — Мы оба. Раньше мы с ней не встречались, да и кому могли понадобиться лишенный земель и титулов изгнанник и никому не известный бастард? Значит, мы нужны ей как Серые Стражи. Друг, я мало знаю об ордене. Зачем ведьме могут понадобиться Стражи?

Алистер метнул на него встревоженный взгляд и честно задумался. Думал он долго. Айан не торопил, уже зная, что стремительный полет мысли не был самой сильной стороной товарища.

— Не знаю, — наконец выдохнул бастард, вытирая взмокший лоб. — Я сам обращен не так давно. Дункан был занят — искал рекрутов. Постоянно в отъезде. Старшие Стражи не просвещали нас сверх необходимого для новопосвящённых. У них без того хватало забот. Может, это как-то связано со скверной в нашей крови? Старуха наверняка балуется магией крови. Но из тебя ее вытекло столько, что она могла бы набрать целый кувшин, а потом дать тебе умереть. Прости, друг. Я понимаю так же мало, как и ты.

— Эй, Стражи! — дождавшись, пока они подойдут, Морриган махнула рукой на северо-запад. — Сюда — дорога незаметная до Остагара прямо. Та, о которой мама говорила. Там лес, а потом горы. А здесь кончаются болота. Если все время в эту сторону идти, — она указала на северо-восток, — через день выйдем на дорогу в Денерим. Ваш знакомец, тейрн, Логейн, туда своих людей увел. Хотите вы идти за ним? Или у вас другие планы?

Алистер и Айан в раздумьях оглядывали окрестности. Болота действительно кончились. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись холмы, поросшие перелесками. Величественная горная гряда с затерявшимся в ней Остагаром, осталась в стороне. Но достаточно близко, чтобы, если не останавливаться, дошагать до нее ближе к ночи.

— Морриган, — взял на себя переговоры Кусланд ввиду того, что Алистер смущался открывать рот перед молодой ведьмой. Почему-то светлоголового Стража она не жаловала. — Нам нужно в Остагар. Ты сможешь помочь пробраться как можно незаметнее мимо оставшихся там порождений тьмы?

Айан хорошо запомнил день, который он провел в Остагаре перед посвящением в Стражи и битвой. Тогда в руинах древней крепости стояла поздняя осень. Золотая листва и пышное желтеющее разнотравье подчеркивали красоту и величие этого могучего каменного форпоста, удерживавшего скверну от распространения из южных земель. За ту неделю, которую Стражи провели в гостях у ведьм, в лесах и болотах земель Коркари почти ничего не изменилось. Все так же пышные лишь местами ставшие желтеть болотные травы застили от глаз путников топкие трясины, а зелень их непролазных лесов собиралась стоять еще долгие недели. Однако в горах зима наступает всегда раньше и длится дольше, чем в долинах. Чем ближе к Остагару подходили Стражи, тем холоднее становилось вокруг. Постепенно становившийся пронизывающим ветер гнал серые клочья облаков. Осыпавшуюся листву он давно унес прочь, а та, что осталась, чавкала под ногами, подмоченная то ли подтаявшим за день инеем, то ли вчерашним дождем. По всему было видно, что еще две-три недели — и горы станут непроходимыми до весны.

— Чтоб их демоны унесли, этих порождений тьмы, — выразил общую на двоих с Айаном мысль Алистер, кутаясь в подаренный ведьмами плащ из шкур. — Если б они чуть позже подошли к Остагару! Тогда б и биться не пришлось.

— Пришлось, но не так, как летом, — внес ясность Айан. В отличие от Алистера попеременно шмыгавшего носом, сам он пока не мерз. Погоды в Хайевере осенью были немногим мягче. — Мы бы просто дождались их и перестреляли со стен. Хотя, они бы не пошли по снегу. У нас на севере зимой снега наваливает столько, что бывает, сойдешь с крыльца — и провалишься по пояс. А здесь в горах... боюсь предположить.

Морриган, как и раньше, шла впереди. В дороге она молчала. Молодая ведьма все сказала еще у развилки, когда узнала об их намерении идти в Остагар. И теперь, видимо, закрома ее разговорчивости были исчерпаны, хотя бы пока они не уберутся из опасных мест.

Это могло показаться странным, но ни одно порождение тьмы так и не встретилось Стражам на их пути в горы. Должно быть, тварям действительно не понравилась резко испортившаяся погода. А может, дело было в другом. Айан думал об этом с тревогой, но вполне допускал, что твари могли уйти из гор совсем. Вероятно, они не пробыли в Остагаре больше, чем было нужно, чтобы обождать тела павших солдат. Надолго оставаться вдали от людных мест не было им свойственно.

К месту, где был разбит королевский лагерь, они добрались, когда солнце уже перевалило за полуденную черту. Дорога через болота, которой вела их Морриган, из-за недавнего дождя сделалась почти непроходимой. Оборачиваясь на поскальзывавшихся в чавкающей грязи Стражей, молодая ведьма цедила сквозь зубы, что без двух сопящих недотеп она прошла бы гораздо быстрее и незаметнее. Но скорости передвижения ее ругательства не помогали никак, и на дорогу они потратили гораздо дольше, чем рассчитывали.

Лагерь королевской армии, некогда поразивший Айана своей величиной и продуманностью, исчез. На его месте Стражи обнаружили вытоптанное в грязи месилово, какое бывает только на месте вычищенных городских свалок. Кое-где валялись покрытые грязью гниющие трупы людей и порождений тьмы. Из-за разложения порой трудно было понять с первого взгляда кому чей принадлежал.

Соблюдая все предосторожности, Стражи добрались до самого великого моста. Дымы они заметили еще издали. Поэтому для них не стали сюрпризом несколько разложенных ближе к середине моста костров, возле которых кучковались фигуры порождений тьмы. Насколько можно было судить, твари не пылали боевым духом, сидя почти вплотную к огню. На промозглом ветру они действительно мерзли. С северного берега Ферелдена к горящим кострам приближалась еще одна небольшая процессия низкорослых порождений тьмы, нагруженная огромными охапками хвороста и веток.

— Их около пятнадцати у костров и четверо с дровами, — негромко подсчитала Морриган, даже несмотря на сырую погоду не пожелавшая прикрыть тело более необходимого. — Вы все еще хотите вниз спустаться? Неужто не видно вам, что нет там уже трупов никаких? Все, что могли, они забрали. Да посмотрите сами!

Морриган была права. С того места, на котором стояли Стражи, ущелье, где произошло сражение, хорошо просматривалось. Оно казалось таким же огромным мусорником, как и бывший лагерь. Однако на удивление тела павших, что людей, что тварей, пропали. Вмести с оружием и доспехами. Лишь кое-где среди мусора можно было различить чьи-то гниющие в грязи останки, однако узнать — нельзя, во всяком случае, с такой высоты.

— Вряд ли Дункан все еще там, — вполголоса пробормотал Кусланд, не глядя на товарища. Алистер молчал. Рискнув поднять на него глаза, Айан был удивлен. Он ожидал увидеть скорбное выражение на лице Стража, но Алистер не скорбел, а пристально разглядывал копошившихся на мосту порождений тьмы.

— Тебя не удивляет, что все твари ушли, а эти остались? — вместо ответа спросил он, кивая в сторону моста. — Ощущение такое, словно их там держит. Они как будто охраняют что-то.

Айан тоже внимательнее пригляделся к тварям, которые растаскивали принесенные дрова.

— Там что-то есть, — согласился он с Алистером после недолгого рассматривания. — Какой-то тотем. Не думал, что у порождений тьмы хватает ума на возведение чего-то подобного.

— Как правило-то они безмозглые, — по-прежнему не отводя взгляда от моста, объяснил успевший кое-чего поднахвататься в рядах Стражей бывший храмовник. — Есть твари... есть те, которые появляются уже такими. С рождения. Они — вроде животных. Никаких мыслей. Ведомы они только Зовом, который исходит от архидемона. Мы, Стражи, тоже слышим этот Зов. Но есть и те, что получают из людей, пораженных скверной. Которые не смогли умереть. Как правило, такие твари гораздо умнее.

— Не насмотрелись вы еще? — скучающе раздалось за их спинами. — Быть может, уйдем уже отсюда? Иль вы решили ночевать на месте этом?

Стражи одновременно обернулись на молодую ведьму, и затем недовольно переглянулись между собой.

— Посмотрим, что там у них? — призывно качнув головой в сторону моста, предложил Кусланд. Алистер поднял брови.

— По десять на каждого, — Айан присмотрелся к кострам. — Кому-то даже достанется девять. В башне их было больше.

— В башне они нападали не все сразу! — вяло возразил Алистер, душа которого много дней горела жадной мести и желанием ее на ком-то выместить.

— Так и здесь мы их рассеем, — успокоил товарища Айан. Угрозу для себя в его голосе

Алистер расслышал далеко не сразу.

Одинокую идущую по мосту фигуру порождения тьмы почуяли, только когда она оказалась совсем рядом от двух ярко горевших костров. Хотя подобравшийся к ним так близко человек особо не таился, неспешно двигаясь по направлению к сгрудившимся возле огня тварям. Не доходя двух десятков шагов до ближайшего костра, он остановился. Несколько тягучих мгновений он и явно ошарашенные его появлением порождения тьмы смотрели друг на друга. Еще мигом позже раздался их дружный озлобленный рев.

Человек вздрогнул и, не дожидаясь, пока вскочившие на лапы твари добегут до него, с силой швырнул в огонь ближайшего к нему костра то, что нес в руках. Раздавшийся вслед за этим взрыв разметал дрова и горячий камень, обдав тех из порождений тьмы, кто не успел увернуться, брызгами жидкого огня.

Но ничего этого человек уже не видел, так как, повернувшись, уже бежал туда, откуда пришел — к южному берегу Ферелдена. Человек был высок и бежал быстро. Тварям из порождений тьмы, большинство из которых едва бы достали ему макушкой до груди, догнать бегуна было непросто. Только четверо из них, те, которые не уступали безумцу ростом, постепенно нагоняли его. Жажда мести была чужда тварям, но такой крепкий и быстрый мужчина мог стать великолепным гарлоком — так называли люди своих же собратьев, пораженных скверной, но не нашедших смерть. А значит, нужно было заполучить его во что бы не стало. Или убить, что вернее. Твари не умели думать, но подчинялись Зову. Перед ними была добыча, и Зов гнал их вперед.

В самом конце мост упирался в уцелевшие остатки руин на южном берегу. Здесь возле осыпи оставались защитные сооружения для лучников. Человек миновал их беспрепятственно, но бегущим вслед за ним порождениям тьмы повезло меньше. Внезапно казавшаяся незыблемой деревянная махина пришла в движение как от сильного толчка. Связывающая бечева лопнула, и тяжелые бревна попадали сверху на пробежавших прямо под ними тварей.

Двух завалило сразу, еще одного смело с моста. Четвертый ухитрился увернуться от падающих бревен, но это лишь на миг отсрочило его гибель. Метнувшаяся из-за обрушенной баррикады тень одним движением снесла гнилую голову гарлока и, не мешкая, тяжеломерно побежала навстречу несущимся на нее низкорослым тварям.

— Алистер!

Однако, звать бывшего храмовника не было нужды. Алистер был уже рядом. опередив в своих легких доспехах товарища, он с ходу обрушился на низкорослых, которые первыми попались под его горячую руку. В беге твари растянулись по мосту, что давало Стражам преимущество не быть атакованными сразу всей толпой.

— Лучники!

У окруженного сразу пятью тварями Алистера не было возможности поднять щит, чтобы не сломать собственную тактику защиты. Кусланд же был отрезан от него размахивавшими ржавым оружием порождениями тьмы. Он видел, что не успевает пробиться к товарищу и заслонить его от вскидывавших луки сразу трех уродцев. Но в миг, когда все три смерти уже готовы были сорваться в роковой для Стража полет, огромная черная птица, появившаяся словно из неоткуда, резко спикировала прямо на низкорослых лучников. Одного она подняла в воздух и с натугой сбросила вниз с моста. Двое других

сделали попытку подстрелить из луков неизвестно откуда появившуюся тварь. Но та с легкостью увернувшись от стрел, бросилась вновь, сметя другого. Опомнившиеся от такой неожиданной поддержки Стражи с удвоенными силами бросились на порядком уже рассеянных порождений тьмы. Черная птица не улетала, то там то здесь кидаясь на всех, до кого могла достать. Наконец, последний низкорослый лучник, пытавшийся обратиться в бегство, с кричающими воплями исчез за краем обрыва. Птица в последний раз с усилием взмахнула крыльями и упала на холодные камни моста. Несколькими мгновениями спустя перед застывшими Стражами лежала обнажённая темноволосая ведьма.

— Дыхание Создателя! Это ты!

Морриган поднялась на ноги, ничуть не смущаясь своей наготы. Окинув взглядом ошарашенные лица Стражей, мрачно ухмыльнулась, складывая на груди тонкие руки.

— Когда мужчины без одежды меня видят, похотливые взгляды я бы предпочла. А вы смотрите как два идиота, — встретившись глазами с Айаном, она резко сменила тон, заговорив устало, будто бы на ее хрупкие плечи внезапно навалилась чугунная плита. — Я оставила одежду у края моста. Быть может, принесет ее мне кто-то?

— Так вот что они здесь охраняли, — сдавленным голосом проговорил Алистер и прочистил горло. Его спутники промолчали. До его возвращения они уже успели насмотреться, и теперь стояли посреди бывшего лагеря порождений тьмы обуреваемые самыми разными чувствами.

То, что они издали принимали за тотем, оказалось наскоро сбитыми жердями. На них на высоте двух человеческих ростов, прибитое несколькими копьями, висело тело короля Кайлана. Оно было так сильно изломано, точно кто-то сначала пропустил его через мельничные жернова. Лицо еще не до конца было тронут гниением, и без сомнений, это был король. У подножия жердей в грязи и гное валялись его доспехи и обрывки одежды. Вездесущие порождения тьмы, мародерствующие где только было можно, их не тронули.

— Доспех зачарован, — проследив за взглядом Айана, пояснила успевшая одеться ведьма. — Им не носить его, но и выкинуть не посмели. В дерьме лишь вывалили сильно.

— Ох, они вот так и бросили его гнить, — Алистер поморщился как от боли. Кусланд, зажав нос ладонью подпрыгнул, попытавшись достать до королевских ног. Несмотря на его рост, сделать этого не удалось.

— Умер он уже. Что вам за дело? Пусть вороны потешатся. Нам нужно уходить скорее. Не ровен час — придут другие.

Алистер, справившись со своим лицом, бросил взгляд на Айана. Тот пожал плечами.

— Кто внизу, ты или я?

— Давай я. Я крепче.

Алистер не стал спорить. Встав на колени упершемся в жерди Кусланду, он взобрался к нему на плечи. Оказавшись на одном уровне с королем, с трудом обломал все удерживавшие его копья и, обхватив мертвого Кайлана за плечи, дернул. С третьей попытки тело поддалось, и Алистер, не удержавшись, упал на грязные камни моста в обнимку с королем.

— Всемиловитый Создатель!

Кусланд помог подняться. Морриган насмешливо наблюдала за ними.

— Давай отнесем его в храм. Туда, где ты проходил посвящение, — морщась от скверного запаха, предложил бывший храмовник. На Кайлана он старался лишний раз не смотреть. — Там больше дров.

— Сложим ему королевский костер, — согласился Айан. Нагнувшись, он подобрал нагрудник Кайлана и поймал на него последние лучи заходившего над Ферелденом солнца. Алистер терпеливо ждал, зарывшись носом в рукав. Лицо его кривилось в непонятной гримасе.

— Добрый доспех, — наконец решил Кусланд, опуская руки. — Жаль будет бросить их вот так здесь в грязи и скверне.

— Хочешь забрать с собой? — Алистер, не глядя, мотнул головой.

— Да, — Айан в последний раз взглянул на нагрудник и уложил его на камни. — Заберем, когда будем уходить. Оставить здесь доспех — все равно, что оставить висеть само тело. Вернем его королеве Аноре. Если сможем добиться ее аудиенции.

— Анора — дочь тейрна Логейна, — напомнил Алистер, снова прочистив горло и сплевывая в сторону. — Как ты думаешь, она знала о его планах предать короля?

Кусланд неопределенно дернул плечом. Вдвоем, в сопровождении молчаливой

Морриган, которая временами казалась продолжением их теней, они донесли тело короля через мост и весь бывший лагерь. Когда отягощенные королевскими останками Стражи подошли к разрушенному храму, уже начинало смеркаться. Поднявшись по полустертым ступеням, Алистер и Айан внесли Кайлана во внутренний двор храма и только тут заметили огромного пса мабари, стоявшего к ним задом. В королевской армии были мабари, однако все они погибли в бою. Так, всяком случае, должно было случиться. И все же реальность в теле огромного мощного поражённого скверной зверя, стояла у самого алтаря, подергивая куцым хвостом.

Алистер выпустил королевские плечи, которые он нес, и вытащил меч. Пес резко обернулся на звук и оскалил страшные клыки.

— Иеху! — тоже выпустив ноги Кайлана, Айан в изумлении присел на колено. — Иеху, мальчик! Ко мне!

Радостно гавкнув, мабари рванулся вперед в длинном стремительном прыжке. Сбив с ног своего хозяина, пес прыгнул сверху, вылизывая его лицо. Кусланду удалось выбраться из-под собаки только со второй попытки.

— Твоя псина? — Морриган отодвинулась, подбирая свисавшую с ее штанов связку хвостов из мелкого зверья. — Хуже смердит она, чем та пададь, что вы волокли сюда с таким усердием.

Алистер присел рядом с Кусландом и, после колебаний, опустил руку на мощный песий загривок. Повинуясь взгляду хозяина, мабари перестал вертеться и встал напротив бывшего храмовника. Некоторое время человек и зверь смотрели друг другу в глаза.

— Всегда хотел такого, — зачаровано пробормотал Серый Страж, убирая руку. Иеху еле заметно шевельнул хвостом. — Но... если он твой... Как он здесь оказался?

Кусланд пожал плечами. Ему самому было это интересно.

— Я не смог взять его с собой из замка. Должно быть, он сбежал от мерзавцев Хоу. И бежал по моему следу, пока тот не оборвался. Тогда он вернулся сюда.

— Почему именно сюда? А не в башню?

Айан с усилием поднялся и, обойдя алтарь, подобрал валявшийся за ним незаметный с их места костяной кубок.

— Должно быть, эта вещь больше других пахла мной. А может, он просто потерял след. Сколько народу здесь успело протоптаться?

Не веря себе, Алистер забрал у Кусланда кубок и провел ладонью по его шершавому боку.

— Дункан должен был его унести, — он повел головой, подчеркивая неизвестно что. — Ритуальный кубок. Мы... должны забрать его с собой. Он — часть Посвящения.

— С его помощью мы сможем обратить больше Стражей? — деловито поинтересовался Айан. Его изумление постепенно улеглось, и теперь он прикидывал преимущества их положения — если они существовали.

— Н-не знаю, — Алистер снял с плеча мешок и, тщательно оттерев кубок рукавом, сунул его туда, как величайшую ценность. — Я не уверен, что именно добавляют в кровь порождений тьмы для проведения ритуала. Этим всегда занимался Дункан. Или кто-то из старших Стражей. Нас не посвящали. Сама по себе кровь — чистый яд.

— Так ты не знаешь, как делаются Серые Стражи? — забывшись, Кусланд гаркнул так, что Морриган и Иеху шарахнулись в стороны, а бывший храмовник вздрогнул. — Свадебный подол Андрасте, я и не думал, что все настолько плохо!

— Я разве когда-то говорил, что знаю? — Алистер примирительно поднял обе руки. — Друг, не сердись. Это не моя вина. Нужно смириться, что пока нас только двое на весь Ферелден. Потому нам и нужны союзники.

— Все верно, белобрысый, — Морриган присела на кусок камня и с удовольствием вытянула ноги. — Союзники нужны вам очень. И вместо того, чтобы собирать их, вы собираете падаль и над стекляшками ругаетесь. Прекрасно!

Айан махнул рукой и пошел за дровами. Морриган была права в одном — криками их делу было не помочь. Спустя некоторое время он и Алистер натаскали внушительную грудку сырых бревен и веток, в основном оставшихся от распорок под шатрами. Сложив из них отвечающий всем канонам погребальный костер, они в последнем усилии подняли на него тело короля.

— Долго будем разжигать, — Айан мотнул в сторону хвороста, на котором покоилось тело Кайлана. — Все совсем сырое.

Алистер тоже посмотрел в ту сторону.

— На ветру дрова должны подсохнуть, — не совсем уверенно предположил он, вызвав усмешку на лице Морриган. — А пока... быть может, все же спустимся вниз, туда, где была битва? Пока окончательно не стемнело. Мы ведь пришли сюда за Дунканом. Что, если он все еще там? Я... прости друг, я не могу уйти отсюда, не убедившись, что его там нет.

Айан бросил взгляд на Морриган. Темноволосая ведьма улыбнулась уголком рта.

— Известно всем, что Стражи Серые порождениям тьмы уподобляться скорее поздно должны, чем рано. Однако вижу, врут легенды. Вы двое еще от посвящения отойти не успели, а уж падаль собираете, как будущие ваши собратья.

Кусланд непонимающе повернулся к Алистеру.

— О чем она говорит?

— А о чем она может говорить? — тот возмущено дернул руками. — Предлагает нам бросить Дункана...

— Нет, я не о том. Что там о Стражах? Почему они должны уподобиться порождениям тьмы? Это правда?

Открывший уже было рот Алистер запнулся. Вид у него сразу сделался до того несчастным, что Кусланду захотелось встряхнуть из него ответы на свой вопрос немедленно и с кровью.

— Тебе не успели сказать, — Алистер бросил злой взгляд на ироничную ведьму и решился. — Мы, Стражи, пьем кровь проклятых. Скверна крови делает нас стойкими к болезни, что поражает других смертных от соприкосновений с порождениями тьмы. Она же помогает нам чутать их, если они будут близко. Но со временем... она изменит твоё тело и душу. Такова цена, которую мы...

— Сколько? — грубо прервал его Айан. Он понимал, что виноват товарищ не был. Но не мог сдерживаться сейчас. — Сколько у нас времени прежде, чем мы превратимся в этих тварей?

— Лет тридцать, — с облегчением поторопился ответить Алистер, предчувствуя завершение неприятного разговора. — А потом... когда ты будешь чувствовать, что уже не можешь удерживать это в себе... Страж идет в Орзамар. Гномий город на севере Ферелдена. Там у них выход на Глубинные Тропы, откуда и приходят все порождения тьмы. Это называется последний поход. Последний — для Стража. Такая, понимаешь ли, традиция...

— Убить как можно больше порождений тьмы прежде, чем они убьют тебя? — угрюмо

догадался Кусланд. Алистер кивнул.

— Какое же дерьмо.

— Зато теперь ты знаешь, почему посвящение в Стражи — такая тайна.

Айан мотнул головой в сторону Морриган.

— Не такая это и тайна, если ей все известно.

— Скажешь тоже, — Алистер неуверенно улыбнулся, понимая, что товарищ уже все понял и принял. — Она же ведьма.

Морриган подняла глаза к небу, но промолчала.

— Ладно, — грубовато решил Айан, кивком головы подзывая своего мабари. — Пойдем спустимся. Поищем Дункана, если он все еще там.

Задолго до того, как оказаться на бывшем смертном поле, Серые Стражи поняли истинную причину того, почему Морриган отказалась с ними идти. Несмотря на практически полное отсутствие тел, смрад стоял такой, что увязавшийся за ними Иеху заскулил, а у обоих Стражей скрутило потроха. Ведьма была права, в том месиве, в которое превратилось место схватки королевской армии с порождениями тьмы, едва ли можно было найти что-то, а тем более, кого-то. Исчезли даже трупы собак, что казалось невероятным. В тех гниющих полуразложившихся останках, которые так прочно лежали в жидкой грязи, что чтобы их поднять, нужно было искать лопаты, узнать кого-то было невозможно. Это признал даже Алистер после часа блужданий, за которые Стражи успели несколько раз обойти место битвы из конца в конец.

— Все же, куда они дели тела? — прижимая руку к лицу, невнятно пробормотал Алистер, когда они в очередной раз остановились под мостом. Здесь гнили было меньше, и вонь — слабее. — Неужто похоронили? Быть не может!

— И слопать не могли, — согласился Айан, смуглое лицо которого теперь было зеленым. — Эдакую гору плоти.

— Унесли? — Алистер поплотнее прижал к лицу ладонь и задышал кислым запахом кожи от пропотевшего наруча. — Но куда??

— Жрать, должно быть, — Кусланд неопределенно мотнул головой. — А куда... как они пробрались в Башню, если все было оцеплено войсками? Прокопали. Больше никак. Вот и ищи теперь Дункана в их норах... Погоди. Морриган говорила — они утаскивали выживших солдат под землю. Ну да, точно.

Айан вдруг умолк, резко отвернулся от Алистера, и его вырвало. Иеху сунулся к хозяину, не переставая скулить. Кусланд не глядя оперся рукой о голову собаки.

Однако Иеху не стал дожидаться окончания его мучений. Внезапно он насторожился. Одновременно с тем Стражи почувствовали знакомую боль, стягивавшую виски.

Порождения тьмы появились откуда-то с северной стороны, словно вылепляясь из вечерних сумерек. Они несли что-то вроде заступов и лопат. Оружия у них при себе не было. Это последнее, что успели заметить Стражи до того, как метнувшийся в их сторону Иеху с ходу сбил с ног тощего гарлока и вонзил в его горло страшные клыки...

... Это тянулось столько, что он уже давно забыл, и ничего не помнил. Все его существо утратило разумный смысл, и только ненависть помогала не сорваться с той скалы остаточного понимания, за которую он отчаянно цеплялся обеими руками. Отчаяние, безнадежность и все набравший силу Зов — все тащило его вниз, туда, где жадно чавкала тягучая густая чернота. Борьба эта происходила вечно, занимала все века. Он знал, что он один, и помощи ждать неоткуда, знал и то, что в одиночку ему не выбраться, и рано или поздно неизбежное произойдет. Ободранные пальцы разожмутся, и мерзкая зловонная жижа примет его в упоительно-сладостные объятия. Но пока это поздно не приходило, он ненавидел, боролся, и ждал — ждал, когда, наконец, у него кончатся силы. Ждать чего-то другого было бессмысленно.

В окружавшей его ирреальности что-то сдвинулось. И опять, на этот раз сильнее, больнее. С трудом раскрыв залепленные черной мерзостью глаза, он снова увидел их рядом с собой. Их уродливые морды выражали что-то вроде умиления — совсем как у любящих родителей младенца. Но черные перекрученные скверной лапы ловко и безжалостно делали обычное дело. Один, ухватив его за волосы, стиснул щеки, заставив приоткрыть кривящийся рот. Второй, подняв откуда-то первый кусок осклизлого черного мяса, стал выжимать из него соки прямо в глотку, не обращая внимания на дергания и всхрипы. К сопротивлению своего неразумного дитяти они уже привыкли, и теперь недоумевали только, отчего оно длилось так долго.

Это продолжалось долго, гораздо дольше, чем можно было выдержать. Но закончилось неожиданно раньше, чем обычно. Внезапно тот, который держал, насторожился. Хватка его ослабла, а потом он и вовсе отпрыгнул в сторону, и они с кормителем, бросив все, тяжеломерно побежали туда, откуда обычно приходили. Однако выскочить в дальний пролом в стене успел только один. И тут же какая-то неведомая сила швырнула его обратно. Вслед за кормителем внутрь колыбельни стремительно метнулась огромная темная тень. С громким ревом она прыгнула на замершего держателя и мгновенным движением тяжелых челюстей разорвала ему горло. Кормитель попытался огреть зверя кулаком, но тот легко увернулся, вцепившись в руку зубами. Рывок — и кормитель оказался распластанным перед стремительной тварью, а еще несколько мгновений спустя его постигла участь держателя.

Зверь поднял залитую черной кровью морду вверх и негромко гавкнул. Почти сразу же после этого благословенная тьма колыбельни нарушилась. В пролом шагнул очень высокий и очень рыжий человек в тяжелом доспехе. В одной его руке был факел, в другой — длинный меч. За ним прошмыгнул еще один — не ниже, и едва ли щуплее, но, в отличие от первого, чем-то смутно знакомый. После некоторого напряжения вспомнить удалось. Но забитое до горла нутро отказывалось издавать звуки. Оставалось лишь ждать, пока его найдут. Если его найдут. Если...

Однако об этом беспокоиться не пришлось. Темная тень, оказавшаяся собакой, знала о нем еще раньше, чем показалась на пороге колыбельни. Умная тварь подвела двух двуногих к его кокону и почти ткнула их в него носами. Теперь дело было за малым...

— Ну и дыра, — стирая брызнувшую через все лицо кровь последнего из порождений тьмы, пробормотал Кусланд. Потрескивавший факел в его руке не мешал сражаться, но все же Айан всегда чувствовал себя неуверенно без спокойной тяжести щита. Алистер покивал головой, забывая, что спиной товарищ его не видел.

— Зато мы наконец-то нашли логово этих тварей. Видимо, сюда они стаскивали пленных.

— Они делают порождений тьмы из людей?

— Из людей, из эльфов и гномов, — голос Стража звучал гнусаво. Алистер задумчиво кивнул на один из пустых мясистых коконов, которых было множество в этой найденной ими под мостом пещере. — Совсем недавно тут было оченьлюдно.

— Но разве люди не умирают от скверны?

— Должно быть, не все, — светловолосый Страж дернул плечами. — Мне мало что об этом известно. Если кровь порождения тьмы попадет на открытую рану, заражение скверной происходит очень быстро. Спустя короткое время человек либо умирает... либо становится таким, как они. Случаи исцеления редки. Впрочем, они тоже случаются.

— А зачем они заворачивают зараженных в коконы?

— Кокон из мяса порождений тьмы, — Алистер кивнул по сторонам. — Должно быть, они ускоряют поражение тел пленников скверной...

— Ладно, — Кусланд устало опустил руку с мечом. — Здесь больше никого нет. Да и не было. Всех, кто был, они куда-то увели. Возможно, рядом есть еще пещеры. Но уже темно. Пора возвращаться к Морриган. Сожжем тело короля и уйдем отсюда.

— Здесь даже для нас многовато скверны, — со вздохом согласился Алистер, смирившийся с невозможностью найти тело своего наставника. Он тщательно вытер меч о штанину и сунул его в ножны относительно чистым. Кусланд совсем было собирался последовать его примеру, как вдруг усиленно нюхавший воздух мабари гавкнул. Не предостерегающе, но призывно. И хотя никто из них не чуял больше никаких порождений тьмы, Алистер мгновенно выхватил свой меч.

— Там что-то есть.

Кусланд поднял факел повыше. Ход, который они нашли в норе под мостом, откуда появились порождения тьмы, привел их в большую, наскоро вырытую пещеру, забитую остатками гниющей падали. Большая часть падали была скручена в странные коконы, в которых по размерам мог бы поместиться человек. Все коконы были пустыми, кроме двух, в которых обнаружили сильно порченные скверной человеческие останки. Запах стоял такой, что пока они добрались по довольно короткому коридору, Кусланда не раз скрутило в корчах, а Алистер очистил желудок дважды. Благо, порождения тьмы, которые здесь были, ушли, забрав с собой свою страшную добычу, какой бы они ни была. Те трое, которых они сразили возле входа, и двое в пещере — вот и все, кто им встретился.

— Там!

Готовые ко всему, они шагнули в дальний конец пещеры. Здесь трупная мерзость была не только на стенах, но и на полу. Ноги уходили в нее по щиколотку. Иеху приблизился к одному из больших коконов, вокруг которого в слизи валялись большие куски гниющего мяса, и негромко зарычал. Стражи подошли ближе и непроизвольно вздрогнули, когда кокон

вдруг шевельнулся. Приглядевшись, они смогли разглядеть едва различимое на фоне всего остального покрытое липкой красно-черной жижей человеческое лицо. Свет факела отразился в блестящих, горевших безумным белым светом зрачках.

— Создатель милосердный!

— Погоди! — Алистер придержал шагнувшего было вперед Айана. — Этот человек провел здесь больше недели. Если он до сих пор не умер, то вот-вот превратится в одного из них.

Кусланд остановился. В словах Алистера был смысл. Он бросил еще один взгляд на искаженное лицо несчастного. Тот дернул головой, видимо, попытавшись что-то сказать, но не исторг из себя ни звука.

— Предлагаешь... прервать его мучения?

Заклочённый в кокон взмыкнул. Стражи одновременно посмотрели на него, потом друг на друга.

— Похоже, он еще в сознании. Он понимает, о чем мы...

Кусланд склонился над коконом, поднеся факел к самому лицу несчастного. Потом протянул руку и счистил покрывавшую его жижу из скверны.

— Странно, — слышал Алистер его голос. — Никаких следов поражения. Ни гниения, ничего. Во всяком случае, на лице.

Не веря товарищу, Алистер присел рядом с коконом. Заглянув в глаза пленника, он внезапно переменялся в лице.

— Ты прав, Айан, — сипло проговорил он, поднимаясь. — Нет на нем никаких следов гниения. И быть не может. Я знаю этого человека. Он — Серый Страж.

— А... глаза?

— Они у него всегда... Дункан привел его в лагерь уже таким.

Более не мешкая, Кусланд вытащил засапожный нож и принялся взрезать кокон, стараясь не задеть пленника. Гниль оказалась достаточно тугой, и только совместными с Алистером усилиями им удалось обрезать большую часть жил и хрящей и разодрать, наконец, сковывавшую пленника мерзость. Страж из раскрытого кокона буквально вывалился в покрывавшую пол жижу и мог там захлебнуться, если бы не был подхвачен товарищами. Теперь было понятно, отчего коконы были такими низкими, а заключенные в них люди не могли двинуться. Найденный Страж был абсолютно голым, и жестоко скручен кусками кожи и жил. Так, чтобы он все время оставался на коленях, с заломленными руками, стиснутый со всех сторон мясной скверной, и не в состоянии шевельнуться.

— Создатель, что же они с ним тут делали?

Кусланд освободил пленника от связывавших его пут. Освобожденный Страж вновь упал — на четвереньки, с трудом удерживаясь на вытянутых руках, и его вырвало. Потом еще, и еще. Алистер успел поймать его за плечи до того, как силы окончательно оставили бывшего пленника. Кусланд подоспел мгновением позже. Сунув факел в зубы мабари, он помог Алистеру удержать потерявшего сознание Стража и, перевернув его, с усилием поднял на руки.

— Возьми у собаки факел и свети мне, — с натугой приказал он. — Ни тьмы не видно куда идти.

— Как увидала вас, подумала — новую вы пададь принесли. Сдается мне, не так я далека от истины.

Над Остагаром стоял глубокая ночь. Крупные звезды светили с небес, отражаясь в бесчисленных лужах. Пока Айан и Алистер, надрываясь, тащили тяжелого пленника порождений тьмы по выщербленным ступеням на мост, хлынул сильный дождь. В том не было ничего странного, так как собирался он весь день. Однако теперь он оказался подспорьем, как нельзя лучшим. Сильные струи смыли большую часть мерзости со всех трех Стражей. В особенности с бессознательного, на котором не было доспеха. Дождь лил несколько часов, и утих только ближе к середине ночи. Стражи и ведьма укрылись в пристройке у разрушенного храма. Спасенного уложили на пол, на плащ Кусланда, прикрыв плащом Алистера. Больше ничего сделать они для него не могли.

— Тебе не надоело все время говорить одно и то же? — Алистер поворошил угли разложенного прямо на полу костра. Несмотря на весь их опыт походов, Стражам не удалось бы разжечь огонь без помощи ведьмы.

Морриган усмехнулась.

— Я перестану. Когда ты научишься с первого раза понимать. Зачем его сюда вы принесли. Он в лапах порождений тьмы побывал. Превратить его усиленно пытались. Даже если сохранил он разум, он все равно не тот, что раньше был.

— Он Серый Страж. Чтобы обратить Серого Стража нужно гораздо больше времени... если это вообще возможно.

— Ты его хорошо знал? — вглядываясь в лицо бессознательного пленника, спросил Кусланд. Алистер неопределенно повел головой.

— Не так чтобы... Дункан привел его больше месяца назад. И тут же ушел за тобой. Он очень торопился. Ну а сам парень... Даже не знаю, как сказать. Не очень-то он хотел со всеми нами сближаться.

— Вы не были товарищами?

Алистер поскреб затылок.

— Видишь ли, друг. Все дело в том, что... в общем, у парня была странность. Диковатый он какой-то.

— Диковатый?

— Да, — Алистер хмыкнул. — Нет, ничего такого. Просто в лагере он вел себя чудно. Ходил везде, смотрел... Как будто солдат и оружия никогда не видел. Доставал всех вопросами. А вопросы — самые обычные. Про оружие, доспех, построения и тактику... Ему как могли объясняли, но он был как одержимый. Чем больше с ним разговаривали, тем больше спрашивал. Но о себе не рассказывал ничего. Да еще его глаза... Дункан говорил — ничего страшного, похоже на магический ожог. Ну знаешь, все эти снадобья, которыми пользуются маги — швыряют тебе в лицо и ты слепнешь. Или не слепнешь, а следы остаются. Но такое бывает редко и парни все равно ему не доверяли. Люди, что с них взять.

— Он хороший воин?

— Да в том-то и дело. Воин он никакой. Я как-то скрестил с ним мечи. Ты знаешь, друг, я учился при церкви, и руку храмовников могу различить. Так вот, драться парня учил точно храмовник. В этом можешь быть уверен. Многое на это указывает. Но сам он то ли не

способен оказался, то ли храмовник не успел вложить в него то, что знал... Одно я тебе скажу. Если бы он обучался при храме, я бы это понял. Но обучали его не при храме. Меч в бою не выронит — и то хорошо. Не понимаю, что такого разглядел в нем Дункан.

Айан прекратил расспросы. Алистер оставил костер и вернулся к прерванному занятию. Еще во время дождя, когда Морриган занималась костром, а Кусланд — постелью для найденного Стража, он успел сходить на мост и принести доспехи Кайлана. Теперь он тщательно, пядь за пядью, начищал их, следя, чтобы ни крупинки скверны не оставалось на сверкающем металле. Пропитанные кровью ремни он прополоскал в луже и выстирал с глиной.

— Это у тебя личное? — поинтересовалась Морриган, наблюдая за ним. Алистер, привыкший, что молодая ведьма выбрала его объектом для насмешек, сдержался и промолчал.

— Так ведь носить-то ты их все равно не сможешь, — ведьма фыркнула, потягиваясь у огня. — Зачем же так стараться?

— Почему не смогу? — не выдержал Страж, возмущенно выпрямляясь. Айан тоже вопросительно поднял брови.

— Так ведь зачарованы они, — Морриган указала подбородком на рукавицу короля, которую держал в руках Алистер. — Не веришь, так надень, попробуй сам. Что будет, увидишь.

Алистер пожал плечами и сунул руку в рукавицу. Повертел, прилаживая по своей руке. Затем подобрал другую, уже очищенную, и надел и ее тоже.

— Ну? И что должно произойти?

— Это... странно...

Забыв о разговоре, все трое обернулись на голос. Всеми забытый спасенный Страж успел прийти в себя и даже уже не лежал, а сидел, кутаясь в плащ Алистера, и не отрывая глаз от самого Алистера. Точнее, от рукавиц Кайлана на его руках.

— Хвала Создателю! Ты проснулся!

Страж поднял на бывшего храмовника блеснувшие в темноте глаза и переменялся в лице.

— Алистер? Ты жив, поганый ублюдок?

— Да, — тот кашлянул, бросая взгляд на изумленного Айана. — А ты, я вижу, все так же... гм...

— Мое имя Дайлен. Ты, как вижу, опять забыл, — назвавшийся Дайленом Страж поплотнее закутался в плащ и как-то увял. — Никто из вас так и не запомнил...

— Неправда. Я помнил, как тебя зовут, — Алистер отошел, присаживаясь на землю рядом со сложенным доспехом. — Дайлен Амелл, самая угрюмая задница во всем Ордене. И самая сварливая.

Тот на миг бросил на него обжигающий взгляд, но на удивление промолчал. Впрочем, ненадолго.

— Я, видимо, должен вас поблагодарить, — ни на кого не глядя пробормотал он. — Благодарю.

Алистер указующим жестом обвел остальных сидевших у костра.

— Айан, наш брат по Ордену. И Морриган. Из лесных ведьм. На случай, если ты захочешь запомнить их имена.

Дайлен поочередно посмотрел на каждого и молча мотнул головой.

— Расскажи, как все было, — попросил Кусланд, сообразив, что ответного приветствия от спасенного не дожидаться. Амелл пожал плечами, придерживая край плаща.

— Да чего там рассказывать, — угрюмо проговорил он, уставившись в огонь. — По приказу, который мог отдать только полный идиот, мы, Стражи, встали в первых рядах и приняли на себя самый сильный натиск порождений тьмы. Это с первых же минут боя скосило большинство из нас. Я... я вообще никого не заметил в живых, кроме Дункана, все остальные были мертвы едва только началась битва. Появись в тот миг архидемон — убивать его было бы попросту некому.

— Дункан? Ты его видел?

— Да, видел, — Амелл дернул щекой, отвечая с видимой неохотой. — Но нас очень быстро оттерли друг от друга. Зато с королем мы сражались почти бок о бок.

— О, ты, наверное, трепет священный испытывал?

— А ты, наверное, как шутиха с ними таскаешься? — в тон Морриган нагрубил в ответ Амелл. — Нет, я испытывал только ненависть. За тот нелепый, безмозглый план атаки, который погубил столь многих. Впрочем, я мог наблюдать его смерть, и это в некоторой степени могло бы меня удовлетворить. Если бы я — только ради Дункана — не бросился его спасать.

— Но не спас, — Алистер вытер тряпкой нагрудник и перевернул его, занявшись внутренней стороной.

— Не спас, — Дайлен переменил положение под плащом. — Я бы не успел. Кайлан сошелся с огром. Такая огромная синюшная тварь в полтора человека ростом и как три — вширь. Тот буквально разорвал короля пополам. Я... на самом деле не успел. Последнее, что я увидел перед тем, как получить по голове, был Дункан, который всадил меч в грудь того самого огра. И все. Очнулся уже в пещере, весь в дерьме. А потом пришли вы.

Дайлен умолк. Стражи и Морриган — тоже не торопились что-либо говорить. В ночном воздухе разливалась та самая свежесть, которая бывает только после дождя. Далеко в горах еще посверкивали молнии, но над Остагаром уже не лило, несмотря на по-прежнему висевшие над крепостью тяжелые мохнатые тучи.

— Быть может, теперь вы мне расскажете, что произошло, пока я был там, внизу? — наконец, нарушил молчание Амелл. Он бросил еще один взгляд на перчатки Кайлана, которые Алистер не снял, занявшись нагрудником. — Что с армией? Как, тьма вас побери, вы двое остались живы? И что делаете в Остагаре?

... Погребальный костер горел жарко, словно сложенный на сухостое, а не на насквозь вымокших подшалашных распорках. Трое Серых Стражей — белобрысый, рыжий и темноволосый, как почетный караул стояли с трех сторон света у последнего ложа короля. Отблески огня отражались в до блеска начищенных королевских доспехах, которые по молчаливому общему согласию отягощали теперь плечи Алистера. Даже Айан, знавший о законах дворянской чести больше остальных, не стал настаивать на похоронах Кайлана в доспехе. Славное оружие и броня должны служить целям живых, а не мертвых. К тому же, вопреки туманным сомнениям Морриган, доспех сидел на Алистере, как влитой.

— Он был... хороший человек, — Алистер говорил медленно, подбирая слова. — Слишком на многое надеялся и слишком рано ушел из жизни...

— Он был хорошим человеком, но плохим королем, — подал голос Амелл. Несмотря на недельное заключение в коконе порождений тьмы, он выглядел куда лучше, чем накануне. Затянутый в старый доспех Алистера, с коротким мечом у бедра, он походил на молодого наемника, кем, похоже, и являлся до призыва.

— Да примет его Создатель.

— Да примет его Создатель, — вслед за Айаном оба Стража опустили на колени по три стороны от погребального костра перед воткнутыми в землю мечами. Дополняемый Алистером, Кусланд негромко проговорил все то, что должно говорить при погребении. Дайлен Амелл молчал, внешне, однако, сохраняя почтительность к совершаемому обряду.

Морриган оставалась в стороне. Видно было, что она с удовольствием отпустила бы одно из своих колких замечаний. Но появления в группе Амелла почему-то сделало ее более сдержанной — во всяком случае, внешне.

Слова молитвы были сказаны. Стражи поднялись на ноги, пряча оружие. С некоторым усилием посмотрели друг на друга.

— Пойдем отсюда, — Алистер не глядя, кивнул назад, на великий мост. — Нам тут больше нечего делать.

— Пойдем, — Кусланд согласно кивнул, следя взглядом за подходившей к ним Морриган. — Вот только куда? У нас договора с долийцами, гномами и магами Круга. Однако я уверен, многие банны тоже должны поддержать Стражей. Нам нужно найти способ убедить их в необходимости собрать новую армию.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Армия тейрна Логейна цела, — негромко напомнила ведьма, складывая руки на груди.

— Как и отряд Хоу, армия Амарантайна, — Айан мрачно кивнул, принимая ее слова. — Эрл Эамон, дядя короля, тоже не успел в Остагар со своими людьми. Нам нужен кто-то из знати. Тот, кто смог бы говорить на Собрании Земель. Я мог бы говорить от имени своего отца, тейрна Хайевера. Но мои земли захвачены Хоу. Пока они не будут возвращены, мое слово — слово изгнанника — не значит ничего.

— Ты — сын тейрна? — Амелл был искренне изумлен. — И Стражи сумели призвать тебя? Или... Неужели ты, аристократ и... и богач, пошел к ним... добровольно?

— У Стражей Право Призыва, — напомнил Алистер, поглубже натягивая перчатки. — Они могут призвать хоть самого короля, если ты забыл.

— Или принца, — подсказала Морриган как будто между прочим, однако почему-то ее слова заставили всех трех обернуться к ней.

— Что ты имеешь в виду? — первым не выдержал Амелл. Ведьма пожала плечами.

— Ты ведь понимаешь тоже в зачаровании доспехов толк, не так ли, друг мой оскверненный? Откуда? Впрочем, неважно. Но тебе, как и мне, неужто странным не показалось, что доспехи короля Кайлана, зачарованные на кровь, спокойно носит бродяга-Алистер?

— Я не бродяга! — возмутился тот, но осекся.

— Показалось, — тихо пробормотал Амелл. — Но я — всего лишь подмастерье. Мои знания — скудны и убоги. А тут — зачарование на кровь. Это малификарум, ведьма! Зачарованные на кровь доспехи на самом короле! Я подумал, что ошибся.

— Не ошибся ты, подмастерье. Зачарование на кровь. Большую силу дает доспехов владельцу. Теперь доспех на Алистере. Понимаешь ли ты, что значит это?

— Но это не может быть правдой. Скорее всего, мы оба с тобой ошибемся. Тут какой-то другой тип зачарования, сходный с малификарум... Если бы у меня была возможность изучить доспехи ближе...

— Минуту назад ты удивлен был, узнав о тейрна сыне так близко от себя, — Морриган с досадой дернула плечами. — Не нужно изучать их ближе, чтобы видеть. А впрочем, если сомненья тебя гложут — попроси перчатку у Алистера. И надеть попробуй. Перчатки достаточно быть должно.

Алистер и Айан переглянулись.

— Может, кто-то из вас, наконец, пояснит, о чем тут разговор? — мрачно поинтересовался Кусланд.

— Дело в том, что я некоторое время был помощником гнома-зачарователя, — Амелл покосился на Морриган. — Знаете, из тех, кто вдыхает магические силы в оружие и доспехи. Всем известно, что зачаровывать предметы могут только гномы или усмиренные маги. Я — ни то, ни другое, поэтому был только на подхвате, и не уверен...

— Короче, — попросил Кусланд как будто бы спокойно, но что-то в его тоне заставило Амелла поторопиться.

— В общем, я разбираюсь в зачарованных предметах. Когда я видел короля перед битвой, я стоял слишком далеко и не обратил внимания. Да и не до того было. Теперь же очень хорошо заметно. Видите эту красноватую ауру? — Айан и Алистер напрягли глаза, и действительно разглядели едва заметное красное мерцание вокруг королевских доспехов. — Это значит, что доспех либо заговорен от огня, либо на кровь. Двойной пробег мерцания через металл говорит нам о том, что здесь имеют место оба вида зачарования...

— Друг ваш велеречивый сказать желает, — видя, что у Стражей вот-вот выйдет терпение, соизволила пояснить молодая ведьма. — Что обладатель доспехов сих в огне сгорит не сразу, а будет мучиться сперва. И еще что только тот, на чью кровь заговорено это железо, сможет его носить. Он, либо тот, в чьих жилах течет похожая кровь. Предка, потомка, либо, скажем, брата...

— Брата... у короля нет братьев, — не сразу понял Кусланд. Через миг он понял и посмотрел на Алистера. Тот поежился под обращенными на него взглядами.

— Дай перчатку, Алистер, — снимая собственную и привычно отправляя ее в пасть волкодава, приказал Кусланд. Пожав плечами, тот повиновался. Айан сунул руку в королевскую перчатку и затянул ремень.

Несколько мгновений ничего не происходило. Кусланд вопросительно посмотрел на Морриган. Та ответила ему насмешливым взглядом. И тут — внезапно — к нему пришла боль.

Королевский наруч точно впился в кожу сразу несколькими десятками стальных игл. Выдираясь из него, Айан чувствовал, как неохотно выскальзывают из его плоти стальные острия и был очень удивлен, увидев свою руку сухой и чистой. Лишь в тех местах, куда впивались невидимые иглы, оставались едва приметные глазу красные пятна.

— Ну, так и есть. Зачарование на кровь, — Морриган кивнула. — То он пытался из тебя кровь вытянуть, как из недостойного владеть им. Порождения тьмы забирать его не стали — ни к чему он им. Понимаете, почему теперь?

Погребальный костер догорал. Но получивший все полагавшиеся ему почести мертвый король уже не так занимал его бывших подданных как смешавшийся Алистер, не знающий, куда девать свои руки.

— Э, да что там, — он безнадежно махнул рукой. — Я уже говорил Айану. Я бастард. Моя мать была служанкой в замке Редклифа. Главного города в провинции, которой правит эрл Эамон, давний друг и ярый сторонник дома Тейринов. Так получилось, что когда у Эамона был в гостях король Мэрик, мать прислуживала в его покоях. Ну и... к положенному сроку появился я, — Алистер вздохнул и, подчиняясь подгоняющим взглядам, продолжил. — Мое рождение стоило жизни моей матери. Что касается Эамона... Эрл сразу понял все выгоды и... опасность моего положения. Он оставил меня в замке и десять лет растил как своего воспитанника. Потом отдал на воспитание в Церковь, где меня учили на храмовника. Ну... и все. Что еще вы хотите узнать?

— Значит, ты — принц крови, — Амелл хмыкнул, наблюдая, как Кусланд, вытащив перчатку из пасти своего пса, стряхивает на землю его тягучую слюну.

— Я — сын охочей до знатных господ женщины, и распутного мужчины, который по случайности оказался королем, — Алистер зло дернул щекой. — Кайлан действительно мой брат по отцу. Но видит Создатель, если бы я знал, что доспех меня выдаст, я бы оставил его валяться у того позорного столба.

Кусланд поднял брови.

— Положение королевы Аноры нельзя назвать хоть сколько-нибудь устойчивым, — тихо, но твердо сказал он. — За пять лет брака она так и не смогла родить Кайлану наследника. Отец... мой отец рассказывал, что зная столицы в последний год правления Кайлана уже дважды поднимала вопрос о неспособности королевы к деторождению и отстранению ее от престола. Сам король... по слухам... перед тем, как отправиться в Остагар вел активную переписку с императрицей Орлея. Кто знает, не шаткое ли положение его дочери на троне заставило тейрна Логейна пойти на предательство короля?

— Что-то я не пойму, к чему ты...

— Кусланд хочет сказать, что по закону бездетная королева не может наследовать престол, если имеются другие наследники, в чьих жилах течет династическая кровь, — Дайлен Амелл неприятно усмехнулся и отвесил Алистеру поклон. — Поздравляю, ваше величество. Теперь осталось только прикинуть, как нам поудачнее провернуть это дело...

Алистер посмотрел на одного, другого, поймал взгляд Морриган и — понял.

— Да вы в своем уме? — от возмущения он не сразу смог подобрать слова. — Я не собираюсь... да никогда! Королева Анора — законная... правительница Ферелдена! Я — не принц, а Серый Страж. Большого мне не нужно! Никогда!

— Тогда как Серый Страж ты должен иметь перед собой главную цель — остановить Мор, — жестко прервал его Айан, и Дайлен кивком подтвердил согласие с его словами. — Подумай сам, кому будет проще собрать армию? За кем пойдут люди — за неизвестным бастардом или королем Алистером Тейрином, братом Кайлана, сыном легендарного Мэрика?

Светлоголовый Страж издал мучительный стон, пряча лицо в ладонях.

— Видит Создатель, я уже жалею, что сказал вам. Какой из меня король? В детстве я спал с собаками...

— Я тоже, — Кусланд хлопнул его по плечу и кивком подозвал Иеху. — Многие ферелденские мальчишки спят со своими псами и делят с ними пищу. Оттого псы нам так верны, — он опустил ладонь на голову волкодаву, и тот ответил спокойным и преданным взглядом. — Да не переживай, дружище, — Айан усмехнулся поникшему Алистеру. — Мы еще не нашли способа посадить тебя на трон. Пока ты свободен.

— Наслаждайся последними мгновениями, — плотоядно ухмыльнулся Амелл, и по его темным глазам вновь пробежал белый огонь. — Только когда уже будешь там... на троне... не забудь сделать меня командующим войсками. Вместо мерзавца Логейна. А Кусланда — Командором Серых Стражей. Ордену Ферелдена нужен новый Командор. А ведьму...

— Я — Морриган, — напомнила та тоном, не предвещающим ничего хорошего.

— А Морриган — отправишь в Круг магов, — напоследок посоветовал вконец обнаглевший помощник зачарователя, ухмыляясь во весь рот. — Говорят, там даже таких, как она, способны научить вежеству и...

Руки Морриган вспыхнули, как два факела, по самые локти. Кусланд мгновенно шагнул между взбешенной ведьмой и Дайленом.

— Хватит! — он резко обернулся к темноволосому Стражу. — Теперь твоя очередь.

— Моя очередь что?

Айан кивнул в сторону бледной от ярости Морриган.

— Хочешь, чтобы я дал ей поспрашивать?

— Я все равно не понимаю, о чем ты!

— Хорошо, я спрошу сам, — Айан вздохнул. — Ты говоришь, что был помощником зачарователя?

— Да, — после паузы несколько напряженно признал Амелл.

— Тогда расскажи, почему Дункан призвал тебя в Серые Стражи, — окончательно внес ясность своего недоумения Айан. — Я видел, как ты держишь меч. Как дубину. Ты плохой воин. Точнее, необученный. А Стражи всегда брали только лучших. Даже когда... когда оказывались в трудном положении. Таком, как сейчас. Так, во всяком случае, утверждал старик, учивший меня истории. Итак, почему?

Амелл помолчал, потом нерешительно улыбнулся, дернув плечами.

— Потому что он меня пожалел, вот почему, — он поднял голову и с вызовом посмотрел на Кусланда. — Если бы не Дункан с его правом Призыва, меня бы убили. Или казнили, как вам будет угодно.

— Казнили? — Алистер удивленно поднял брови, очень довольный, что всеобщее внимание было отвлечено от его персоны. — За что?

Дайлен бросил на него один из своих кислых взглядов, но неизвестный отпрыск королевской фамилии от этого не испортился.

— Помогая хозяину, я никогда не зачаровывал предметы сам, — нехотя заговорил

Амелл, глядя в землю. — Но всегда был на подхвате. В конце концов, гном начал доверять мне настолько, что разрешил возиться с лириумом. Ну, знаете, первосубстанция. Ее добывают только гномы в своих шахтах, и после обработки пьют маги — для усиления своих способностей. Еще храмовники пьют — для усиления своих. Жуткая гадость, но многие без нее не могут. Особенно слабые маги... как мне говорили. Зачаровывать предметы без него тоже не выходит. Итак, гном стал доверять мне лириум. Сначала под надзором, затем уже самому. Мне было интересно, и я никогда его не подводил. Всегда был осторожен, ведь он очень опасен для людей. Но однажды... однажды нам заказали статуэтку. Какой-то эльф, из городских, решил сделать свадебный подарок подружке. Статуэтку принес сам и просил зачаровать ее «руной луны» — чтобы светилась от прикосновения в темноте. Ну, и отпугивала насекомых. Комаров и тараканов... Заказ был дешёвенький и простой. Гном доверил мне приготовить состав для обработки.

— И? Ты приготовил?

— Я приготовил, — Амелл говорил негромко, даже равнодушно. — Сделал все, как надо. Уже собирался наносить состав на статуэтку с тем, чтобы позвать моего хозяина и завершить зачарование, когда... — лицо темноволосого Стража дернулось. — У хозяина была кошка. Подлая тварь. Все время пока я работал, она сидела в комнате. И когда я взялся за миску, в ее тупой... В общем, она прыгнула на стол и сшибла миску с составом. Сырообработанный, только что разведенный жидкий лириум настоящий на фосфоре и... и еще кое на чем выплеснулся мне в лицо.

Дайлен отогнул прядь густых темных волос, демонстрируя шрамы от ожогов на правом виске и щеке. Ожоги выглядели довольно необычно и не сразу бросались в глаза.

— Лириум, — еще раз повторил неудачливый зачарователь. — Попал мне в глаза. О, как это было больно. Но хуже всего — когда я пришел в себя, я понял, что ослеп. Несколько дней я провел в постели, милостью гнома, который не стал выгонять меня тут же. Хвала Создателю, спустя некоторое время зрение стало возвращаться. Но вместе с тем мои глаза стали другими. Вы могли заметить это в темноте. Они... могут светиться.

— Я заметил, — пробормотал Алистер, и Айан подтвердил кивком головы.

— Никаких радостей мне это не принесло, — Дайлен ухмыльнулся. — Зачарование того состава было просто на свечение. Они и светятся теперь. В темноте. Как должна была та проклятая статуэтка. Может, даже отпугивают комаров и тараканов. Не проверял. Впрочем, это только если напрягаться что-то разглядеть. Я стал лучше видеть в темноте, только и всего. Ну и... сам виноват. Первое время бродил по деревне в потемках и паялся всюду. Спугнул кое-кого своим ненормальным видом. Мне было весело, и я не сразу сообразил, что это дурачье побежит за храмовниками.

— Понятно, — протянул Алистер, который, как и остальные, не догадывался, к чему вел ученик заклинателя, до этого момента.

— Хорошо. Дальше — проще. Они решили, что я одержимый. Я! Гном, у которого я работал, относился ко мне хорошо и послал слугу предупредить, что меня ищут. Мне чудом удалось сбежать из деревни. Бегаю я хорошо, но и они — псы натасканные брать след и не терять его. Они настигли меня в Лотеринге. Жуткая дыра к северу отсюда. Надо сказать, к тому времени они были на меня очень злы. Уж не знаю, кем я им показался. Толи одержимым, толи магом-отступником. Разбираться не стали. Один из них прочел надо мной нечто пространное и величественное, призванное, должно быть, вернуть мою заблудшую душу в лоно церкви Создателя перед смертью. Идиоты... Тогда-то на сцене и появился

Дункан. Он шел с четырьмя новыми рекрутами. Взял меня пятым. Почему — я не знаю. Я думаю — пожалел. А точнее может сказать только он сам.

— Уже не может, — пробормотал Алистер. Айан промолчал.

— Занятная история, — Морриган привычным жестом сложила на груди тонкие руки. — Местами даже на правдивую похожа...

— Что ты хочешь сказать, ведьма? — Амелл возмутился. — Что я лгу?

— Да, — медленно протянула молодая ведьма. — Это хочу я сказать. Необработанный лириум смертелен для людей. У гномов лишь устойчивость к нему. Ты ж умереть был должен. Или утратить разум.

— Мой разум даровал мне Создатель, — зло парировал Дайлен, и на миг по его изувеченным глазам вновь пробежал огонь. — Он у меня его и отнимет, когда придет мой час. Ни порождениям тьмы, ни лириуму я этого не позволю.

Морриган безразлично пожала плечами.

— И все же лириум смертелен.

— Только необработанный и только для магов. Что до обычных людей — некоторым дарована устойчивость, как мне. Просто не все о том знают, потому что никогда не соприкасаются с лириумом. А ты-то сама что делаешь в компании Стражей? — видя, что Морриган снова открывает рот, не дал ей вставить слово Амелл. — Ведьма из диких земель? Не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь из ваших бескорыстно кому-то помогал...

— А я вот — помогаю. И не твое это дело...

— Ладно, — решил Айан, которому уже порядком наскучили пустые разговоры. — Сейчас идем в Редклиф. Если Алистер — действительно сын Мэрика, эрл Эамон должен это подтвердить. Я слышал, эрл не ладит с тейрном Логейном. Они и раньше-то были на ножах, а теперь...

— погоди. Мне пришло в голову. Тейрн Логейн может знать о тебе, Алистер? — влез Дайлен, покрепче натягивая перчатки.

— Не может, — угрюмо ответил предполагаемый потомок Мэрика. — Он просто знает. Я слышал их разговор с эрлом Эамоном. Точнее, ссору. Логейн что-то кричал про то, что мое существование угрожает власти Кайлана, и что от меня нужно избавиться.

— Значит, Логейн наш враг и будет за нами охотиться не только потому, что он хочет убить всех Стражей, но и потому, что его цель — уничтожить всех Тейринов, — подвел итог Амелл. — Хорошенькая перспектива, нечего сказать. Спасибо, Алистер, удружил!

Кусланд мрачно посмотрел на него.

— А за тобой охотятся храмовники. Они ведь не очень были довольны решением Дункана?

— А за тобой — наемники как там ты его назвал... эрла Хоу? — парировал ученик зачарователя. — Думаешь, он успокоится, пока не отправит тебя вслед за остальными твоими родственниками? Чтобы окончательно закрепить за собой земли твоего папаша?

Морриган рассмеялась.

— Вот мне любопытно, всегда бывает так у Серых? Зачем троим вам, скажите на милость, такое множество врагов?

— Пойдем, — Кусланд бросил последний взгляд на догоравший погребальный костер. — У нас много дел.

Лотеринг, небольшая деревня, о которой упоминал в своем рассказе Дайлен, показалась на дороге к концу третьего дня пути. Всю дорогу сам помощник зачарователя и взявшийся за него Айан не теряли времени даром. То и дело отставая от вышагивавшего по раскисшему тракту Алистера и пропадавшей в чаще осеннего леса ведьмы, Кусланд терпеливо и раз за разом показывал жадно смотревшему Амеллу тактику ведения боя с мечом и щитом. Делать это на ходу оказалось делом довольно непростым. Но ученика это не останавливало. И хотя им то и дело приходилось догонять далеко ушедшего вперед Алистера бегом, даже тех коротких мгновений, во время которых он наблюдал за движениями меча в руке Кусланда, хватало Амеллу, чтобы дополнить его убогие познания. Айан с некоторым удивлением вынужден был признать правоту Алистера. Дайлен вел себя как одержимый всем тем, что касалось оружия, схватки и тактики ведения боя. Ослабленный пленом, он непостижимым образом где-то находил силы брать от учителя все то, что тот мог ему дать. Во время коротких привалов он не отдыхал со всеми, а носился в стороне, до помутнения в глазах отрабатывая все то, что успевал показать ему рыжий потомок Кусландов. Чувствовалось, что такие занятия с самим собой были для него обычным делом, чем-то, к чему он привык очень давно. Скорее всего, лишенный возможности обучаться напрямую, Дайлен Амелл наблюдал за драками где только мог, и после отрабатывал все увиденное самостоятельно. И хотя умения темноволосого Стража были пока самыми слабыми, Айан не мог не проникнуться уважением к настойчивости своего неожиданного ученика. Такое рвение заслуживало поощрения в его глазах, и Кусланд пообещал себе отдать все, что сможет, и что сам Дайлен способен будет принять.

— ... Надо что-то решать, Командор, — кивая на недалекие постройки, предложил Амелл. День клонился к вечеру, и долгий переход утомил даже его. Дайлен выглядел усталым, но то и дело взблескивавшие лириумным огнем темные глаза выдавали его крайнее возбуждение.

— Может, хватит уже называть меня Командором? — дернул щекой Кусланд. Несмотря на усиливавшееся желание как можно скорее пересечь неширокую равнину и оказаться, наконец, среди людей, Айан более был склонен доверять голосу осторожности.

— В Ферелдене Серых Стражей больше одного. А раз так — нам нужен Командор. Я мало знаю о тактике и стратегии. И... не считаю себя достойным, — Амелл пожал плечами. — Впрочем, если его величество...

— Нет, — Алистер замотал головой раньше, чем на него обратились взгляды. — Не могу. Когда я начинаю командовать, что-то обязательно случается. Люди гибнут, и в конце концов я оказываюсь один где-то в темном закоулке без штанов.

— Почему без штанов? — искренне изумился Дайлен.

— Хватит, — предвосхищая приближавшуюся ссору, решил Кусланд. — В Лотеринге могут быть люди Логейна. Из Остагара путь в Северный Ферелден только через эту деревню, значит, он мог оставить тут стражу для отлова выживших и дезертиров.

— Обойдем? — Амелл деловито мотнул головой. — Ты прав, Командор. Я бы на его месте оставил. Чтобы не разносили, что на самом деле случилось при Остагаре. Сам-то он, должно быть, привносит в народ какую-то собственную точку зрения.

— Я бы все же рискнул, — Алистер покосился на Морриган, о присутствии которой

временами вообще забывали. — Сейчас слишком много беженцев со всего юга. Вряд ли они останавливают каждого...

— Ну да, похожи мы на беженцев. Конечно, — опасения насчет ведьмы подтвердились. Никак не комментируя высказывания Кусланда и за редким исключением не трогая Амелла, ведьма всю отыгрывалась на Алистере.

Ответить Алистер не успел. Из-за поворота дороги, скрытого за небольшим холмом, откуда они совсем недавно пришли, вынырнула небольшая двухколесная телега. Телегу тащила приземистая серая лошадь. Весь задок был забит хорошо перевязанными ящиками и тюками, а на передке сидели двое. Низкий ширококостный мужчина, едва достававший бы макушкой до пояса Кусланду, и такой же юноша с каким-то нелепо-радостным выражением на простоватом лице.

— Гномы, — сквозь зубы процедил Амелл, выпрямляясь. — Тоже беженцы. Должно быть, свернули с бокового тракта.

Телега поравнялась с ними. Старший гном с любопытством оглядел их компанию и натянул вожжи.

— Приветствую славных воинов и госпожу хасиндку, — произнес он с как будто бы искренней сердечностью. — Я Бодан, торговец из Орзамара. Не желаете сделать почин моей торговле?

— Почин? — удивился Алистер, кивая на небо. — Солнце садится!

— Дорога была долгой, — гном пожал плечами. — Все деревни к югу опустели. Не с кем было торговать. Так не сделаете почин? Госпожа ваша не мерзнет? У меня тут отличное платье, шерстяное и теплое. И плащи найдутся... целых два. Они, правда, мужские, но, быть может, госпожа взглянет хоть глазком?

— В самом деле, Морриган, — рискованно решился высказать свое мнение Алистер. — Мы-то привыкли, и не... смотрим. Но если ты в таком виде пойдешь в деревню...

— Что сказать ты хочешь?

— Мы и так очень заметны, — поддержал Кусланд, мотнув головой на отряд. — Доспех Алистера, мои волосы, шрамы Дайлена — все это способно вызвать пересуды и привлечь ненужное внимание. Но твоё одеяние...

— Смотреть и боязно и тянет, — как всегда без церемоний высказался Амелл. — В деревне, где полно мужичья, все будут пялиться только на тебя. Ну, и на нас заодно.

— Да вы взгляните! — пока они говорили, гном поспешно копался в одном из тюков и, наконец, выкопал что хотел. — Хорошее платье, считай, новое. Ну как, госпожа? Нравится?

Светло-коричневое шерстяное платье и вправду смотрелось неплохо. Оно вполне могло принадлежать зажиточной деревенской женщине. Морриган привычным жестом сложила руки на груди.

— Не буду я вот это надевать! С какой-то падали он снял...

— Вовсе не с падали, — обиделся торговец, потряхивая платьем. — Нашел в брошенном доме. И плащи там же. Вы смотрите, смотрите. Я их сверху положил, такие вещи всегда берут первое всего.

— У нас хоть деньги есть? — вполголоса поинтересовался Дайлен у товарищей по ордену, пока гном сутился, раскладывая товар.

Алистер со вздохом полез за отворот кольчуги и за тесемку вытащил тощий кожаный мешочек.

— И много еще всего висит у тебя на шее? — не выдержал Айан. Сын Мэрика пожал

плечами, не понимая, чего от него хотят.

— Тут сохраннее, — все же ответил он и развязал мешок. — Мы будем что-то брать, Командор? Плащ я бы взял. Даже два. У Дайлена нет. Да и у Морриган... считай, тоже нет. Сколько ты хочешь за эту одежду, друг гном?

Пока Алистер и даже заметно оживившийся Дайлен торговались с гномом, Кусланд бросил еще один внимательный взгляд на деревню. Идти туда было опасно. Но в деревне они могли узнать новости. А также получить помощь. Последнее было сомнительно, но полностью сбрасывать со счетов этого не стоило.

— Двадцать медяков! — Айан обернулся на возмущенный голос Алистера. — Да за такую поношенную накидку это настоящий грабеж!

— Покупай, она широкая, — решил Кусланд, оценивающе окинув взглядом предмет спора. — Завернешься в нее по шею, прикроешь доспех. Мне нужна такая же. Дайлену отдашь свой плащ. Ему доспехи прятать не обязательно, они у него обычные. И... Морриган. Коли не хочешь платье, то завернись, как мы, в накидку. Не гоже девице... женщине молодой разгуливать так, как ты ходишь. Не на людях.

Монеты, наконец, переключались из мешочка Алистера в кошель торговца, и довольный гном передал Дайлену проданный товар. Однако, пока путники переоблачались по указу Командора, не уезжал, словно бы чего-то ожидая. Его сын продолжал бессмысленно и доброжелательно улыбаться. Уже было заметно, что молодой гном был слабоумным. Толи родившись, толи сделавшись таким от неосторожного обращения с лириумом.

— Тебе что-нибудь нужно, друг гном? — спросил Кусланд, затягивая повязки на плаще. Проданная торговцем накидка действительно оказалась широкой и просторной, скрывшей под собой почти весь его доспех. Правда, недостаточно теплой, и кое-где с прорехами.

— Да вот, вишь ли, отважный господин, — Бодан кивнул головой в сторону Лотеринга. — Деревенька-то вот она. Вы ведь туда идете? Стало быть, пойдем вместе? Там, небось, от беженцев проходу нет и в харчевне не заночевать. Доводилось мне такое видеть к югу отсюда. А у меня в повозке — отличный просторный пол. Если его натянуть, то все там поместится, тем более вон дождь собирается какой.

Над холмистой долиной, которая лежала перед Лотерингом тучи действительно висели так низко, что казалось, с холма их можно было потрогать руками.

— Ну, так что, господа воины? С чего б вам сомневаться? — торговец улыбался радушно и открыто. — Будете моими гостями. Смотрю, с деньгами у вас негусто. Так и быть, угощу вас хлебом с сыром. Два дня назад выменял такую головку...

— Боишься, что беженцы товары отберут? — прозрел Дайлен, которого очень заинтересовали последние слова гнома про сырную головку. — С нами безопаснее?

Бодан помялся.

— В общем, да, — вынуждено признал он. — Мор ведь... беженцы опять же... Народец всякий встречается. Кто-то просто от чудищ бежит, а кто-то и разбойничает на дорогах. Кто-то — прямо в деревнях. Мы — мирные торговцы. А вы, господа, воины знатные, всяк это видит, у кого глаза на месте. На таких лишней раз нападать закупаются. Только кошель у вас тощий. Я вам помогу, вы мне. В вашей компании всяко безопаснее. А завтра разойдемся по-хорошему. Ну как? Согласны?

Стражи переглянулись.

— Идем в деревню, друг гном. В обиду не дадим. Только не забудь о своем обещании.

Бодан заулыбался с видимым облегчением и тронул вожжи. Телега медленно

покатилась вперед по раскисшей после недавнего дождя дороге. Серые Стражи и лесная ведьма шли следом, чуть приотстав, чтобы грязь из-под колес не летела на них. Говорить никому не хотелось. Кусланд и Амелл, которые утомились больше других, мечтали только о привале. Даже мабари, весь день рыскавший по кустам в поисках пропитания, шел медленно и тяжело, не отходя от хозяина.

Внезапно он насторожился. Телега гномов как раз добралась до небольшой рощицы, откуда рукой было подать до первых домов Лотеринга. Внезапно из-за деревьев, не особенно хоронясь, показалось около десятка вооруженных мужчин. Впрочем, вооружены они были как попало — ножами и топорами. Меч был только у одного. Неторопливо, даже с ленцой они вышли на дорогу, перегородив ее. Бодан вынужденно натянул вожжи. Его спутники тоже остановились, не опуская капюшонов. Накропавший мелкий дождь вот-вот собирался перейти в настоящий ливень.

— Ты совсем не думаешь о других, проклятый гном, — не теряя времени на приветствия сразу заговорил тот, у которого был меч. — Вот-вот хлынет дождь, а ты вынуждаешь нас работать.

Бодан не ответил, умоляюще обернувшись на сопровождающих. Кусланд без слов шагнул вперед.

— Привет вам, путники, — тут же переключился на него владелец меча. — Вы что, охрана? Или сами по себе?

— Разбойники, — Алистер мотнул головой, отчего его капюшон упал на плечи. — Должно быть, грабят тех, кто бежит от порождений тьмы.

— У них хватило глупости преградить нам путь, — Морриган смотрела на главаря и ее взгляд не предвещал ничего хорошего. — Предлагаю их проучить.

— Э, да разве так здороваются вежливые люди? — обладатель меча тоже шагнул вперед, вытаскивая свое оружие. — Всего десять серебряных монет — и ступайте своей дорогой. А мы пока потолкуем с торговцем. Ты же торговец, гном, я не ошибся?

— Так вы, значит, сборщики пошлин? — Кусланд обошел повозку, остановившись неподалеку от главаря. Почуввав угрозу, разбойники перестали заслоняться руками от дождя и позевывать, и схватились за оружие. Впрочем, пока никто кроме обладателя меча вытаскивать его не спешил. Хотя, непохоже было, чтобы главарь пока особо беспокоился.

— Именно, — он обнажил в улыбке кривоватые и гниловатые зубы, растущие через один. — Собираем денежки на ремонт Имперского тракта. Вон какой у него плачевный вид.

Краем глаза Айан увидел, что Алистер теребит завязки у самого горла, готовый в любой момент рвануть их и сбросить плащ для большей свободы движений. Дайлен стоял с другой стороны повозки в довольно расслабленной позе. Но несмотря на всю неопытность этого Стража, Кусланд был в нем уверен — по меньшей мере, одного разбойника взять на себя тот сможет.

— Тогда может, вам следует требовать сумму побольше, — Айан кивнул на все более раскисавшую дорогу. Разбойник ухмыльнулся.

— Хочешь заплатить больше? Мы охотно примем добровольное пожертвование.

— Я просто хочу сказать, что вы рискуете жизнью ради жалких грошей.

Разбойники переглянулись. Алистер и Дайлен напряглись, справедливо полагая, что еще миг-другой — и Айану потребуется вся их помощь. Позади них Морриган сняла с плеча длинный узловатый посох, который несла с собой от самой хижины Флемет. Поставив одним концом в грязь, она оперлась на него обеими руками.

— По-моему, ты нам угрожаешь, путник, — главарь разбойников перестал ухмыляться. Глаза его сделались злыми и колючими. — Ты, видимо, ослеп. Нас в три раза больше. Или этот пузатый гном тоже будет сражаться?

— Нет, похоже, это ты ослеп, — в разговор неожиданно вмешался Дайлен, опуская свой капюшон. Его искалеченные лириумом глаза возбужденно вспыхивали белым фосфорным огнем. Его спутники уже привыкли, что глаза незадачливого зачарователя всегда выдавали его крайний испуг или возбуждение. Но непосвященные разбойники уставились на Амелла со смесью изумления и дикого испуга. — Или вы хотите драться с магом?

Алистер резким движением сбросил свой плащ и выхватил меч из ножен. Айан последовал его примеру мгновением позже. Морриган резко выпрямилась, перехватывая посох.

Но ничего этого разбойники не видели. Глаза их были по-прежнему прикованы к лицу Дайлена. Главарь попятился, поднимая свободную руку в умиротворяющем жесте.

— Ох, простите, простите нас, господин маг! Мы бы никогда не осмелились вас остановить если... прошу, не превращайте нас в лягушек!

— Бежим! — истошно завопил какой-то тощий разбойник слева. Слова свои он немедленно подтвердил делом. Вслед за ним, побросав дубины, стремительно разбежались прочие разбойники. Амелл переглянулся с Кусландом.

— Вообще-то я имел в виду Морриган, — несколько ошарашенно сообщил темноволосый Страж Командору. — Но на несколько мгновений мне тоже сделалось очень приятно, что я могу вызывать такой испуг.

— Ты это специально сделал, — Морриган отряхнула посох и повесила на плечо. — Знал, что жара очей твоих испугаются они...

Алистер расхохотался первым. Кусланд и Амелл присоединились к его веселью, и даже Морриган усмехнулась углом рта. Бодан, казалось, был в замешательстве.

— Господин... и вправду маг?

— Колдовство! — неожиданно ожил молчавший доселе его недоумок-сын, указывая на Амелла. Дайлен развел руками, все еще улыбаясь.

— Увы, то есть — к счастью — нет. Мои глаза... несчастный случай. Ну так что, будем стоять и ждать, пока они вернутся? Или пойдем уже попытаем счастья в деревне? Я голоден, а нам, как помнится, обещали сыр.

Дальнейший путь до деревни прошел уже без неприятностей, если не считать моросившего дождя. Дорога вывела их в холмистую равнину, в которой у подножья одного из холмов и притулился Лотеринг. Впрочем, шатры и палатки стали встречаться им на пути гораздо раньше, чем они добрались до первых домов. Возле шатров даже под дождем происходила непрерывная возня сотен людей, вытряхнутых Мором из их домов. Чем ближе к Лотерингу подходили путники, тем больше беженцев встречали они на своем пути, тем больше вокруг становилось грязи и мусора. Все усиливавшийся дождь вносил свою лепту в общую картину. Перемазанные в грязи дети носились между шалашами, то и дело перебегая дорогу перед самым носом у лошади Бодана. Запах человеческого лагеря довершал картину последствий наступления Мора на земли Ферелдена.

— Ух, ты был прав, друг гном, — зажимая рукой нос, гнусаво признал Дайлен, оглядываясь по сторонам. — В харчевне наверняка мест нам не найти. Если тут вообще есть харчевня.

— Харчевня есть, — проговорила Морриган, лицо которой выражало брезгливость. — Бывала я тут раньше.

— По-моему, тут нет мест даже чтобы просто натянуть полог, — в свою очередь поделился сомнениями Алистер. Босоногий мальчишка, проносясь мимо в погоне за курицей, обдал его брызгами грязи. — О Создатель, да что это такое!

Впереди показалась каменная арка, возле которой стояли двое солдат. По доспехам с характерным знаком на груди было видно, что это храмовники. Когда повозка Бодана подкатилась поближе, один из храмовников поднял руку, делая знак остановиться.

— Приветствую, — голос из-под наличника шлема звучал глухо. — С чем вы пожаловали в Лотеринг?

— Мое имя Бодан, я торговец, — поспешил ответить гном, хотя храмовники, явно усталые и равнодушные ко всему, не проявляли враждебности или подозрительности. — Они — моя охрана.

— Ну и зажиточен ты, торговец Бодан, если можешь позволить себе столько охранников в наше нелегкое время, — вмешался другой храмовник, явно помоложе. «Охранники» не лезли в разговор, подергивая плечами под отяжелевшими от дождя накидками.

— Так времена нынче беспокойные, — Бодан мельком взглянул на своих молчаливых спутников. — Я задержусь в деревне на денек. Поторгую со здешними... Вира на торговлю у меня имеется!

— Да кому она нужна, твоя вира, — говоривший с ним храмовник как-то увял, махая рукой. — Властей в Лотеринге больше нет. Все уходят на север, к Денериму, за армией тейрна Логейна. Торгуй сколько хочешь, только смотри за своими охранниками. Если они станут чинить беспорядки, заплатишь Церкви за каждого.

Гном рассыпался в благодарностях, и повозка, миновав храмовников, въехала в деревню.

Деревня казалась продолжением лагеря беженцев, с той только разницей, что грязи и толкотни здесь было больше, а вонь — сильнее. Провожаемые порой любопытными, а порой и недоброжелательными взглядами, торговец и его «охрана» добрались до главной площади.

Опытным взглядом окинув местность, Бодан свернул к стоявшим у самой стены часовни двум телегам, возле которых толпились люди. Судя по всему, тут шла бойкая торговля.

Его появление встретили с заметным оживлением. Окружившие повозку селяне и беженцы смотрели с волнением и нетерпением. Гном остановил телегу рядом с первыми двумя и обменялся приветствиями с коренастым лохматым торговцем, стоявшим в окружении сразу трех охранников. Потом повернулся к своим недавним спутникам.

— Господа, — Бодан просительно обратился как будто ко всем, но смотрел при этом на Кусланда, безошибочно определив старшего отряда. — Вы здорово выручили нас с малышом. Не примите ли моего приглашения отдохнуть под моим пологом? И... выпить чего-нибудь горяченького? Мы мигом тут все сделаем. Только... не отходите далеко от повозки?

— Ты полагаешь, что мы будем охранять тебя бесплатно? — в тон ему поинтересовался Кусланд, тяжело опираясь о край повозки гнома. Бодан поднял обе руки в умиротворяющем жесте.

— Нисколько, добрый господин. Но... торговля идет бедно... я вам предлагаю харчи и кров... Ну и по два медяка в день. Каждому. Пока вы охраняете меня и мое добро. Больше не могу, добрые сэры. Торговля нынче совсем плоха.

— Годится, — не стал торговаться Кусланд. — Только этот день тоже считается. И медяки выдай прямо сейчас.

Гном повиновался беспрекословно. Кусланд ссыпал деньги на ладонь Алистеру, по умолчанию произведя того в казначеи.

— Идите в харчевню и купите любой провизии, какую только вам продадут, — приказал он сыну Мэрика и топтавшемуся на месте Амеллу. — Тут столько беженцев, что не думаю, что купить удастся много. Должно быть, последнее зерно в округе сожрали еще до того, как мы проиграли Остагар.

Проводив взглядом ушедших в сторону харчевни Стражей и увязавшегося за ними мабари, Айан, не чинясь, принялся помогать Бодану разгружать из повозки разобранный деревянный настил, чтобы растянуть полог.

— Не опускай капюшон, — посоветовал Алистер, с беспокойством поглядывая на спутника. Впрочем, сейчас Дайлен был относительно спокоен, и глаза его оставались нормального, темного цвета. — Мы не можем объяснять каждому встречному храмовнику, что ты не одержим.

— Тут не поможет и хороший маг-целитель, — согласно вздохнул Амелл, следуя совету и глубже вползая под свой плащ. — Проклятый лириум. Даже клеймо можно скрыть под шлемом, а как скроешь глаза?

Больше они ничего не сказали друг другу. В молчании пересекли невеликий каменный мостик без перил, перекинутый через мелкий грязный ручей. Мабари догонял их тяжелыми скачками, распугивая встречавшихся на дороге кур и немых босоногих детей. Дождь продолжал моросить с хмурого осеннего неба, все жиже размягчая чавкавшую под ногами грязь.

Харчевню едва удалось разглядеть в ряду серых деревянных домов, тулившихся друг к другу. Они прошли бы мимо, если бы не несколько слонявшихся поблизости от нее крестьян и беженцев, которых не мог отпугнуть даже вездесущий дождь. Харчевня оказалась домом побольше, но без вывески и каких-либо указаний на то, что это была она. Алистер первым толкнул на удивление крепкую дверь.

Внутри харчевни было жарко натоплено, сухо, и воняло огромным скоплением самого разного народа. После уличной свежести горячий спертый дух людного домашибанул в головы Стражам как хорошая порция эля натошак. Все лавки, столы и стулья были заняты людьми, люди стояли и сидели вдоль стен и столов. Откуда-то со стороны стойки слышались звуки лютни и, приглядевшись, вошедшие увидели девушку-барда, сидевшую на деревянном возвышении, и меланхолично перебиравшую струны. В харчевне стоял общий гомон, какой бывает в харчевнях, стучали о стол опорожняемые кружки и шлепали выдавшие виды засаленные карты. На появление Стражей никто не обратил никакого внимания.

Переглянувшись с Дайленом, Алистер стал проталкиваться поближе к стойке. Амелл приотстал, оттаскивая мабари от какого-то наемника, неосторожно махнувшего перед мордой пса куском жареного мяса.

Однако добраться до хозяина харчевни — долговязого усатого старика — Алистер так и не успел. Протискиваясь боком между двумя столами, за одним из которых сидели, судя по одежде, пастухи, а за другим — несколько солдат в добротных кольчугах, он задел по плечу одного из них.

Взгляды Стража и солдата встретились. Мигом позже последний резко поднялся, а за ним поднялись все его собеседники. Народ вокруг них шарахнулся в стороны, каким-то особым чутьем чувствуя приближение драки.

— Так-так, кто тут нас? — задетый, оказавшийся, все же не солдатом, а рыцарем, шагнул вперед. Теперь между ним и Алистером оставалось пространства не более полумеры. — Да нам ведь знатно повезло. Мы уже который день ищем мерзавца точно с такой же внешностью!

Алистер отвел руку, тычущую указующим перстом ему в лицо.

— Ты, должно быть, ошибся, сэр рыцарь, — спокойно и с достоинством отвечал он. — Я только что прибыл в деревню и никого здесь не знаю. Позволь, я пройду.

— Зато я тебя знаю, — рыцарь вновь вскинул руку, из-за чего Алистеру пришлось отступить на шаг. — Я видел тебя при Остагаре! Ты один из Серых Стражей! Тех самых Стражей, которые убили короля Кайлана!

Приготовившийся было дать очередной достойный ответ наглецу Алистер так и застыл с открытым ртом. Он был готов к чему угодно, кроме этого.

Дайлен Амелл оказался рядом, словно соткался из воздуха. У его бедра почуявший настроения людей мабари прижимал уши к голове, готовый в любой момент броситься вперед.

— Я тоже тебя знаю, — подняв узкую темную бровь, сообщил Амелл, складывая руки на груди. — Ты из латников тейрна Логейна. Логейна, трусливо бежавшего с поля боя, и оставившего короля и Стражей умирать под клинками порождений тьмы.

Если к этому моменту в харчевне были какие-то звуки, теперь они прекратились вовсе. Тишина стояла такая, что было слышно бурчание в чьем-то брюхе.

— Думай, кого обвиняешь, болван! — сдавленным от ярости голосом, наконец, проговорил рыцарь. Пальцы его стиснули рукоять меча. — Я был при Остагаре! Тейрн Логейн спас всех нас от предательства Стражей! Он — настоящий герой! А тебе вырвут твой поганый язык, очерняющий нашего будущего короля! Я сам об этом позабочусь!

Алистер и Дайлен выхватили свои мечи одновременно с тем, как это сделали солдаты Логейна. Сидевшие поблизости от них люди стали поспешно перебираться поближе к стенам. Однако совсем уходить из харчевни никто не торопился. Серых было двое против трех солдат и рыцаря. И хоть рядом с красивым темноволосым Стражем в старом доспехе, злобно взрыкивал крупный рыжий мабари, такой пес не мог считаться полноценным бойцом против закованных в сплошной доспех солдат. И все же пришлые были Стражами, а о силе и доблести Серых Стражей легенд и песен было сложено больше, чем о любви. Пропустить такой бой не хотелось никому.

— Слишком много храмовников в деревне, — с непонятной досадой пробормотал Амелл, не отрывая взгляда от рыцаря, наступавшего именно на него с самыми очевидными намерениями. — Проклятье!

Алистер схватил его за плечо, и глядя, как солдаты пытаются взять их в полукольцо, с силой встряхнул.

— Прикрывай мне спину. Вперед не суйся. Только спину, понятно?

Дайлен сбросил его руку, поднимая щит. Свои слабые стороны он знал и сам.

Солдаты атаковали Алистера сразу с трех сторон, но одному из них тут же пришлось отбиваться от ринувшегося в атаку едва ли не раньше двуногих боевого пса. Дайлену же достался рыцарь, вздумавший, очевидно, лично покарать языкатого Стража.

Однако с первых же минут боя Стражам сильно повезло. Глаза возбужденного предстоявшей схваткой Дайлена вспыхнули ярко-белым, и рука увидевшего это рыцаря от неожиданности дрогнула. Точный колющий выпад, призванный одним ударом покончить с топтавшимся перед ним явным неумехой, лишь скользнул по плохонькому щиту. Тело Дайлена среагировало раньше, чем разум вызвал из памяти недавно подхваченный у Кусланда боевой прием. Не давая все еще изумленному противнику опомниться, Дайлен ударил со всей силы, но не мечом, а щитом. В руках Кусланда, сильного, как косит, такой щит опрокинул бы с ног закованного в броню рыцаря. У Амелла даже не получилось его оглушить. Тем не менее, тот промедлил несколько мгновений, и этих мгновений хватило Дайлену, чтобы нанести еще один косой удар, на удивление нашедший свой цель. Громкий

вскрик рыцаря и несильный толчок в руку показал, что удар достиг цели. Рыцарь выронил меч, хватаясь за лицо. Дайлен ударил еще раз, на этот раз рукоятью в темя, и, уже больше не беспокоясь о противнике, бросился на помощь Алистеру.

Впрочем, нужды в этом уже не было. Один из солдат лежал на полу, а над ним с окровавленной мордой, облизываясь, стоял мабари Иеху. Лишь со второго взгляда темноволосый Страж понял, что пес облизывал не человеческую кровь, а глубокий порез через всю морду. Еще две таких пореза кровоточили у него на груди. Второй солдат, скрючившись, и прижимая руки к животу, валялся рядом с разорванным. Третий стоял на коленях в лужах крови своих боевых товарищей. У его лица подрагивал клинок побледневшего от ярости Алистера Тейрина.

— Прошу... прошу вас, милорд...

— Во имя Создателя! Будь милосерден, Страж! Ты уже победил их. Они получили хороший урок!

Все еще дрожа от возбуждения, Дайлен прикрыл рукой лицо и обернулся. Алистер скосил глаза. Стоявшая в первых рядах восхищенных схваткой зрителей рыжая девушка в одеянии послушницы молитвенно сложила на груди обе руки.

— Прошу! Ты и так пролил много крови! Милосердия, Страж!

Сделав над собой видимое усилие, Алистер медленно отвел клинок от лица солдата Логейна. Тот едва слышно вздохнул.

— Благодарю Создателя за вмешательство послушницы, — процедил сквозь зубы сын Мэрика, опуская меч. Он обернулся на шевелившегося на полу рыцаря, раненого Дайленом. — Забирай своего командира и проваливайте отсюда. Живей!

Солдат торопливо вскочил, явно опасаясь, чтобы Страж не передумал. При всеобщем молчании он подскочил к раненому рыцарю и отнял окровавленные ладони от его лица. Меч Дайлена располосовал кожу от виска до щеки, заставив вытечь один глаз. Кое-как поставив своего командира на ноги, и позволив ему опереться на себя, солдат вытащил раненого рыцаря из харчевни. Гулко бухнула деревянная дверь.

Этот звук будто оживил находящихся в харчевне. Люди опять загомонили, возвращаясь за покинутые столы. Алистер и Дайлен переглянулись. Сын Мэрика дернул головой в сторону выхода.

— Пойдем подобру-поздорову. Чует мое сердце, здесь нам лучше долго не задерживаться.

Они вышли на улицу. Дождь продолжал идти, добавляя уныния сырой и грязной деревенской улице. Солдат и рыцарь исчезли. Толи вошли в какой-то дом поблизости, толи свернули в проулок. Переглянувшись, Стражи повернули к месту, где они оставили повозку Бодана. Настроения разговаривать не было.

Они успели сделать несколько шагов в сторону знакомого моста, когда дверь харчевни снова хлопнула, и за их спинами раздались легкие шлепки по грязи. Обернувшись, Стражи увидели перед собой ту самую рыжую послушницу, чье заступничество уберегло их врагов от смерти.

— Серые Стражи! Подождите, прошу вас!

Теперь уже, получив возможность как следует ее разглядеть, товарищи по Ордену смогли убедиться, что девушка старше, чем показалось изначально. Хрупкое сложение и детское выражение еще юного лица затрудняли угадывание ее возраста. Впрочем, ей было не больше двадцати-двадцати двух зим. И еще — девушка была красива. Даже грубая мантия не

портила ее нежных черт, скорее подчеркивая их.

— Хвала Создателю! — рыжая послушница подняла на них свои огромные синие глаза и вновь молитвенно сложила руки. — Я уже было испугалась, что вы уйдёте, и я не смогу найти вас во всей этой неразберихе! Я хочу сказать... Создатель все равно привел бы меня к вам, но это отняло бы столько времени, за которое мы смогли бы сделать что-то полезное. Вы ведь со мной согласны?

— П... огоди, сестра, — Алистер сдерживающе поднял ладонь, в то время как его товарищ пытался понять, нет ли здесь подвоха. — О чем ты говоришь? Что тебе нужно от нас?

Послушница рассмеялась.

— Ну конечно, какая я глупая! Ведь вы же ничего не знаете!

— Ничего, — за двоих ответил Дайлен, внимательно глядя на девушку. — Рассказывай, но поживее. Мы не хотели бы долго здесь оставаться.

— Вы из-за солдат, да? Не волнуйтесь. Эти четверо — последние, кто здесь оставался. Остальные отбыли вчера. Больше никто не посмеет на вас напасть! На легендарных Серых Стражей!

— Так, пойдем отсюда, — Дайлен тронул за локоть сына Мэрика. — Она попросту заговаривает нам зубы.

— Стойте! — рыжая послушница быстро оббежала их вокруг, встав на пути. — Сначала выслушайте! Меня зовут сестра Лелиана, я из здешней церкви. Три дня назад у меня было видение. Я понимаю, как это может прозвучать, но... Мне было приказано оставить Церковь и отправиться на поиски Серых Стражей. Я должна сопровождать вас везде и... и помогать во всем, и... делать, что скажете. Это правда, клянусь!

Дайлен и Алистер переглянулись — в который раз за сегодня. Друг друга они поняли без слов. В молчании они обошли девушку с двух сторон и направились в сторону мостика. Сестра Лелиана непонимающе замерла, но быстро пришла в себя, бросившись следом.

— Да послушайте же! Почему вы никак не хотите дослушать! Когда я очнулась... после моего видения, я узнала поразительную новость. Сухой куст, что стоял у стены церкви не один год внезапно расцвел. Осень, а он расцвел, понимаете! Мое видение не было обманом! Это все правда!

Алистер подавил тяжелый вздох.

— Послушай, сестра, — не желая обижать послушницу, мягко заговорил он, уже отвлеченный от угрюмого настроения из-за недавней битвы. — Мы не можем взять тебя с собой. Нам придется быстро и много ходить. И сражаться с порождениями тьмы. И еще... ты слышала, в чем нас обвиняют. Тебе с нами будет опасно. Да и...

— У нас в отряде уже есть одна сумасшедшая, — со свойственной ему нагловатой откровенностью встрял Дайлен, которому надоело стоять под дождем и выслушивать женские бредни. — Сестра, мой друг прав. Тебе нет смысла идти с нами. Если хочешь сделать что-то хорошее, помогай беженцам. Вон сколько их у вас. А будет еще больше.

Посчитав, что сказали достаточно, Стражи ушли. Рыжая послушница осталась стоять под дождем, глядя им вслед.

Серые Стражи сбились с ног, разыскивая в Лотеринге человека, который согласился бы продать им хоть что-то съестное. Результатом их похода сделался тощий мешок зерна, за который пришлось отдать почти все имевшиеся у них медяки. Но по возвращению к повозке Бодана их ждала еще одна неприятная неожиданность. В самой повозке о чем-то оживленно разговаривая с Морриган, сидела та самая рыжая послушница, которая набивалась к ним в спутницы возле харчевни. Если точнее, говорила только Лелиана. Морриган отмалчивалась, следя за жестами послушницы с каким-то все более возрастающим изумлением. Рядом с повозкой над наскоро выложенным настилом был натянут действительно широкий полог. У его входа на камне сидел Айан Кусланд с таким видом, точно у него болели сразу все зубы.

— Я уже знаю, — не дав Алистеру открыть рта, сказал он. — Сестра Лелиана мне поведала. Похоже, мы были правы. Логейн не оставит нас в покое. Тем более теперь, когда он узнает, что Алистер жив. Они наверняка успели отправить письмо. С птицей.

— А как она... вас нашла?

— Кто, сестра Лелиана? — Кусланд поморщился сильнее. — Она сказала, что путь ей указал Создатель. Что Он вел ее и вел, и привел прямо к повозке нашего друга-гнома. Хотя я считаю, что она попросту порасспрашивала храмовников и узнала, с кем вы прибыли в Лотеринг. Но это уже не важно.

— Ты хочешь сказать, что позволил ей остаться? — Алистер снял с плеча заполненный зерном на четверть мешок и принялся упаковывать его среди прочего боданового добра. — В самом деле?

Кусланд бросил один кислый взгляд в сторону сидевших в повозке женщин. Почувствовав, что на нее смотрят, рыжая послушница подняла голову и улыбнулась.

— Сестра Лелиана подошла как раз, когда наш добрый друг Бодан говорил с местным мужичьем, — вынуждено признался Командор. — Те требовали, чтобы Бодан отдал им все товары даром, как пострадавшим от нашествия беженцев. Уж не знаю, отчего они не требовали того же от других торговцев. Мы с Морриган уже совсем были готовы проучить наглецов, когда вмешалась сестра. Она по-доброму поговорила со смердами, и те ушли сами. Не дожидаясь, пока им укажут путь. Мне пришлось выслушать то, что она говорила. Я даже не поленился сходить посмотреть на цветущий куст. Это воистину удивительно. На дворе осень, а он цветет, как весной.

— Ты думаешь, дорогу ей и вправду указал Создатель? — ослабляя завязки плаща, поинтересовался Амелл. Стащив плащ, он стал стряхивать с него воду. Это было вполне своевременно, так как дождь почти прекратился.

— А почему бы нет? — Кусланд пожал плечами. — В конце концов, разве Создатель не должен печься о том, чтобы мы победили архидемона? Кто знает, чем нам может помочь эта послушница?

— Вы не думайте, я не стану вам обузой! — Лелиана улыбнулась поочередно всем трем Стражам. — Я умею сражаться. Я... не всегда была послушницей. Вот увидите!

— Но с головой у тебя непорядок, — процедила Морриган, трогая свой лежащий в повозке посох. Лелиана рассмеялась. Похоже, она вообще неспособна была обижаться. Или же могла умело притворяться, когда то было нужно.

На следующий день гномы развернули торговлю с раннего утра. Погода благоприятствовала их делу. Поднявшийся после полуночи сильный ветер разогнал тучи, и над Лотерингом ярко светило солнце. Торговля Бодана шла не шатко не валко, но все же шла, и Алистер в боевом облачении неотступно был возле откинутого задка телеги, где гномы разложили свои товары. Морриган куда-то ушла, захватив с собой Иеху. Умный мабари уже успел свыкнуться со всем отрядом и сообразно хозяину отнести всех его участников к своему племени, не делая разницы между ними. Айан и Дайлен сидели у стены полого на влажных досках настила. Несмотря на осеннюю прохладу, оба они были голыми по пояс и взмыленными, точно лошади, только что затащившие тяжелую повозку на высокий холм. Сегодня оба они встали раньше всех и до позднего утра упражнялись в воинской науке. Точнее, упражнялся один Дайлен. Кусланд терпеливо, раз за разом, открывал неопытному товарищу все военные премудрости кулачного боя и боя с мечом и щитом. Темноволосый Страж хватал на удивление споро и жадно. Ему не приходилось объяснять дважды. Кусланд уже успел заметить в товарище как способность ко всякому обучению, так и то, что Амелл, откуда бы не происходил, был все же очень образован. Его речь и манеры почти не разнились с речами самого Айана. И Кусланд бы не удивился, узнав, что книг в своей жизни Дайлен прочитал даже больше. Причем, намного. Впрочем, товарищ не спешил делиться историями о своем прошлом, а Айан не спрашивал. Он не сомневался, что услышит рассказ Дайлена, когда придет время. А если нет — значит, тому не суждено будет случиться.

— Отдохнул? — тем временем поинтересовался Амелл, с мраморных щек которого медленно сходил румянец. — Я уже мерзнуть начинаю.

Кусланд поднялся на ноги. Первая в его жизни роль учителя была непростой в силу ее непривычности. Но от нее зависело, сможет ли в нужный момент его товарищ прикрыть его же спину. А потому сын тейрна безропотно последовал за Дайленом на узкую площадку между телегами двух торговцев и поднял меч.

— Еще раз то, о чем мы говорили утром. Средняя стойка. Подними щит... да, верно. И не напрягайся. Перехвати... нет, малая опора не на кисть! Твое положение в бою... Нет, смотри на меня. Положение не должно быть неудобным для тебя самого еще до того, как бой начнется...

Спустя несколько минут рыжий и темноволосый Стражи вновь скрестили мечи. Еще некоторое время спустя их прыжки, удары, увороты и звон оружия привлекли внимание нескольких мальчишек. К тому моменту, как они решили сделать очередной перерыв, неподалеку от места их тренировки собралась целая толпа.

— Приветствую Серых Стражей, — обратился за всех крепкий чернобородый человек, стоявший в первых рядах. — Да поможет Создатель вам в ваших делах. Дозволено будет, однако, мне, простому охотнику, задать вам вопрос?

Айан вложил меч в ножны и передал их Дайлену. Затем окинул взглядом толпившихся людей. Они все стояли возле повозки Бодана, но интересовали их явно не товары гнома. Слух о том, что в деревню прибыли Серые Стражи уже успел распространиться по всему Лотерингу. Глядя на них, Кусланд с тревогой подумал, что задержаться им придется еще меньше, чем предполагалось. Похоже, выступать придется прямо сегодня. Возможно даже, прямо сейчас.

Сестры Лелианы не было рядом. Она с утра ушла за своими вещами. Мысленно пожелала ей вернуться как можно скорее, Айан кивнул обратившемуся к нему чернобородому.

— Говори, добрый охотник.

— Меня зовут Гаррет. Гаррет Хоук, — чернобородый кивнул в такт своим словам. — Я и моя семья переехали сюда несколько лет назад. Только недавно наши дела, наконец, пошли здесь на лад. Да и сами видите, милорд. Люди здесь бедны и многие в отчаянии. Мы все хотели бы знать, будут ли Стражи защищать нашу деревню?

В толпе одобрительно загомонили. Похоже, чернобородый задал вопрос, который интересовал всех. Айан переглянулся с Дайленом и жестом остановил последнего, готового уже было открыть рот.

— Прости, добрый охотник, — Айан старался, чтобы его голос звучал убедительно. — Серых Стражей осталось всего трое на весь Ферелден. А с юга сюда идет целая орда порождений тьмы. Тейрн Логейн увел армию на север. Должно быть, он хочет защитить Денерим, нашу столицу. Все, кто желает помочь ему в этом и просто спасти свои семьи, должны отправляться туда. И незамедлительно.

Как и следовало ожидать, его слова вызвали бурю негодования. Амелл незаметно подошел сзади и приобернул голову к уху старшего Стража.

— Плохо дело, Командор. Как бы нам не пришлось пробивать себе дорогу из деревни через толпы этого мужичья.

Алистер беспокойно переступал с ноги на ногу. За товарами Бодана он уже не смотрел. Сам гном также чувствовал себя не в своей тарелке. Тем более, что волновавшаяся толпа вот-вот готова была накатить на его телегу с разложенными в ней товарами. Понимая, видимо, всю опасность создавшегося положения, при котором мог возникнуть беспорядок и даже стычка со Стражами, чернобородый охотник вскинул руку.

— Погодите, люди. В словах Стража есть правда. Если придет орда, они погибнут, как и мы. Но... собираются ли Стражи сделать хоть что-нибудь? Чтобы остановить Мор?

Айан шагнул вперед. Взгляды его и Хоука встретились.

— Мы остановим Мор, добрый охотник, — Кусланд говорил, глядя в глаза чернобородому. — Но нам нужна помощь. Весь Ферелден должен объединиться перед этой напастью!

— Не слушайте его!

Все присутствующие, даже те, кто кричал громче других, попримолкли и обернулись на этот новый безумный вопль. Всклопоченный хасинд, явно из беженцев, указывал трясущейся рукой на Кусланда. При том дикий его взгляд блуждал по лицам всех трех Стражей.

— Плачьте, люди! Легионы зла уже у вашего порога! Они пожрут ваши сердца! Бежать некуда! Зло покроет весь мир, как стая саранчи!

Люди переключились на нового оратора, внимая ему с открытыми ртами. Все, кроме Гаррета Хоука. Алистер оставил свой пост и подошел к Айану и Дайлену.

— Вот, ты смотри, — пробормотал чернобородый охотник, обращаясь к Стражам. — Стоит начаться войне, или Мор, или еще чему, и такие крикуны появляются в каждой деревне. Откуда только берутся? Эй! Эй, ты! — гаркнул он, обращаясь к заходившемуся в криках хасинду. — Сейчас же заткнись! Ты пугаешь детей!

Безумный проповедник обратил на него свой взор.

— Детей? Я пугаю детей? Да лучше перерезать им горло сейчас, чем обречь на мучения в лапах порождений тьмы! Смотрите, их приспешники уже среди нас! — он быстрыми шагами

пересек пространство, отделявшее его от Стражей и ткнул немытым пальцем в грудь Кусланда. — Вот этот человек несет в себе их омерзительный смрад! Или вы не видите, как бурлит в нем гнусная чернота?

— Прекрати! — невысокий тучный крестьянин потряс в воздухе руками. — Кто-нибудь, да заткните ему рот!

— Но разве он не прав? — его сосед зябко передернул плечами. — Банн бросил нас! Сам тейрн Логейн нас бросил! Стражи отказываются нас защищать! Король мертв! Мы обречены!

— А это исчадие — только первое из тех, что уничтожат нас! — хасинд в последний раз толкнул в грудь смотревшего на него сверху вниз Кусланда и благоразумно отскочил. — Надежды больше нет!

— Не будь глупцом! — возвысил голос молчавший до сих пор Алистер, делая шаг вперед. — Порождений тьмы можно победить!

— Нет! Я их видел! От них нельзя убежать! С ними нельзя сражаться! Вы... вы просто заговариваете нам зубы! Вы такие же, как они! Сосуды для скверны! Дети черноты!

— Это уже слишком! — Гаррет Хоук шагнул к трясущемуся хасинду и наотмашь ударил его по лицу. Тот не удержался на ногах, упав в грязь. Из толпы к охотнику выскочили двое — высокий темноволосый парень и коротко стриженная темноволосая девушка. Они встали по обе стороны от охотника, приходившегося им, по-видимому, другом или братом. Однако отражать опасности не потребовалось. Хасинд поднялся на ноги и, поводя по сторонам остекленевшими глазами, заковылял куда-то прочь.

Люди смотрели ему вслед с самыми разнообразными чувствами. Но в основном — это был страх.

— Он ведь был прав, верно? — произнес, наконец, кто-то. — Для нас надежды нет.

— Надежда есть всегда, — Дайлен Амелл сказал это негромко, но слышали все. — Не дайте отчаянию захлестнуть вас, люди. Королевская армия цела, и вскоре к ней присоединятся все наши союзники. Но теперь вам нужно уйти из этих мест. Порождения тьмы придут сюда раньше союзников...

— Порождения тьмы!! Они уже здесь! Храни Создатель, порождения тьмы! Спасите!!!

Беспорядочные безумные крики внезапно раздались со стороны лагеря беженцев. В них было столько ужаса, что не поверить им было нельзя. Тотчас на улицах деревни показались сами беженцы, не помня себя несущиеся прочь от чего-то страшного. Кое-где женщины тащили детей, но в большинстве своем люди бежали поодиночке, выпучив глаза и не чуя под собой ног. Переглянувшись, Стражи ринулись в противоположную сторону — туда, где предпологаемо показались порождения тьмы. Айан отметил, что в отличие от также бросившихся спастись остальных крестьян, охотник и его родичи, даже девушка, присоединились к их отряду.

Держась направления, куда со всей деревни сбегались храмовники, Стражи успели вовремя. К тому моменту, когда они выбежали на заставленный палатками пустырь, с него как раз удирали последние кричащие и визжащие от ужаса беженцы. Наспех выстроенные нестройные ряды храмовников плотно стояли перед входом в Лотеринг. А между палатками и на дороге, мелькали, приближаясь...

— Порождения тьмы! — выдохнул бежавший за охотником Хоуком темноволосый парень, отчего-то сильно походивший лицом на Дайлена Амелла. — Храни нас Создатель!

— Да тут их целая орда! — простонала девушка. На ее светлокожем лице был написан

сильный испуг.

— Это не орда! — Алистер выхватил меч, с беспокойством оглядываясь на товарищей, не успевших надеть доспех. — Но их все равно очень много!

Брат Хоука вооружился длинными охотничьими ножами. Чернобородый сдернул с плеча лук, а в руках его сестры подрагивал гладкий шест. Такой же шест висел за спиной чернобородого на крепком кожаном ремне. Айан вспомнил, что многие крестьянские потехи не обходились без драк такими вот шестами. Многие смерды орудовали ими не хуже, чем воины — благородным оружием.

— Мы будем сражаться рядом с вами, — поймав его взгляд, выпалила девушка, перехватывая шест поудобнее. — Здесь наш дом!

Свистнули стрелы. Помимо Хоука луки были еще у двух храмовников. Хоук успел выпустить еще три стрелы прежде, чем первые порождения тьмы ударились о подтянувшийся строй воинов Церкви.

— Прикрывайте правый фланг! — коротко приказал Кусланд, и оба товарища, а сейчас — просто подчиненных ему Стража, бросились исполнять приказ. Сам он вместе с семейством Хоуков встал по левую сторону от строя храмовников, прикрывая подступы к Лотерингу.

Схватка была яростной. Порождения тьмы насакивали на строй храмовников, во что бы то ни стало пытаясь его прорвать, чтобы хлынуть в охваченную паникой незащищенную деревню. Воины Церкви стояли, плотно сомкнув щиты, и отбиваясь от проклятых тварей отчаянно, но силы были несоизмеримы. Храмовники падали один за другим, и смыкавшийся над павшими строй их товарищей становился все реже. Серые Стражи и несколько мужчин из деревни прикрывали фланги, но на месте каждого убитого порождения тьмы неизменно вставало другое, а защитников больше не становилось. Постепенно людьми начинало овладевать отчаяние. Оскаленные морды порождений тьмы, их мелькающие клинки, звон оружия, крики раненых, хрипы, рев и звериный вой — все это сливалось в единый гул от которого стыли в руках рукояти клинков. Хотелось бросить оружие и бежать — бежать подальше от творившегося безумия.

Воинов Церкви оставалось не больше десятка, а из трех Стражей двое были серьезно ранены, когда среди беспорядочно наступавших гарлоков показался огр. Толпа порождений тьмы шарахнулась в разные стороны, будто открывая чудовищу путь для разбега. А может, что было того вернее, не желая попасться ему под ноги. Он был еще далеко, но сгрудившиеся у ворот обреченной деревни люди чувствовали, как подрагивала от его шагов земля. Огр вышел на середину дороги прямо напротив обреченно поднявших щиты усталых защитников. С его оскаленных клыков капала тягучая слюна.

Взревев, чудовище бросилось вперед. Огромные выставленные рога в единый миг сметут подобие строя усталых храмовников, затем в образовавшуюся брешь хлынут порождения тьмы — и из деревни не уйдет уже никто. Все это единым мигом пронеслось в голове Кусланда, когда он, отшвырнув рвавшего его зубами гарлока, бросился навстречу огру.

Они не добежали друг до друга нескольких шагов. Внезапно Айан почувствовал резкую боль в бедре. Пронзившая его навывлет стрела задела какую-то важную жилу, и нога подломилась. Воздетый меч Кусланда прошел в волоске от морды огра, а в следующий миг чудовище подхватило его на рога и швырнуло в гущу орущих порождений тьмы.

Подернутое болью сознание померкло, замедляясь, а затем мир перед его глазами

завертелся даже быстрее, чем раньше. Вместо мечей гарлоков, Айан шлепнулся на землю, разбрызгав жидкую грязь. Не сразу сумев поднять голову, Кусланд обнаружил, что порождения тьмы в беспорядке валяются вокруг него, словно сбитые ударами чудовищных невидимых кувалд. Еще через миг в развернувшегося к нему огра попал огромный горячий шар, распавшийся по его телу злыми пляшущими огненными языками. В смятении уцелевшие храмовники обернулись на Гаррета Хоука, который резко повел в воздухе сорванным с плеча шестом. Ближайших к людям порождений тьмы отбросило упругим ударом воздуха.

— Маги!

— Отступники! — выдохнул в ухо Дайлену подхвативший его Алистер. У Амелла был пропорот бок. Левая рука его, должнаая держать щит, безжизненно повисла.

Хоук развернулся и в движении дернул шестом. По толпе порождений тьмы словно пронесся огненный вихрь. В этот же момент девушка, видимо все же, прихордившаяся ему сестрой, с силой ударила в землю концом своего шеста.

Те гарлоки, которые еще не превратились в головни, разлетелись в стороны как от удара той самой невидимой кувалдой. Опомнившиеся храмовники, уже не обращая внимания на магов, бросились на чудовищ. Теперь перевес был на их стороне. Порождения тьмы больше не наступали. Они разбегались в разные стороны, преследуемые воинами Церкви. Все было кончено скорее, чем за несколько минут. Усталые и раненые победители стали возвращаться обратно. Постепенно они отходили от горячки боя и теперь все чаще поглядывали в сторону сгрудившегося у ворот семейства Хоуков. Брат и сестра с двух сторон прикрывали чернобородого Гаррета. Все трое выглядели настороженными, готовыми в любой момент отразить нападение, откуда бы оно ни происходило.

Айан со стоном поднялся на ноги и заковылял к воротам. У самых ворот Алистер усадил на пригорок посуше сильно раненого Дайлена, прислонив его спиной к изгороди. Лицо Амелла было белее мела. Но глаза — прикованы к магам-отступникам, стоявшим напротив целого отряда воинов Церкви. Сам воздух между ними был так напряжен, что казалось, единая искра могла заставить его вспыхнуть без всякой магии.

— Вы помогли защитить Лотеринг, — тем временем подал, наконец, голос, один из храмовников, по всему судя — капитан. — Но вы отступники. По закону мы обязаны сопроводить вас в ферелденский Круг магов. Что касается укрывателя магов, — он коротко кивнул на кусавшего губы юношу, стоявшего по правую сторону от чернобородого, — на первый раз... ввиду особых обстоятельств... он может быть свободен.

Хоуки сгруппировались плотнее. Видно было, как побелели на ее посохе стиснутые пальцы магии. По всему было понятно, что без боя никто из них сдаваться не собирался.

— Мы не причинили никому вреда, — слова чернобородого падали как всегда — спокойно и веско. — Мы просто не желаем жить взаперти только оттого, что наша связь с Тенью сильнее, чем у вас. Если нужно, мы уйдем. Все, чего мы хотим — чтобы люди оставили нас в покое.

— Ты не понимаешь, маг, — капитан шагнул вперед. Окружавшие его рыцари Церкви изготовили оружие. — Ты представляешь опасность для всех! Если тобой овладеет демон...

— Мне уже четверть века, и за это время я ни разу не подпустил к себе демона, — парировал Гаррет Хоук. Его руки, в отличие от рук его сестры, лежавшие на посохе, были расслаблены. — Как и моя сестра не подпускает к себе своих.

— Я не могу позволить вам уйти, — капитан сделал вперед еще один шаг. — Это мой

долг! Подчинитесь закону, или...

— Да что ж вы делаете, — проговорил Страж Амелл, сдерживая стон. Он сидел с трудом, скособочившись в сторону раны. — Они же спасли деревню. Спасли нас всех!

Капитан даже не обернулся. Глаза его были прикованы к двум отступникам и их брату, которые продолжали стоять, прижавшись друг к другу, в любой миг ожидая атаки. Похоже, он прикидывал, чего можно было от них ожидать. Все же маги были сильно вымотаны, точно выжаты боем с порождениями тьмы. Лица чернобородого и его сестры были осунувшимися, словно почерневшими. Должно быть, без того, чтобы выпить жидкий лириум, творить заклинания у них может не получиться. А это значит — у храмовников были теперь все шансы, чтобы их одолеть.

— Призываю магов в последний раз, — грозная речь капитана была неожиданно прервана появлением старой женщины, которая почти бегом бросилась в щель между храмовниками и магами и, мгновенно оценив ситуацию, упала на колени перед обнажившим клинок капитаном.

— Добрый сэр, прошу вас! Не троньте моих детей! Они... они не виноваты, что их отец был магом! Они никому не делали ничего плохого, клянусь! Никогда! Прошу вас, добрый сэр!

— Матушка! — брат чернобородого бросился к ней и попытался поднять с земли. — Тебе нельзя здесь быть. Уходи, мы справимся. Ну, давай! Уходи! Быстрее!

— Взять их, — капитан храмовников, видимо, решил воспользоваться тем, что внимание магов было отвлечено на их мать. — Взять их немедленно!

Два или три храмовника успели сделать шаг вперед. Парню удалось поднять мать с земли. Руки чернобородого Гаррета ровно как и его сестры подернулись красноватым свечением, как при изготовке использования магии огня. И тут...

Внезапно земля зашаталась. По ней пошла глубокая трещина, разделившая почву между семьей Хоуков и наступавшими на них храмовниками. Старую женщину парень успел утянуть на свою сторону до того, как все увеличивавшаяся трещина сделала невозможным пересечь ее даже в прыжке. Твердь под ногами тряслась все сильнее, и все шире становился провал в земле, уже напоминавший больше овраг. Овраг все ширился, проходя через всю деревню и исчезая где-то далеко за лагерем беженцев, отделяя одну половину Лотеринга от другой так, что чтобы перебраться через него, нужно было строить мост.

— Проклятые малефикары! — сквозь зубы выдохнул капитан. Он сумел удержаться на ногах, и теперь сверлил хватавшихся друг за друга магов яростным взглядом. — Вам не сойдёт это с рук, обещаю!

— Это не мы! — долетевший с противоположной стороны оврага голос девушки-мага был полон ужаса. — Никто из нас никогда не обладал такой огромной мощью! Это не малефикарум, это магия стихий! Кто-то воззвал к самой земле! О Создатель, да мы даже совместно...

— Молчи, Бетани, — голос чернобородого звучал не так спокойно, как обычно. Похоже, и на него свершившееся оказало сильное впечатление. — Уходим, пока они не опомнились. Карвер, помоги матушке. Шевелитесь живей.

Глядя, как семья магов, попеременно оглядываясь, быстро уходит в холмы, капитан бессильно скрежетал зубами. О том, чтобы отправить людей в обход оврага не было и речи. В округе могли быть другие стаи порождений тьмы, и рисковать воинами в таких условиях он не мог. В последний раз взглянув вслед отступникам, храмовник мотнул головой, давая

своим людям знак к отступлению. Кусланд прислонился к одному из столбов деревенских ворот. Алистер сидел тут же, придерживая голову и плечи бледного до прозрачности Дайлена, и зажимая его колотую рану в боку. Амелл не шевелился и не стонал — он потерял сознание во время землетрясения. Алистер поднял глаза и несколько раз дернул головой.

— Если Морриган не сможет... сделать хоть что-нибудь... я не знаю, как... Создатель, надо же было вам оказаться без доспехов!

— Если сама Морриган вернется, — Айдан опустил голову вниз, рассматривая свое пробитое бедро. Стрелу он так и не вынул, опасаясь изойти кровью. — Я не знаю, куда она ушла. Но раз ее до сих пор нет...

Он умолк на полуслове, заметив взгляд Алистера, устремленный куда-то поверх его плеча. К ним торопились Бодан, его сын Сэндал и сестра Лелиана в дорожном платье, преобразившем ее. Надетый поверх рубашки кожаный нагрудник сидел, как влитой. Очевидно, что ношение такой одежды для рыжей жрицы было делом привычным.

— Вы живы! Хвала Создателю! Я так волновалась!

— Господин Страж! — гном поочередно посмотрел на каждого из уцелевших и, как всегда верно, обратился к Кусланду. — Господин Страж, лошадь уже запряжена. Давайте обработаем ваши раны и... покинем это место. На повозке найдется место для господина... эээ господина Дайлена и, быть может, даже и для вас. Мой мальчик, если нужно, пойдет пешком. Только нужно поторапливаться. Эти твари в любой момент вернутся!

Доводы Бодана были более чем справедливы. Совместными усилиями они уложили Дайлена на принесенный Лелианой плащ, после чего при помощи припадавшего на раненую ногу и сильно кривящегося Кусланда перетащили его в деревню, к собранной и изготовленной в дорогу повозке гномов.

— Погодите, я достану снадобья! — Лелиана полезла в свою дорожную сумку. Сумка послушницы, против ожиданий, была объемной, но не большой.

Морриган появилась как всегда незаметно и неожиданно. Оттолкнув с дороги замешкавшегося Алистера, она склонилась над бессознательным Дайленом. Видимо то, что она почувствовала в нем, встревожило лесную ведьму. Протерев ладони, Морриган провела кончиками пальцев по ране, быстро нагнулась, прикладываясь ухом к его обнаженной груди, и, уложив ладони на рассеченное место, прикрыла глаза. Временами она отнимала ладони, как будто что-то стряхивая, и снова прикладывала их. Это длилось недолго, но оказалось видимые улучшения в состоянии бессознательного Стража. С лица Дайлена исчезла отливавшая зеленым бледность. Рана в его боку перестала кровоточить. Морриган несколько мгновений переводила дух, упираясь ладонями в колени. Затем повернулась к Айдану и занялась его бедром.

Они выступили спустя совсем короткое время. Дайлен так и не пришел в себя. Его вывозили в повозке гнома, как и мрачно кривившегося Айана. Рану Кусланда ведьма лишь наскоро зашептала от кровотечения и пробитая оружием тварей плоть по-прежнему причиняла ему сильную боль. Прочие выглядели встревоженными и подавленными, а гном Бодан еще и сильно напуганным. Появление порождений тьмы у самого Лотеринга гнетущим образом действовало на всех. Задним умом Айан надеялся, что рано наступившие холода загонят порождений тьмы обратно под землю, быть может, даже до будущей весны. Но, похоже, архидемон мыслил иначе.

— Взгляните, господин, — сидевший на передке Бодан указал кнутом вперед. Повозка уже выкатывалась из деревни, и у самых ворот взглянувший в ту сторону Айан увидел

большую железную клетку. В ней, привалившись к прутьям, стоял высокий крупный человек. Клетка была явно узкой и низкой для него, потому что стоял он, опустив голову и затылком упираясь в верхние прутья решетки. Пространства в клетке едва бы хватило, чтобы присесть, не говоря о том, чтобы лечь. Должно быть, человек сидел здесь уже достаточно долго. На это указывали очень многие признаки.

— Страж Айан, — Кусланд почувствовал прикосновение к своей руке. Сестра Лелиана поспешно отняла пальцы, но глаза ее оставались встревоженными и просительными. — Этот преступник здесь уже много дней. Преподобная приговорила его к смерти. Но... разве можно позволить порождениям тьмы исполнять ее приговор?

Повинуясь жесту Айана недовольный гном остановил повозку. Кусланд, морщась, выбрался из нее. В словах Лелианы была правда. Каков бы ни была вина преступника, оставление его на потеху тварям было худшим преступлением.

Опираясь на плечо Алистера, под взглядами своих спутников, он проковылял к самой клетке. Заключенный в ней человек поднял руку от локтя, на который опирался лбом. Несколько мгновений потребовалось Кусланду, чтобы догадаться, кого он видел перед собой.

Из четырех рас, населявших Тедас, народ косситов был наиболее диким. Ростом выше и крупнее человека, серокожие варвары обитали далеко на северо-западе, в Пар Валене, откуда совершали набеги на соседние земли. Косситы исповедовали учение Кун, такое же дикое и бессмысленно жестокое, какими были они сами. Немногие могли противостоять их влиянию, и только граничившая с Пар Валеной империя Тевинтер сдерживала натиск косситов на протяжении веков, не давая ему распространяться на другие земли.

Благодаря своей силе и свирепости наемники из косситов ценились в любой части Тедаса. Однако в Ферелдене, лежавшем слишком далеко от Пар Валены, они почти не встречались. Тем удивительнее было видеть одного из них на самом юге, в Лотеринге.

Некоторое время Айан и заключенный в клетку коссит смотрели друг на друга. Потом последний тяжело вздохнул и выпрямился, насколько позволяли ему железные прутья.

— Ты ведь меня в плен не брал, — гулко пророкотал он, без стеснения разглядывая стоявшего перед ним Стража. — И мне нечем тебя позабавить, полукровка. Иди своей дорогой.

Айан выпустил плечо Алистера и утвердился на здоровой ноге. Выпрямившись, он мог, не задирая головы, смотреть в глаза рослому заключенному.

— Порождения тьмы скоро будут здесь. Мы только что дали им бой на юге деревни. Они ушли, но ненадолго.

— Да? — коссит неприятно усмехнулся потрескавшимися губами. — И что же?

— Деревенские говорили — убил он целую семью, — подала голос Морриган, как и другие прислушивавшаяся к разговору. — Детеньшей не пощадил.

— Это правда? — поморщился Алистер. Коссит облокотился на прутья плечом и сложил руки на груди. Вопрос белобрысого Стража он оставил без ответа.

— Я открою клетку, — Айан изучающе глядел на заключенного, однако понять что-то по его глазам не мог. — Пойдешь с нами в Редклиф. Там я передам тебя властям.

— Если хочешь моей смерти, полукровка, — также оглядев его с ног до головы, глухо проговорил коссит, вытирая лоб рукавом, — не обязательно тащить меня так далеко. Ты знаешь, что в Редклифе меня казнят. Можно закончить это здесь и сейчас.

— Почему он называет тебя полукровкой? — поинтересовался Алистер, тоже не сводя

глаз с коссита. — Что это значит?

Кусланд дернул плечами.

— Айан! — сестра Лелиана была уже рядом, примирительно трогая его локоть. — Даже самые ужасные преступники имеют право на раскаяние и помилование... если, конечно, он раскаивается в том, что сделал.

Кусланд еще раз оценивающе оглядел мощную фигуру коссита. Тот молчал, по-прежнему сохраняя невозмутимо-пренебрежительный вид.

— Если бы у тебя была возможность искупить то, что ты делал, ты бы воспользовался ею?

В оранжевых глазах заключенного мелькнула тень интереса — впервые за весь разговор. Впрочем, никак иначе он его не показал.

— Смерть станет для меня искуплением.

— Смерть не единственный выход.

Коссит поднял брови.

— Быть может. Что ты предлагаешь, полукровка?

Айан, морщась, шагнул ближе.

— Для начала перестань называть меня полукровкой. Я — Командор Серых Стражей Ферелдена Айан. После битвы при Остагаре Стражей осталось всего трое на весь Ферелден двое из которых ранены. Нам нужны союзники. Помоги остановить Мор. Что может быть благороднее?

— Значит ты — Серый Страж, — не было похоже, чтобы коссит проникся большим уважением к Айану после его признания. — До моего народа доходили легенды о силе и умениях Серых Стражей. Впрочем, не каждая легенда обязана быть правдой.

— Ты пойдешь со мной? — уже жалея о том, что вообще заговорил с ним, переспросил Кусланд. Его пробитое бедро болело. Присесть куда-нибудь хотелось все сильнее.

— До тех пор, пока ты сражаешься с Мором, Страж, — заключенный склонил крупную голову.

— Алистер, — Кусланд мотнул головой. Сын Мэрика подошел к клетке, и, поддев кинжалом, своротил замок. Коссит шагнул наружу, расправляя плечи, и сразу делаясь выше и Алистера, и даже стремительно мокревшего лбом от боли Айана.

— Зови меня Стен, — слегка склонив голову, сказал он.

Дайлен Амелл пришел в себя к вечеру следующего дня. Во время коротких привалов Морриган не отходила от него ни на шаг, меняя перевязки и без нужды гоняя безотказного Алистера. На раны Кусланда внимания она не обращала вовсе, на чем тот и не настаивал. Своим бедром он занимался сам, при участии сестры Лелианы. С большим удовольствием он воспользовался бы помощью Алистера, но лесная ведьма не отпускала того от себя.

Темноволосый Страж открыл глаза, когда сидевший на передке гном все чаще привставал, высматривая среди высоких лесистых холмов подходящее место для ночлега. Некоторое время Дайлен смотрел вверх, и проплывавшее над ним хмурое вечернее небо отражалось в его темных глазах. Потом, словно очнувшись, он бросил взгляд по сторонам и, увидев сидевшего рядом с ним в нагруднике, но без поножей Кусланда, который осторожно перекладывал перебинтованную ногу, заметно успокоился.

— Который теперь день? — просипел он, тщетно пытаясь смазать слюной пересохшее горло.

— Второй с тех пор, как мы покинули Лотеринг, — Айан склонился над товарищем и, пощупав его лоб, с облегчением отметил, что тот не потеет. — Дня через четыре будем в Редклифе, эрлинге Эамона.

Дайлен кивнул, прикрывая глаза.

— Значит, мы покинули Лотеринг два дня назад.

— Верно.

— А порождения тьмы?

— С ними удалось совладать при помощи отступников. Не думал, что маги способны на такое, — Кусланд обернулся на идущую за повозкой Морриган и понизил голос. — Нынешние маги редко могут больше, чем просто фокусы. А эти раскололи землю силой мысли. Храмовники так и не смогли до них добраться. Жаль, что не удалось привлечь их на свою сторону.

Дайлен вновь открыл глаза. На его губах появилась горькая усмешка.

— Серые Стражи верят в то, что любые средства хорошо для достижения цели, — медленно проговорил он, поминутно сглатывая и трогая перебинтованный бок. — Поэтому тебе я могу сказать открыто то, о чем думаю. Весь Тедаас многое теряет от обычая умирять любых хоть сколько-нибудь сильных магов, за исключением только «фокусников». Я застал начало расправы тех отступников над порождениями тьмы. Если бы хотя бы десяток настолько сильных магов под Остагар, мы бы выиграли битву малой кровью.

Кусланд усмехнулся.

— Как чувствуешь ты себя, друг?

Дайлен посмотрел вниз, на свою перевязку.

— Бывало и хуже. Но не часто, — он еще раз потрогал бинты. — Кто меня лечит? Морриган? Она ведь тоже отступница. Но если бы ее не было с нами, я уже отправился к праотцам. Ферелден бы лишился еще одного Серого.

Айан еще раз обернулся на Морриган и, поймав ее тяжелый взгляд, поспешил отвести глаза.

— Ты, похоже, благоволишь к отступникам, — нарочито небрежно бросил он, разглядывая проплывавшие холмы вдалеке. — Знал кого-то из них?

Дайлен повел плечами, пытаясь без вреда для раны сменить положение на затекшей спине.

— Знал одного, — он снова обратил взгляд к небу, потому что ворочать головой ему было неудобно. — Он заставил меня посмотреть на мир его глазами. Магов ненавидят и боятся, а они просто хотят жить, как все другие. Без страха, без преследований со стороны храмовников, без заключения в тюрьмах Круга. Многие считают магию даром и завидуют рожденным в тесной связи с Тенью. Но сами маги в большинстве своем считают этот пресловутый дар проклятьем. — Он снова взглянул на Кусланда. — К слову, что ты сам думаешь о них?

— О них? Ты говоришь о магах?

— О магах и об отступниках тоже.

— Колдовство! — неожиданно решил поддержать разговор сын Бодана, полоумный Сэндал. Он шел рядом с повозкой, и, слышал, как видно, все то, о чем они говорили.

— Магам нельзя доверять, — подал голос идущий с другой стороны от повозки Алистер. Сын Мэрика выглядел задёрганным и то и дело кидал пугливые взгляды в сторону мрачной, как нависшие над долиной тучи, Морриган. — В любой миг они могут сделаться добычей демона и тогда...

— В тебе говорит бывший храмовник, — поморщился Амелл. Несмотря на тряску повозки он пытался сесть, и, в конце концов, ему это удалось. — Маги в большинстве своем не глупы, и обращаются к магии крови только в самом крайнем случае. К примеру, если что-то угрожает их... их жизни. Никакая другая магия не притягивает к ним демонов.

— Демоны могут вселиться в тело мага во сне, — упрямо качнул головой Алистер, бросая еще один взгляд в сторону приотставшей ведьмы.

— Дух каждого человека бродит по Тени во сне, — не согласился Дайлен, оглаживая пальцами бинты. — Так что демоны могут вселиться в кого угодно, кто слаб. Так что же теперь людям отказаться от сна?

— Но ведь связь магов с Тенью сильнее, чем у прочих смертных, господин Страж, — решил вставить свой пятак Бодан, которого давно уже подмывало вступить в беседу. — Демонам легче пробраться в наш мир через них.

— Довелось мне однажды увидеть одержимого, — сестра Лелиана поёжилась, обняв себя за плечи. — Хорошо, что храмовники успели к нему раньше, чем он причинил кому-то вред. Маги... они очень опасны. Конечно, убивать их нельзя, но... для всех будет лучше, если маги будут жить в Круге под защитой храмовников. Это совсем не плохо, не так ли?

Некоторое время все ждали слов Дайлена, но тот молчал, продолжая поглаживать себя по бинтам. На его лице застыло выражение горечи.

— Ты спросил моего мнения, — когда надежда на то, что Амелл продолжит спор, окончательно пропала, проговорил Кусланд. — Я не считаю справедливым преследовать человека за то, каким он родился. В том, какие звезды светили ему при рождении, нет его вины.

Дайлен не ответил. Но его застывшее лицо чуть заметно расслабилось.

За время пути до Редклифа с путниками не случилось чего-либо особо занимательного. Разве что дважды попадавшие на дороге разбойники навсегда зареклись заниматься этим бесчестным делом, а стая из пяти волков осталась лежать на той же поляне, на которой так неосторожно попыталась атаковать повозку. Раны Стражей затягивались на удивление быстро. Морриган уверяла, что причиной того была скверна в их крови, однако и она не могла объяснить того, почему Дайлен выздоравливал с такой стремительностью, словно его лечил не один маг, а по меньшей мере, двое. Как бы то ни было, а уже через сутки он уступил в повозке место Сэндалу, предпочитая идти пешком, а еще через день на привале вновь упражнялся с мечом под надзором Кусланда. Иногда к ним присоединялись Алистер и Лелиана, а также оба гнома — обычно после того, как все дела были переделаны, костер сложен, а похлебка уже булькала в большом походном котле. В пути они почти не трогали запасов гнома — в дичи недостатка не было. Послушница Лелиана оказалась на диво хорошей лучницей и была торопливо улетающих на север последних уток прямо на ходу. Рыскавший по кустам Иеху приносил почти всегда съедобную добычу. Как охотилась сторонившаяся всех Морриган, оставалось только догадываться, однако часто случалось так, что лесная ведьма, пропадая среди холмов перед самым привалом, возвращалась к повозке с только что убитой дичью.

Выпущенный из клетки коссит вел себя сдержанно, и сторонился любого больше ведьмы. Однако приказы Кусланда исполнял быстро и беспрекословно, хотя и не выказывал к нему видимого уважения, как к командиру. За все время пути он едва перекинулся парой слов с Айаном. Попытки других обратиться к нему не увенчались успехом. Впрочем, таких попыток было немного.

Крыши Редклифа показались среди холмов на седьмой день их пути, когда солнце уже уходило за горизонт. А спустя еще несколько сотен шагов крутые холмы расступились, открывая вид на сам город и величественное озеро Каленхад — самое большое озеро в этой части Тедаса. Город стоял на холмах, из-за этого улиц как таковых не было — были только спуски и подъемы от дома к дому, узкие и широкие, крутые и не очень. Над городом, на самом высоком холме стоял замок эрла Эамона. Огромный и серый, он навевал отчего-то мрачные мысли.

Бодан натянул поводья. Некоторое время путники просто стояли, разглядывая город, замок, озеро и пристань, возле которой было два или три корабля.

— Странно снова вернуться сюда, — глядя на фигурки людей, едва различимых сверху, медленно проговорил Алистер. — Я здесь родился и жил первые десять лет своей жизни. И вот теперь я снова здесь. Непохоже, чтобы что-то сильно изменилось.

— Я тоже родился в Редклифе, — Дайлен поднял руку, указывая куда-то на западную часть города. — Отец служил в страже замка, а жили мы в доме у самого моста. Из нашего дома отцу удобно было добираться на службу.

— Ты жил в доме у ворот? — Алистер заметно удивился, окидывая взглядом товарища, словно видел его в первый раз. — Странно, что я не знал тебя. Хотя... не припомню, чтобы меня часто выпускали из замка. Твоя семья еще здесь?

Дайлен качнул головой. С его лица постепенно сходило выражение воодушевления, уступая место привычной замкнутости.

— Так ты не был в Редклифе десять лет? — внимательно разглядывая мост, который вел к холму с замком и стражу перед воротами на него, переспросил Айан, обращаясь к Алистеру.

— Одиннадцать, — тот кивнул головой. — Нынешней зимой будет двадцать одна с тех пор, как я родился. Десяти от роду эрл отдал меня Церкви для обучения на храмовника.

— Эрл тебя отдал? — с некоторым интересом переспросил Дайлен, внимание которого тоже привлек отряд стражников у ворот, ведущих на мост замка. — Ты пошел в храмовники не по своей воле?

— Нет. Это случилось вскоре после женитьбы эрла на орлесианской даме. Эрлесса потребовала, чтобы меня удалили из замка. Должно быть, она считала меня внебрачным сыном Эамона, — Алистер пожал плечами. — Конечно, это было не так, но эрл пошел на поводу у желаний своей жены. Меня отдали на обучение в Церковь, хотя... мне очень этого не хотелось. Дункан... я уже говорил, что Дункан спас меня, забрав в Орден перед самым посвящением в храмовники.

— Эрлесса была против твоего пребывания в замке? — Лелиана, тоже слушавшая весь разговор, пытливо взглянула ему в глаза. — Но это значит... тебя могут встретить неприветливо?

Алистер с сомнением покачал головой.

— Эрлесса может думать, что пожелает. Мы здесь, чтобы встретиться с Эамоном, — ответил за него Кусланд. — Пойдем, мы уже почти пришли.

Они двинулись по направлению к замку. Теперь в повозке сидели только гномы. Алистер и Айан уже не прятали своих доспехов. Наоборот, накануне оба начистили их до блеска, в качестве дополнительного аргумента для стражников пропустить их в замок, если те вдруг вздумали бы проявлять несговорчивость. Доспехи Дайлена не смотрелись внушительно рядом с теми, которые были на товарищах, однако в походе он держал их начищенными всегда, даже когда в этом не было видимой нужды.

Чем ближе подходили путники к воротам, тем меньше нравилось им то, что они видели. Стража стояла, однако взгляды воинов были направлены не на дорогу. К дороге были обращены их спины. Глаза и копья стражников смотрели на мост.

— Словно не замок они сторожат, а сторожатся от замка, — вполголоса проговорила Морриган.

Заметив приближение путников, несколько стражей обернулись к ним. Другие продолжали глядеть на мост.

— Приветствую добрых воинов Редклифа, — приблизившись на нужное расстояние, поздоровался сын Мэрика. — Я — Алистер, воспитанник эрла Эамона. Мне нужно как можно скорее попасть в замок.

Ближайшие к ним стражники переглянулись. Вперед шагнул один, как видимо, старший над ними.

— Вы, должно быть, пришли издалека, и не слышали, что тут у нас творится, если вправду хотите в замок, — глухо проговорил он, поочередно глядя на каждого из пришельцев. — Эрл Эамон тяжело заболел с месяц назад. Настолько тяжело, что эрлесса отправила всех рыцарей Редклифа на поиски Урны Священного Праха.

Серые Стражи переглянулись. По всей группе прошел летучий обмен взглядами.

— Болезнь эрла настолько серьезна? — Кусланд жестом остановил начавшего было говорить Алистера. — Эрлесса лично отдала приказ, отправивший всех рыцарей за сказкой?

Старший воин покачал головой. Видно было, что он разделяет мнение непочтительного пришельца.

— Трудно сказать, что заставило даму Изольду поступить так, — проговорил он, как видимо, тщательно подбирая слова. — Однако теперь в Редклифе нет ни одного рыцаря, за исключением нескольких храмовников. Но, быть может, знатный господин желает поговорить об этом с братом эрла Эамона, банном Теганом? Он теперь в церкви. Обсуждает с капитаном рыцарей Церкви и старостой города план обороны.

— Банн Теган здесь? — Айан попытался припомнить, участвовал ли брат эрла Эамона в битве при Остагаре, но понял, что он никогда этого не знал.

— Обороны? — в свою очередь удивился Алистер. — От кого? Порождения тьмы уже добрались сюда?

— Вам лучше поговорить с банном Теганом, — старший стражник кивнул в сторону дороги, уходившей на Редклиф. — Уже вечер, я бы посоветовал вам поторопиться.

— Странные дела здесь творятся, — пробормотал Бодан, пока его повозка катилась вниз по довольно крутой дороге, ведущей в город. Изнутри Редклиф не отличался от того, каким выглядел снаружи. Все те же дома, выстроенные на подступающих к воде холмах, крутые подъемы и спуски, заменявшие ему улицы, и та же спокойная гладь великого озера, которую можно было увидеть в редких промежутках между стенами. Вечерний ветер нес с собой свежесть осени, все больше вступающей в свои права.

Улицы были пустынные. Это казалось тем более странным, что в окнах не горел свет. Город не казался вымершим, но ощущение, что в нем далеко не все в порядке, все усиливалось. Редкие попадавшиеся горожане не занимались привычными делами, а торопились в одну сторону. Многие несли громоздкие предметы — лавки, ящики и бочки. Почти все мужчины были чем-то вооружены.

По мере того, как дорога спускалась к пристани, людей вокруг становилось все больше. Отовсюду слышались стук, крики и звон оружия. Вильнувшая дорога обогнула холм и неожиданно оборвалась глухой баррикадой. Баррикада из нагромождения перевернутых телег и тех самых бочонков, оглоблей и ящиков накрепко перегораживала путь к нижним улицам города, оставляя лишь небольшой проход, в который с трудом могла въехать повозка гнома.

К баррикаде со всех сторон бежали люди, спешно укрепляя ее чем приходилось под руку. Им приказывали несколько усталых храмовников. Двое или трое воинов Церкви расставляли вооруженных чем попало горожан вдоль укреплений, отдавая, по-видимому, последние распоряжения.

Путники успели вовремя. Бодан ухитрился протиснуть свой возок в проходе между двумя частями баррикады, когда вынесенный из чьего-то жилища шкаф перегородил проход, сузив его вдвое. На бродячего торговца косились, но не сильно. Все были заняты своим делом. Продолжая спускаться вниз по улице и оглядываясь по сторонам, путники пришли к убеждению, что другого пути к докам не было. С обеих сторон дорогу стискивали плотно стоящие дома, а те в свою очередь тулились к отвесным стенам прибрежных обрывов. В этом месте Редклиф представлял собой сплошную длинную улицу. Было очевидно, что если враг прорвется из-за баррикады, он пройдет только здесь.

— При имеющихся обстоятельствах логичнее всего было бы увидеть теперь вторую баррикаду, — предположил Дайлен, оценивающе оглядываясь по сторонам. — Воистину умный человек строил этот город!

На вторую баррикаду они набрали отстоящей от первой на несколько сотен шагов вниз по улице. Проход в ней был пошире, чем в первой. Людей здесь было гораздо меньше, зато среди защитников баррикады попадалось множество женщин. За баррикадой лежала небольшая низина с расположенной на ней площадью. С одной стороны площади стояло несколько домов на сваях, с другой, притиснутая холмами к самой воде, тулилась большая церковь. Чуть поодаль отстояла пристань, у которой сейчас покачивалось несколько кораблей и множество лодок.

Сквозь распахнутые настежь двери церкви даже издалека было видно, что она битком набита людьми. Люди продолжали торопливо входить вовнутрь, хотя, казалось, они шли прямо по головам тех, кто успел добраться сюда раньше. В большинстве своем в церкви

искали укрытия старики и женщины с детьми.

— Эй, вы! — обернувшись на окрик, путники увидели пожилого храмовника, который приближался к повозке прихрамывающей походкой. — У вас хорошее оружие! Почему вы не на передовой баррикаде?

— Приветствую, сэр рыцарь, — не стал разводить долгих церемоний Айан. — Нам нужен банн Теган. Он в церкви?

Храмовник коротко обернулся на скрывшееся за холмами солнце.

— Уже почти ночь. Банн Теган сейчас выйдет, — он мотнул головой. — Оставьте телегу здесь. Неплохое укрепление для баррикады. Бодан не стал протестовать. Дальше все едино не было дороги. Выход с площади имелся всего один — вверх по улице, откуда они только что пришли, и на несколько боковых проулков, которые, как видно, упирались в озеро. Гномы благоразумно расположились прямо в повозке. С ними на улице перед баррикадой остались прочие путники. В Церковь отправились только Стражи — Алистер и Айан. Даже вездесущий Дайлен остался ждать снаружи, справедливо рассудив, что для разговора с банном хватит и двух наиболее благородных, а для всех прочих в Церкви будет попросту мало места. Тем более что беженцы все продолжали пребывать.

Серые Стражи скрылись внутри переполненного женщинами, детьми и стариками храма Создателя. Спутники терпеливо ждали их снаружи. Лелиана прислонилась спиной к баррикаде рядом с Морриган, глядя, как люди продолжают таскать все, что могло сойти за препятствие для нападающих и сваливать в кучу вокруг площади.

— И все же чего они так опасаются? — медленно проговорила она. — Весь город готовится к страшной осаде. Но от кого?

— Может, порождения тьмы? — рискнул высказать свое мнение Бодан. Он беспокойно озирался вокруг, но из повозки не вылезал. Его сумасшедший сын был тут же, продолжая бессмысленно улыбаться миру. Его рука лежала на холке мабари, который всю дорогу почти не отходил от безумного молодого гнома.

Стен, до сих пор не проронивший ни слова, поднял голову и посмотрел на возвышавшийся на холме замок. В сумерках его серые стены казались почти черными.

— Не могли они подойти сюда, нас опередив, — Морриган подняла руку, указывая посохом на далекие горы. — Тут хребет каменный. Ни напрямик не пройдешь, ни нор не нароешь. Не порождений тьмы боятся они.

— Они говорят о каких-то тварях, — Лелиана потрянула коротко стриженными рыжими волосами. — Тварях из замка.

— Да чего гадать, — Дайлен спрыгнул с повозки, в которую присел, и кивком головы подозвал Иеху. — Если можно спросить.

Он решительно направился к группе людей, которые ничего не строили, а стояли у уже готовой баррикады, вертя в руках все то, чем были вооружены. Его появление встретили настороженно, однако спустя некоторое время по их оживленной жестикуляции и голосам сделалось понятно, что Амелл узнает о положении в городе даже больше, чем знали о нем его жители — с учетом всех домыслов, преувеличений и предположений. Переговорив с горожанами, он вернулся обратно. На обращенные к нему вопросительные взгляды, Страж передернул плечами.

— Толком никто ничего не может сказать, — отрывисто проговорил он, видимо, обдумывая услышанное. — Эрл заболел. Как только дошли слухи об убийстве короля и Собрании Земель, которое в спешке собирал Логейн, эрл Эамон собрался в столицу. Но

выехать не успел. Заболел и слег. Чем — не говорят. Не знают. Эрлесса отправила всех — Создатель, зачем? — всех рыцарей Редклифа на поиски лекарства. Дальше... — Дайлен помолчал, собираясь с мыслями. — Дальше из замка неожиданно перестали доходить вести. Ворота закрыты, никто оттуда не выходит, и на крики Тегана, приехавшего проведать больного брата, не отзывается. Теган приехал три дня назад под вечер, а ночью ворота открылись. Из замка в город хлынули орды чудовищ.

— Чудовищ? — Лелиана оглянулась на замок, черной громадой нависавший над городом, и зябко повела плечами.

— Эти люди не сказали, какие это были чудовища, потому что сами их не видели, — Дайлен тоже невольно посмотрел на замок. — Только эти чудовища за ночь убили почти треть всех жителей в Редклифе. Защититься никто не успел — все спали, даже храмовники. Горожане уже два дня хоронят погибших. На вторую ночь чудовища вернулись. Банн Теган с его рыцарями попытался организовать оборону, но потерял весь отряд и чудом избежал смерти. Это — третья ночь. Как видите, они подготовились лучше. Горожане или на баррикадах, или в укрытиях. Большая часть — в Церкви. Банн Теган ранен. Во всяком случае, так говорят. Думаю, Айан расскажет нам больше, когда вернется.

Он запнулся, почувствовав какое-то неудобство у правого локтя. Обернувшись, Страж обнаружил бедно одетую светловолосую девушку, теребившую его за руку с намерением обратить на себя внимание. Она подошла так тихо, что до того, как она обнаружила себя, о ее приближении знал разве что Йеху. Почувствовав на себе сразу несколько взглядов, она неожиданно смутилась, низко опустив голову. Однако ни от кого не укрылось, что ее веки были припухшими, а лицо — заплаканным. — Тебе что-нибудь нужно? — Дайлен посмотрел на незнакомку с искренним недоумением.

Девушка подняла на него глаза, в которых в самом деле стояли слезы.

— Прошу простить меня, что я вас беспокою, добрый господин, — она обвела взглядом всех незнакомцев у повозки и вновь обратила взор на Дайлена — Мне просто не к кому больше обратиться. Местные... не слушают меня. Они слишком напуганы. Но вы ведь недавно прибыли в наш город? У вас такой вид... ваши доспехи и оружие... Ведь вы наемники? Умоляю, помогите мне! У меня найдется, чем заплатить!

Последние слова просительницы вызывали сомнения, так как вид ее не свидетельствовал о зажиточности или достатке, скорее наоборот. Но посмотрев девушке в лицо, Дайлен споткнулся взглядом о ее глаза. Даже припухшие и покрасневшие, они притянули взор Стража, как тягучий камень влечет к себе железо. Открывший уже было рот для того, чтобы отослать незнакомку, Дайлен прикусил язык.

— Прогони девку эту, — Морриган сделала нетерпеливый жест рукой. — И без нее забот хватает нам теперь.

Просительница бросила на нее взгляд, полный отчаяния, и закусила губу, вновь с мольбой обратившись к Стражу, которого сразу выделила среди остальных. Однако внезапно ее глаза расширились от изумления.

— О Создатель... мне кажется... я, наверное, ошиблась... Ты ведь... твое имя... не Дайлен?

Настала очередь Дайлена изумляться. Впрочем, не только его. Спутники Стража тоже казались удивленными. Даже всегда равнодушный Стен оторвался от разглядывания баррикады и посмотрел в их сторону.

— Я... я Кейтлин. Ты... можешь меня вспомнить. Наши отцы служили в замке и... и

матери дружили! Тебе... доводилось бывать у нас в доме с поручениями от матушки...

Дайлен еще раз окинул взглядом фигуру Кейтлин. Она в волнении смотрела на него, молитвенно сложив руки.

— Да, я вижу, это ты. Ведь это ты, Дайлен? Ваша семья переехала отсюда давно, десять или двенадцать лет назад...

— Двенадцать, — Дайлен медленно кивнул головой, не обращая внимания на взгляды спутников. — Я тебя вспомнил, Кейтлин. Рад, что мы встретились. Как дела твоей семьи?

Легкое воодушевление, появившееся было на лице девушки, угасло. Она обняла себя за плечи.

— Отец умер три года назад, — тихо проговорила Кейтлин. — А маму... маму утащили твари прошлой ночью, — она всхлипнула, но взяла себя в руки, сумев докончить. — Дайлен... мой брат, Бевин... ему всего восемь... Я не могу его найти. Я была всюду, искала весь день! Утром, когда твари ушли, он был еще со мной. А потом...

Не выдержав, она расплакалась. Сердобольная Лелиана обняла девушку за плечи, в волнении глядя на Дайлена. Морриган равнодушно хмыкнула.

— Что убиваться без толку? Нет его уже. Должно быть, твари унесли. Забудь.

Лелиана обернулась к ней.

— Как можно быть такой чёрствой? — с негодованием резко спросила она.

— А что, было бы лучше успокаивать ее ложью? — Морриган презрительно дернула плечами. — Если нужно смотреть смерти в глаза, не стоит отводить взгляд.

— Пожалуйста, — Кейтлин вновь молитвенно сложила руки, обратившись к смятенному Стражу. — Помогите мне разыскать его! Вот-вот сделается совсем темно и тогда придут эти твари... Кроме меня у него больше никого нет. Если они убьют его... Дайлен, у меня есть, чем расплатиться за помощь. У отца был меч... старинный, очень дорогой... он всегда им гордился. Матушка хранила его для Бевина, но я с радостью отдам его тебе, если только...

— погоди, Кейтлин, — Амелл предостерегающе вскинул руку, с усилием заставив себя оторваться от замороженного разглядывания ее лица. — погоди. Ты говоришь, что искала своего брата?

— Да, — девушка снова всхлипнула. — Я обошла весь город. О, Создатель, а вдруг он побежал в замок? Чтобы спасти маму? Андрасте, нет!

Дайлен положил руку на ее плечо и легонько стиснул. Кейтлин подняла голову и в ее глазах впервые за все время мелькнула тень надежды.

— Если твой брат жив, я приведу его, — негромко пообещал Амелл, снимая тонкий светлый волос с ее плеча. — Не нужно со мной идти. Жди здесь. Лелиана..?

— Я пригляжу за бедняжкой, — рыжеволосая лучница понимающе кивнула. — Иди.

— Глупость ты затеял, — лесная ведьма покачала головой. — Командор ждать велел. Товарищи твои вернутся сейчас. К тому времени город весь обойти успеешь ли?

— Мне не нужен город, — Дайлен проверил, хорошо ли выходит из ножен меч. — Я уверен, что догадываюсь, где сейчас мальчишка. Постараюсь вернуться до темноты.

Поминутно оглядываясь на замок, Дайлен быстро шел между темными сваями стоявших у самой пристани домов, пугая крыс и перешагивая через частые лужи. В этой части города было тихо, и трудно было поверить, что несколькими кварталами далее к смертной битве готовилось множество людей. Временами Страж замирал у развилки, словно размышляя, куда ему свернуть, но выбирал дорогу, подчиняясь непонятному наитию, и, не задерживаясь, шел дальше.

Спустя какое-то время он вышел на окраину города. По одну сторону спокойной гладью переливалось под звездами озеро Каленхад. По другую лежал Редклиф. Впереди низина упиралась в отвесные холмы. Их склоны, подступавшие к самой воде, были настолько крутыми, что пройти вдоль озера по берегу можно было только на крыльях. Их у Стража не было, но, тем не менее, он решительно направился в сторону холмов.

При ближайшем рассмотрении холмы и почва перед ними были основательно подрывы горожанами, добывавшими, как видно, глину для своих нужд. То и дело попадались ямы и насыпи, а кое-где приходилось перебираться по протянутым над провалами в земле жердям. Дважды Дайлен замечал тачки гончаров с брошенным впопыхах инструментом. Покопавшись в памяти, Страж припомнил, что самая качественная глина, ценившаяся едва не выше меди, залегала ниже, под почвой, на глубине роста взрослого мужчины, да и то не везде. Те гончары, что не ленились ее откапывать, зарабатывали поболее всех прочих. Уже не первое их поколение облюбовало эту часть холмов добывать материал для своего ремесла, постепенно срывая их, и то тут, то там оставляя глубокие ямы в земле.

Добравшись почти до самого изрытого склона, и несколько раз едва не провалившись в темноте в нарытые глиняные норы, Дайлен огляделся. Света звезд было недостаточно, чтобы даже видеть то, что под ногами, не говоря о всем прочем. Стрекот ночных насекомых и плеск близкого озера мешали прислушиваться, поэтому Страж рискнул позвать вслух.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? Эй?

Он напряг слух. Потом позвал еще раз, громче. Не прекращая кричать, Дайлен взялся за обход всех ям, на которые мог наткнуться в темноте, время от времени бросая все более встревоженные взгляды на замок, очертания которого уже почти растворились во тьме. И только когда Страж почти утратил надежду, внезапно откуда-то из темноты до него донесся слабый детский голос.

— Помогите... помогите мне кто-нибудь...

Дайлен перемахнул через невысокую насыпь из разрытой глины и склонился над ямой из которой ему послышался призыв о помощи. Вглядевшись во тьму, Страж различил фигурку ребенка, скорчившуюся на дне.

— Эй, — счел необходимым еще раз позвать Дайлен, опускаясь на колено. — Ты Бевин?

Ребенок пошевелился. Видно было, что он попытался подняться, но не смог. Из ямы донесся болезненный вскрик.

— Да... это я. Прошу вас, кто бы вы ни были, вытащите меня отсюда! Я пролежал здесь весь день. Кажется, ногу сломал... Дайлен спрыгнул вниз и, после довольно значительных для него усилий, выбрался из ямы с братом Кейтлин на руках. Нога Бевина действительно оказалась сломанной в двух местах. Пролежавший целый день в яме ребенок ослаб и едва ли

смог бы идти, даже будь обе его ноги здоровы.

— Может, все-таки расскажешь, что случилось? — напряженно спросил Страж. Возвращаться по рытвинам и ямам в темноте с мальчишкой на руках оказалось не так просто, как идти сюда в одиночку. — Твоя сестра с ног сбилась, разыскивая тебя. Отчего ты убежал?

Бевин не ответил, отворачивая лицо. Страж оступился, споткнувшись о пригорок, и мальчик вновь болезненно вскрикнул.

— Бояться можно, — жестко продолжал Дайлен, сбивая дыхание. — Только когда ты один. И от твоего страха не зависит больше ничьей жизни. Но ведь ты, Бевин, не один. У тебя сестра. Ты — единственный мужчина в семье. Кто должен ее защищать? Ты об этом подумал?

— Вам хорошо говорить, господин, — детская рука, перекинутая через шею Стража, сжалась в кулак. — Вы такой большой и... и воин. Но эти твари... я видел, как они тащили маму! Она... она кричала. И... да, я испугался. Я... думал, что сумею спрятаться. Там, у Дальнего Склона, маленькая пещера. Я бежал туда... но оступился... и...

— ... и тебе повезло, что я тоже знал про эту пещеру, — ворчливо перебил Дайлен, окончательно сбив себе дыхание. — Когда твоя сестра сказала, что ты пропал, я сразу подумал про это место. Мы играли на склонах с друзьями, когда я был таким, как ты. И в ямы проваливались все время.

— Мы тоже, — доверительно поделился Бевин и охнул, сдержав очередной вскрик. — Но вокруг всегда рабочие, они нас вытаскивают. А сегодня они все... О, Создатель! Господин, смотрите, смотрите на замок! Эти твари... возвращаются!

Амелл вскинул голову. По мосту, соединявшему два холма, на одном из которых стоял замок, а на другом начинался путь в город, теперь клубился колдовской зеленый туман. И там, внутри тумана в сторону застывшего в ожидании неминуемого обреченного города стремительно двигалось что-то страшное.

— Приготовиться! — по команде банна Тегана все, у кого были луки, одновременно выступили вперед. — Бить только в головы! Все другие раны для них не опасны. Стрелы понапрасну не трать!

Стоявший по правую сторону от него Кусланд стиснул пальцы на крае нагромождения баррикады, всматриваясь в темноту улицы. В дальнем ее конце, все приближаясь, клубился зеленый туман. Казалось, облако тумана, которое стремительно разрасталось, охватывая весь город, и было тем самым злобным чудищем, убивавшим все живое. Что вот-вот, накатив, он поглотит их всех — не смогуших справиться не с силой, но с мерзким колдовством...

Однако одна за другой показывающиеся из тумана стремительные фигуры опровергли это мимолетное заблуждение. В первый миг чудища показались застывшим в напряженном ожидании Стражам порождениями тьмы. И лишь когда первые из них добежали до освещенной факелами улицы, сделалось понятно, насколько были ошибочны эти предположения.

— Мертвяки! — Морриган брезгливо поежилась, сжимая на посохе тонкие пальцы. — Сперва забили их как скот. Затем подняли, магию крови применив. И погнали на нас. Таких не убить. Головы рубить надо.

— Магия крови? — банн Теган, слышавший ее слова, с трудом оторвал взгляд от приближавшихся мертвецов. — В замке никогда не было магов!

— Ты сможешь что-то сделать? — Кусланд вытащил меч, жалея, что в руках у него — не молот. Таким против неубиваемой нечисти действовать было бы сподручнее. — Ты же тоже маг.

Морриган взмахнула посохом. Огненный шар, сорвавшись с его конца, с силой грянул о землю и отбросил первых мертвецов, уже готовых было броситься на баррикаду.

— Я не могу, — магиня швырнула еще шар, и еще, под одобрительные крики защитников баррикады. — Не ведом мне малефикарум. И силы не те. Прислал кто... — она взмахнула посохом, отбросив новых мертвецов, вместе с клубами зеленого тумана, — кто прислал их — мощью обладает. Такой, что мне не снилась. Готовьтесь к бойне.

Прошлые две ночи, унесшие жизни трети Редклифа, снабдили армию мертвецов бесчисленным множеством воинов. Так казалось защитникам, до которых с мертвецами добрался и зеленый туман. Заклятия лесной ведьмы давно уже перестали сдерживать все подходивших и подходивших мертвых — стремительных и сильных, таких, какими они никогда не бывали при жизни. С утробным ревом они лезли на баррикаду, круша и ломая все, до чего могли дотянуться. Наносимые раны, казалось, вовсе не причиняли им вреда, и любого можно было остановить только разрубив на куски. Воины и горожане сражались отчаянно, пытаясь помешать мертвецам влезть на баррикаду, но, одержимые злой магией, те поднимались вновь и вновь. Зеленый туман обволакивал воинов, лишая их зрения и воли к борьбе, и то и дело то там, то здесь усталый защитник обреченно опускал оружие — чтобы тут же сделаться добычей не знавших жалости тварей. Несколько недобитых мертвецов ползали под ногами воинов, хватая их за сапоги и впиваясь когтями и зубами. Часть баррикады была сломана, и с трудом сдержавшие едва не хлынувший поток тварей через эту брешь защитники насилу удерживали их натиск. Рев, крики и стоны, вой, звон оружия и треск ломавшейся стены — эти звуки способны были оглушить любого, если бы не

покрывавший улицы туман, в котором вяз любой шум, затруднялось дыхание и слабела воля. Число защитников таяло, а те, что оставались, постепенно, шаг за шагом, отступали от баррикады, теснимые со всех сторон ордой мертвецов. Даже участие в бою легендарных Серых Стражей не могло пособить отчаявшимся защитникам. Все их мастерство не могло помочь разрушить злое колдовство неведомого мага. Шаг назад, еще... Спотыкаясь о трупы товарищей и изрубленных тварей, горожане и оставшиеся храмовники отходили вниз по улице, имея перед собой едва побитого врага и постепенно теряя надежду...

— Проклятый туман! — Лелиана резким движением головы откинула с мокрого лба выбившиеся волосы и коротко полоснула по шее сунувшегося в брешь между спинами защитников мертвяка. — Мне тяжело дышать!

— Малефикарум, — из последних сил Морриган швырнула огненный шар в гущу врагов, на несколько мгновений приостановив их наступление. — Если не отменить... все умрем...

Кусланд вскинул щит, заслоняя ее от кинувшегося мертвяка, и едва не упал от толчка, когда сверху на него прыгнул еще один. Стен, орудуя не мечом, а увесистой дубиной, сбросил тварь, отшвырнув ее обратно с проломленным черепом. Однако тут пришла очередь Кусланда идти на выручку, когда сразу несколько мертвых одновременно набросились на коссита. Споткнувшись, Стен упал, и на него тут же напали. Алистеру удалось щитом столкнуть одного, но из тумана выпрыгивали еще и еще. Защита воинов вокруг была почти сломана. Многие до сих пор помнили, что за их спинами на площади своей участи ждали женщины и дети, но даже сильная воля сотен людей не могла противостоять кровавой магии демонов Тени. Все казалось уже конченным и гибель неминуемой, когда...

— Смотрите, люди! — заорали откуда-то из задних рядов. — Люди, туман! Он рассеивается!

Все изменилось настолько быстро, что далеко не все сразу заметили это. Туман действительно не наступал и не сгушался больше. Наоборот, он стремительно редел, рассеивался и таял, открывая черное небо с россыпью звезд над головами защитников, возвращая им слух и зрение. Вместе с исчезновением тумана слабели пришедшие с ним мертвецы — движения их утрачивали стремительность и гибкость, делаясь все более вялыми и рваными. Точно у неведомого кукловода еще более лукавый шутник обрезал нити, на которых висели марионетки — одну за одной. Туман продолжал сопротивляться, то удаляясь, то напоя, он не желал сдаваться просто так. Но уже было видно, что кто бы он ни был, вступивший в бой второй игрок побеждал — медленно, но верно. Опомнившиеся защитники с новыми силами бросились на безвольно отмахивавшихся мертвецов. Там, где туман отступал, те почти не сопротивлялись, утратив цель и жажду убийства, превратившись из опасных тварей просто в едва шевелившиеся мертвые тела. Теперь под командой уцелевших храмовников наступали горожане — держась на границе отступавшего тумана, они медленно теснили мертвецов. Предоставив им двигаться самим, так как бой уже, по сути, прекратился, оставив лишь хлопотливую работу, Кусланд склонился над раненой Лелианой. Поодаль коссит все пытался сесть, но получилось это у него только с помощью подоспевшего Алистера, лицо которого тоже было залито кровью. Морриган присела на корточки у стены ближнего к ним дома. На посох она опиралась обеими руками, прижимаясь к его шершавой поверхности щекой.

— Что произошло? — приподняв стонущую сквозь зубы Лелиану и закрывая ее рану рукой, спросил Айан. Он не ожидал ответа, но неожиданно дождался.

— Случилась битва магов сильных, — лесная ведьма проехала щекой по посоху,

уперевшись в него виском. — Один из замка вызвал мертвых. Другой развеял мерзость эту. Заклятие ослабло, и пададь падалью сделалась опять.

— Ты хочешь сказать, что у нас на глазах только что произошел поединок двух могучих магов? — Алистер нервно хмыкнул. Морриган смерила его взглядом и медленно кивнула.

— Больше скажу. Лишь одного я мага знаю в Ферелдене способного свершить все то, что было. То мать моя, Флемет. Но это не она. Здесь не она. Похожа мощь, но вид ее не тот. Хотите больше знать — ищите одного из магов. Что знала, то сказала. Лелиана отвела руку Айана и слабо улыбнулась ему.

— Я сама, — она схватилась за его плечо. — Помоги мне подняться.

Сын Мэрика качнул головой. То, что только что произошло, отказывалось в ней укладываться. Впрочем, не только у него.

— Матерые же отступники живут здесь, в Редклифе, — он осмотрел раны коссита и еще раз качнул головой. — Может, Дайлен не был так уж неправ, когда говорил о необходимости прекратить усмирять сильных магов... А где он сам?

— Здесь.

Вокруг лежали десятки тел — мертвых и раненых. Некоторые раненые поднимались на ноги, другие сидели, тщаь помочь на месте своим ранам или ранам соседа. Неудивительно было не обратить внимание на незаметно приковылявшего к ним Амелла, который тьма ведает как отыскал их среди всех прочих.

— Я видел, откуда Морриган кидала огненные шары, — пояснил Дайлен, в ответ на всеобщий невысказанный вопрос. — Брел, пока не наткнулся на вас.

Дайлен выглядел неважно. Его щит висел за спиной, зато короткий меч был в крови. Через руку шел глубокий косой порез, из которого вниз по пальцам Стража беспрестанно капало красным, и который Амелл зажимал другой рукой. Лицо, напротив, было зеленым, вдобавок он сильно припадал на одну ногу и морщился, сгибаясь на тот бок, что был ранен еще в Лотеринге.

— Не успел пробиться к вам после начала боя, — Амелл привалился к стене дома между Морриган и Лелианой и снова поморщился. — Проклятые мертвяки.

Он поднял глаза и поймал тяжелый взгляд Кусланда.

— Ты не должен был уходить от церкви без моего разрешения, — жестко сказал Командор, подходя ближе. — Мой приказ был — дожидаться у входа. Где тебя архидемон носил?

Дайлен выпрямился. Глаза его выпвели белым, выдавая волнение.

— Мне нужно было отлучиться. Я... был должен. Айан, я вернулся, как только смог!

— Тебе нужно было оставаться там, где велено, — Кусланд смерил его еще одним взглядом. — Я оставлю это для первого раза, потому что знаю, что ты не был воином и не приучен к дисциплине. Но такого больше не будет. Ясно?

— Слушаюсь, Командор, — Амелл опустил голову. — Я клянусь.

— Алистер, — Айан бросил последний взгляд на смятенного Дайлена и отвернулся. — Ты в крови. Отойди от Стена. Спohватившись, Серый Страж дернулся прочь от раненого коссита. Со стороны баррикады к ним подходил человек в темной броне, при ближайшем рассмотрении оказавшийся банном Теганом. Несмотря на свое вчерашнее ранение, банн держался прямо и ничем его не обнаруживал.

— Милорд Кусланд, — он кивнул подымавшемуся при его приближении Айану. — Там, в церкви, мы не успели поговорить толком. Теперь же я сам должен просить вас о разговоре.

Времени у нас немного, и, если будет удобно, завершим нашу беседу здесь и сейчас.

Алистер поднялся тоже.

— Разве вы не должны быть сейчас со своими людьми, банн Теган?

Брат эрла покачал головой.

— Поскольку мертвецы потеряли свою силу, капитан Харрит должен справиться своими силами, — он обвел взглядом отряд Стражей и их спутников, из которых невредимым оставался один Айан и огорченно хмыкнул. — По правде говоря, я ожидал получить помощь легендарных Серых Стражей. Но если ваши ранения...

— Говорите, банн Теган, — глядя, как Дайлен, наклонившись, вытирает клинок об одежду какого-то мертвяка, предложил Кусланд. — Наши ранения не настолько серьезны, чтобы помешать нам выслушать вас.

Брат эрла вновь обвел взглядом их потрепанный отряд и едва слышно вздохнул.

— Вы знаете наши обстоятельства, — он дернул щекой. — Я приехал как только узнал о болезни брата. Но в замок меня не пустили. Я не знаю, что с Эамоном и его семьей, и что насылают мертвецов на город. В предыдущие две ночи у меня не было возможности узнать. Однако теперь, когда мы их потеснили, и, волей Создателя, проклятое колдовство ослабело, нужно действовать, пока то, что в замке, не опомнилось для очередного удара.

— Насколько мне известно, ворота замка закрыты, и их не открыть без хорошего осадного тарана, — вмешался Алистер, так же, как остальные, слушавший разговор. Банн Теган понизил голос.

— Верно, Страж... Алистер. Но если бы кто-то открыл ворота изнутри, мы с оставшимися рыцарями церкви и уцелевшими стражниками смогли бы ворваться в замок и разрешить, наконец, то, что происходит...

— Но ведь кто-то должен их открыть, не так ли? — Дайлен закончил протирать лезвие меча и вложил его в ножны. Глаза он прятал ото всех, стыдясь, видимо, недавнего разноса. — Как можно попасть в замок, если не через ворота?

Вместо ответа банн обернулся, указывая на почти неразличимую в темноте мельницу, стоявшую на противоположном от замка холме.

— Из мельницы в подвал замка ведет лаз, — он сделал указующее движение рукой. — Прямо под озером. Если бы вы, Стражи, смогли через него пробраться во двор замка и открыть нам ворота — у нас был бы шанс покончить с тем, кто теперь заперся в доме моего брата раз и навсегда!

Айан бросил взгляд вверх по улице. Битва там уже почти закончилась. Едва шевелившихся мертвецов сшибали с ног и, перебив конечности, стаскивали в общую кучу. Колдовской туман рассеялся, и осенняя ночь вновь радовала город и окрестности россыпями ярких звезд на угольно-черном небе.

— Когда вы сможете собрать людей для атаки на замок? — спросил он.

— Думаю, для командования смердами хватит пяти храмовников, — банн Теган задумчиво поднял глаза, что-то прикидывая. — Должно хватить. Если мертвецы снова не поднимутся, горожане справятся сами. Получаса хватит, чтобы собрать всех уцелевших воинов и рыцарей Церкви и привести их к воротам.

Айан переглянулся с Алистером.

— Тогда нужно торопиться. Один Создатель ведает, сколько у нас времени прежде, чем тварь в замке учинит что-то еще. Морриган, — Кусланд кивнул лесной ведьме, — с нами.

— Подожди, Айан, — Дайлен зубами затянул узел на повязке из несвежего куска ткани,

кое-как обмотанного поверх рассеченного наруча. — Ты... знаю, я провинился, но...возьми с собой и меня!

Командор покачал головой.

— Я не буду помехой, — темноволосый Страж шагнул вперед, для пущей убедительности опуская руку, которой придерживал бок. В голосе его было волнение. — Возьмите. Я... не подведу! Ты увидишь! Если будет на то воля Создателя, сгложусь хотя бы, чтобы заслонить любого из вас от удара!

— Возьми, — неожиданно вступилась Морриган, оглаживая края посоха кончиками пальцев. — Может статься, помочь он нам сумеет.

Амелл остро взглянул на нее. Лесная ведьма ответила ему усмешкой. Ее пальцы, касавшиеся посоха, загорелись голубоватым светом. Шагнув к Дайлену, она стиснула его перевязанное запястье, и на миг охватившее всю руку Стража до локтя свечение погасло. Он неверяще тронул прекратившую мокреть кровью повязку, но снимать ее не стал.

— Идем к мельнице, — Кусланд кивнул банну Тегану. — Да поможет нам Создатель, мы покончим со всем этой ночью.

— Тьма тебя заberi!

Жирная крыса, взвизгнув, исчезла в темноте перехода раньше, чем обозленный сын Мэрика успел раздавить ее сапогом. Это была уже не первая и, как можно было догадаться, далеко не последняя. По внутренним ощущениям Айана, они прошли озеро и теперь приближались к подвалам замка, где наверняка были кладовые. Все увеличивавшееся число крыс явно на это указывало.

— Все ж насколько крепкая работа, — на ходу осматривая стены, бормотал Амелл, идущий последним, а потому временами хватавшийся за бок, уверенный, что товарищи этого не заметят. — Гномы, не иначе. Кто еще мог проложить лаз под самым озером и так отделать, чтобы его не затопило?

— Проклятые крысы! — Алистер дернулся, пропуская еще один голый хвост, проволочившийся по его ногам. Морриган, чей посох светился на конце, как пяток лампад, усмехнулась.

— Боишься тварей мелких?

— Тише, — Айан сбавил шаг и поднял факел, вглядываясь в полумрак впереди. Они пришли. Длинный узкий лаз, заканчивался чем-то вроде квадратной деревянной двери, которая, если верить банну, вела в подвалы замка.

— Люди Тегана, должно быть, уже ожидают нас у ворот, — Кусланд еще раз внимательно осмотрел дверь и погасил свой факел. — Идем, нам нужно найти путь во двор.

Он навалился плечом на толстую деревянную дверь. Алистер и Дайлен пришли к нему на помощь, и втроем сумели сдвинуть ее достаточно, чтобы открыть проход для одного человека. Тяжесть двери неожиданно получила объяснение — снаружи она была отделана камнем, так, чтобы сливаться со стеной. Выбравшись, Стражи огляделись. Потайной лаз привел их в темное мрачное помещение, освещаемое двумя почти прогоревшими факелами в его дальнем конце. По обеим сторонам от узкого коридора находилось по несколько тесных грязных комнат, забранных решетками. В одной из них они теперь и стояли.

— В этой части замка я ни разу не был, — задумчиво пробормотал Алистер, при свете посоха Морриган оглядывая коридор. — Думаю, это где-то рядом с винным погребом, ближе к наружной стене...

— Притуши свечение, — негромко приказал Айан. — Оно может выдать нас.

Морриган повиновалась. Алистер первым выскользнул из камеры. Охраны не было. Впрочем, это ни о чем не говорило. Эрл мог просто посчитать бесполезным сторожить пустые клетки. Двигаясь тихо, Стражи и ведьма пересекли коридор. Идущий первым сын Мэрика взялся было за дверь темницы, когда взгляд его нечаянно упал на соседствующую с ней камеру. Алистер крупно вздрогнул. В ней, прислонившись к решетке, стоял изможденный, худой и грязный человек. Его длинные спутанные волосы слиплись от крови, кровь покрывала его лицо, пропитывала одежду. Длинные тонкие пальцы, которыми заключенный держался за решетку, были изломаны. Весь его вид указывал на перенесенную недавно пытку, быть может, не одну. Человек был молод, едва ли старше любого из Стражей, но в первый миг показался им стариком.

— Кто ты? — Айан шагнул ближе, делая знак ведьме осветить. — Давно ты здесь сидишь? Знаешь, что теперь происходит в замке? Заключенный поднял взгляд.

— Думаю, я догадываюсь, — неожиданно спокойным, хотя и сильным голосом ответил он. — Вы, как я полагаю, не из замка? Вы пришли, чтобы его остановить?

— Кого — его? — Дайлен вышел из-за спины Алистера, чтобы лучше видеть происходящее. — О ком ты говоришь...?

Он осекся. При звуках его голоса заключенный вскинул взгляд, в котором было безграничное изумление.

— Дайлен? Дайлен Амелл? — неверяще просипел он. — О, Создатель, как ты здесь оказался? Я думал, тебе не удалось выбраться из Круга! Клянусь подолом Андрасте, я не переставал казнить с того самого дня, как мы расстались. Ведь я думал, что по моей вине тебе пришлось подвергнуться Усмирению! Тебе, моему лучшему другу!

Он умолк так же внезапно, как и заговорил, запнувшись взглядом о Дайлена. Сам архидемон не мог внушать такого ужаса, какой глядел теперь с его смятенного лица.

— О чем ты говоришь? — нахмурился Алистер, с недоумением глядя то на заключенного, то на безмолвного товарища, к которому тот обращался. — Круг, Усмирение... но ведь, в Круге содержатся только маги, и только они подвергаются Усмирению... подожди! Ты что... ты маг? Но ведь тогда... Дайлен, ты... тоже?

Бывший храмовник выглядел пораженным. Кусланд промолчал, прокручивая в руках потухший факел.

— Дошло, наконец, — Морриган из-за плеча Айана похлопала в ладоши, из-за чего свет ее посоха дернулся несколько раз. — Давно я подозревала. Не зря, как видно. Маги, что в клетках растут, желали бы не проявлять себя — да не умеют.

Дайлен медленно повернулся к ней и Морриган умолкла. Ее обостренное чувство опасности ясно дало понять, что продолжать теперь было бы худшим решением. Лицо темноволосого Стража пошло багровыми пятнами. Он излучал такую угрозу, что все поневоле подались назад.

— Йован, — сдавленный голос Амелла в наступившей мертвой тишине звучал отчетливо и внятно. — Ты — самый тупой осел из всех, которые живут в Ферелдене. Во всем Тедасе, — он умолк, видимо, стараясь справиться с собой. — Ты не следишь за своим языком и никогда не следил, даже когда... когда последствия... могли погубить тебя и... кого-то еще. Подумай, что ты сейчас сделал. Ты... вот так просто сознался в том, кто ты есть, и выдал меня, как раз когда я наконец-то начал верить в то, что это проклятие больше никогда не станет отравлять мне жизнь! Теперь они, — он мотнул головой в сторону молчавших Стражей, — знают... Если бы рассказать тебе, скольких усилий мне стоило это скрыть! Будь ты проклят, Йован! Не смей... — он снова запнулся, но нашел в себе силы закончить. — Никогда не смей больше называть себя моим другом.

Тот, кого называли Йованом, подавленно молчал. Видимо осознавая всю неосторожность своего поведения и правоту упреков. Переглянувшись с Алистером, Айан шагнул к смотревшему в пол Дайлену, продолжавшему стремительно менять цвет лица от багрового до мертвенно-бледного и, взяв его за плечо, несильно встряхнул.

— Я хочу знать, — негромко спросил он у не глядевшего на него мага. — Дайлен. Это ты спас Редклиф?

Амелл промолчал, подняв и вновь опустив взгляд. Но Кусланд понял.

— Что? — Йован с силой стиснул прутья решетки. — Что произошло? Что в городе?

— Ты мне расскажи, — Айан оставил товарища и обернулся к заключенному. — То, что ты отступник, сбежавший из Круга магов, я уже догадался. Кто бросил тебя в темницу? И как

ты причастен к нападениям на город живых мертвецов?

Йован отпустил решетку. Его метавшиеся глаза потухли. Он обхватил себя за плечи, болезненно морщась.

— Все правильно, — маг бросил взгляд на Амелла, по-прежнему внимательно разглядывавшего мусор на полу, и глубоко вздохнул. — Я отступник. Мы с Дайленом спланировали побег из Башни Круга два месяца тому назад. Я... мне удалось уйти, а Дайлен... Дайлен, клянусь, я до последнего ждал тебя в лодке! Но когда из Башни стали выбегать храмовники... У меня не было выбора. Ты же слышал рыцаря-командора. Он приговорил меня к смерти! Я понял, что тебя схватили, и уплыл один... если можешь, прости меня.

— Дальше, — потребовал Кусланд, когда пауза затянулась. Ждавший, как видно, ответа бывшего друга и не дождавшийся его Йован тяжело вздохнул.

— Дальше... если позволите опустить подробности... Меня схватили. Но не храмовники. Люди тейрна Логейна. Они... догадались, что я маг. Но вместо того, чтобы передать меня храмовникам, они дали мне задание.

— Задание?

— Мне сказали, что эрл Эамон — предатель, — Йован опустил руки и ссутулился. — Что он — угроза для всего Ферелдена. Мне приказали отравить его. За это тейрн Логейн пообещал уладить все дела с Кругом.

— Значит, болезнь эрла — твоих рук дело?

Йован кивнул. Дайлен поднял голову, вперив в бывшего друга тяжелый взгляд.

— Там, в Редклифе, — сделав неопределенный жест рукой куда-то за спину, проговорил он. — Только что стаями разгуливали живые мертвецы. Много. Поднять стольких под силу только очень дюжему и опытному малефикару. И я спрашиваю тебя, Йован. Кто творит магию крови в этом замке? Не оправдывайся, я знаю, что это не ты. Кто?

Йован снова взялся за решетку.

— Я... не уверен, Дайлен. Мне такое не под силу, ты знаешь сам. Да я бы никогда не стал этого делать. Но... видишь ли. Быть может, если я расскажу... Мне удалось беспрепятственно проникнуть в замок, потому что эрлесса сама искала мага.

— Ты хочешь сказать, что в замке были еще маги?

Йован торопливо помотал головой.

— Нет. Точнее... был. Один. Эрлесса искала мага, чтобы он обучал ее сына. Коннора.

— Зачем?

— Коннор... стал проявлять способности... к магии.

— Коннор, сын эрла — маг? — Алистер шагнул к самой решетке. — Как такое возможно? Поверить не могу!

— Проклятие пало на сына самого эрла, — лицо Дайлена прочертила усмешка. — Забавно.

— Само собой, эрлессе нужен был отступник, — Йован вздохнул — в который раз за все время. — Она не хотела отдавать сына в Круг. Ведь в этом случае она никогда больше не увидела бы его. Все знают, что такое Круг. Это тюрьма. Но без помощи другого, старшего мага, Коннор мог сделаться легкой добычей для демона. Вы не знаете, о чем я говорю, — отступник поочередно посмотрел на каждого из Стражей. — Проклятие, делающее человека магом, пробуждается в возрасте, когда ребенок переходит во взрослого... как правило в десять-двенадцать лет. Хотя часто и раньше. Связь с Тенью усиливается. Если до того дитя в

своих снах, как любой другой, видело лишь отголоски Тени, то после пробуждения проклятия, погружаясь в сон, дитя может войти в Тень. Где первый же попавшийся демон завладеет его душой и с ней вернется в тело малыша, вырвавшись из Тени в наш мир. Как правило, дети слабы, и не могут защититься.

— Короче, Йован, — жестко приказал Амелл, поглядывая на дверь. — У нас мало времени. Эрлесса тебя наняла. Ты взялся обучать ее сына, а потом уллучил момент и отравил ее мужа. Что дальше? Коннор не справился без тебя?

— Скорее всего, ты прав, — Йован горько кивнул. — После того, как заболел эрл, меня схватили и бросили сюда. Я просидел в клетке несколько дней, без пищи и воды. Мне казалось, что обо мне забыли. Но вчера... Эрлесса пришла ко мне с несколькими стражниками. Потребовала прекратить то, что я сделал. Я не понял, о чем она говорила. Пытался убедить ее, что у меня нет противоядия. Но она все повторяла, чтобы я прекратил свои злодеяния. Потом... она приказала пытаться меня. Только из отдельных ее слов я понял, что произошло что-то ужасное. Эрлесса... была не в себе.

— Скорее всего, сыном эрла овладел демон, — Дайлен дернул щекой, поднимая глаза на Кусланда. — Это может объяснить и мертвецов, и сопровождавший их туман. Демоны любят развлекаться подобным образом.

— Эрл знал, что его сын — маг? — задававший этот вопрос Алистер выглядел подавленным. Похоже, несчастья семьи своего давнего опекуна он воспринимал как свои собственные. Заключенный несколько раз отрицательно мотнул головой.

— Эрл ни о чем не подозревал.

— Не хотелось прерывать беседу вашу милую, но ждут нас, — Морриган указала посохом на дверь.

Кусланд посмотрел сквозь решетку на съездившегося Йована. Потом обернулся к остальным.

— Даже не знаю... — Алистер пожал плечами, верно истолковав вопросительный взгляд друга. — Он маг и отступник. Но и ситуация у нас исключительная.

— Крысеньш мелкий, — осклабилась лесная ведьма. — Укусить толком не сможет, напакостить лишь. Но сам же и вяпается. Я бы его отпустила.

— Отпустила? Что ты такое говоришь? Он отравил эрла Эамона!

— А что скажешь ты, Дайлен?

Амелл бросил еще один взгляд за решетку и тяжело вздохнул. Точь в точь как это делал Йован.

— Если тебе все еще важно мое мнение... Отпусти его. Пусть катится к... архидемону.

— И ты тоже? — Алистер был искренне возмущен. — Он преступник! Все началось из-за него!

— Все началось из-за того, что эрлессе вздумалось обойти закон, — повысил голос Дайлен. — Йован в этой истории — малая фигура. Я бы его отпустил. Если он в чем-то виноват, так это в своей недалёковидности. Я знаю его восемь лет. Он не способен причинить зло преднамеренно. О, Создатель, да он даже не смог как следует отравить эрла!

— Ты сердит на него и все равно просишь для него свободы?

Вопреки ожиданиям, Дайлен негромко рассмеялся.

— Друг мой, если бы я желал зла всем, на кого был сердит, весь мир перестал бы существовать не единожды и не дважды. Айан покачал головой.

— Он пытался отравить эрла Эамона. Каковы бы ни были его мотивы, это тяжелое

преступление.

— По приказу тейрна Логейна, — напомнил Амелл, на лице которого играли желваки. — К тому же, эрл все еще жив. Я плохой целитель, но если это обычный яд — я его спасу. Клянусь. Айан, — он опустил голову, но тут же поднял, глядя на Командора почти с вызовом. — Я — не отступник. Не совсем. Да, я планировал побег, но из Круга меня забрал Дункан в соответствии с законом и по Праву Призыва. И все же... Для меня важно... чтобы любой маг, сбежавший из Круга, никогда не был пойман. Я прошу тебя. Это моя... личная просьба. Ради нашей дружбы. Если, конечно, ты еще согласен называть другом... мага. Воцарилась тишина. Алистер хранил молчание, но его сдвинутые брови говорили за него. Морриган привычным жестом сложила на груди тонкие руки. Весь ее вид говорил о глубоком безразличии. Кусланд взглянул в глаза Дайлена, выцветавшие белым, потом обернулся к Йовану и с гримасой сожаления подошел к решетке.

— Ты спас Редклиф, и эрл в долгу перед тобой, — объяснил он свое решение Амеллу. — Надеюсь, мы об этом не пожалеем. Неприятно скрипнули старые засовы. Йован, все еще не понимая и не веря, вышел из клетки, потирая кисть.

— Я... не знаю, что сказать, — он обращался ко всем, но смотрел на Дайлена. — Было бы, наверное, правильное мне пойти с вами и исправить все то, что я здесь...

— Йован, — Амелл говорил отрывисто. Времени у Стражей действительно почти не оставалось. — Заткнись и хоть раз сделай все так, как нужно. Вон там — лаз. Он ведет за город. Теперь его никто не охраняет. Держи, — вытащив из-за пазухи тощий кошелек, он вложил его в изломанные пальцы мага. — Убирайся как можно дальше от Редклифа. Забейся в какую-нибудь нору и не высывайся никогда. А еще лучше — беги из Ферелдена. Туда, где тебя никто не будет знать. И упаси тебя Создатель когда-нибудь еще нарушить закон или использовать магию. А если тебя поймают...

— Я не выдам никого из вас, — прижав руки к груди, Йован поклонился Стражам. — Да благословит Создатель ваши дела. Я буду поминать вас в моих молитвах. Прощайте. Прощай... Дайлен.

Дождавшись, чтобы беглый маг скрылся за приоткрытой дверью лаза, Амелл обернулся к остальным.

— Благодарю, — только и сказал он. Кусланд коротко кивнул.

— Я до сих пор не уверен, правильно ли мы поступили. Но что сделано, то сделано. Нужно торопиться.

— Сколько прошло времени?

— Три четвертины, милорд, — Харрит, капитан храмовников, оторвался от созерцания звезд, по которым отсчитывал часы. — Ночь близится к середине.

— Вижу, — Теган покрутил затекшей кистью. — Стражи должны были уже добраться до ворот.

— Если их ничего не задержало, — Харрит оглянулся на своих людей, кое-как укрывшихся за опорами моста, и неподдельно вздохнул. — Признаться, я недоумеваю, отчего до сих пор на нас не напали. Со стен наши позиции отлично просматриваются.

— Быть может, в замке не осталось мертвяков? Или Стражи отвлекли внимание на себя?

— Если Стражам приходится теперь биться с мертвяками, — пробормотал храмовник, всматриваясь в видимые с его места бойницы замка, — храни Создатель их души

Словно в ответ на его слова из-за стены долетел какой-то шум. Постепенно шум нарастал и усиливался, и уже можно было различить звон мечей, крики и даже отдельные ругательства. Полыхнуло несколько вспышек, раздался короткий треск и утробный вой, потом снова несколько вспышек, и опять — вой. Кто-то что-то невнятно прокричал. Банн Теган резко обернулся. Уцелевшие храмовники и стражники замка Редклиф, не получив никакой команды, продолжали оставаться на своих местах, однако видно было, что воины слышали то же, что и он, и по первому сигналу готовы были ринуться в бой. Но кидаться пока что было некуда — ворота по-прежнему стояли закрытыми.

Словно в ответ на его мысли, из-за тяжелых обитых железом деревянных створок раздался скрежет запускаемого механизма подъема. Плахи дрогнули и медленно поползли вверх. Банн Теган вскочил. С его места, постепенно открываясь в образовавшейся щели, были видны двое Стражей, с натугой крутившие тяжелые ворота подъема по обеим сторонам от ворот. Чуть поодаль во дворе замка стояли еще один Страж и ведьма. Ведьма почти без передышки запускала уже знакомые огненные шары в наступающих отовсюду мертвяков, а Страж, прикрывшись щитом, из которого уже торчали несколько стрел, зачем-то прижимал стиснутую в кулак руку к голове.

— В атаку! — заорал банн Теган, опомнившись, что видел достаточно. — За Эамона! За Редклиф!

— За Редклиф! — подхватили воины на полтора десятка голосов, вслед за своим предводителем бросаясь в открывшийся проход.

Как и в городе, мертвяки дрались вяло, едва поднимая руки. Но их численность в несколько раз превосходила численность атакующих, и людям тоже поначалу пришлось несладко. Мертвецы, выползая из боковых построек и ворот замка, ведущих во внутренние покои, постепенно заполняли двор. В большинстве своем они были из слуг и стражи замка, вооруженные чем попало, и являли собой ужасное и омерзительное зрелище. Рваные движения, стеклянные глаза и распахнутые в зверином реве рты делали их в глазах атакующих людей мерзостнее порождений тьмы. И все же мертвецы сражались не в полную силу. Им явно что-то мешало. Чем дальше — тем сильнее. Битва захлебнулась на середине, когда нежить, постепенно переставая шевелиться, стала падать от малейших толчков. Воины, сопровождаемые Стражами, прошли, ступая между копошившихся на земле

тел в главные ворота и, сразив по дороге еще несколько особо живучих мертвецов, ворвались в приемный зал.

Главный зал замка Редклиф был гораздо меньше того, который Айан помнил в своем родном Хайевере. В большом камине жарко пылал огонь. Рядом спиной к нему стояли средних лет женщина в богатом платье с измученным заплаканным лицом, и полуодетый мальчик. С обеих сторон несколько рыцарей несли почетный караул.

Пробившиеся в замок воины ожидали увидеть явно не такую картину. Однако, оставаясь воинами, оружия не опустили. В наступившей тишине голос мальчика звучал неестественно громко и с какими-то несвойственными детям резкими, повизгивающими нотками.

— Погляди, матушка, к нам гости. Отчего ты не приветствуешь их?

Двери зала с грохотом захлопнулись за спинами вошедших. Пользуясь тем, что те в мгновенном испуге как один оглянулись назад, мальчик прошествовал к большому креслу, стоявшему чуть в стороне от камина, и присел в него. Молчаливая стража, состоявшая из как будто бы живых людей, последовала за ним, выстроившись в том же порядке вокруг своего хозяина.

Банн Теган вышел вперед. Он непонимающе переводил взгляд с женщины на мальчика и обратно.

— Ты не объяснишь мне, в чем дело? — наконец вымолвил он, растерявшись окончательно, когда женщина, не отвечая, закрыла лицо ладонями. — Изольда! Что здесь творится? Где Эамон?

— Как я полагаю, любящий дядя, — Коннор откинулся в кресле, жестом подзывая мать. — Это его ты предлагала впустить к нам в гости пару дней назад?

Эрлесса вынужденно отняла руки от лица и через силу кивнула.

— Да, Коннор.

— Ну, тогда ты видишь, как я был прав, что не согласился! Он испортил мне всю игру! Уничтожил всех воинов, которых я отправил, чтобы завоевать город! Что он такое, мама?

Эрлесса задрожала сильнее.

— Он — просто мужчина, Коннор. Такой же, как твой отец.

Мальчик всплеснул руками.

— О, мне уже надело о нем говорить! И к тому же он вовсе не похож на отца. Глянь на него. Дышит и полон жизни. Впрочем, это как раз можно исправить...

— Остерегитесь, милорд!

Стоявший за плечом Тегана Дайлен успел вскинуть руку. Что-то бестелесное, ударившееся в мгновенно выстроенную им такую же бестелесную стену, на миг полыхнуло густо-багровым и распалось сотнями искр. Банн Теган отшатнулся, прикрываясь щитом. Глаза Амелла выцвели ярко-белым. Он медленно опустил подрагивавшую ладонь.

— Ты! — Коннор вскочил из кресла. — Так это не он, а ты испортил мне всю игру! И там, в городе, и теперь здесь! Если бы не ты, у меня все бы получилось! Столько веселья впустую. Проклятый маг! Да что же это такое, мама? Прогони его, слышишь? Я не люблю магов! Не люблю! Прогони его, или...

— Коннор! — эрлесса прижала ладонь к губам, сиюсь успокоиться. — Прошу тебя. Умоляю! Никого не трогай!

— Руки прочь от меня, мерзавка! — что-то упруго толкнуло женщину в грудь, отбросив ее на несколько шагов. — Ты уже порядком мне наскучила.

— Что... что ты себе позволяешь, отродье? — банн Теган шагнул вперед. — Не смей так

обращаться с матерью. Изольда! Да что здесь происходит?

— Все в порядке, Теган, — эрлесса с трудом поднялась на ноги. — Я... прошу вас, не трогайте Коннора. Он не виноват. Это все проклятый маг, запертый в подвале. С ним в наш дом пришло несчастье.

— Маг! — капитан Харрит, очевидно, уже обо всем догадался, и ему нужно было только подтверждение. — Я правильно понимаю, леди Изольда? В замке — отступник?

— Да! Это все он! Коннор... не виноват. Он просто хотел помочь больному отцу!

— И для этого заключил сделку с демоном, — Морриган хмыкнула. — Ох, глупое дитя.

— Все честно! — Коннор подпрыгнул на месте и ухмыльнулся. — Отец жив, как мы и договаривались. А теперь моя очередь сидеть на троне и рассылать армии завоевывать мир. Теперь я сам себе хозяин! И у меня все бы получилось, если бы не... если бы не этот проклятый маг! Эй, храмовник, — он посмотрел на Харрита, который с тремя выжившими рыцарями Церкви медленно подступал к креслу. — Куда ты пялишься? Ты что, ослеп? Рядом с тобой самый могучий малефикар во всем вашем человечьем государстве. Да что там, во всем мире. Ты обязан на таких охотиться, вот и разберись с ним!

— Сначала мы разберемся с тобой, демон! — увидев, что таиться нет смысла, капитан храмовников решительно двинулся вперед, но был остановлен бросившейся к нему эрлессой.

— Нет! Умоляю вас! Не трогайте моего сына!

— Да нет же, пусть, — демон в теле Коннора снова подпрыгнул, дребезжаще расхохотавшись. — С тех пор как ты отослала рыцарей, ты только и делаешь, что мне мешаешь. Хочу потешиться! Этот дурацкий маг спас тот дурацкий город и сломал мне всю игру! Теперь пусть он со мной поиграет! Он и эти храмовники! Ну! Нападайте друг на друга!

— Не выйдет, демон! — оттолкнув эрлессу, Харрит шагнул к мальчику. Тотчас окружавшие Коннора охранники пришли в движение, бросившись на людей банна Тегана.

Но схлестнуться не успели. Не добежав до первого храмовника, охранники будто натолкнулись на упругую невидимую завесу, отбросившую их назад с такой силой, что закованные в броню тяжелые воины при падении выбили каменную крошку из пола, на который их швырнуло заклятье. Дайлен вышел вперед поднимая перевязанную руку. Из-под его повязки на пол стекало красным.

— Хватит, — он медленно сжал пальцы, и Коннора скрутило в корчах. — Ты уже всего натворил достаточно.

Сын эрла попытался дернуться в сторону, но Дайлен без видимого усилия сжал кулак. Демон захрипел. Из обеих щелей его носа брызнула алая кровь. Он дернулся еще раз, но маг, похоже, держал его крепко.

— Пррроклый малефикаррр... — лицо сына эрла изменилось до неузнаваемости. Теперь на его месте была злобная уродливая маска, в которой нельзя было узнать прежнего ребенка. — Я встречу тебя в Тени... и заберрру с собой мальчишку...

Эрлесса опомнилась. Она бросилась к Дайлену, но была перехвачена бдительным капитаном храмовников.

— Он же творит магию крови! Что вы стоите? Он убивает моего сына!

Харрит качнул головой.

— Он Серый Страж, и я ничего не могу с ним поделать. К тому же сейчас применение... любой магии... оправдано... если это уничтожит демона.

В отчаянье эрлесса вновь попыталась вырваться из его рук, но не сумела. Коннор хрипел, брызгая розовой слюной, дергаясь и выкрикивая бессвязные проклятия. Дайлен с

усилием удерживал руку, прижимая другую ко лбу и прикрыв глаза.

С безумными глазами женщина обернулась к банну Тегану, молча взиравшему на происходящее.

— Теган! Почему ты стоишь? Останови их! Останови проклятого убийцу! Ведь он убьет Коннора!

— Прости, Изольда, — банн отвел взгляд. — Коннора больше нет. Похоже, только ты одна этого не видишь.

— Коннор еще здесь, — Морриган проговорила негромко, но все, кроме Дайлена, обернулись на ее голос. — Но когда закончит малефикар, в том мясе не останется больше ни демона, ни мальчишки.

— Коннора еще можно спасти? — Изольда, вырвавшись, наконец, из рук храмовника, бросилась к лесной ведьме. — Говори, умоляю!

— Спасти можно, но непросто.

— Тогда говори скорее, что ты предлагаешь, — не открывая глаз, поторопил Дайлен. — У меня рука не поднимется убивать ребенка, иначе демон уже был бы мертв. Если есть какой-нибудь способ этого избежать...

— Малефикар ты и не знаешь..?

— Знаю, — злобно прервал ее Амелл, смахивая со лба выступавшие капли крупного пота. — Но это мерзко. Я не стану проводить такого ритуала. Это ничуть не лучше убийства ребенка. Я думал, ты предложишь другой способ.

— О чем вы говорите?

— О ритуале на крови, храмовник, — ведьма с насмешкой поочередно взглянула на капитана Харрита, растерянного банна Тегана, плачущую Изольду и бледного Дайлена. Потом встретила глазами с мрачным Кусландом и поскуцнела. — Есть ритуал. Много нужно крови, кровь мальчишки капля малая и жизнь одна как жертва стражам Тени. Тогда пропустят они в Тень того, кто путь туда отыщет. Мага. По нити крови от мальчишки найдет он к демону дорогу. Лишить сознания мальчишку если, чтоб демона из смертных мира удалить.

— Командор, — пот с Дайлена уже лил ручьями, ровно как кровь из пореза на руке накапала большую лужу на полу. — Приказывай! Только скорее! Я... не удержу... долго...

Внезапно Коннор, до тех пор с ревом и визгом корчившийся на полу перед камином, перекатился под ноги не успевшему отпрянуть магу. От неожиданности Дайлен качнулся назад, разжав руку. Демон вскочил и резко дернул головой. Мага отнесло прочь и с силой швырнуло о стену.

Амелл упал, гроыхнув доспехами. Храмовники и Стражи метнулись к Коннору одновременно. По взмаху руки демона Кусланда и Алистера отбросило в сторону. Двух рыцарей Церкви — в другую. Демон развернулся к занесшему меч капитану и сверкнул глазами. Харрит замер, силясь опустить меч — и не имея власти над своим телом. Банн Теган рванулся было вперед, но был остановлен отчаянным вскриком эрлессы:

— Нет! Прошу вас, нет!

— Храмовник! — капитан Харрит внезапно вновь обрел способность действовать. Вместо него замер демон, дёргаясь, но не имея сил шевельнуться. Порывисто обернувшись, рыцарь Церкви увидел распластанного на полу малефикара, силящегося поднять голову.

— Не убивай его! Я смогу ему помочь. Постарайтесь его пленить! Только скорее! Долго не удержу!

— Капитан, — леди Изольда упала на колени, простирая к нему руки. — Прошу вас!

— Капитан, — Алистер с трудом поднялся, держась за голову. — Это — сын самого эрла! Если мы сумеем изгнать демона и оставить Коннора в живых — это будет великой победой Церкви!

Харрит вновь повернулся к сыну эрла. Демон в его теле корчился, зажатый словно бы невидимыми тисками. Оставшийся невредимым храмовник, воспользовавшись случаем, замахнулся мечом, но капитан, решившись, резко отбросил его руку. Затем, быстро присев перед бьющимся по полу Коннором, он обмочил пальцы во фляге с жидким лириумом, которую снял с пояса, и начертил перед одержимым символ Андрасте. Демон взвыл, выгибаясь всем телом. Отпрянувший было рыцарь Церкви вновь склонился над ребенком и при помощи своего подчиненного и подоспевшего Алистера, влил в рот Коннора жидкость из хрустального амулета, висевшего у него на шее.

Глаза одержимого закатились, и он медленно осел на пол. Дайлен уронил голову. Харрит с усилием поднялся на ноги и резким движением указал на тело мальчика.

— В цепи. Как можно больше и тяжелее. И в комнату без окон с толстыми стенами и дверью. Быстрее, выполнять!

В большой полутемной спальне перед широкой кроватью с пологом собралась самая странная компания из тех, что когда-либо собирались тут. Алистер Тейрин с тревогой вглядывался в лицо устроенного на ложе эрла Эамона, оказавшегося довольно пожилым мужчиной с окладистой бородой и седым. Лицо эрла было беспокойным, словно он не лежал без чувств вот уже который день, а просто спал и видел дурной сон. Эрлесса сидела на краю его ложа, потирая ладонью лоб. Рядом стояли банн Теган и Айдан Кусланд. Чуть поодаль на лавке у стены сидели сэр Харрит и Дайлен Амелл. Последний беспрестанно смачивал в стоявшем рядом тазу с водой белую тряпку и прикладывал к огромной лиловой шишке на лбу, которую даже Морриган не смогла свести до конца. Его пострадавшая рука была крепко перебинтована. Не было похоже, чтобы изжелта-бледный от кровопотери малефикар в ближайшее время собирался использовать магию крови.

— Значит, узнав, что ваш сын маг, вы не известили об этом, как должно, кого-либо из рыцарей Церкви, а напротив, наняли отступника, чтобы он обучал Коннора, — голос храмовника звучал холодно и обличающе. — Что из этого вышло, вы увидели сами. Вы имеете что-то сказать в свое оправдание, леди Изольда?

Эрлесса всхлипнула и, прижав платок к губам, отрицательно покачала головой.

— Коннор не виноват, — всхлипывая, пробормотала она. — Это все тот маг... отступник. Это он вызвал этого демона. Вам следует допросить его.

— Мои люди уже побывали в подвале, — капитан Харрит ударил кулаком по скамье, едва не сбив стоявший тут таз. — Никакого мага там нет. Если он там был, то, должно быть, воспользовался суматохой и сбежал. Эрлесса, вашему проступку нет оправданий. Больше трети Редклифа теперь стаскивают на большой погребальный костер — вы сможете полюбоваться его дымом на рассвете! Вы догадываетесь, каково это — рубить своего мертвого брата, который пытается убить тебя? Вы виновны, эрлесса, перед лицом Церкви и Создателя, перед лицом каждого из погибших там людей! Я... по правде сказать, я впервые не знаю, как мне следует поступить.

Он умолк, но посмотрел почему-то не на леди Изольду, а на Амелла. Поймав его взгляд, маг крови поморщился и, смочив тряпку, приложил ее к голове, не выкручивая. Мутные капли побежали по его лицу, попадая на запыленный доспех.

— Эрлесса заблуждается, — не переставая морщиться, проговорил он. — Демона вызвал сын эрла... Коннор. Не умея управлять своей силой, неопытный маг может легко прорвать завесу между нашим миром и Тенью. Демоны спешат воспользоваться этим. Должно быть, Коннор возжелал спасти отца, — Дайлен кивнул на неподвижного Эамона. — И демоны это почуяли. Первый, кто до него добрался, вселился в его тело, вырвавшись из Тени.

Воцарилось молчание.

— Этому можно как-то помочь? — безмолвный доселе Айан тоже посмотрел на Дайлена. Окутав пальцы синеватым свечением, тот массировал их подушечками виски. — Морриган говорила о каком-то ритуале.

— Да, такой ритуал есть. Храмовники, — Дайлен мотнул головой в сторону капитана Харрита, — на время сковали демона плотью Коннора, погрузив его в беспамятство. Так обездвиживают магов перед тем, как начать ритуал Умирения. Коннор проспит еще два или

три дня...

— Три, — поручился капитан, грозный, как самый мрачный из утесов над озером Каленхад. — Три дня, может, больше. Снадобье было рассчитано на взрослого мага.

— ... три дня. Все время, пока он спит, демон останется в Тени. Ритуал, о котором говорила ведьма, способен отправить одного мага в Тень, туда, где ждет своего часа демон Коннора. Если магу удастся убить демона, или убедить его уйти — мальчик будет спасен.

— В чем сложность? Ты сможешь провести этот ритуал?

Дайлен посмотрел на Айана снизу вверх.

— Сложностей тут несколько, — проговорил он после некоторого молчания. — Во-первых, для этого ритуала потребуется добровольная смерть. Кто-то по собственной воле должен захотеть умереть, чтобы все получилось, как надо.

— Если тебе нужна жизнь, малефикар, возьми мою, — с надрывом проговорила эрлесса, поднимая лицо от платка. — Только, умоляю, спаси моего сына!

— К Дайлену надлежит обращаться — Серый Страж, — Кусланд поймал благодарный взгляд мага и сложил руки на груди. — Не забывайте, кто спас весь ваш город от вашего же сына.

Леди Изольда сделала над собой усилие.

— Да... прошу меня извинить, милорд. Серый Страж...

— ... во-вторых — очень много крови. Это — мерзкое и грязное действие. Даже магистры Тевинтера прибегают к нему только в самом крайнем случае. Я — андрастеанин, и не буду делать того, что противно Создателю, — Дайлен жестом остановил храмовника. — Нет, когда я говорил, что смогу помочь, я не лукавил. Есть еще один способ. Должно быть, я сильно ударился головой, если не вспомнил о нем сразу. Вы ведь получаете лириум от Церкви? Нужна мера лириума, и еще несколько ингредиентов, которые у вас наверняка найдутся. В этом ритуале кровь можно заменить лириумом. Лириум отправит в Тень любого мага в любое время, и для этого даже не потребуется человеческой жертвы.

— Лириум тебе нужен в виде порошка? — храмовник закусил щеку, мрачно разглядывая пол.

— Очищенного, да.

— Мы получаем только жидкий лириум, — капитан Харрит оторвал взгляд от пола. Ему было не по себе от того, в чем приходилось принимать участие, но он никак не мог решить, что ему следовало делать. — С примесями. Столько чистого лириума ты не найдешь во всем Редклифе даже у контрабандистов, если, конечно, их не перебили мертвяки.

Банн Теган и эрлесса переглянулись.

— Лириум можно достать в Круге магов, — брат эрла поочередно взглянул на Кусланда, Амелла и капитана храмовников. — Если выплыть прямо сейчас, по озеру вы доберетесь завтра к полудню. День на то, чтобы вернуться. При попутном ветре — и того меньше.

— Это выход, — после молчания, согласился Аян. Он посмотрел на Дайлена, глаза которого выцвели белым, выдавая его крайнее волнение. — Выплывем сейчас. Я, ты, и Алистер. Все прочие останутся здесь до нашего возвращения. Морриган проследит за тем, чтобы демон не очнулся раньше времени.

— Она не сможет сделать много, если он проснется, — негромко предупредил Дайлен, явно не обрадованный перспективой плыть в Круг. — Но в башню ей нельзя. Рыцарь-командор Грегор... нетерпим к магам, которые не заперты в его тюрьме.

— И не забывайте про эрла, — Алистер оторвался от разглядывания лица Эамона. —

Нам нужны хорошие целители, чтобы спасти его.

— Итак, решено, — Айан обернулся к банну. — Как скоро будет готов корабль?

Солнце, необычно жаркое для середины осени, яркими бликами дробилось в водах великого озера Каленхад. Поймавший белоснежным парусом попутный ветер, корабль эрла стремительно рассекал легкую волну. Алистер сидел у самого борта и боролся с дурнотой, подставив лицо жарящим лучам.

Кто-то подошел и присел рядом. Открыв глаза и проморгавшись, сын Мэрика увидел Айана, уже в доспехах и при оружии. Кусланд поймал его взгляд и мотнул головой на все еще спавшего прямо на палубе Амелла.

— Да, — понял его без слов бывший храмовник. — Я до сих пор не могу прийти в себя от того, что... зачем он... не понимаю.

— Быть может, боялся предвзятого отношения к себе.

— И все же, он должен был нам сказать.

— Обязан был сказать, — в голосе Кусланда послышались жесткие нотки. — Он пользовался своим даром, когда это было нужно. Но это не оправдание.

Алистер посмотрел на свои руки.

— Ты — Командор, — напомнил он.

— Можно догадаться, отчего он не желал, чтобы мы знали, — Айан еще раз посмотрел на спящего. — К магам относятся настороженно и недоброжелательно. Должно быть, Дайлен в самом деле боялся... предвзятого отношения. Я поговорю с ним, когда для этого будет подходящее время.

Светлоголовый Страж вновь поднял лицо к солнцу.

— Надо же — маг, — проговорил он, жмурясь. — Не пойми меня неправильно. Он кажется хорошим товарищем, и я ничего не имею даже против того, что он — маг крови. Да еще такой сильный маг. Просто это... необычно.

— Необычно, — согласился Кусланд. — но теперь меня волнует не Дайлен. Несмотря на его проступки, в нем я уверен. Он недоверчив, но не трус и не предатель. Тут другое. От эрлессы мы узнали, что Йован жил в ее доме почти месяц. Он пришел к ним еще до того, как случилась битва при Остагаре. А значит, решение тейрна Логейна отравить Эамона было не спонтанным. У Йована, скорее всего, были четкие распоряжения, когда подсыпать яд. После смерти короля. И не раньше.

Алистер промолчал.

— Не понимаешь? — Айан скрестил руки на коленях, сцепив их в «замок». — Я тоже не понимал, с чего эрл Хоу обнаглел настолько, что атаковал мой родовой замок. Ведь это не сошло бы ему с рук. Он мог предугадать, что мой брат Фергюс останется жив, и что король примет сторону моей семьи. Теперь я вижу единственное объяснение — эрл Хоу заранее знал, что после битвы при Остагаре в Ферелдене уже не будет другого короля, кроме самозваного.

— Ты хочешь сказать...

— Да, — Айан смотрел в доски палубы. — Тейрн Логейн все это спланировал заранее. Его дочь, королева Анора — бездетна. После смерти Кайлана она не могла бы притязать на трон, если имелись более прямые наследники. На трон могли претендовать эрл Эамон, как дядя короля, пусть и по материнской линии. И Кусланды, как наиболее знатный род после Тейринов во всем Ферелдене. Ведь Логейн, хотя и получивший за доблесть звание тейрна —

из простолюдинов. Логейн позаботился о том, чтобы убрать всех, кто воспрепятствовал бы ему единолично занять трон Ферелдена и править как будто бы от лица его дочери. Я больше, чем уверен, что подлое убийство моей семьи, твоего брата и попытка отравить эрла — все входили в план Логейна по захвату власти в стране.

— Мерзавец! — Алистер возмущенно вскочил, но тут же сел обратно, схватившись за горло. Переждав бунт измученного качкой нутра, он с некоторой опаской разжал пальцы. — Он... должен поплатиться за то, что сделал. Должен! И Создатель свидетель, мы заставим его заплатить. Трон по праву принадлежит эрлу Эмону!

— Трон по праву принадлежит Тейринам, — Айан поднялся. — Друг, я знаю, как ты к этому относишься. Но твой долг — привыкнуть к этой мысли. Мы изыщем способ исцелить эрла и с его помощью созовем новое Собрание Земель. Я первым присягну тебе на верность, — заметив выражение лица сына Мэрика, примиряюще добавил. — Ты сам только что признал, что Логейн должен ответить за свои преступления. И, надеюсь, ты понимаешь, что заставить его сделать это сможет только король.

Вечерело, когда корабль из Редклифа причалил к невеликой пристани мрачного каменистого острова. Остров казался совершенно голым, будто на нем могли расти только булыжники, которые в великом множестве были рассыпаны под ногами. Посреди острова возвышалось мрачное строение. Даже древнее и местами тронутое запустением, оно сохранило свою величественность. Нижние этажи переходили в высокую башню, увидеть шпиль которой получалось, только задрав голову.

По гряде выступающих между островом и темневшим берегом Каленхада скал можно было понять, что некогда остров был частью суши. Подходы к острову были настолько опасны, что кто-то озаботился поставить маяки на скалах, между которыми могло пройти судно. Лишь благодаря им путь корабля Стражей не сделался отмеченным опасностью налететь на подводные камни.

— Как правило, к пристани на острове суда не подходят, — стараясь не глядеть в ту сторону, пробормотал Дайлен, ловя встревоженные взгляды товарищей. — Все, кому что-то нужно от магов, собираются на берегу, и их перевозят к башне в лодке. Вон там, — он указал на светившиеся на берегу огни, — большой постоянный двор. В нем собираются просители, и те, у кого дело к магам. Больше, насколько мне известно, на многие меры пути здесь нет никаких человеческих поселений. Хотя, если подумать, посетители в башне бывают часто. Но их, за редкими исключениями, не пускают дальше приемной залы.

— В башню раньше вел Имперский тракт, — Айан кивнул на остатки древней каменной дороги, идущей через весь Ферелден, и, как видно, вильнувшей в сторону башни. Здесь, однако, тракт был в плачевном состоянии. — Давно он обвалился?

Амелл безразлично пожал плечами.

— Должно быть, давно. Я пробыл в Круге девять лет. Когда меня привезли, мост уже был обвален. Храмовники добирались в лодке.

— А что просителям бывает нужно от магов? — любопытствовал Алистер, обрадованный тем, что изматывавшее его плавание подходило к концу, и оттого оживленный больше обычного.

— Чаще всего — лечение. Хорошие маги-целители трудятся куда дольше остальных, и приносят Кругу наибольший доход после Усмиранных. Усмиранные работают с лириумом и зачаровывают предметы. Как правило, оружие и доспехи. Бывает, что торговцы оставляют особые заказы на зачарование и платят за такие заказы более чем щедро. К магам обращаются при засухе, налетах саранчи, да мало ли за чем обращаются к магам. Больше сказать мне нечего. Ученики таким не занимаются. Магом же я пробыл недолго. Дункан забрал меня через день после посвящения.

Дав такое подробное пояснение, Дайлен умолк, всем своим видом давая понять, что тема ему неприятна. Впрочем, сделалось не до разговоров. С корабля на доски причала перебросили трап и Стражи, не мешкая, сошли на берег. Медлить в их положении было нельзя.

Широкая вымощенная камнем тропа привела их к большим обитым железом воротам в полтора человеческих роста. Булыжников попадалось все больше. Теперь уже сделалось очевидным, что это не булыжники, а выпавшие из кладки или отколовшиеся камни. Вокруг по-прежнему не было заметно ни травинки. Ветер лениво перекатывал бурую пыль.

— Унылое место, — поделился Алистер, на земле сразу почувствовавший себя лучше. — И с чего маги не озаботились сделать его хоть сколько-то приятнее? Разве это не в их силах?

— Маги, может, и озаботились, — утомленный подъемом побледневший Дайлен выглядел усталым и больным. — Если бы их выпускали на воздух погулять по острову хотя бы раз в полгода...

Он умолк, не договорив. У ворот, к которым их привела тропа, стоял молодой храмовник, почти мальчишка, но в полном облачении. И по его лицу все трое Стражей догадались в единый миг — что-то случилось. Причем это что-то оставило отпечаток смутения и испуга во всем его облике, даже в позе, в которой юноша стоял, перетаптываясь с ноги на ногу и беспокойно оглядываясь назад, на те самые ворота, которые он сторожил.

Завидев подходивших к нему Стражей, храмовник заметно удивился.

— Эй, вы! — вместо приветствия обратился он к Кусланду, который, как и подобает Командору, шел впереди. — Как вы сюда перебрались? Мы же отозвали лодку. Переправы нет!

Айан переглянулся сперва с Дайленом, потом с ничего не понимавшим Алистером.

— Ты ослеп? — Командор обернулся, ясным жестом указывая на стоявшее у пристани судно. — На корабле!

Юный храмовник потер лоб. Он казался обескураженным.

— Простите, я, кажется, задумался, и не заметил, — он выпрямился и голосом более твердым доложил, как видно, заученную фразу. — Кто бы вы ни были, вам следует уйти. Башня Круга закрыта для посещений.

— Отчего? — Айан подавил в себе желание вновь переглянуться со спутниками. — Мы прибыли из Редклифа. Эрлу нужна помощь магов. Юноша поднял обе руки.

— Нельзя, говорю вам. В башню никто не войдет. Никто! Вход закрыт!

— Но почему? — вклинился Алистер, углядевший в юном страже препятствие в решении бед семьи эрла, а потому сразу же проникшийся к нему неприязнью. — Что у вас стряслось?

Храмовник помотал головой.

— Ничего. Приказ рыцаря-командора. Это моя работа — никого не впускать. У меня есть работа, только работа и ничего, кроме работы, а потому... — он сделал глубокий вдох, подбирая, видимо, слова. — А потому, клянусь золотыми ножами Создателя, вы не войдете!

Айан невольно поднял брови.

— С чего ты решил, будто у Создателя есть ножи? — с удивлением зачем-то переспросил он.

— А что, он тебе шепнул, что нету? — юный храмовник сложил руки на груди. — В общем, проваливайте. В башню я вас все равно не пущу. Маги никого не принимают.

— Я сам маг, — вмешался молчавший до сих пор Дайлен, терпение которого было уже на исходе. — Меня ты пропустишь?

— Нет! — заметно испугался рыцарь Церкви, делая отвращающий жест рукой. — Не пропущу. Пошел вон!

Кусланд сурово сдвинул брови.

— Хватит пустой болтовни, сэр рыцарь. Ты не имеешь права заступать дорогу Серым Стражам, — он протянул непреклонному привратнику заранее приготовленные документы. — Здесь сказано, что Круг магов не должен отказать в помощи Стражам, в чем

бы она ни заключалась и когда бы ни была испрошена.

— Надо же, — не взглянув в ту сторону, фыркнул юный храмовник. — У меня тоже есть бумаги. Там написано — я королева Антивская. Ну, что ты на это скажешь?

— Так ведь королевы — женщины, — потерев лоб рукой, поморщился Айан. Говорливый мальчишка, который едва ли был старше, чем он сам, порядком его утомил.

— Не спорь с нашим величеством! — храмовник ухмыльнулся. — Ну, сами провалите? Или показать дорогу?

Кусланд стремительно шагнул вперед. Храмовник пришел в себя, уже прижатый к металлу ворот локтем под шею. Он вцепился обеими руками в перекрывавшую ему дыхание перчатку, но рядом с рослым и широкоплечим Айаном казался недорослем.

— Послушай, ты, — резко проговорил Командор Серых Стражей, глядя в испуганные глаза. — У нас там одержимый. Он заперт, но это ненадолго. Нужна помощь магов, чтобы спасти его. Сейчас ты откроешь эту дверь, и мы войдем. Все верно?

Он отпустил храмовника. Против ожиданий, юноша не стал метаться, или призывать на головы обидчиков весь гнев Создателя. Напротив, ухмыльнулся, потирая пострадавшее горло.

— Одержимый? Один? Напугали! Да у нас их — целые толпы, — он отпустил шею и приглашающе указал на дверь. — Идите. Не заперто. Рыцарю-командору Грегору будет доложено, что вы вломились силой. Валяйте, если так не терпится, чтоб вас демоны сожрали!

Переглянуться вновь Стражам все же пришлось.

За дверьми оказался большой и широкий зал со множеством колонн, ярко освещенный светом факелов. Должно быть, в обычное время здесь принимали просителей и тех, кто приезжал к магам по делу. Однако теперь посторонних людей в зале не было. Просторное помещение было заполнено чем-то встревоженными храмовниками. Храмовники сидели и стояли вдоль стен, негромко, но возбужденно переговариваясь между собой. В стороне на сорванных в спешке занавесях и скатанных коврах лежали с полдесятка раненых. Над ними стоял целитель — тоже храмовник. Магов в зале не было ни одного.

— Что тут произошло? — вполголоса пробормотал Алистер, ни к кому особо не обращаясь.

— Я такого еще не видел, — Дайлен говорил тоже негромко, стараясь не смотреть на умолкавших при их появлении храмовников. — Но кажется, догадываюсь. Вот, — он указал Айану на стоявшего у больших, отлитых из цельного металла дверей седого храмовника, который отдавал распоряжения двум другим. — Это рыцарь-командор Грегор. Говорить нужно с ним.

Властным взмахом руки рыцарь-командор отослал собеседников к двери, у которой уже стояли еще двое рыцарей с обнаженными мечами. Краем глаза заметив подходивших к нему чужаков, он обернулся и крупно вздрогнул, когда взгляд его пал на Дайлена.

— Дыхание Создателя! Я... не сразу узнал тебя в доспехах. Как ты осмеливаешься возвращаться сюда после всего... после твоих преступлений?

— Меня также не радует наша встреча, — Дайлен с достоинством склонил голову, глядя в пол. — Однако я вынужден был вернуться по делам Серой Стражи.

Грегор бросил взгляд на Кусланда.

— Приветствую, рыцарь-командор, — Айан протянул бумаги, которые тот взял с величайшей неохотой. — В соответствии с Древними соглашениями я, Командор Серых Стражей Ферелдена привез договора, обязывающие магов Круга предоставить помощь в борьбе с Мором.

Грегор некоторое время вчитывался в тронутую порчей желто-серую бумагу, затем свернул ее в рулон и протянул обратно.

— Выходит, Дункан уже у архидемона, — он покачал головой. — Вечно Серым Стражам люди нужны. Как мне это надоело! Хотя это ваше право, этого не отнимешь...

— Если Ферелден не поможет Стражам — он падет, — Алистер снял шлем, и шагнул вперед, останавливаясь рядом с Айаном. Старший храмовник запнулся растерянным взглядом об его лицо, но быстро овладел собой.

— Д-да, конечно, — Грегор еще раз посмотрел на Алистера и с усилием опустил поднявшуюся бровь. — Однако, Круг сейчас не в том положении, чтобы кому-то помогать. Нам самим требуется помощь, — он кивнул на запертые двери, которые сторожили сразу четверо храмовников. — У нас случилось несчастье. Я не знаю, как это произошло, но по коридорам башни сейчас бродит множество одержимых магов. Последние, кто успел спастись, видели даже высшего демона, — он покачал головой. — Я приказал закрыть эти двери и отправил гонца в Денерим. Когда подойдут подкрепления, мы войдем и убьем всю нечисть, которая сейчас находится там.

— Ты приказал запереть двери? — голос Дайлена звучал негромко от едва

сдерживаемого гнева. — Там остались все маги! Многие из них могут быть не одержимы!

— Не только маги, но и храмовники тоже, — рыцарь-командор сделал нетерпеливый жест. — А что, по-твоему, я должен был сделать? Распахнуть перед ними ворота? Пока жив хотя бы один храмовник, мы будем оберегать людей от таких, как ты. Мы и так были слишком мягки. Сначала Йован, потом я позволил Стражам увести тебя, хотя ты был виновен не меньше своего дружка и заслуживал казни. Теперь вот это. Вам нечего здесь делать, Серые Стражи. Круг пал. Поищите помощи в другом месте.

Стражи переглянулись. Дайлен выступил вперед. Голос его срывался от ярости. Никогда еще товарищам не доводилось видеть его таким.

— Если бы ты меньше уделял времени антивскому вину и больше — своим обязанностям командора, — едва владея собой, бросил он в лицо храмовнику, — этого могло не случиться!

— Дайлен! — предостерегающе одернул Кусланд. Грегор ответил не сразу, видимо, пытаясь подобрать нужные слова.

— Ты... ты так и пышешь пагубной дерзостью, — сдавлено проговорил он наконец. Его набрякшее лицо побледнело от ярости. — Когда-нибудь ты за нее поплатишься. Там, — Грегор ткнул указующим перстом в сторону двери, — твое будущее. У всех вас такой исход. Если хочешь союзников, мальчишка, отправляйся туда прямо сейчас. Надеюсь, тебе достанется самый отвратительный из демонов!

— Подождите, — бросив еще один угрожающий взгляд на Амелла, которому, по-видимому, было, что ответить, примиряюще поднял руку Айан. — Грегор, что если Дайлен прав? Маги не беззащитны. Многие могли хотя бы укрыться от демонов. Как и ваши храмовники. Неужели рыцари Церкви не обучены сражаться с одержимыми?

Рыцарь-командор дернул щекой.

— Разумеется, обучены. Мы были готовы встретиться с двумя-тремя одержимыми, но на нас обрушилась целая орда. Капитан Хосек и мой помощник сэр Серанд исчезли перед самым нашествием демонов. Не думаю, что они теперь живы. Если бы не это, с их помощью организовать наших разрозненных людей было бы проще. Вне всякого сомнения, все было спланировано заранее. Но кем? Я не могу сказать наверняка. Это мог быть кто угодно. Любой из запертых в Башне магов способен прорвать завесу и выпустить демонов.

— Если кто-то поднял завесу, значит, она все еще не закрыта, — Дайлен опустил голову так низко, что казалось, он вот-вот уткнется носом в собственный доспех. — А значит, в любую минуту из-за нее может прорваться новый демон. Вам не продержаться до тех пор, пока придет помощь. Завесу нужно закрыть сейчас, немедленно.

— Неужели ты думаешь, что мне это непонятно? — Грегор старался не смотреть на бывшего подопечного, опасаясь, видимо, не сдержаться. — Но я не могу рисковать жизнью уцелевших. Войти туда — означает верную гибель. Кроме того, среди нас нет магов. Завесу под силу закрыть только сильному магу крови. Думаю, тебе это и так известно.

— Я мог бы это сделать, — Дайлен покосился на свою перебинтованную руку и вздохнул, сохраняя на лице выражение угрюмого упрямства. — К тому же нужно поискать уцелевших. Они не могли... во всяком случае, не все. Кто-то должен был остаться.

Он обернулся к Айану. Тот утвердительно кивнул. Грегор смерил их взглядом и посмотрел в сторону, видимо, обдумывая предложение.

— Хорошо, — спустя некоторое время с усилием проговорил он. — Я впускаю вас туда. Но знайте. Как только двери закроют за вашими спинами — вы сами по себе. Я открою их

снова, только если услышу голос Первого Чародея. Приведите ко мне Ирвинга, если хотите, чтобы я поверил в то, что вы не одержимы.

— А если Ирвинг уже мертв?

— В таком случае не стоит рисковать, — старший храмовник сложил руки на груди. —

И идти вам туда на верную смерть. Без Ирвинга эта дверь не откроется.

Стражи переглянулись в бессчетный раз.

— Мы идем, — за всех ответил Кусланд. Грегор махнул рукой.

— Если вам так не терпится умереть самой поганой из всех смертей. Эй, вы, — обернувшись, он сделал резкий знак храмовникам. — Открыть ворота! Наши гости идут в башню.

Тяжелая дверь захлопнулась за ними. С неприятным лязгом упали стальные засовы. Все трое Стражей невольно обернулись назад. Затем посмотрели друг на друга.

— Не стоит волноваться, — неожиданно осипшим голосом проговорил Дайлен, оглядывая взглядом темный коридор с высокими потолками и рядом запертых дверей по одну сторону от них. — Если будет нужно — я снова воззову к земле, как тогда, в Лотеринге, и вынесу эти ворота. Или пробью дыру в стене, — после паузы передумал он. — Чтобы на выходе не сразу сталкиваться с храмовниками. Хотя это будет не в пример сложнее. Вся башня может рухнуть.

— Так тогда, в Лотеринге — это был ты? — Алистер понизил голос до шепота, тоже встревоженно вглядываясь во мрак коридора. — Создатель, зачем?

— Я не мог позволить храмовникам схватить ни в чем не повинных людей у меня на глазах, — по примеру товарища перейдя на шепот, пояснил Амелл. — Только за то, что им не повезло родиться магами.

— Я в восхищении, — уже свыкшийся с тем, что товарищ повелевает явными и неявными силами, сын Мэрика усмехнулся в темноте. — Ты умелый притворщик, брат! Там, в деревне, я бы никогда не подумал на тебя. Да и в Редклифе тоже...

— Я привык прятать ото всех то, что они зовут даром, — Дайлен хмыкнул, поводя плечом. — Если храмовники узнали об его истинной величине, меня бы усмирили.

На усмешку Алистера он ответил улыбкой. Однако Айан не разделил их веселья.

— Вот именно — ты привык, — тихо и жестко проговорил он таким тоном, что не по себе сделалось даже Алистеру, который, как ему казалось, хорошо знал товарища, никогда не угрожавшего друзьям. — Ты привык скрывать и прятаться. Ты долго жил среди врагов и перед угрозой разоблачения и смерти. Я слышал храмовника и, вопреки всему, понял ваш разговор.

Он шагнул ближе к магу, чтобы в тусклом вечернем свете, лившемся из единственного высокого окна у входа, видеть выражение его лица.

— Дайлен, — Командор поймал угрюмо-настороженный взгляд товарища, и положил руку на его плечо. — Меня растили как воина, и я не умею плести речей. Поэтому скажу лишь раз и от сердца. Ты больше не маг Круга. Ты Страж. И ты не один. Нас — трое. Если мы не будем знать, на что каждый из нас способен, — он обернулся на подходившего ближе Алистера. — Если мы не будем доверять друг другу — мы... — он запнулся, подбирая слова. — Мы не сможем. Не остановим Мор. Не спасем Ферелден. Быть может... — он запнулся опять. — Я говорю теперь высокопарно, как менестрель. Но это — то, что у меня на душе, и я надеюсь, вы поймете, — он отвел взгляд от Алистера и вновь посмотрел на Дайлена. — Я хочу, чтобы вы знали, — поочередно глядя на каждого, повторил Айан. — Неважно, как мы попали в Орден. Теперь мы уже в нем и мы — братья. Я буду биться за каждого из вас, как за себя. Если понадобится, со всей королевской армией за тебя, Алистер, и со всеми храмовниками Тедаса за тебя, Дайлен. Я доверяю вам, как себе. Но я хочу от вас такого же доверия. Или так, или... Решайтесь. Сейчас.

Он положил вторую руку на плечо Алистера. Сын Мэрика поднял на него блеснувшие в темноте светлые глаза и слегка их прикрыл, давая понять, что слова брата по Ордену не пропали даром.

— Я с тобой, Айан, — он тоже положил одну руку на плечо Кусланда. Второй, чуть помедлив, прикоснулся к плечу Амелла. — Я пойду за тобой к архидемону в пасть и обратно. И пусть менестрели обгрызут свои лютни, слушая наши высокопарные речи!

Лицо Дайлена на миг дернулось. Но молодой маг действительно умел владеть собой. Невольно попеременно мешая улыбки и гримасы, по примеру товарищей он также положил обе своих руки на их плечи и крепко сжал.

— У меня не было друзей, — он опустил голову и примолк, но почти тут же продолжил. — Это проклятие, которое многие зовут даром, почти отняло у меня жизнь. Когда я... ушел из Круга, мне казалось, что свобода от всего, что было, не сделается полной, если не отказаться от самой первопричины... этого проклятия. Очень не хотелось снова слышать обращение «маг» или «малефикар» вместо имени, — он крепче стиснул пальцы на плечах Стражей. — Но если это нужно вам, моим друзьям, — я отдам все, что у меня есть. Клянусь, вы не пожалеете, что назвали меня своим братом. Я плохой маг, — на миг кривая усмешка тронула его губы. — Плохой... но очень сильный.

— Тише! — внезапно Алистер сделал шаг назад и, выхватив меч, напряженно уставился в темноту. Кусланд тоже обнажил оружие. Дайлен сузил глаза.

— Нужен свет? — совсем другим голосом, по-деловому спросил он.

Получив утвердительный кивок, маг вскинул взгляд кверху. Тотчас под потолком перед ними вспыхнул яркий огненный шар. И при его свете Стражи увидели стаю из пяти грязно-коричневых теней, скользивших над полом в их направлении. Больше всего твари были похожи на огромных жирных пиявок в изодранных балахонах. Увидев, что они раскрыты, тени воюще всхрипели, стремительно кидаясь вперед.

Кусланд увернулся от бросившейся на него тени, полоснув ее вдогонку мечом. Хорошая, красная сталь, лучшее оружие из того, которое он в спешке успел отобрать в замке Редклиф, насквозь прошило тело «пиявки», не причинив ей никакого вреда. Демон развернулся и вновь бросился на Айана. Алистера атаковали сразу две такие твари и еще две бросились на Дайлена.

Командор снова резко отпрыгнул в сторону, дважды пронзив туловище демона мечом. Любое существо во плоти после такого разрубленным на куски лежало бы у его ног, но, развернувшись, невредимый демон вновь кинулся ему в лицо. Айан слепо заслонился щитом, понимая, что делает ошибку, но уже не имея времени исправить ее...

Полыхнула яркая вспышка. Кусланд резко опустил щит, ожидая нападения. Однако демон исчез. Обернувшись, Командор увидел поднимавшегося с пола Алистера и Дайлена, который так и не прикоснулся к своему мечу. На ковре перед ними лежали пять грязноватых кучек пепла.

— Как с ними расправляются храмовники? — мрачно поинтересовался Айан, безразлично рассматривая останки «пиявок».

— Храмовники, как правило, имеют при себе зачарованное оружие, — Алистер стряс с плеча тот самый пепел, которым его осыпал последний демон, и благодарно кивнул Дайлену.

— Я не думал, что придется столкнуться с подобной мерзостью, — маг покосился на висевший под потолком огненный шар, и тот запылал ярче. — Эти демоны из самых мелких. И самых противных, так как они бестелесны. Убить их можно, как верно сказал Алистер, лишь зачарованным оружием или магией. Я мог бы... — он запнулся. — Мог бы зачаровать ваши мечи на огонь, эта стихия наиболее разрушительна. Но свойство будет временным.

— Лучше, чем ничего, — Айан протянул ему свой меч. Не касаясь рукояти, Дайлен пробежал кончиками пальцев по обнаженному лезвию. Будто бы стекший с его руки жидкий огонь мгновенно охватил все оружие, заставив его пылать, но не раскаляя. Обработав так же меч Алистера, Амелл, вытащил, наконец, из ножен свой.

— Если завеса до сих пор открыта, из нее могло выползти что угодно, — в ответ на удивленные взгляды товарищей, пояснил он. — А стихии слишком непредсказуемы. Иногда ударить мечом будет вернее еще и затем, чтобы не задеть кого-то из вас. Держитесь ко мне поближе, друзья. Нужно обследовать все помещения башни.

Бросив взгляд на длинный ряд дверей впереди, Алистер неподдельно вздохнул.

— Помоги нам Создатель!

Резная деревянная дверь, разделявшая этажи, была приоткрытой. Но Стражи не торопились входить, поглядывая на нее издали, с самой нижней ступени лестницы. Обследовав весь первый этаж, они почти пали духом. Тела были повсюду — разорванные в клочья, изломанные, изгрызенные и обожженные, иногда настолько обезображенные, что трудно было понять, принадлежали они мужчине или женщине. Погибших магов было гораздо больше храмовников. Должно быть, большинство рыцарей Церкви успели спастись до того, как приказ Грегора запечатал двери башни. Кое-где валялись уродливые туши демонов. Храмовники и маги не сдавались без боя. Но выживших не было.

— Странно это, — пробормотал Дайлен, подглядывая на дверь, ведущую на второй этаж. — Я думал, мы столкнемся с большим числом демонов. Грегор говорил о толпах одержимых, а мы не видели еще ни одного.

— Быть может, они поднялись выше? Какие у них могут быть цели?

Алистер хмыкнул.

— Сотни и тысячи демонов Тени все время пытаются прорваться в наш мир и занять любое тело смертного — живое или мертвое. Какие могут быть цели у демона?

— Демоны бывают разные, — маг ссутулился, трогая перевязку на руке. — Некоторые вовсе безмозглые. Занимают тело, и нападают на каждого, кого увидят. Другие, из высших, любят играть со смертными. Как тот, который вселился в Коннора. Демоны разнятся, разнятся и цели. Нам следует быть готовыми к чему угодно.

— И так понятно, — Командор тоже взглянул на дверь. — Пойдем. Нужно найти хотя бы одного уцелевшего мага. Сколько магов ты говорил, тебе нужно для обряда?

— Если Морриган сможет помочь, тогда нужен еще хотя бы один.

Айан поднялся.

— Не будем терять времени.

Сторожась каждого шороха, и сопровождаемые огненным шаром, Стражи поднялись на второй этаж башни в обширный зал. Здесь царила не меньшая разруха. Опрокинутые книжные шкафы, сорванные занавеси и разбитая мебель производили удручающее впечатление, ровно как и лежавшие всюду тела. Людей здесь было меньше, зато сожженных, изрубленных и разорванных на части демонов — куда больше. Весь вид второго этажа явно указывал на то, что здесь кипел жаркий бой.

— Сопротивлялись ожесточенно, — Кусланд поддел сапогом уродливую голову лежавшей на полу дохлой причудливой твари. — Быть может, надежда все же есть.

Словно в ответ на его слова, в дальнем конце зала, из которого вел коридор с таким же рядом дверей, что и на нижнем этаже, раздался шум. Первая по коридору дверь распахнулась, и что-то с воем вылетело наружу, ударившись о противоположную стену. Следом из открывшейся комнаты шагнула рослая фигура храмовника. Выброшенное в коридор нечто оказалось нагой женщиной, однако, прежде чем Стражи успели остановить его, храмовник взмахнул рыцарским двуручником. Рогатая заостренная голова демоницы, подпрыгивая, покатила в их сторону, и замерла, ударившись о ножку перевернутого стола.

— Лихо, — вынужден был признать Алистер, переступая через тело какого-то мага. Стражи подошли ближе к спокойно ожидавшему их храмовнику, который стоял, опершись на свой меч, как на посох. Его меч имел длинное лезвие, сбалансированно длинную рукоять

с толстым шипастым шаром на конце, и выглядел довольно необычно.

— Приветствую, — Айан склонил голову. Он был готов к любым неожиданностям, однако стоявший перед ним рыцарь Церкви не проявлял никаких признаков одержимости. Его узкое неприятное лицо было довольно спокойным, и выражало легкое недоумение.

— И вам доброго... что там, за время за этими стенами, — храмовник склонил светловолосую голову в ответном приветствии. — С чего это Грегор позволил вам шататься по залам башни? Впрочем, догадываюсь. Вы — наемники, явившиеся в Круг по какому-то делу и за плату самонадеянно вызвавшиеся очистить его от чудовищ...?

Он не договорил. Его взгляд поднялся сперва на огненный шар, по-прежнему висевший под потолком, а потом остановился на прячущемся за спинами товарищей Дайлене.

— Мы — Серые Стражи, — Айан тоже в некотором недоумении оглянулся на мага. — В Круг нам случилось прийти за помощью. Рыцарь-командор полагает, что Первый Чародей Ирвинг все еще жив. Быть может...

— Зайдем в комнату, — храмовник кивнул куда-то назад. — Если хотите говорить, а не воевать с демонами, за закрытыми дверями будет больше шансов.

В справедливости этого утверждения сомневаться не приходилось. Заперев за ними дверь просторной спальни с множеством кроватей, храмовник присел на одну из них, держась за грудь. Только теперь Стражи обратили внимание на сочившуюся откуда-то из-под доспеха кровь.

— Дайлен, — Айан еще раз оглянулся на мага. К его удивлению, Амелл повел головой в сторону, будто не расслышав.

— Дайлен, — дождавшись, чтобы тот поднял на него глаза, Командор кивнул на храмовника. — Ты сможешь ему помочь?

Некоторое время маг молчал, выдерживая взгляд товарища, и катая желваки под еще юной кожей. Потом, медленно, словно его ноги вдруг сделались ватными, так же без слов подошел к храмовнику и опустился перед ним на колени.

— Я плохой целитель, — отрывисто бросил он сквозь зубы. — Не смогу почувствовать через металл. Сними нагрудник.

Храмовник с усмешкой отвел его руку, которую маг поспешил отдернуть.

— Не выйдет, Дайли. Я выпил столько лириума, что ни один магический фокус на меня не подействует. Даже демоны опасаются приближаться. То, что у меня внутри, их жжет. Удобно, если бы... не жгло и меня.

Алистер и Айан переглянулись.

— Храмовники пьют лириум, чтобы усилить свои способности по вытягиванию маны из магов или для увеличения резистенции к магии как таковой, — пояснил сын Мэрика поднявшему брови Кусланду. — Но чтобы получить абсолютную защиту, нужна большая... очень большая доза.

— Я правильно понял? — Амелл оглядел храмовника сверху вниз, и останавливая взгляд на пробоине в его доспехе. — Сколько ты выпил?

Ухмыльнувшись, тот сдвинулся в сторону. За его спиной на смятом покрывале лежали три большие фляги. Дайлен и знакомый с безопасными дозировками жидкого лириума Алистер одинаково переменились в лице.

— Три склянки, — молодой маг выглядел испуганным. — Да как тебя не разорвало?

Движение храмовника было молниеносным настолько, что Дайлен не успел отпрянуть. Схвативший его за горло воин Церкви приблизил свое лицо к лицу Амелла.

— Следи за языком, мальчишка, — он поднял глаза на выхватившего меч Кусланда и нехорошо улыбнулся. — Опустит оружие, Страж. Если бы я наказывал Дайли всякий раз, когда он мне дерзил, это давно бы уже закончилось для него плачевно.

Амелл отпрянул от храмовника, потирая онемевшую шею. На его побледневшем лице были написаны ужас и брезгливость.

— Вы хотите знать, что здесь произошло, — храмовник закашлялся, схватившись за грудь. — Я тоже. Но я не знаю. Все началось после возвращения группы магов из-под Остагара. Я почувствовал, что они вернулись другими. Но приписывал это возбуждению от похода. Маги редко покидают стены Круга. И еще реже — для войны. Как тебе война, Дайли? — он обернулся к растиравшему кисть Амеллу, который глядел в другую сторону. — Признаться, зная твои способности и твой характер, я был уверен, что выйдя отсюда, ты первым делом совершишь какую-нибудь глупость — вызовешь землетрясение, или одним заклятием уложишь толпы врагов. Дайлен не ответил. Он ни на кого не смотрел. Кусланд вложил меч в ножны.

— Что случилось после возвращения магов? — напомнил он. Храмовник кивнул.

— Они вернулись другими. И причиной тому было что угодно, но не магия. Любые изменения, связанные с ней, я бы не пропустил. Нет, дело было в другом. Я начал выяснять, в чем. Но, к сожалению, не успел.

Он снова закашлялся и сплюнул кровью.

— Как видите, я уже не молод, — на вид храмовнику было за сорок. — Немногие из псов Церкви сохраняют рассудок к такому возрасту. Проклятый лириум сильно разжижает мысли, — он прижал руку к доспеху на груди, и на этот раз ему удалось сдержать кашель. — Поэтому я и мои люди вынуждены принимать лекарство, — храмовник неопределенно повел головой. — Долгое время лекарство для моих людей готовил целитель, Андерс. Однако, воспользовавшись суматохой и послаблениями, он сбежал из башни сразу после возвращения магов из-под Остагара.

Храмовник снова сплюнул кровью.

— Я поручил приготовление лекарства другому магу, лучшему целителю, из группы вернувшихся. Однако после первого приема... должно быть, в зелье было подмешано что-то еще. Я очнулся один, в своей комнате, на том месте, где упал, отпив из проклятой склянки, а ко мне приближались сразу двое одержимых.

Он прикрыл глаза.

— В коридорах творилось невообразимое, — все так же прижимая руку к груди, продолжил храмовник. — Почти все мои люди и маги были мертвы либо одержимы. Большинство тел храмовников выглядели так, словно на них напали во сне. Скорее всего, случилось именно это. Нам подсунули сонное зелье и дождались, когда оно подействует.

— Грегор говорил об исчезновении его капитана, — обращаясь к собеседнику, Кусланд бросил взгляд на кусавшего губы Дайлена. — Тебе что-нибудь о нем известно?

— Он и есть капитан, — не поднимая глаз, проговорил Амелл. Поймав вопросительные взгляды, храмовник кивком подтвердил его слова.

— Бьорн Хосек, капитан храмовников Круга Ферелдена. Впрочем, сейчас это не важно. Не уверен, что у меня остался в подчинении хотя бы один воин, кроме тех, которые находятся сейчас за дверью, наверняка запертой по приказу рыцаря-командора. Айан поискал глазами окно, но не нашел его.

— Время истекает, — он тронул за плечо привалившегося к высокой спинке кровати

Бьерна Хосека, вновь прикрывшего глаза. — Нужно отыскать Первого Чародея. Где он может быть, капитан?

Храмовник пожал плечами.

— Маги хотели устроить собрание, — он мотнул головой куда-то вверх. — Если они успели это сделать, придется подняться на самый верхний этаж. Первый Чародей, если он жив, скорее всего находится там или поблизости. Я пытался подняться выше. Дважды, — он покачал головой. — На лестнице толпа одержимых и демоны огня. Их слишком много для одного. Но теперь, когда на моей стороне легендарные Серые Стражи — я готов рискнуть опять.

Айан еще раз окинул оценивающим взглядом исцарапанный пробитый доспех капитана храмовников, из-под которого, не останавливаясь, сочилась кровь.

— Пойдем, — решил он. — Нужно найти Первого Чародея.

— Вознесем молитву Создателю, чтобы было не слишком поздно, — вполголоса пробурчал себе под нос молчавший все это время Алистер.

Краем уха прислушиваясь к разговору, Алистер подошел к самой двери. Ему давно не давал покоя шум, который доносился из коридора. Шелест шагов по полу и шлепание ступней, как будто кто-то ходил босиком, перемежались хрыплым дыханием, порывками и каким-то треском. Алистер приложил ухо к двери. Шлепки и рычание сделались отчетливее. Страж оглянулся на товарищей и храмовника, и сделал им знак молчать.

Двигаясь стремительно и бесшумно, капитан Хосек оказался рядом раньше, чем кто-то из Стражей успел сделать хотя бы шаг по комнате. На миг приложившись к щели между досками, храмовник отнял ухо и, обернувшись, посмотрел сначала на Кусланда, потом на Амелла.

Воины обнажили оружие, встав по обеим сторонам от входа. Маг остался в центре комнаты так, чтобы его было хорошо видно из коридора. Убедившись, что все заняли свои места, Хосек снял засов и распахнул дверь.

Рычание раздалось совсем близко от входа и через миг из темноты показалось странное существо. Больше всего оно было похоже на человека, надевшего полтора десятка грязных овечьих тулупов, покрывших его до пояса. Лишь мгновением позже Амелл, которому было видно лучше других, понял, что верхняя часть некогда человека была чудовищно раздута, словно оболочка человеческого тела не была в состоянии вместить того, что в нее проникло. Существо остановило единственный глаз, терявшийся в переплетении раздутых жил, на замершем человеке и, издав тонкий вой, бросилось вперед.

Дайлен стиснул пальцы на рукояти обнаженного меча. Не добежавшая до него нескольких шагов тварь внезапно замерла, скованная мгновенно покрывшим ее льдом, а потом разлетелась по комнате застывшими кусками плоти. Однако в дверях уже появлялись новые. Пропустив в комнату всех, Стражи и храмовник напали на чудовищ со спины.

Бой был яростным, но коротким. Двое изрубленных и пятеро разнесенных в клочья одержимых присоединились к прочей мерзости, щедро укрывавшей пол и кое-где застывшей на стенах. Капитан храмовников бросил на мага взгляд, полный неподдельного изумления.

— Я всегда выделял тебя, Дайли. Думал, что знаю даже, кто будет следующим Первым Чародеем, после того, как старый лис Ирвинг перестанет портить тут воздух, — Бьорн Хосек на миг прервался, чтобы, взмахнув своим огромным двуручником, пригвоздить к полу поднимавшегося было вновь одержимого. — Однако никогда не доводилось видеть, чтобы магию творили просто из неоткуда, без посоха, без пассов руками. Как ты этого достиг? Давно?

Выражение лица Амелла не изменилось. Он подернул плечами, сделав вид, будто не слышит обращенных к нему слов. Командор Серых Стражей переглянулся с храмовником.

— Ответь, Дайлен, — негромко приказал он.

— Магия — не в посохе, и даже не в руках, — ни на кого не глядя, проговорил Амелл, не опуская меча. — Она проистекает из связи с Тенью. Даже безрукий может родиться магом и творить магию силой мысли. Маги используют посох для удобства концентрации и направления своей силы. Руки для того же. Однако делать это можно без всего лишнего. Вопрос сосредоточенности и... привычки.

Избегая дальнейших объяснений, он первым шагнул за дверь. Чудом увернувшись от бросившегося на него огненного демона, Дайлен заморозил его в полете и, ударив щитом,

расколол на куски. Выскочивший следом Алистер полоснул зачарованным на огонь мечом по грязно-коричневой тени, осыпав пол уже знакомым пеплом.

— Завесу нужно закрыть, — повторил капитан Хосек то, что и так было понятно каждому. — Не стоит отвлекаться на каждую комнату. Храмовники позже разберутся со всеми оставшимися тварями. Ищем разрыв в завесе.

— Разрыв где-то выше, — маг указал вперед, обращаясь к своим товарищам. — Я чувствую.

Путь через второй этаж оказался нелегким. Несмотря на намерение пройти как можно быстрее, воинам приходилось все время задерживаться из-за все новых тварей, жаждавших разделаться с гостями или занять их тела. Амелл беспрестанно замораживал, сжигал и разрывал бросавшихся на них демонов и одержимых, расчищая путь товарищам и удивляя их Создатель ведает откуда бравшимися силами. Даже храмовник, знавший Дайлена до его ухода из башни, не мог скрыть своего недоумения. Стихии, подчинявшиеся его бывшему подопечному, казалось, ничуть не забирали его жизненных сил, повинуюсь лишь мысли молодого мага. Сам Амелл, ловя на себе несколько вопросительных взглядов, пожимал плечами. Похоже, до сих пор ему не доводилось проверить того, что он мог, в полную силу, и его неожиданное могущество было непривычным для него самого.

Впрочем, времени на то, чтобы удивляться, не было. Пройдя весь второй этаж и, добравшись, наконец, до третьего, воины едва стояли на ногах от напряжения и усталости. К тому же увиденное в зале третьего этажа заставило даже храмовника надолго забыть о Дайлене.

В отличие от всего того, что творилось в нижних помещениях башни, третий этаж оставался в полном порядке, словно царившее вокруг разрушение не коснулось его. Зал здесь был меньше. Ковры покрывали не только пол, но и стены. Богатое убранство подчеркивали отстоявшие друг от друга перегородки в виде позолоченных решеток. У одной из них на резной скамье сидели двое магов. Еще трое, как видно, в волнении, мерили пол шагами.

На появление закованных в броню гостей с обнаженными мечами в руках маги отреагировали похоже. Сидевшие вскочили, и все как один нацелили на вошедших свои посохи.

— А ну, стоять! — рявкнул капитан Хосек, вскидывая руку. — Мы не одержимы. Вы, по-видимому, тоже. Что здесь произошло?

— Они могут быть одержимы, — сквозь зубы бросил Дайлен, вынужденно обращаясь к храмовнику. — Не приближайся к ним. Хосек остановился. Никто из обнаруженных магов не торопился первым начать разговор.

— Я спросил, что происходит, — храмовник поочередно оглядел каждого и остановил взор на молодом узкоплечем маге с длинным изможденным лицом. — Но не слышу ответа. Быть может, ты, Элуат? Как так вышло, что вы не прячетесь, а демоны все равно не трогают вас?

Маг не ответил, хотя и с трудом, но выдерживая взгляд капитана.

— Думаю, здесь ясно, — негромко предположил Алистер, не опуская меча. — Малефикары. Это они вызвали демонов. Они могут им приказывать.

Храмовник вновь взглянул на Элуата так, что тот попятился.

— Да, этот пришелец прав, — неожиданно тонким голосом выкрикнул он. — А чего ты ожидал, сэр Бьорн? Что мы будем вечно терпеть ваш произвол? Что никто из магов не посмеет восстать против вашей так называемой защиты?

— Храмовники обращаются с нами как с рабами, — подал голос другой, темноволосый красивый эльфийский юноша, и в этом голосе сквозила неприкрытая ненависть. Посох подрагивал в его руках, готовый в любой момент выбросить молнию или струю огня. — Лучше умереть, чем жить так, как мы живем в этой проклятой башне!

Айан и Алистер переглянулись.

— И чтобы умереть, вы прорвали завесу? — спокойно, даже буднично переспросил капитан Хосек. Двуручник он держал острием в пол. — И выпустили полчища демонов? Отчего тогда, ответьте мне, вы по-прежнему живы? А десятки других, кто умирать не хотел, мертвы?

— Мы не хотим умирать, — Элуат посмотрел на храмовника с вызовом. — Мы хотим перемен для магов!

— И ради этих ваших перемен, вы магов решили перебить? — Дайлен сдвинул брови.

Только теперь рассмотревший как следует Амелла Элуат переменился в лице.

— Я не помню твоего имени, но видел в лицо. Ты ушел отсюда немного времени назад, — он крепче стиснул посох. — И сможешь подтвердить мои слова! Ты же знаешь, каково это — жить здесь. Все время в этой проклятой башне, без света солнца, без свежего воздуха... Вокруг одни и те же лица, постоянно, всегда... Храмовники обращаются с нами как... как с преступниками. Следят за нами день и ночь. Заставляют нас... принуждают к повиновению во всем, даже в... — его лицо злобно дернулось. — Зачем ты вернулся, новопосвященный маг? Тебе так не хватало этого там, на воле, где ты был свободен?

— Не уводи разговора, Элуат, — храмовник непроизвольно прижал руку к своей кровоточащей ране. — Мне нужно знать, что здесь произошло. Потом я решу, стоит ли оставлять тебя в живых.

Длиннолицый маг шагнул вперед. На слова капитана он не обратил внимания, словно бы их и не слышал. Его взгляд лихорадочно, почти жадно ощупывал доспех и одежду Дайлена, меч в его руке. Другие маги глядели мрачно, исподлобья. Они, как видно, не до конца понимали, что происходит, но догадывались, что оставалось им недолго, и готовились как можно дороже продать свои жизни.

— Посмотри на себя, — Элуат мотнул головой на Дайлена. — Ты одет как свободный, у тебя оружие. Прах побери, ты дышишь свободой. Расскажи, как оно там? Там, снаружи? Стоит оно того, чтобы за него бороться? Ну? Расскажи!

Дайлен повел плечом. Едва заметная улыбка тронула его губы.

— Там прекрасно, — он бросил взгляд на замершую у решетки магиню, глядевшую на него с тем же выражением завистливой тоски, что и длинолицый Элуат. — Свежий воздух, ветер и звезды, рассветы и закаты, снег на горных вершинах, которые поражают своим величием. Множество незнакомых людей, верные друзья, и красивые женщины, которых можно любить, — Дайлен говорил медленно, и так же медленно улыбка сползала с его лица. — Это то, что есть у всех других людей, которые не поимели несчастье родиться магами. И бороться за это стоит.

— Может, и стоит, — капитан Хосек иронично взглянул в сторону бывшего подопечного, отнимая руку от раны. — Однако то, что вы сделали, не поможет магам. Подумайте, глупцы. Через день-другой храмовники получают Право Уничтожения. Тогда Грегор войдет сюда со свежими отрядами рыцарей и уничтожит всех, кого не убьют демоны или голод. И вас. И меня. И этих Серых Стражей, которые пришли сюда просить помощи магов в борьбе с Мором.

— Вы не только совершили преступление, оправдания которому нет, — Дайлен согласно и горько покачал головой. — Все еще хуже. У нас, магов, впервые за долгое время появилась возможность доказать, что мы нужны Ферелдену. Теперь из-за вас ее больше нет. Малефикары переглянулись. Эльфийский юноша, переводивший пылавший ненавистью взгляд с капитана Хосека на Амелла, оторвался от своего занятия, и возмущенно фыркнул.

— Почему вы обвиняете нас? Не мы же разорвали эту завесу! Мы лишь поддержали Ульдреда на собрании! Мы сами еле унесли ноги, когда из-за завесы вырвались демоны!

Хосек обернулся к Элуату.

— Это правда?

— Да, — тот пожал плечами, — Ульдред с тех пор, как вернулся из-под Остагара, был сам не свой. Все твердил про какую-то свободу для магов без надзора храмовников. Якобы он говорил с тейрном Логейном и тот обещал освободить нас, если мы поддержим его в борьбе за трон.

— За трон? — в один голос переспросили Алистер и Айан. Дайлен хмыкнул.

— Вас это удивляет, друзья?

Продолжить ему помешал какой-то шум. Обернувшиеся ко входу люди увидели огненного демона — огромного и жирного, как насосавшийся крови болотный слизень. Тот, в свою очередь, заметив их присутствие, ринулся вперед.

Дайлен машинально вскинул руку. Однако его вмешательства не потребовалось. Приблизившись к людям на расстояние в полтора десятка шагов, демон неожиданно вспыхнул особенно ярко и распался по полу сотней холодных искр.

— Мы установили барьер, — Элуат мотнул головой назад. — На крови. Если бы не малефикарум, они давно бы добрались до нас. Но клянусь, к их появлению мы не причастны. Это все Ульдред!

— Что там с Ульдредом? — напомнил Хосек, нетерпеливо разжимая и сжимая пальцы на рукояти меча. — Говори быстрее. Это он разорвал завесу?

Элуат кивнул.

— На собрании магов. Он попытался оговорить старого Ирвинга и захватить власть в Круге. Некоторые маги его поддержали. Но не все. Многие высказались против. И тогда он...

— А вы почему не с ним, если поддержали его?

— Так ведь из разрыва вырвались сотни демонов, — снова встрял эльф. Посоха он так и не опустил, но держал его уже набалдашником в потолок. — Это не то, что обещал нам Ульдред. Мы сами едва успели спастись!

— Значит, разрыв завесы — в зале собраний?

Элуат согласно склонил голову. Храмовник устало потер лоб.

— А что с Первым Чародеем? Он жив?

— Мы бежали сразу после того, как все случилось. Но тогда он был еще жив.

Капитан Хосек переглянулся с Айаном Кусландом.

— Еще два этажа вверх, Командор, — храмовник прижал руку к ране. — Ульдреда придется убить. Будьте готовы к тому, что он одержим. Быть может, даже высшим демоном.

Кусланд кивнул. В башне магов он предпочел довериться опыту капитана храмовников безоговорочно.

— Высший демон — из самых хитрых, сильных, и жестоких духов Тени, — счел нужным предупредить Амелл, обращаясь к своему Командору. — Для сравнения. Тот,

который дожидается нас в Редклифе — из средних.

Айан кивнул снова. За последние день и ночь он успел увидеть столько демонов, что ожидание встречи еще с одним, пусть даже могущественным, почему-то уже не пугало.

— Капитан, — Элуат стиснул свой посох и ударил его концом в пол. — Разрешите мне идти с вами. Я... лучше я умру, сражаясь с демонами, чем буду сидеть тут и дожидаться, когда меня убьют храмовники.

— Возьмите и меня, — эльф шагнул вперед, притушив ненависть в своих глазах. — Я тоже хочу сражаться!

Капитан Хосек ухмыльнулся, переводя взгляд с одного на другого.

— Больше никто не хочет ничего сказать? — он обернулся к остальным.

— Мы все пойдем, если позволишь, — самый старший из магов, темноволосый и темнобородый мужчина мрачно склонил голову. — Нам все равно конец. Пусть лучше мы умрем, сражаясь с тварями из Тени, чем под клинками храмовников, как скот.

Храмовник бросил быстрый взгляд на Кусланда. Тот пожал плечами.

— Вы лучше знаете, как поступить, капитан.

— Хорошо, — Хосек поочередно взглянул в глаза каждому из магов. — Пойдете со мной. Если будете доблестно сражаться... я могу забыть обстоятельства, при которых мы встретились. Уверен, Серые Стражи не станут возражать.

Кусланд отрицательно качнул головой. Не тратя больше слов, они двинулись через коридор к лестнице на следующий этаж башни. Несмотря на то, что сразу за возведенным малефикарами барьером, обнаружились еще большие полчища мелких демонов, продвигаться в компании из пяти магов крови сделалось значительно легче. И хотя каждый из магов поотдельности был гораздо слабее Амелла, вместе они представляли собой внушительную силу, дополняя друг друга.

— Здорово, — поделился Алистер, когда очередной одержимый, не добежав до них, разорвался на множество кровавых брызг и мясных кусков. Элуат перехватил посох и круговым движением отшвырнул другого, а молодой эльф, выбросив вперед окровавленную ладонь, впечатал его в стену так, что хрустнули кости. Миг спустя одержимый лежал у их ног грудой рваного тряпья. — Эдак у храмовников, что придут за нами, не останется заботы расчищать тут все...

Последняя фраза повисла в воздухе. Одолев подъем на последний этаж, они обнаружили такое скопление нечисти в коридоре между комнатами, что первым чувством, посетившим каждого, даже капитана Хосека, была растерянность. Тем более казалось странным то, что копошившиеся в одном месте одержимые и низшие демоны не обращали никакого внимания на появившихся людей. Их интересовало что-то, невидимое вошедшим. Они толкались, мешали друг другу, но, как видно, добраться до вожака пока не могли.

Сделав всем знак остановиться, Дайлен поднял обе руки. Между его ладоней заплясали языки пламени, сплетаясь в огненный шар. Когда он сделался достаточно плотным, маг размахнулся, и швырнул его в толпу чудовищ.

Полыхнувшая вспышка на миг ослепила столпившихся тварей, а затем волна упругого горячего воздуха расшвыряла их со страшной силой. Серые Стражи и маги крови довершили разгром, не без труда уничтожив ошеломленных, но довольно многочисленных демонов.

Когда путь был расчищен, сделалось понятным, что так привлекло внимание монстров. Проем одной из больших комнат этажа был закрыт магической стеной. Только в отличие от той, которую возводили малефикары, эта была не прозрачной, а синей, и заметно колебалась.

— Магия воды, — тяжело дыша, и придерживая располосованное чьими-то когтями плечо, пробормотал Элуат. — Крайне нестабильный, но не требующий больших усилий для создания и сохранения барьер.

— Эй! — храмовник подошел к самой двери, но благоразумно остановился в нескольких шагах от колеблющейся синей поверхности. — Кто там? Это капитан. Уберите... вашу стену!

Ответом ему было молчание. Сэр Бьорн крикнул еще раз, после чего выразительно обернулся на магов. Юноша-эльф шагнул вперед, с готовностью поднимая посох. Поверхность водной стены всколыхнулась сильнее. Маг напрягся. Его посох окутался плотным синим свечением. Чернобородый маг из группы Элуата пришел ему на помощь. Барьер пошел рябью и заплескался, однако упорно не поддавался.

— Так ты говоришь, магия воды нестабильна? — капитан Хосек скрестил руки на груди, без усилий удерживая свой тяжелый двуручник в одной из них острием вниз. Чернобородый вытер пот, мешавшийся на его лбу с кровью из глубокой раны.

— Оттуда, из-за барьера, — хрипло пояснил он. — Кто-то сопротивляется искажению щита. Должно быть, они нас не слышат. Но там наверняка есть маг. Сильный и опытный. Быть может, даже не один.

— Ты можешь что-то сделать, Дайлен?

Стоявший поодаль рядом с братьями по Ордену Амелл ответил кивком. Приблизившись к барьеру, он вскинул глаза, и стена воды мгновенно опала под его взглядом, забрызгав ему и сэру Бьорну сапоги. В следующий миг храмовник толкнул его на пол, свалившись рядом. Из освободившегося проема вылетели две стрелы. Одна из них, просвистев над головами мага и храмовника, едва не пригвоздила к стене не успевшего отпрянуть Айана.

— А ну, прекратить! — рывкнул капитан так громко, что эхо от звука его голоса несколько раз облетело корридор. — Клянусь Создателем, следующего мерзавца, который чем-то в меня запустит, я обезглавлю собственноручно!

— Сэр Бьорн? — из дверного проема высунулся храмовник. Меч он держал перед собой. С трудом поднявшийся с пола Хосек сплюнул кровью и, грубо отпихнув растерянного воина Церкви, вошел в комнату.

— Остерегитесь! Они могут быть одержимы!

Капитан и проследовавшие за ним Серые Стражи обернулись на дребезжащий голос. Высокая статная старуха в мантии старшего мага опиралась на фигурный посох. За ее спиной жались друг к другу с десятков детей разных возрастов. Кроме старухи подле детей сидели двое молодых магинь. Чуть поодаль столпилась группка из младших магов, и четверо храмовников. Еще один рыцарь Церкви, тот самый, который первым сунулся к капитану, продолжал топтаться около дверей. Он явно не знал, как поступить.

— Винн, мы не одержимы, — снимая рукавицу и прижимая руку к ране, Бьорн Хосек остановился перед старухой и указал за спину, на своих спутников. — Вот, трое Серых Стражей. Они пришли просить помощи Круга в борьбе с Мором. В обмен они помогут нам восстановить порядок в башне.

Старая магиня, которую называли Винн, с усилием опустила взлетевшие было брови.

— Значит, это все-таки Мор. Что ж, ожидаемо, — она обвела взглядом всех находившихся в комнате магов, включая малефикаров Элуата. — Это все? Больше никто не спасся?

Хосек обернулся на Кусланда. Тот пожал плечами.

— Мы обошли все комнаты нижних этажей. Перед вами — те, кто смог выжить.

— Итого девятнадцать магов, не считая детей, — Винн поникла головой. Силы будто оставили ее. — Создатель, нас было больше двух сотен!

— Храмовников тоже полегло немало, — Хосек отошел к стоявшей тут же скамье и присел на нее, прикрыв глаза. На лицо его медленно напознала зеленоватая бледность. — Их телами выстлан весь путь до этой комнаты.

— А что с Первым Чародеем? — нетерпеливо спросил Амелл, вглядываясь в лица испуганных магов. — Где Ирвинг? Он мертв?

— погоди, — Винн в изумлении вгляделась в его лицо. — Я тебя знаю, Серый Страж. Ты ведь... из башни, верно? Ты был одним из нас?

— Я этим не горжусь, — ворчливо пробормотал Амелл, раздраженный неответом на свой вопрос. — Я бы с удовольствием посмотрел, как эта башня сгорит.

— Ирвинг, скорее всего, в плену у одержимого Ульдreda, — подал голос храмовник у двери. — Ульдred и его сообщники заперлись... в комнате для истязаний. Я слышал, как Ирвинг пытался образумить Ульдreda... до того, как тот прорвал завесу.

— Мы все слышали, — Винн оторвала осуждающий взгляд от лица Дайлена. — Не все маги бежали после разрыва завесы. Некоторые пытались остановить поток хлынувших демонов. Ирвинг был среди них. Если он еще жив — он там. Но зачем он вам?

— Нам нужен каждый, могущий творить магию, — Айан кивнул куда-то в сторону. — На земли Тедаса надвигается Пятый Мор и, к сожалению, в этот раз честь остановить его выпала Ферелдену. Ирвинг — сильный и опытный чародей. Мы сделаем все, чтобы спасти его.

Винн кивнула.

— Я поняла, Страж. Что ж, благодарю за то, что вы обещаете помочь нам спастись, каковы бы ни были ваши мотивы. Но вы должны знать, что противостоять Ульдреду будет нелегко. Он одержим высшим демоном. Быть может, мы смогли бы совместно победить его... в чем я сомневаюсь. Но вот в чем у меня нет сомнений — Ульдред заперся не один, а со своими приспешниками. Даже вместе нам не переколдовать стольких магов крови.

— Дайлен, — Командор Серых стражей обернулся к кусавшему губы Амеллу. — Что скажешь?

Тот покачал головой.

— Я попробую, — без энтузиазма проговорил он. — Но по незнанию я слишком много крови выпустил в Редклифе. Даже если я выпущу всю... крови может просто не хватить на них на всех.

— Так что же, тебе нужно больше крови? — не открывая глаз, спокойно спросил Хосек. Против ожиданий изумленных магов, его подчиненные не стали изображать праведное негодование. Амелл поймал повелительный взгляд Кусланда и нехотя ответил капитану храмовников напрямую.

— Нет. Даже с кровью не выйдет. Быть может, вышло бы, знай я толком, что и как нужно делать. Но все, что мы с Йованом успели постичь — как творить самое несложное, пользуясь лишь своей кровью. Кровь нужно все время выпускать, иначе сильного демона не одолеть. А я выпустил ее достаточно в Редклифе. И... слишком устал... вчера и сегодня. Слишком... Мне... не доводилось раньше творить столько магии.

Хосек и Кусланд переглянулись, а потом одновременно посмотрели на Элуата. Тот мрачно пожал плечами. Похоже, маг крови он был тоже не особо умелый. Или просто не желал говорить, опасаясь еще больше раскрыть себя. Времени же на допрос с пристрастием

не оставалось.

— Я, конечно, попытаюсь уничтожить Ульдред, — поторопился пояснить Амелл, переводя взгляд с магов, на Стражей, и обратно. — Но боюсь, это может кончиться плохо. Когда демон расправится со мной, эти храмовники не смогут защитить ни себя, ни... никого. И барьеры уже не защитят. Если вы не ошибаетесь, и демон, которым одержим Ульдред — все же высший.

— Он высший, — Винн нервно передернула сухими плечами. — Можешь мне поверить. Хосек с усилием поднялся, опираясь на свой меч. Обвел взглядом столпившихся в комнате людей.

— Серые Стражи пришли сюда за помощью, — тяжело выговаривая слова, проговорил он и пошатнулся. — Плохо будет, если маги — те, кто остался — не откликнутся на их призыв. Но если мы сейчас не пойдем и не закроем завесу — Ферелден может не успеть пасть от Мора — его заполонят демоны, его, а потом весь Тедас. Мы, — храмовник запнулся, мотком головы откидывая за спину длинные светлые волосы, слипшиеся от крови и пота, — не должны этого допустить. А потому сейчас все, способные сражаться, пойдут в комнату истязаний. Мы будем отвлекать Ульдред до тех пор, пока Амелл не стянет края завесы. А потом те, кто останутся, убьют высшего демона.

Алистер и Айан переглянулись.

— Согласен с капитаном, — Куслад устало кивнул. — Нужно убить демона и опустить завесу. Серые Стражи поддержат Круг.

— Погодите! — Винн предостерегающе подняла руку. — Для войны с демонами есть средство, о котором знают только старшие маги. — Это Литания Адраллы, тевинтерской магии, изгнанной за создание средства борьбы с магией крови. Прочтение Литании рядом с одержимыми мгновенно убивает засевших в них демонов, даже высших... к сожалению, как и самих одержимых. Копия Литании хранится в малой библиотеке. Это в другом конце крыла.

— Просто прочесть? — не понял капитан. — И демоны передохнут?

— Она очень длинная, — старуха извиняюще пожала плечами. — Магия — в самом соотношении звуков один подле другого. Она на несколько мгновений свяжет читающего, даже если он не маг, с Тенью. Но читать нужно в непосредственной близости от одержимых. Не сбиваясь, иначе не подействует.

— Ну что же, — после паузы, так же спокойно решил капитан храмовников. — Это больше, чем было у нас минуту назад. Нужно отправить кого-нибудь в библиотеку.

— Литания — в закрытом разделе, — осторожно напомнила старая магия. Хосек понимающе кивнул.

— Тогда придется мне. Никто другой из тех, кто здесь, не сможет его открыть.

— Мы пойдем с тобой, — Кусланд оправил перевязь с ножами меча. — Тебе может потребоваться помощь.

— Оставайтесь здесь, — Хосек мотнул головой группе Элуата. — Защищайтесь... как сумеете. Если... будет на то воля Создателя и мы не вернемся, постарайтесь дождаться Грегора. Может, вам удастся убедить его, что вы не одержимы.

— Какой-то у него мрачный настрой, — пробормотал Алистер так, чтобы его услышал только Командор. Айан подернул плечами.

Когда капитан храмовников в сопровождении Серых Стражей покинул комнату, Дайлен на миг оглянулся. Растекшаяся по полу лужа быстро собралась в стену и встала на место, отсекая оставшихся ждать людей от корридора.

— Давайте поторопимся, — предложил Хосек, оглядываясь по сторонам. — Пока не явились еще демоны.

Стражи сочли это предложение более чем разумным. Впрочем, похоже было, что башня Круга постепенно начала исчерпывать свои запасы чудовищ. За весь путь до библиотеки им не встретилось ни одного.

— Должно быть, сам Создатель помогает нам, — идущий впереди капитан храмовников осторожно приоткрыл двери библиотеки и взглянул вовнутрь. — Никого. Живее, поторапливайтесь.

Малая библиотека оказалась довольно большой комнатой с высокими потолками и длинными рядами шкафов, забитых книгами. Айану мимолетно подумалось, что не будь с ними храмовника, тут же уверено направившегося куда-то в сторону, они могли искать в этом месте Литанию не один день, и даже не два. Однако, обогнув несколько стеллажей, широко шагнувший сэра Бьорн остановился как вкопанный.

Прямо перед ними, зажатая с двух сторон высокими книжными шкафами, была неприметная выемка в стене, теперь открытая. В ней были видны всего несколько книг, уложенных, в отличие от всех других, отдаленно друг от друга. Прямо перед выемкой на полу лежал молодой мужчина в одежде мага, что-то прижимая к груди. С их места невозможно было понять, был ли маг без сознания, или мертв.

Над ним, спокойно опустив вздувшиеся руки, стоял одержимый. Он был похож на всех других, виденных ими сегодня, и одновременно не похож. От всего его облика веяло уверенной силой и разумом. Встретившись глазами с распухшей тварью, Айан внезапно ощутил слабость и сильное головокружение. Настолько сильное, что вынужден был ухватиться за стоявшего рядом Алистера, чтобы не упасть.

— Ох, — в свою очередь откликнулся сын Мэрика, прикладывая руку к голове. — Что... что происходит?

— Демон! Не могу разглядеть, какой, — с трудом разлепляя губы, прошелестел Дайлен, поднимая руку. — Прочь отсюда, ты, отродье!

Мощная магическая волна толкнула одержимого в грудь. Тот пошатнулся, взмахнув огромными руками. В следующий миг он оказался рядом с оторопевшим магом и коснулся его мокрого лба.

— Стихиарий... забавно, забавно... отдохни, маленький маг. Ты так устал.

Глаза Амелла закатились и он осел на пол. Глухо стукнул о плиты тяжелый гномий доспех. Кусланд и Хосек одновременно шагнули вперед, но поднять меч получилось только у последнего.

— Что ты с ним сделал? — зло спросил храмовник, склоняясь над телом мага. — Ты убил его, поганая тварь?

— О, нет, — голос одержимого звучал гулко и глухо, но движения его были стремительны. Сэр Бьорн едва успел уклониться от его руки, отшатываясь назад. — Я всего лишь дал ему покой. Бедный мальчик. Очень, очень устал. Стезя стихиариев — могущество,

но она утомительна. Забавно. Не знал, что среди смертных появился еще один тот, кто способен без усилий воззывать к любой стихии.

— Стихиарий? Он??

— Верно, — одержимый шагнул ближе, но немыслимым способом перекатившись в сторону, храмовник вновь ушел из-под его руки. — Вы, смертные, не умеете оценивать подаренное вам по достоинству. Но мы умеем, — он повернулся к Алистеру, голова которого налилась свинцовой тяжестью.

— Чего... чего тебе нужно? — сын Мэрика опустил руку на рукоять меча и постарался вытащить его из ножен. Одержимый перехватил его вялое запястье и поднес к глазам, словно хотел внимательнее разглядеть.

— Королевская кровь, — он провел ладонью перед лицом Алистера и тот, потеряв сознание, сполз вниз по столику, но не упал, а остался сидеть, прислонившись к стеллажу. — Он будет интересным рабом, — непонятно к кому обращаясь, пояснил гость из Тени.

Превозмогая себя, Кусланд замахнулся мечом. Одержимый легко перехватил меч за острие и отшвырнул в сторону. Командора Серых Стражей бросило на шкаф и завалило книгами и рукописями, нападавшими с верхних полок. Не давая ему опомниться, одержимый оказался рядом и, ухватив Айана за горло, вздернул его над головой. Одновременно он вскинул руку, и бросившегося на него с мечом Хосека отшвырнуло на другой шкаф.

— Редкостная удача, — обдавая Айана запахом мокрот и выделений, спокойно проговорил одержимый. — Отмеченный Создателем. Сколько прекрасных рабов пришли ко мне добровольно и сами. Я... восхищен. Мне можно спокойно возвращаться в Тень. Я взял от этого мира все, что мне будет нужно на ближайшие несколько столетий.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Айан почувствовал, что сознание покидает его. Он пытался бороться, изо всех сил выныривая из того болота, куда тянула его воля одержимого, извиваясь и силясь освободиться из его рук. Но это было выше человеческих сил. Последнее, что он успел услышать — чей-то отдаленный крик.

— Это — демон праздности, Страж! Он питается... твои воспоминания... самые острые... целую вечность...

Голос постепенно затих. Сознание Айана померкло, сменившись глухим и неосознанным мраком.

... Ночная тишь морозной ночи все громче тревожилась стуком копыт по скованной льдом земле. Двое ехавших один подле другого всадников были одеты по-простому, в неновые меховые плащи, накинутые поверх небогатого платья. Однако кони их были самых благородных кровей, это было видно даже тому, кто в этом не смыслил.

— ... и все-таки, т-ты дурак, б-братец, — с пьяной развязанностью горячо и сыто убеждал один другого, норовя подвести коня поближе и приобнять своего спутника за шею. Судя по его тону, разговор этот был начат давно, и прокручивался уже неоднократно. — Ты — сын тейррна! Да еще и — и... еще и свободен... пока! Отчего... б восп-пользов... не воспользоваться... с-своим п-положением? П-потом будет сложнее... п-поверь брату.

Второй всадник не ответил, занятый тем, что на ходу пытался придать своему спутнику вертикальное положение, препятствуя его падению с коня.

— Взять х-хотя бы сегодня, — выпивший все-таки приобнял товарища, но тут же чуть не рухнул вниз, остановленный только его крепкой рукой. — Т-там б-были тааакые крали... а, б-братец? Или... а может, тебе что другое п-по н-нраву, а? У с-старой Хильки и м-мальчики есть. Т-ты т-только скажи...

— О Андрасте, — зло прошипел тот, к кому обращался поддатый всадник, едва успевая подхватить его и не дать завалиться на другой бок. — Фергюс, во имя Создателя, приди в себя! Если матушка увидит нас такими, я сгорю со стыда!

— В эт-том все дело, Ай-дан, — Фергюс глубокомысленно поднял подрагивающий палец вверх. — Т-ты н-не умеешь раз...разе...веле... каться! З-зачем ты т-тогда т-та-аскаешься са...мной на п-прррогулки, хотел бы я зн-нать?

— Да потому что на свои прогулки ты не берешь охраны, — Айдан поймал брата за наплечный ремень и яростно вздернул, на миг снова заставив того сесть прямо. — Отца боишься? А я вынужден ездить за тобой следом и вытаскивать тебя отовсюду, ибо не хочу огорчать нашу матушку и твою несчастную жену твоей проломленной головой... Дыхание Создателя, Фергюс, веди себя потише! Мы уже почти на месте!

Однако опасения Айдана оказались безосновательными. Потратив немало усилий на то, чтобы доставить косящего брата в замок через потайной ход, который они совершенно случайно обнаружили еще в детстве, и, проведя его мимо философски глядящей перед собой охраны, он сдал его с рук на руки жене. Выйдя в коридор, Айдан почувствовал, наконец, неизмеримое облегчение и чувство выполненного долга. С этим чувством он и вошел в собственную комнату напротив.

— С возвращением, милорд!

Айдан поднял глаза. В окно заглядывала девушка, красивая и очень ловкая девушка, если помнить, что покои младшего сына тейррна располагались высоко, и чтобы заглянуть в окно, ей пришлось карабкаться по гладкой отвесной стене. Он мотнул головой и девушка, протиснувшись сквозь деревянную раму, спустилась вниз, цепляясь ловко, будто кошка.

— Рад видеть тебя, Кэйна. Матушка сильно гневалась о нас?

— Госпожа не показывала своего гнева, — помогая возлюбленному снять плащ и распутывая ремни, на которых под ним висело несколько кинжалов, с охотой откликнулась девушка. — Но конечно, она была недовольна. Все знают о строгих нравах замка, и твой брат своими... поездками... на охоту огорчает тейрну. Она... как мне кажется... леди Элеонора

боится, что если милорд Фергюс будет продолжать в том же духе, он бросит тень на всю семью. Хотя, между нами, она зря беспокоится. Люди уважают милорда Фергюса. Он не заносчив, добр, весел и хороший воин. А что до его... прогулок... так ведь он в своем праве. Всем известно, что милорд Фергюс будет тейрном.

Обнаженный по пояс, Айдан подошел к каменной бадье. Не прерывая болтовни, девушка помогла ему обмыться, несколько раз облив из ведра. Затем подала полотенце. Руки их встретились и несколько мгновений они просто смотрели друг другу в глаза.

— Кэйна.

Девушка усмехнулась, шагнув ближе. Теперь она стояла вплотную к сыну тейрна.

— Я люблю тебя, Айдан.

Для того чтобы сблизить лица, Кусланду пришлось сильно наклониться, а Кэйне — потянуться вверх. Поцеловав возлюбленного, Кэйна улыбнулась, откидывая голову назад.

— Ты — настоящий мужчина, Айдан, — она прикрыла глаза, поведя головой. — Быть может, этой ночью... милорд желает чего-нибудь еще?

Айдан опустил руки. Отступил на шаг, молча вглядываясь в лицо Кэйны. Девушка шагнула ближе, попытавшись взять его за руку.

— Что-то не так, милорд?

Кусланд мотнул головой, словно желая стряхнуть невидимые капли воды.

— Повтори, — потребовал он. — Как ты сказала?

— Я сказала? — девушка казалась растерянной. Она снова попыталась подойти к нему, но Кусланд подлял руку в предупреждающем жесте.

— Да, ты... ты что-то сказала. Я...

Он запнулся. Когда он вновь поднял взгляд на Кэйну, его затуманенные глаза все больше обретали ясность.

— Но ведь... ты...

— Айдан, что с тобой? — Кэйна пожала плечами. — Не пойму. Ты же не пил с милордом Фергюсом, нет? Отчего тогда...

— Ты назвала меня настоящим мужчиной, — медленно, словно преодолевая сопротивление одурманенного рассудка, проговорил сын тейрна, глядя в глаза своей возлюбленной. — Но ведь ты... ты так не считаешь. Я... ты... презираешь меня за то почтение, которое я выказываю матери. Да, Кэйна?

Девушка в изумлении подняла брови.

— Должно быть, я ошиблась, милорд. Ты все-таки хватил лишнюю кружку в компании твоего брата.

— Да, это так, — уже увереннее заключил Кусланд, потирая лоб ладонью. — Я слышал об этом от тебя. Дыхание Создателя, почему я не помнил этого раньше? — он шагнул к девушке, беря ее за плечи. — Ты не Кэйна. Кэйну убили солдата эрла Хоу, когда они захватили мой замок. Кто ты?

Кэйна высвободилась. Некоторое время она смотрела на Айана, потом на лице ее зазмеилась ироничная улыбка.

— Я знала, что тебя долго не удержат, — в голосе ее была легкая досада. — Неужели ты не понимаешь? Он выделил тебя. Вместо мучений он подарил тебе покой. Вечный покой. А ты пренебрег его даром. Ты глупец! Когда он узнает, он не будет к тебе так добр, как теперь. Никаких различий с остальными, смертный. Ты будешь принимать те же муки, что и они!

По мере того, как она говорила, Кэйна менялась. Вытягивалось ее лицо, уродливо изламывались очертания фигуры. Весь мир вокруг померк и подернулся дымкой, сквозь разрывы в которой показывался другой, дикий и чуждый мир, состоявший, казалось, из одного только густого зеленоватого тумана. Кэйны уже не было. Перед застывшим Айаном стояла обнаженная рослая демоница с остроконечной головой и горящим взором. Она была в точности похожа на ту, что пала от руки капитана храмовников. Довершали схожесть два витых рога, венчавшие ее лоб.

— Глупый смертный, — она скрестила руки на груди. — Усни, и на этот раз больше не просыпайся!

Айан почувствовал, как виски его сдавило словно невидимым обручем. Мир перед глазами, и прежде колеблющийся и зыбкий, поплыл, увлекая за собой. Стараясь унять головокружение, Страж припал на колено, трясая головой. Демоница шагнула ближе и с улыбкой погладила его по волосам.

— Спи, неугомонный смертный, — она пропустила между пальцев одну из его рыжих прядей. — У нас впереди вечность... Не договорив, демоница вскрикнула, падая на коленопреклонного Кусланда. Они вскочили одновременно. На глаза Айану, в голове которого прояснилось, попалась фигура мага. Маг этот выглядел крайне испуганным, словно сам не верил в то, что натворил. Между его ладоней гасло вызванное пламя.

— Жалкий червяк! — демоница вскинула когтистые руки. — Сейчас ты...

И вновь у нее не получилось договорить. Выхвативший меч Айан полоснул порождение Тени по спине и, провернув оружие в руке, всадил его в тело демоницы — сверху вниз. Демоница захрипела. Несколько мгновений она цапала плечо, словно силясь дотянуться до пронзившего ее тело меча, а потом упала наземь.

Спотыкаясь, маг подошел ближе. Склонившись над демоницей, тронул ее ногой. Айан выдернул свой меч, перевернув убитую им тварь на спину.

— Она действительно мертва, — пробормотал маг, утирая лоб рукавом. — Хвала Создателю!

Они посмотрели друг на друга одновременно. Маг сглотнул.

— Я тебя не знаю, — проговорил он, суетливо разглядывая лицо Айана. — Ты кто?

Кусланд подернул плечами. Станным образом на нем снова был тот самый доспех, в котором он пришел в башню Круга. Все прочее, включая его комнату и весь привычный и знакомый мир, растаяло. Командор Серых Стражей и незнакомый ему маг стояли на небольшом каменном острове, висящем в пустоте. Со всех сторон клубился зеленоватый туман. Приглядевшись, Айан сумел увидеть другие острова, без верха и низа, временами появлявшиеся из зыбкой зеленой мути. В тумане стояла тишина, словно других живых тварей кроме них двоих в нем не водилось.

— Где мы? — вместо ответа, медленно спросил Айан.

Маг махнул рукой, и присел на вздыбившийся неподалеку скальный выступ.

— В Тени, — невнятно пробормотал он. — Где ж еще. Правда, я сам это понял только несколько мгновений назад, когда сила этой твари ослабла, и мне удалось проснуться.

— Это — Тень? — Айан с искренним изумлением подошел к обрывавшемуся в пустоту краю острова и осторожно взглянул вниз. Потом — вверх. Убедившись, что соседних островов разглядеть не удастся, он вернулся к невольному товарищу по несчастью. — Как мы здесь оказались?

Тот еще раз махнул рукой.

— Не знаю, кто ты и как здесь оказался, а меня поймал демон Праздности, когда я доставал из хранилища Литанию Адраллы. Он усыпил меня и увел мою душу в Тень. Вот собственно, и все.

Айан еще раз взглянул в потерянное лицо мага и подумал, что лежавшее у ног одержимого тело могло принадлежать ему.

— Я — Серый Страж. Мы также пытались достать Литанию.

— Страж? — маг поднял голову и оглядел Кусланда с некоторым интересом. — Ваши уже приходили в башню какое-то время назад. Вам опять потребовались люди?

— Да, — не стал вдаваться в подробности Айан. Впрочем, магу этого показалось достаточно.

— Тогда тебе не повезло. Придется смириться, что ты останешься здесь навсегда.

Кусланд дернул щекой.

— Зачем мы вообще потребовались демону? Почему он нас не убил?

Маг пожал плечами.

— Такие, как он — не убивают, — равнодушно пояснил он. — Они набирают души смертных, и заставляют их переживать самые острые воспоминания из их жизней. Как мы, маги, черпаем силу из Тени, так и демоны такого порядка пьют наши чувства. Они пьют любые чувства, но больше всего любят страдания, страх или боль. Поэтому... большая часть воспоминаний здесь... приносит муку. Айан вспомнил слова демоницы, и ему многое сделалось понятным.

— А почему он отдал нас ей? — он кивнул на скорчившееся тело создания Тени. — Если унес наши души для себя?

— Должно быть, она — вроде сторожевой собаки, — на демоницу товарищ по несчастью даже не взглянул. — Демон низшего порядка и в подчинении у нашего. Это она заставляла нас видеть сны для него.

Кусланд хмыкнул.

— Есть какой-то способ уйти отсюда?

— Убить демона Праздности, — маг в третий раз махнул рукой и подпер ею голову. — Если сумеешь до него добраться. Но сделать это нужно до того, как он покинет мир смертных и вернется в Тень. Только его сила удерживает нас здесь. Если она иссякнет — мы проснемся.

— Как же его убить, если он — в наше мире? — не понял Кусланд. Маг покивал головой, будто соглашаясь.

— Он — в нашем мире, но тень его — здесь. Если найти ее и убить — он погибнет везде. Также как если умрем здесь — умрем и в нашем мире. Не пытайся вникнуть, просто поверь. Это долго объяснять, но это так.

— Хорошо, — Кусланд прошелся взад-вперед, поглядывая в зеленый туман. — Будь по-твоему. Как нам добраться до него? Маг рассмеялся.

— Ты в самом деле думаешь, что сможешь убить одного из высших демонов Тени мечом?

— Увидим, — Кусланд проверил, хорошо ли оружие покидает ножны. — Так как мне попасть к этому демону?

Вместо ответа маг поднялся и пошел куда-то за нагромождение камней. Последовав за ним, Айан вышел на неширокую площадку на другой стороне их острова. Отсюда плававшие в тумане другие острова казались как будто ближе. Маг указал на постамент, выглядевший

как чаша на высокой ножке.

— Ты спрашиваешь меня, как попасть к демону. Должно быть, с помощью вот этого. Но как именно — я не знаю.

Айан подошел ближе, рассматривая чашу. Внутри были выгравированы четыре точки, а между ними — пятая, побольше. Все точки соединялись бороздками в металле, более всего напоминавшими лучи.

— Смею думать, что каждая точка, это — остров, — задумчиво изучая рисунок, предположил маг. — Такой же, как наш. Обычно... — он запнулся, как будто вспоминая что-то. — Обычно у каждого высшего демона своя территория, где он разрешает находиться демонам помладше, если они служат ему. Если верить рисунку, у нашего демона пять островов. Четыре мелких и один главный. Должно быть, тень демона — вот здесь, — он указал пальцем в середину чаши.

Кусланд склонил голову, прислушиваясь. В словах мага был резон. Впрочем, кому, как не магу, было что-то знать о Тени.

— Есть какой-то способ попасть на тот остров..?

— Ниалл, — правильно догадавшись о смысле паузы, доверился маг. — Зови меня просто Ниалл. Я не из знатных.

— Айан, — в свою очередь представился Страж. — Так что там с дорогой, Ниалл?

Тот внимательнее склонился над чашей, пощупал изнутри пальцем, даже заглянул под дно.

— Здесь должен быть какой-то источник энергии, — наконец произнес он довольно неуверенно. — То есть его нужно поместить в чашу, чтобы попасть на соседний остров. А чтобы в центр... смотри, здесь лучи толще. Значит, чтобы попасть в центр, нужны такие источники для каждого постамента на всех четырех островах.

— Незадача, — Командор Стражей покачал головой. — Здесь мы никакого источника не найдем. Хотя... демоница как-то перемещалась между островами?

Ниалл и Айан переглянулись.

— Я... не уверен, нужно ли демонам что-то, чтобы перемещаться в Тени, — наконец, проговорил маг.

— Пойдем к ней.

Скоро оба они стояли над демоницей, с сомнением ее разглядывая. Если она чем-то пользовалась для перехода между островами, теперь при ней этого не было.

— Я знаю, что демоны — сами по себе — сгустки энергии, — неуверенно предположил Ниалл, спустя какое-то время, продолжая разглядывать мертвое порождение Тени. — Те формы, которые они изыскивают для плоти — наносное. В то время как сердцевина, там, внутри...

— Ты хочешь сказать, что сердце демоницы — то, что нам нужно? Открой глаза, добрый маг, она уже сдохла! Хвала Создателю.

— Все так, — Ниалл покивал, задумчиво глядя на демоницу. — Но может статься, со смертью твари сердцевина не сразу утрачивает свои свойства, угасая лишь со временем...

Кусланд поднял брови, явно изумляясь бредовости этого предположения, но вслух ничего не сказал. Вместо этого он вытащил засапожный нож и всадив его в грудь демоницы, распорол ее от шеи до ребер.

— Ты прав, — сунув руку в разрез, сообщил он спустя какое-то время. — Здесь что-то есть. И оно горячее.

Рванув, он вытащил сочащееся соками сердце демоницы, более всего напоминавшее живой камень. То затухая, то снова возгораясь, оно пульсировало горячим красным светом.

— Я был прав! — в восторге вскрикнул Ниалл, принимая его в ладони. — Оно еще живое, и в нем достаточно энергии, чтобы оживить тот переходник, я уверен. Идем, скорее!

Он почти бегом бросился на другой конец острова. Вытирая руку о бедро, Айан пошел за ним. Обогнув скалы, он увидел мага, благоговейно укладывавшего обтертое сердце порождения Тени в чашу. Сердце оказалось слишком велико, и не помещалось в желоб. В конце концов, Ниалл, не мудрствуя, просто положил его сверху и отошел, наблюдая, как постепенно чашу охватывает красноватое пульсирующее свечение.

— Что теперь?

Ниалл заглянул в чашу. Свечение охватило все четыре точки. Но пятая, приподнятая в центре над другими, оставалась не охваченной свечением. Осторожно дотронувшись до нее, маг обернулся к Стражу и потерянно покачал головой.

— Не работает. Не хватает энергии, чтобы создать соединение с главным островом... если, конечно, мы все сделали правильно и это вообще возможно.

— А что насчет других островов? — Кусланд скептически взглянул в чашу. — Ты говорил, нужно по сердцу на каждый пьедестал. Мы можем попасть на эти острова? Со мной были еще двое братьев по Ордену и храмовник. Быть может, они там?

— Наверняка, — Ниалл пожал плечами. — Хочешь попробовать, Страж?

Получив утвердительный кивок, Ниалл одной рукой взял Айана за запястье.

— Чтобы нас не рассеяло в пространстве, — непонятно пояснил он, другой рукой прикасаясь к одному из изображений острова в чаше.

На этот раз все получилось. На миг зеленоватый туман вспыхнул перед глазами Кусланда ослепительной белой вспышкой, а затем вновь возвратился в стоячую мутно-зеленую пелену. Айан пришел в себя стоящим на четвереньках и трясущим головой. Рядом с ним на камнях лежал маг, прикрывая глаза.

— И что — и все? — с трудом проморгавшись, хрипло спросил он.

Айан поднялся на ноги. Вокруг по-прежнему был все тот же туман, и все тот же камень под ногами. Однако, очертания острова, на котором они стояли, сильно переменились. Вне всякого сомнения, это был не их остров. Они оказались где-то еще. Внезапно Ниалл вцепился в руку Айана, указывая куда-то вперед.

— Тут действительно кто-то есть, — его голос звучал приглушенно. Посмотри туда, Страж!

Кусланд не сразу понял, на что указывал ему маг. Мигом позже он увидел впереди колыхавшееся марево, бывшее гуще и плотнее прочего зеленого тумана Тени. Ниалл отпустил его руку и зябко повел плечами.

— Должно быть, это сон какого-то несчастного. На этом острове также правит демон, как на нашем правил демон желания.

— Тогда пойдем, и освободим его пленника!

— Не все так просто, Страж, — Ниалл едва успел схватить за плечо шагнувшего вперед Айана. — Прошу, выслушай меня. Демона прошлого острова мы одолели попросту из-за внезапности. Она не могла поверить, что кто-то вроде меня осмелится напасть на нее. Здесь мы должны действовать так же. Если демон почует наше присутствие раньше, чем мы нападём — все может закончиться плохо.

Кусланд дернул щекой.

— Ты маг, кому, как не тебе знать повадки демонов. Сделаем, как ты сказал. А где искать этого... хозяина острова? Он не мог нас уже почуять?

— Если он увлечен сном своего пленника, он нас не почует, пока мы не нападём, — молодой маг бросил взгляд в сторону колеблющегося марева. — Он будет играть роль одного из теней сна. Нам нужно догадаться, какую, до того, как он прознает о нас в творимой им грезе.

Кусланд поднял брови, качая головой. В этом стоячем зеленом мареве удерживать мысли ясными становилось все сложнее, и слова мага в этом ему не помогали. Наоборот, слушая Ниалла, он все меньше понимал, о чем тот говорит.

— Идем, — оборвав путанные объяснения, повелел он. — Найдем демона и покончим с этим скорее.

— Только, во имя Создателя, осторожнее, Страж!

Положив руку на рукоять меча, Кусланд глубоко вдохнул и шагнул в густой туман. Он ожидал, что пелена плотного воздуха забьет дыхание, но этого не произошло. Напротив, в лицо ему пахнуло морозной свежестью горных вершин. Зеленый туман пропал, пропала сама колеблющаяся реальность Тени, являя разительный контраст с тем, что окружало его теперь. Айан стоял на покрытой инеем жухлой траве. В десятке шагов перед собой он увидел маленькую деревянную хижину, которая тулилась к крутому каменному откосу. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались горные хребты, сколь величественные, столь и

непроходимые. К хижине вела только одна едва приметная тропа вниз по крутому склону. Больше отсюда дорог не было.

Перед хужиной работал крепкий человек, несмотря на морозный воздух, раздетый по пояс. Его горбоносое лицо и вьющиеся, черные как смоль волосы, явно выдавали выходца из Вольной Марки. Или, во всяком случае, бывшего с марчанами в родстве. Человек размеренно и без видимого усилия поочередно раскалывал деревянные чурки большим древотесным топором, откидывая уже готовые в сторону. Чуть поодаль красивый черноглазый юноша, чем-то неуловимо походивший на мужчину, полоскал белье в большой мыльной лохани. Рядом с ним девочка, почти совсем еще ребенок, увязывала прутья в веник. Жесткие прутья не слушались детских пальцев, не желая связываться узлом, но девочка с сосредоточенным видом, раз за разом собирала их обратно и пыталась затянуть грубой бичевой. Ее растрепанные черные, как вороново крыло, вьющиеся волосы были в точности, как у отца. Черты обоих детей были на редкость правильны и несли отпечаток благородства. Так, во всяком случае, показалось Айану, который пристально наблюдал за семейством.

— Смотри, Страж, — Ниалл материализовался рядом незаметно, заставив Кусланда вздрогнуть. — Мы должны понять, кто из них демон раньше, чем он...

— Дайлен! — резко вскрикнул тем временем мужчина, откидывая потные волосы со лба. — Ты решил оставить нас без ужина?

Юноша вскочил и, на ходу вытирая руки о свисавшую из кармана тряпку, кинулся к сложенной под навесом печи. Раздув пригасшие угли, он принялся ловко подкладывать дрова под булькавший закопченный котел.

— Почти готово, отец, — попробовав варево, сообщил он, возвращаясь к лохани. — Скоро будем есть. О Андрасте, Солона, — Дайлен отобрал у сестры наполовину вытянутую из лохани сорочку, и, раздраженно морщась, принялся оттирать детские руки от мыльной пены. — Иди, поиграй где-нибудь еще!

Айан шагнул ближе. Теперь его никак нельзя было не заметить, однако, семейство продолжало заниматься своими делами, не обращая на нежданного гостя никакого внимания.

— Кто-то из них спит, — хрипло прошептал молодой маг, держась рядом со Стражем. — Спит и видит сон. Что-то из своего прошлого. Нас в этом прошлом нет, потому они не видят нас. Ни спящий, ни его сторожевой демон... пока. Чтобы спящий нас увидел, нужно его разбудить.

— Я знаю, кто из них спящий, — Кусланд поднял руку, указывая на юношу, старательно намывавшего в лохани белье, и откладываявшего чистое в деревянное корыто. — Дайлен Амелл, мой брат по Ордену. Должно быть, он видит сон об очень давнем прошлом. Здесь он совсем юн.

— Амелл? — маг сощурился, всматриваясь в черты Дайлена. — Не его совсем недавно забрали из башни Серые Стражи? Значит, он выжил?

— Да, — Кусланд внимательно переводил взгляд с лица мужчины на ребенка, силясь понять, кто из них был мучителем Дайлена. — Послушай, — вспомнив слова верховного демона, негромко обратился он к Ниаллу. — Кто такой стихиарий?

— Стихиарий? — в свою очередь удивился тот. — Почему ты спрашиваешь?

— Демон назвал так Дайлена, — не стал скрытничать Командор. Ниалл с сомнением покачал головой.

— Стихиарий — это маг, которому не нужно тратить свои запасы прочности,

связывающие с Тенью, и именуемые маной, дабы управлять стихиями, — невнятно пояснил он. — Стихиарии, как и сновидцы сомниари, рождаются редко, очень редко, и очень могучи. Настолько, что некоторые... еретики считают стихиариев избранниками Создателя, наделенными его силой, дабы нести его волю. Все это, конечно, неправда. Правда то, что стихиарии обладают огромным могуществом, источник которого неиссякаем, и крайне опасны. Последний стихиарий с величайшими потерями среди храмовников был сожжен почти двести лет назад. Дайлен... нет, быть не может. Никогда не замечал за ним ничего подобного. Он слабый маг. Демон ошибся.

Кусланд не ответил. Он смотрел на Дайлена, удивляясь тому, что с такой легкостью могло сотворить с человеком искажение Тени. Зная истинный возраст и облик Амелла, Айан продолжал видеть его юным, словно это на самом деле было так. Несмотря на то, что он не был ни мудрецом, ни книжником, такое не могло не вызывать интереса.

Отец Дайлена внезапно резко выпрямился. Не выпуская топора, он шагнул в сторону дороги, прикладывая ладонь к глазам. А затем стремглав бросился в дом.

Обернувшись, Айан увидел группу из семи храмовников, быстрым шагом поднимавшихся по горной тропе. В цели их путешествия сомневаться не приходилось — кроме плато, на котором стояла хижина Амеллов, больше дороги никуда не было. Дайлен вскочил. Даже издали было видно, какой смертельной бледностью покрылось его лицо. Торопившиеся храмовники не успели еще добраться до двора перед хижинкой, когда старший Амелл выбежал обратно. В одной руке он держал длинный меч хорошей стали. Другой продолжал крепко сжимать все тот же топор.

Идущий впереди старший из воинов Церкви поднял руку. Храмовники рассыпались цепью, перекрывая все пути к побегу. Теперь, когда на их дороге встал вооруженный человек, они сделались осторожнее. Впрочем, в своих силах рыцари Церкви были уверены. И не безосновательно.

— Марк Амелл, — когда до отца Дайлена и Солоны оставалось не больше десяти шагов, старший храмовник сделал своим людям знак остановиться. — Ты обвиняешься в укрывательстве мага-отступника. Вместо того чтобы, как полагается честному человеку, заявить о маге, едва только сделалось известным о его порочной связи с Тенью, ты взялся укрывать его, чем подло попрал законы Церкви. Такой проступок карается рудниками с конфискацией всего имущества. Что ты можешь сказать в свое оправдание? Марк Амелл стиснул зубы.

— Я не собираюсь оправдываться перед вами, — он резко мотнул головой, отбрасывая мокрые волосы назад. — Будьте вы прокляты! Вы говорите о моем сыне. Проваливайте, говорю вам, откуда пришли. Я его не отдам!

Старший храмовник снял шлем, взяв его подмышку. Лицо его, неожиданно благообразное, в противоположность словам, выражало ласковую укоризну.

— Ты словно одурманен, Марк, — он шагнул ближе, меняя тон. — Подумай, разве не тлетворное это влияние той забавы демонов, что ошибочно именуешь ты своим сыном? Может ли истинный последователь Андрасте говорить так, как ты? Я скорблю о твоей утрате, но у тебя больше нет твоего первенца. Остался лишь порочный сосуд, вместилище для порождений Тени, что только и ждут, чтобы через него выбраться в мир смертных, и нести разрушения и горе! Позволь нам забрать его миром. Клянусь, я пощажу твою жизнь.

Амелл мрачно ухмыльнулся. Меч он по-прежнему держал вытянутым перед собой, не подпуская никого к дому, где за его спиной кусавший губы Дайлен сжимал руку

вцепившейся в него сестры.

— Ты за идиота меня держишь, храмовник? Думаешь, я ничего не знаю о Тени? Я знаю о ней побольше твоего. Прошло уже два года! Два года кошмаров! Он сам победил своих демонов и отогнал опасные сны. И за все время не сотворил ни одного магического действия. Он не опасен!

— Если позволите, сэр, — Дайлен запнулся, справляясь с дрожью в голосе. — Демонов в Тени можно победить без помощи магии. Я убил троих мелких, используя лишь те приемы, которым научил меня отец...

— Заткнись, Дайлен! — Марк Амелл поудобнее перехватил меч, не спуская глаз с окруживших его храмовников. — Бери сестру, и запритесь в доме. Живее!

— Ты совершаешь ошибку, Марк, — храмовник горестно покачал головой, и вдруг швырнул шлем в Амелла.

Тот успел пригнуться, и, приняв выпад меча на топорище, отшвырнул рыцаря от двери. Храмовники молча бросились на него — как хорошо обученные псы на злого, поджарого волка. Марк Амелл сражался яростно и умело, не подпуская никого к своему дому. На лице его застыло раздраженно-обреченное выражение, иступленное и ужасное в своем бешенстве. Ему удалось поразить трех из семи своих врагов, когда клинок старшего храмовника, наконец, нашел свою цель. Не нужно было быть мастером меча, чтобы знать наперед исход этого поединка.

Кусланд шагнул еще ближе. Вне всяких сомнений, демон был среди храмовников. Однако сосредоточиться на том, чтобы понять, кто именно, ему помешал Дайлен. Выскочив из-за двери, юноша упал на колени рядом с неподвижно лежавшим в траве отцом. По его лицу бежали слезы.

— О Создатель! — не обращая внимания на подступавших к нему храмовников, Дайлен положил мгновенно окутавшийся синеватым свечением ладони вокруг рваной раны на груди отца, не замечая, или не желая замечать, что тот был уже мертв. — Я сейчас, сейчас...

— Сэр Колин! — один из храмовников тронул за локоть старшего. — Брат Октавиан серьезно ранен. Братья Лут и Родерик истекают кровью.

Старший обвел взглядом своих людей. Двое раненых Марком Амеллом храмовников оставались на ногах, безуспешно пытаясь остановить кровь, зажимая руками порезы. Еще один лежал у стены дома. На губах его пузырилась кровавая пена. Над ним на коленях стоял еще один рыцарь. Взгляды старшего и коленнопреклонного храмовников встретились, и последний покачал головой. Дернув щекой, старший пересек пространство, отделявшее его от уткнувшегося в тело отца рыдающего отступника и, схватив того за плечо, резким движением вздернул на ноги.

— Оставьте меня! — размазывая слезы, выкрикнул Дайлен, пытаясь вырваться из хватки железных пальцев. — Оставьте! Мерзавцы! Негодяи! Ублюдки!

Сэр Колин выпустил его плечо и, не размахиваясь, вцепился в крепкую затрещину. Охнув, молодой отступник не удержался на ногах, припав на колено и держась за щеку. Храмовник снова рванул его вверх, и ударил по другой щеке.

— Слушай меня, щенок, — удерживая голову юноши за затылок, он приблизил его лицом к себе. — Сейчас ты воспользуешься своим греховным талантом, и вылечишь братьев, которые пострадали из-за твоего папаши. Живее, мразь, или, клянусь, я сожгу тебя живьем!

Он выпустил отступника. Отступив на шаг, Дайлен вскинул голову, обводя глазами стоявших вокруг рыцарей Церкви, которые держали мечи наготове. Его заплаканное

разбитое лицо комкала гримаса ненависти.

— Я не буду помогать убийцам моего отца, — он закусил губу, выдерживая взгляды храмовников, устремленные на него с разных сторон. — Убили его, убейте и меня! Будьте прокляты... вы... вы все...

Он снова разрыдался, закрывая лицо руками. Из-за двери хижины вышла Солона и, остановившись рядом с плачущим братом, устремила взгляд на тело отца. Выражение ее миловидного худенького лица было недетски скорбным и отрешенным.

Старший храмовник еще раз оглянулся на умирающего. С внезапно всколыхнувшейся в душе яростью подскочил к Солоне и, оторвав ее от брата, отшвырнул в сторону дома.

— Ну что? — глядя в лицо оторопелому Дайлену, который от неожиданности даже перестал плакать, зло поинтересовался он. — Ты не дорожишь своей жизнью, а как насчет нее? Мы сейчас уйдем и уведем тебя, а ты подумай, что станет с нею, если мы не возьмем ее с собой?

Юноша затравленно озирался в окружении храмовников. Солона осталась сидеть на земле там, где упала. Ее темные глаза, не отрываясь, смотрели теперь на сэра Колина.

— Она ведь просто маленькая девочка, — выговорил, наконец, Дайлен, кусая губы до крови. — Неужели вы... служители Церкви, можете так поступить?

— Делай, что велено!

Некоторое время они стояли друг напротив друга — старый рыцарь и юный маг, сверля друг друга взглядами — полным ненависти с одной стороны и злого бессилия — с другой. Наконец Дайлен поморщился, как от боли, опуская голову.

— Я... не уверен, что смогу. Отец запрещал мне творить любую магию.

Старший храмовник сложил на груди руки.

— Подумай о своей сестре. Если ты не сможешь — она останется здесь.

Юноша не ответил. Стараясь не смотреть на тело отца, он подошел к умирающему храмовнику и присел рядом. Ладони его окутались синеватым свечением.

— Создатель, помоги мне! — едва слышно пробормотал он.

Внезапно свет померк. Кусланд очутился в крошечной тьме. Даже свежий горный воздух сменился на затхлый дух подземелья.

— Сон кончился! Почему ты не ударил, Страж? — раздался где-то рядом яростный шепот Ниалла, про которого Айан уже успел позабыть. — Главный храмовник и был демоном, это же ясно, как день!

Ответить ему Кусланд не успел. Сон Дайлена продолжался, вспыхнув вокруг них иной реальностью. Теперь это был сумрак коридоров башни Круга. Амелла Айан увидел сразу. Молодой маг был таким, каким привыкли его видеть товарищи, разве что одет не в пожалованный ему эрлессой гномий доспех, а в мантию Круга. Дайлен стоял, прижимаясь спиной к стене одной из ниш, а над ним нависал рослый светловолосый храмовник. Лица рыцаря видно не было, так как к непрошеным гостям он был повернут спиной, но его низкий хрипловатый голос был хорошо знаком им обоим.

— ... шут знает, что такое! Я закрываю глаза на многое, за что в других Кругах магов приговаривают в лучшем случае к Усмирению. Так это или не так, ты, мерзавец?

— Так, сэр.

— Но тебе должно быть известно, что рыцарь-командор Грегор не столь лоялен. Он не знает всех вас так, как знаю я. Кто по-настоящему опасен, а кто — просто играет в игрушки. Малейшее отступление от правил Круга в его глазах — преступление! Ты знаешь об этом?

Отвечай, камень тебе в глотку!

— Знаю, сэр.

— Тогда какого лысого демона вы с Йованом так неосторожны? — шепот капитана храмовников делался все яростнее. — Кто просил твоего дружка попадаться на глаза самому Грегору с вашей запретной магией? Я знаю, что это в задницах у вас детство играет, но он-то нет! Он приговорил Йована к Усмирению. Завтра. Утром.

Дайлен вскинул на него глаза и тут же опустил их. На его щеках заиграли желваки.

— Это не все, — похоже, вовсе не удивленный молчанием мага, продолжал храмовник. Он шагнул ближе, сократив расстояние между собой и Амеллом до предела. — Перед Усмирением будет допрос. После него в голову даже нашего недалекого рыцаря-командора могут закрасться сомнения, как Йован мог постичь хотя бы азы малефикарума в одиночку. Ты понимаешь, что это значит для тебя?

Дайлен молчал. Хосек склонился к его лицу.

— Он обязательно тебя выдаст.

Продолжая молчать, Дайлен угрюмо смотрел в пол. Глаза его выцветали белым, выдавая крайнее замешательство.

— Но ведь допрос можно провести по-разному, Дайли, — немного другим тоном, чем раньше, заговорил рыцарь. Молодой маг теперь не отрываясь смотрел на него. — Йован может расколоться в первые же минуты. А может... проявить неожиданную твердость.

Амелл промолчал и в этот раз. Храмовник отодвинулся, но только для того, чтобы сгробастать его за плечо и с силой швырнуть об стену.

— Старик Грегор устроил мне сегодня тьма знает, какой разнос, — зло сообщил он, глядя в глаза Дайлену, который успешно прятал свой испуг под маской вежливой сдержанности. Только побелевшие губы мага выдавали его истинные чувства. — Будто бы в Круге творят малефикарум, а мне об этом не известно. Хотел бы я знать, почему я должен сносить такое из-за молодого выскочки, который считает себя умнее других, и... не получать ничего взамен?

Дайлен вздрогнул, отстраняясь от склонившегося к нему храмовника. Видимо, последнее придало ему сил для неоднозначного ответа.

— Благодарю, что вы меня предупредили, сэр. Сочувствую вам, сэр. Обещаю, что постараюсь быть осторожнее. И... уже поздно. Если... если у вас все, разрешите мне вернуться в спальню.

Хосек выпрямился. Его лицо исказилось.

— Ты что, намеренно издеваешься надо мной? — гаркнул он в сердцах. Дайлен шарахнулся, но деться в узкой нише ему было некуда. — Я прикрываю вас, недоразумения, не просто так. Каждый из магов чем-то мне полезен. Только от тебя никакого прока. Но я все равно позволяю играть в игрушки и до последнего выгораживал тебя перед Грегором. Знаешь, почему?

Молодой маг смотрел в сторону. Стремясь скрыть дрожь в руках, он скрестил их на груди.

— Знаю, сэр, — едва слышно ответил он. Хосек удовлетворенно кивнул.

— Хвала Андрасте, мы добрались до главного, — он подцепил подбородок мага, заставляя того поднять голову. — Все, игры кончились, Дайли. Я не хочу рисковать своим местом просто так. Мне еще предстоит вытаскивать хотя бы одного тебя из того дерьма, куда вы с Йованом так упорно суетесь. Но на этот раз, — его рука соскользнула с подбородка на

плечо Дайлена. — Ты мне заплатишь. Сначала — за разнос от Грегора.

Амелл перехватил руку храмовника у самого своего лица. В намерениях капитана сомневаться не приходилось. Другой рукой рыцарь крепко держал мага за плечо, не давая тому отстраниться.

— Не трогайте меня, сэр, — тихо предупредил Дайлен. Руку храмовника он по-прежнему удерживал за запястье, не давая себя коснуться. — Я... я... это... неправильно. Это противно Создателю.

— Противно Создателю? Противно Создателю?? — Хосек вырвал, наконец, свою руку и вдруг наотмашь ударил мага по щеке. — Я скажу тебе, что противно Создателю! Та мерзкая магия крови, которой, поправ все заветы Андрасте, занимаетесь ты и твой дружок! Хватит, наболтался. Теперь заткнись и не... не мешай мне! Я сказал, стой смирно, щенок! Неблагодарный ублюдок...

— Такое часто случается? — мрачно поинтересовался Кусланд, кивая в сторону сновидца и его мучителя. Несмотря на то, что, казалось бы, теперь демон был более, чем очевиден, Айан колебался. Что-то подсказывало ему, что все было не так просто. Хосек мог также угодить в плен к демону праздности, и виденный им сон мог принадлежать не магу, а храмовнику. Сбрасывать со счетов этого не следовало.

— Не часто, — тем временем удивил его Ниалл, с непонятной гримасой взирая на разыгрывавшуюся сцену. — Но случается. Обычный способ расплатиться с храмовником за услугу с его стороны. Бывает, что это по взаимному согласию. Но, как правило... все происходит вот так.

— Но ведь Круг — это святилище, а не тюрьма.

Ниалл криво усмехнулся.

— Храмовники так же заперты здесь, на пустынном острове, вдали от людей, как и маги. У них оружие, но они — такие же заключенные. Им целыми днями бывает нечего делать, только пялиться на нас в коридорах. Не удивительно, что они находят свои развлечения в издевательствах и насилии. И то... в здешнем Круге капитан следит за тем, чтобы ничего не было сверх меры. В других Кругах... маги очень часто убивают себя, не в силах вынести...

Кусланд махнул рукой, делая ему знак не продолжать, и вытащил меч. Он шагнул вперед, но всадить его в зарвавшегося демона не успел. По коридору послышались тяжелые бряцающие шаги, и спустя миг из темноты вышел крепкий молодой храмовник. Заметив стоявших в темноте, он быстро подошел к ним, хлопнув Хосека по плечу.

— Что здесь происходит? — недовольно и требовательно спросил он. Хосек обернулся, для чего ему пришлось выпустить плечи Амелла.

— Капитан? — в безмерном удивлении пробормотал вновь подошедший. Мимо воли его взгляд скользнул по спешно оправлявшему мантию магу, лицо которого даже во тьме казалось злым и очень несчастным. — Но...

— Что ты здесь делаешь, брат Каллен? — в голосе Хосека вновь слышались властные нотки. — Какого демона ты не на посту?

— Я... я услышал шум, — тот, кого звали Калленом, казался смущенным. — Капитан, объясните. Что вы делаете здесь с этим магом?

Некоторое время Хосек насмешливо разглядывал своего подчиненного, заставляя того чувствовать себя все более неловко из-за того, что тот явно не знал, как ему следует поступить.

— Иди на место, брат Каллен, — наконец приказал начальник, делая указующий жест рукой. — Ты покинул пост. Это нарушение устава. Очень серьезный проступок. Так можно и вылететь без права перевода. В какую-нибудь Создателем забытую деревню. До конца жизни.

Каллен стиснул зубы. Его решимость разобраться со всем явно начала слабеть. Он бросил еще один неуверенный взгляд на прятавшегося в нише мага.

— Сэр Каллен, — негромко попросил Амелл. — Пожалуйста, не уходите.

Хосек усмехнулся, показав крепкие зубы. По-видимому, ситуация, только что раздражавшая, начинала его забавлять.

— Долго собираешься здесь топтаться? — он нетерпеливо дернул головой, указывая на что-то в стороне. — Возвращайся на свой пост. Нам с магом еще нужно... потолковать.

Молодой храмовник посмотрел в указанную сторону, потом на неотрывно глядевшего на него Амелла, и вдруг решил.

— Нет, капитан, — он шагнул ближе. Его рука непроизвольно легла на рукоять меча. — Ваши действия подпадают под категорию...

Дослушать никому не довелось. Воспользовавшись тем, что храмовник ослабил хватку, Дайлен с силой оттолкнул его в сторону и, пробежав мимо Каллена, стремительно исчез в темноте. Ослепительно вспыхнув напоследок, мучительный для него сон погас.

— А это интересно, — пробормотал из темноты Ниалл. Кусланд не мог его видеть, но слышал дыхание. — По башне ходило много слухов относительно причастности Дайлена Амелла к побегу Йована, но никто в точности не был уверен, что оба они занимались магией крови. Многие полагали, что Амелл попросту сделался жертвой оговора...

Реальность вновь вспыхнула вокруг них темными коридорами башни Круга. Дайлен Амелл подошел к высокой двустворчатой двери, у которой мирно дремал храмовник и, беззвучно приоткрыв ее, проник в большую спальню. Тихо и стремительно пройдя несколько пролетов с двухъярусными кроватями, он остановился перед одной из последних. Нижний матрац был не занят, зато на верхнем умиротворенно посапывал Йован.

Прикрыв товарищу рот, Дайлен бесцеремонно сдернул его с кровати, и, убедившись в том, что его узнали, вlepил Йовану затрещину. Дождавшись, пока тот, схватившись за щеку, переждет боль, ударил еще раз, вложив в удар все обуревавшие его чувства.

— Дайлен! Что за...

— Собирайся, живее, — стреляя выцветавшими белым глазами по сторонам, яростным шепотом приказал Амелл. Вокруг вроде бы все пока было тихо. — Мы уходим из башни, этой ночью, сейчас. По дороге расскажешь, как мог Грегор видеть тебя, творящим магию крови!

Йован открыл рот и захлопнул, кидаясь куда-то под кровать. Через несколько мгновений он вытащил два тощих мешка, один из которых протянул товарищу.

— Но как...

— Я же сказал, объяснишь сам! — Дайлен шарил под матрацем, стараясь, чтобы не было слышно даже шуршания простыней. — Но не теперь. Сейчас нужно тихо и незаметно уйти до того, как нас хватятся. Я сбежал от Хосека. Он в любой момент может решить, что отпускать меня не следовало, и явится сюда.

Амелл, наконец, нашел, что искал. Тугой мешочек, набитый монетами, перекочевал к нему за пазуху. Маги вышли из спальни и, прокравшись мимо спящего храмовника, почти бегом припустили только им известным путем.

Внезапно Йован остановился и придержал за локоть товарища. Обернувшись к нему, Дайлен поймал умоляющий взгляд.

— Я... не сердись, друг. Мне нужно попроситься с Лили. Знаю, знаю, — поспешно пробормотал неудачливый малефикар, косясь на поворот, за которым они оставили очередного не страдавшего бессонницей рыцаря Церкви. — Но если я уйду, не увидев ее... пусть уж лучше усмиряют!

— Да уж, может, для всех так было бы лучше, — скрипнув зубами, согласился Амелл, доставая длинный кусок толстого стекла, при большой необходимости могущий сойти за оружие. Зная Йована, он был осведомлен о непрошибаемом упрямстве последнего, особенно тогда, когда это меньше всего было нужно. — На, держи. Встретим храмовника — усыпишь. Сам!

— О Создатель, это на самом деле очень интересно, — Ниалл, уже не настаивая на нападении, внимательно следил за событиями сна Амелла с неослабевающим любопытством. — Они действительно хотели бежать сообща. Прощу, Страж, дай досмотреть, каким именно образом!

Кусланд промолчал. Ему тоже хотелось досмотреть сон Дайлена до конца. Угрюмый и скрытный маг почти ничего не рассказывал о себе, и о многом Айану приходилось только догадываться. Знакомство с Йованом оставило по себе множество вопросов, ответа на которые от Дайлена дожидаться не приходилось. Соблазн увидеть все своими глазами был слишком велик.

Между тем, оба мага добрались до женских спален. Здесь стража у дверей бодрствовала. Выглянув из-за угла, и убедившись в этом, Йован аккуратно спустил с плеча свой мешок. Присев на корточки, он проколол себе палец и начертил кровью на полу несколько знаков. Когда он дописал последний, символы внезапно поднялись в воздух и растворились, сделавшись красноватым туманом. Стоявшие у дверей рыцари Церкви грузно осели на пол.

— Идем, — Йован поднял с пола мешок и закинул его на плечо. — Нужно чтобы кто-то постоял на страже. Чтобы нас не застигли врасплох.

Дайлен остался под дверью, а Йован скользнул внутрь. Спустя короткое время он вышел обратно в сопровождении невысокой полноватой девушки в одеждах послушницы. У девушки на плече висела большая холщовая сумка.

— Что? — не понял Амелл, глаза которого беспрерывно вспыхивали сине-белым, выдавая сильное волнение. — Что еще?

— Лили, — явно тушуясь, объяснил Йован, влюбленными глазами глядя на свою избранницу. — Идет с нами.

— Что??

— Я не буду вам обузой, — послушница отважно тряхнула челкой. — Обещаю...

Дайлен бешено посмотрел на Йована, собираясь, по-видимому, высказать все, что у него накопилось, но не успел. Откуда-то послышался топот ног, и на узком пяточке перед комнатой появилось еще несколько действующих лиц. Рыцарь-командор Грегор в сопровождении капитана Хосека, рыцаря Каллена и четырех других храмовников не дошел до незадачливых беглецов на полдесяток шагов. Рядом с ним худой высокий старик с умным, но испытанным лицом и сизым носом впечатляющих размеров скрестил на груди руки. На старике была мантия мага, но не такая, как на Йоване, Дайлене или даже Ниалле, а гораздо богаче, хотя и сильно поношенная. По другую сторону от Грегора притулился юный эльф в робе ученика.

— Видите, я говорил вам правду, — эльф кивнул на застывших у двери беглецов. — Они давно уже собирались устроить побег. И один из них спутался с послушницей. Йован!

Грегор кивнул. Застигнутые врасплох маги с походными сумками на плечах никем другим, кроме беглецов, и быть не могли.

— Так это правда. Они собирались бежать, — он поднял руку, указывая на Йована. — Как командир присутствующих здесь рыцарей-храмовников, я приговариваю этого мага крови к смерти! Что касается этого мерзавца, — он перевел указующий перст на зло глядевшего на него Дайлена, — так он еще от Истязаний отойти не успел, а уже плюет в лицо Кругу! Такое не должно оставаться безнаказанным. Хотя закон гласит о запрете усмирения для магов, которые выдержали Истязания, в виде исключения такую меру пресечения можно назначать для особо опасных преступников за их провинности. А потому приговариваю Дайлена Амелла, новопосвященного мага Круга, к усмирению. Взять их!

— Если мне позволено будет сказать, рыцарь-командор, — капитан Хосек выступил вперед. Лицо его на миг отразило сильное волнение. — Нельзя с полной уверенностью утверждать о степени вины Амелла. Мы должны быть беспристрастны. Нужно провести расследование...

Грегор сделал нетерпеливый жест.

— Ты как всегда вступаешься за магов, сэр Бьорн. Андрасте свидетель, я порой поражаюсь твоему мягкосердечию, граничащему с глупостью. Сколько раз, например, ты уговаривал меня не применять усмирение к целителю Андерсу? Он оценил твои старания? Недавно он устроил шестой — шестой! побег из Круга. И я уверен, что когда мы его поймем, ты снова будешь заступаться за него. А прочие? А эти сопляки, — он кивнул на оцетинившегося Дайлена и Йована, крепко сжимавшего руку подруги, — думаешь, они ценят то, что ты для них пытаешься сделать? Мы даем им слишком много свободы. Они распоясались. Я все больше склоняюсь к тому, что мне следует перенять опыт кирквольской рыцарь-командора Мередит о том, как следует обращаться с магами. Пусть лучше дрожат, заведя храмовника хотя бы издали, чем творят то, с чем нам приходится теперь бороться!

— Ты разочаровал меня, Дайлен, — сизоносый старик горько покачал головой. — Ты мог рассказать о том, что творит Йован. Мог рассказать о побеге. Но вместо этого... О Андрасте, ты ведь умен. Ты был моим любимым учеником. Отчего ты так меня подвел?

— Да плевать тебе на магов, Ирвинг, — Йован зло сплюнул сам под ноги храмовникам. — Ты перед Церковью на задних лапках бегаешь!

— Он прав, — Дайлен скривился, разминая кисть. — Тебе нет дела до того, что творится в башне. Мы тут — бесправнее рабов. Маг, сделай то, маг, сделай это. Маг, ты не будешь жаловаться, потому что просто некому! Но с радостью накажут, если выказать хоть малейшее неповиновение, хоть малейшее, чтобы сохранить крупницы собственного достоинства! — Амелл зло пожевал губами, скользнув взглядом по капитану Хосеку. — Я просто хочу жить. Как все. И каждый день видеть солнце! Создатель, неужели я так многого хочу?

— Довольно! — Грегор резко мотнул головой, и по его знаку четверо храмовников двинулись в сторону магов. — Под замок их всех. Послушница, презревшая Церковь и обет, должна быть отправлена в Эонар.

— Эонар? — Лили непроизвольно прижалась к Йовану, глядя на рыцарь-командора полными ужаса глазами. — Но ведь это тюрьма для магов. Сжальтесь, прошу вас!

— Нет! — Йован вырвал из-за спины осколок отданного им Дайленом стекла. — Вы ее

не тронете!

Он всадил стекло себе в ладонь. Брызнувшая кровь в мгновение собралась в вихрящееся свирепое облако и обрушилась на заступавших им путь храмовников, разметав тяжелых рыцарей, как солому.

— Быстрее, Лили!

Однако девушка уже не выказывала рвения. Глаза ее по-прежнему были полны ужаса, но теперь его причиной было явно не решение Грегора о ее судьбе.

— Йован, ты... маг крови?

— Да, это так, — Йован поник головой. — Мне казалось, если я буду больше знать, это поможет нам вернее уйти отсюда...

Он сделал шаг к ней, но Лили отшатнулась. Ее лицо исказила брезгливая гримаса.

— Не приближайся ко мне, чудовище! Ты... ты омерзителен. Маг крови! Создатель, как я могла верить тебе!

— Ну? — Амелл вынул кинжал из-за пояса одного из храмовников и примерил его по руке. — Убедился, как абсурдно тащить с собой истеричную бабу, у которой вместо мозгов — кисель? Давай пойдем уже, пока они не очнулись!

— Лили! — в голосе Йована была неподдельная боль. — Прошу тебя! Я вообще собирался забросить магию! Совсем забросить! Все, что мне нужно — это быть с тобой! Дайлен! — он обернулся к Амеллу, который с озабоченным лицом присел над лежавшим на полу Ирвингом. Первый чародей стоял ближе храмовников, и не был защищен доспехом, потому досталось ему больше других. — Скажи ей! Мы ведь собирались бросить магию и заняться мирным трудом. Скажи, она мне не верит!

— О, Йован! — Лили закрыла лицо руками, делая предотвращающий жест, когда ее возлюбленный вновь попытался подойти к ней. — Магия крови меняет людей! Уродует их! Я... не могу быть с тобой, малефикар! У... убирайся!

— Иди, готовь лодку! — Дайлен швырнул в руки Йовану свой мешок. — Я займусь Ирвингом. Ты, идиот, слишком сильно ударил его. И Йован, — повременив, пока быстро уходивший по коридору товарищ обернется, сквозь зубы процедил Амелл. — Если ты меня не дождешься... я найду и убью тебя! Понял?

Йован кивнул, но глаза его были прикованы к Лили. Послушница стояла, привалившись к косяку, и плакала, уткнув лицо в ладони. На него она уже не обращала внимания. Вздохнув, Йован быстро ушел, подгоняемый яростными взглядами товарища.

Дайлен перевернул Ирвинга на спину. Старик захрипел, судорожно пытаясь вдохнуть. Его мантия была разорвана и пропитана кровью. Казалось, у Первого чародея не осталось ни одного целого ребра.

Негромко выругавшись, Дайлен вытащил кинжал храмовника и косо полоснул себя по ладони. Не обращая внимания на вскрикнувшую Лили, принялся быстро чертить у головы Ирвинга маловразумительные символы, попеременно обмакивая палец то в свою, то в его кровь. При этом он постоянно сжимал руку, из пореза которой на грудь Первого чародея сочилось красным. Кровь быстро испарялась, собираясь над телом Ирвинга красноватым туманом. Когда туман полностью накрыл Первого чародея, Дайлен прекратил свое бормотание, и резко ударил ладонью об ладонь.

Туман исчез. Ирвинг дернулся и впервые смог вдохнуть полной грудью — без хрипа. Еще через миг он широко открыл налитые кровью глаза.

— Прощай, учитель.

Дайлен вскочил. Его шатнуло, но, удержавшись на ногах, малефикар бросился по коридору вслед за несколько минут назад убежавшим туда Йованом. Однако ему не суждено было скрыться. Какой-то храмовник, очнувшийся раньше остальных, неожиданно резво бросился наперерез и, ударив в ноги, повалил на пол. На помощь к нему подоспели другие. Амелл яростно вырывался, однако, почему-то не применяя магию крови. Должно быть, для такого удара, каким воспользовался Йован, этой самой крови он выпустил попросту недостаточно, а больше ему не давали. Мужество же для того чтобы сжигать и замораживать не демонов, а живых людей, тоже нужно было откуда-то взять. У Дайлена такого мужества еще не было.

Сэр Каллен сорвал с шеи сосуд из толстого стекла, по форме напоминавший сосульку. Теперь малефикара на полу удерживали двое, и еще один пытался разжать ему зубы. Однако прежде, чем храмовники исполнили задуманное, уже пришедший в себя Грегор властным движением остановил своих подчиненных.

— Подождите. Он малефикар и тоже заслуживает казни. Незачем переводить на него концентрат, — рыцарь-командор обернулся к одному из своих людей, стоявшему в бездействии. — Брат Марио, беги к внешней страже. Остановите беглеца любой ценой. Брат Каллен, — он кивнул на меч рыцаря. — Исполни.

— Стой, Каллен! — капитан Хосек опустил руку в латной перчатке, которой прикрывал большую свежую шишку на лбу. — Рыцарь-командор! Мы не можем... не должны выносить такие решения без разбирательств. Зачем уподобляться марчанам, известным своим беззаконием? Степень вины этого мага еще нужно определить!

— Да что тут определять, сэр Бьорн? — досадливо поморщился Грегор, явно не в первый раз приготовившись выслушивать от своего заместителя оправдательные речи, с которыми заранее не был согласен. — Мы все видели — он творит магию крови, и гораздо более тонкую, чем Йован. Малефикар, пытавшийся бежать из Круга! Ты всегда меня удивлял своей лояльностью к магам, брат капитан, но это уже переходит все границы!

— Быть может, с первого взгляда все кажется именно так, — Хосек показательно покаянно опустил голову, исподлобья взглянув в сторону Первого чародея и встретившись с ним глазами. — Однако не стоит нам отмахиваться от того, что именно этот маг делал только что. Вы же не станете отрицать, сэр Грегор, что он мог сбежать с дружкой, пока все мы валялись здесь, беспомощные, как дети. Вместо этого он остался, чтобы излечить нашего многоуважаемого Ирвинга. Хотя мог догадаться, чем это может закончиться для него.

— Все так, Грегор, — старик просунул пальцы в прорехи своей мантии на груди, демонстрируя их рыцарю-командору. — Если не Дайлен, я был бы теперь у Создателя. Он всегда был послушным, хорошим мальчиком. Мы за ним не уследили, но это можно исправить.

— Я лично прослежу за тем, чтобы Амелл не причинил никому вреда, — Хосек бросил еще один взгляд на Первого чародея, с которым они хорошо понимали друг друга. — Мы изолируем его от других магов и проведем расследование. Если окажется, что возвращение этой заблудшей души на путь, указанный священной Андрасте, невозможен...

— Я уверен, что возможен, — Ирвинг оставил в покое мантию и ласково посмотрел на по-прежнему сидевшего на полу в крепких объятиях сразу трех храмовников любимого ученика. — Дайлен умный парень. Он уже все понял. Разумеется, мы назначим для него взыскания...

По мере того, как они говорили, Грегор переводил взгляд с одного на другого. Во

взгляде его все больше читались раздражение и досада.

— Ценю ваши доводы, но решения здесь принимаю я, — он, все еще тяжело ступая, подошел к удерживаемому храмовниками Дайлену и посмотрел на него сверху вниз. — Что бы вы ни говорили, малефикарум — это зараза, которая будет расползаться, дай ей только волю. Оба щенка знали, на что шли, когда ввязались в... во все это. Моя задача — защитить людей Ферелдена от таких, как они, — он брезгливо указал подбородком на зло глядевшего на него Амелла. — Когда мы поймаем Йована, его постигнет та же участь. Каллен, приказываю казнить этого мага немедленно.

Капитан Хосек шагнул вперед. Его неприятное узкое лицо оставалось бесстрастным, но не голос.

— При всем уважении, сэр, мы совершаем ошибку.

— Верно.

Собиравшийся было резко осадить зарвавшегося помощника Грегор обернулся. Все прочие молча созерцали подходившего к ним высокого темноволосого и темнобородого человека, который был хорошо знаком Кусланду.

— Дункан! — рыцарь-командор Грегор был раздосадован, как никогда. — То, что происходит здесь — внутреннее дело Круга.

— Это не совсем так, — Дункан тоже подошел к удерживаемому храмовниками Амеллу и, встретившись с ним взглядом, перевел его на Грегора. — Я приехал в Круг не только за добровольцами для королевской армии. Я набираю людей в Орден Серых Стражей. Из того, что я успел узнать об этом маге — он мне подойдет.

— Он малефикар, — вмешался Ирвинг, переглянувшись с рыцарь-командором храмовников. — Я не знал об этом, когда писал тебе. Он слишком опасен.

— Малефикар, который помог сбежать другому магу крови не только не будет наказан, а получит награду, сделавшись Серым Стражем! — Грегор возмущенно воздел руки. — Да это неслыханно!

— Как вас там, Дункан? — Дайлен сверкнул глазами, дернувшись в руках храмовников. — Во имя Создателя, заберите меня отсюда! Клянусь, вы не пожалеете! Вы не знаете, на что я способен!

Гость Круга магов ободряюще кивнул ему.

— Я не могу этого позволить, — твердо проговорил Грегор. Дункан поднял бровь.

— Мне стоит огласить Право Призыва? — спокойно поинтересовался он. Грегор возмущенно вскинулся, но сдержался, уперев яростный взгляд в пол.

— Подумай хорошенько, на что ты подписываешься, — сдавленно проговорил храмовник. Командор Серых Стражей пожал плечами.

— Этот маг благороден и честен, — счел нужным пояснить он свою позицию. — Он помог другу и спас учителя, зная, что может заплатить страшную цену. Он не стал вредить никому из вас, хотя, я уверен, мог бы, как это сделал его товарищ. В конце концов, мне его рекомендовал Ирвинг, а мнению Первого чародея я доверяю безоговорочно. Сам... Дайлен не против вступления в Орден. Я прав?

— Все, что угодно, — почувствовав, что руки храмовников уже не давят на его плечи, Амелл поднялся на ноги. — Все, что прикажешь. Хоть на цепь. Только на свежем воздухе, подальше отсюда.

— Ну что же, — было видно, что эти слова даются Грегору нелегко. — Я признаю за Серыми Стражами...

Он не договорил. Внезапно реальность дернулась раз, другой, и опала тряпичными лоскутами, растворяясь на лету. Кусланд вырвал меч из тела раскрывшего в беззвучном крике рот юноши-эльфа, который все время стоял в стороне, молча глядя на разворачивавшиеся перед ним события. В тот же миг, тускло вспыхнув напоследок, сон Дайлена погас, возвращая зрителей и участников в зеленоватое марево Тени.

Все участники события исчезли, кроме того самого юноши, который изламывался самым причудливым образом, словно его что-то корежило, меняя форму и вид. Что-то подобное творилось с убитой ими ранее демоницей, только рождавшееся из эльфа существо было не в пример опаснее и гаже. Несколько мгновений спустя над магом и Стражем возвышался огненно-красный демон, состоявший, казалось, из одной только раскаленной плоти земли.

— Демон гнева! — Ниалл поднял руки, заблестевшие собиравшимися в них каплями влаги. — Не давай ему приближаться к тебе! Я... постараюсь его остудить. Но не знаю, получится ли...

Демон гнева зашипел и дернулся в их сторону, но добраться до застывших непрощенных гостей не успел. Из неоткуда на него обрушился целый водопад, в котором исчезли и сам демон, и оказавшиеся рядом люди. Айана сбило с ног, столкнуло с Ниаллом и понесло к краю острова. Он сумел уцепиться за что-то невидимое под водой, другой рукой намертво ухватившись за шиворот мага.

Вода схлынула, смыв с острова всю устилавшую его каменистые края многовековую пыль. Айан с трудом разжал впившиеся в скалу пальцы и, выпустив одежду Ниалла, поднялся на ноги. Демона гнева он увидел сразу. Порождение Тени осталось стоять там, где на него обрушились потоки воды, но оно уже не жило, больше напоминая скальный вырост причудливой формы. Вода остудила его до основания, сделав твердым, недвижимым и, по-видимому, мертвым. Чуть поодаль втянув голову в плечи, в своем гномьем доспехе стоял Дайлен. По нему было видно, что он бы с удовольствием оживил, а потом окатил тварь еще раз. Никогда еще не доводилось видеть товарища в таком бешенстве.

Заметив Командора, Дайлен с трудом взял себя в руки. Впрочем, сами руки у него продолжали подрагивать.

— Он заставлял меня злиться, — едва справляясь с дергающимся лицом, объяснил Амелл. — Все время, — добавил он, поймав в поле зрения Ниалла.

— Демон гнева, — пожал плечами тот, подходя ближе. — Я тебя помню, Дайлен. Мы встречались в библиотеке после твоего посвящения в маги.

— А я тебя нет, — все еще передергиваясь, Амелл обернулся к Кусланду. — Давно вы здесь стоите?

— Нет, — соврал Айан, справедливо прикинув, что правду можно отложить для другого раза.

— Мы подошли только что, — в одно касание догадался подыграть ему Ниалл.

Дайлен смерил их подозительным взглядом и прикрыл глаза.

— Проклятая тварь, — в сердцах, но уже тише, пробормотал он.

— Соberись, — жестко велел Айан, осматривая застывшего демона. — Выберешь другое время, чтобы киснуть. Нам нужно найти Алистера и этого... капитана Хосека. Они должны быть где-то здесь.

Они заозирались по сторонам, но на плоском как блин, маленьком острове спрятаться или хотя бы не заметить кого-то было невозможно.

— Где-то здесь их нет, — после паузы решил Кусланд, убедившись в этом лично. — Во владениях демона еще три острова. Но нам нужно сердце этой твари, чтобы переместиться... если конечно, оно не погасло.

— Сердце-то — внутри, — Ниалл с сомнением обошел вокруг застывшего демона. — А разбить эту глыбу будет непросто.

Дайлен стащил перчатку и сдал руку на месте пореза. Дождавшись крови, вымазал ею ладонь и сделал резкое движение в сторону неподвижного порождения Тени. Раздался глухой треск, и верхняя часть застывшей твари откололась, едва не отдавив ноги Айану. Увернувшись, Кусланд с трудом вытащил засевшее в обнажившемся камне пульсирующее сердце демона и передал его Ниаллу. Они вернулись к пьедесталу. Как и в прошлый раз, едва только маг поместил источник энергии в его гнездо, пьедестал ожил. Стражи переглянулись и взялись за руки. Удерживая Командора за запястье, Ниалл коснулся следующей точки на чеканке схемы.

Переход опять совершился мгновенно. Все трое вывалились в полутемную комнату, освещенную только светом тлеющих углей из большого камина. Подняв голову, Айан увидел, что почти упирается носом в колени светловолосого мальчика лет десяти-двенадцати. Мальчик этот сидел за шторой у самой стены, прижимая к животу горсть конфет, судя по всему, ворованных.

У камина стояли двое. Было ясно, что мальчика они не видели. Айан знал обоих. Высокий, худой темноволосый человек с желтым и желчным лицом был никем иным, как тейрном Логейном Мак-Тиром, победителем орлесианцев и великим героем Ферелдена. Логейн опирался локтем о кирпичную кладку над камином. Вспыхивавшие над углями языки пламени отбрасывали причудливые тени на его нервное лицо. Рядом с ним плотный благообразный муж поглаживал окладистую бороду. Эрл Эамон выглядел куда лучше, чем та тень человека, что без памяти лежала теперь в его покоях, ожидая помощи магов. Оба вельможи были моложе, чем привык о них помнить Айан.

— Ты должен был мне сказать, Эамон! — тем временем выговаривал тейрн задумчиво глядевшему перед собой эрлу, и его темные глаза взблескивали по-волчьи зло. — Мэрик был моим другом! Почему я не знал обо всем этом раньше? Почему о таких вещах я узнаю случайно?

— Успокойся, Мак-Тир, — Эамон устало вздохнул и сложил руки на животе. — Мэрик доверил эту тайну мне десять лет назад и взял с меня слово, что я буду растить его, как воспитанника. Он ничего не говорил о том, чтобы я посвящал кого-либо в его секреты. Даже тебя.

Логейн дернул ртом и, перестав подпирать камин, заходил по комнате.

— Ну, хорошо, — остановившись, наконец, перед родным дядей короля, резко бросил он. — Прошло уже больше десяти лет. Я видел его — он вылитый Кайлан, словно у них на двоих одно лицо. Ты понимаешь, чем это чревато? Чем это может грозить в дальнейшем?

— Не преувеличивай, — эрл нахмурился, отступив на шаг от напиравшего на него Логейна. — У них с Кайланом разница почти шесть лет. Да, между братьями есть сходство, но убей не понимаю, чем это может навредить моему старшему племяннику.

— Братьями? Старшему племяннику? — делая ударение на слове «старшему» вскрикнул Логейн, нечаянно обдав собеседника брызгами слюны. Взгляд его запылал настоящей яростью. — Ты послушай, как ты говоришь! Эамон, во имя Создателя! Ты говоришь о неизвестном ублюдке, который должен был сдохнуть еще в младенчестве, как будто он равен Кайлану! Подумай, может, ты неправильно истолковал просьбу Мэрика, когда он отдавал тебе это отродье? Что, если король хотел... чтобы все свершилось просто тихо и без его участия?

— Этот ублюдок — сын моего друга! — жестко парировал эрл, качнувшись вперед. — Он и в самом деле безвестен. Отчего тогда тебя так беспокоит его существование?

— Потому что в отличие от тебя, я помню о законах Ферелдена, — Логейн вновь подошел к камину и оперся о кладку, уставившись в огонь. — Если с Кайланом что-то случится, а с ним может случиться что угодно, то любой королевский ублюдок может претендовать на его трон. В том числе и этот... как его...

— Алистер.

— Алистер, — Логейн поморщился. — Даже имя ты дал ему благородное. Неужели ты на самом деле предполагаешь...

— Я ничего не предполагаю, — несмотря на его спокойный и ровный тон, видно было, что эрл Эамон начинал терять терпение. — Я потому и не говорил тебе, что мог предугадать твое отношение к этому делу. Алистер — хороший парень. Я бы даже сказал — очень хороший. Не мешало бы ему быть немного хуже. Я уверен, он не посягнет на брата. Ему это просто не нужно. Я позабочусь о том, чтобы ему не было это нужно никогда.

Логейн молчал. Эамон подошел ближе и положил руку на его плечо.

— Я понимаю твое беспокойство, — он отнял руку и, забрав полено из сложенных у камина, подбросил его в огонь. — Твоя дочь сделалась королевой совсем недавно. Но я уверен, тебе не о чем волноваться. Кайлан молод и здоров, как и Анора. Не пройдет и года, как эта чета подарит Ферелдену наследника престола, помощи Создатель, не одного. И тогда ни Алистер, ни кто другой, не сможет претендовать на трон, даже если с Кайланом что-то случится. Храни Андрасте от такого несчастья.

Логейн оторвался от созерцания огня. Теперь его темные глаза были требовательно устремлены на эрла Эамона.

— Пойми меня правильно, Эамон, — тейрн Логейн говорил с нажимом, как человек, не собиравшийся принимать возражений. — Я говорю сейчас не только как отец, и забочусь не только о дочери, но и о всей стране. Ты меня знаешь. Чутье еще никогда меня не подводило. Этот ублюдок опасен. Если ты не хочешь его убивать, хотя бы сделай так, чтобы мы могли быть уверены в том, что он никогда не будет представлять угрозы для престола Ферелдена!

— Что ты предлагаешь? — брови Эамона сошлись над переносицей. Логейн мрачно усмехнулся, не отводя взгляда.

— То, что всегда делают в таких случаях. Лишить его возможности к продолжению рода. Он останется жить, но на трон претендовать не сможет.

Мальчик за шторой судорожно сцепил пальцы, между которых таяли и плющились добытые конфеты. По всему было видно, что столь возжеленные сласти интересовали его теперь в самую последнюю очередь. Затаив дыхание, он боялся пошевелиться, чтобы ненароком не выдать себя.

После долгой паузы Эамон, наконец, качнул головой.

— Это не годится, — медленно проговорил он. — Не лучше смерти.

— Он не просто ублюдок, он королевский ублюдок, — настаивал Логейн, все больше раздражаясь. — Демоновы орлесианцы — мерзавцы и подонки, но я не могу не признать, что этот придуманный ими способ избавления от нежелательных...

— Я сказал — нет, — громче, чем ранее, отрезал Эамон, отходя от камина. — Он — сын моего друга, и был моим воспитанником десять лет. Я не могу так поступить с Алистером. И тебе не советую, — он обернулся, поймал и выдержал тяжелый взгляд Логейна. — Но если само существование этого мальчишки настолько не дает тебе спать по ночам, я могу предложить компромисс. Алистер — крепкий парень, он здоров и истовый андрастеанин. Церкви нужны такие мальчишки. Она кует из них железо своей брони.

— Сделать его храмовником? Ты это хочешь сказать?

— Именно, — Эамон отвел взгляд и стал рассматривать узор на занавеске, за которой прятался юный воришка. — Ты знаешь, что после посвящения храмовники всецело принадлежат Церкви. И почему бывших храмовников не бывает — знаешь тоже.

Некоторое время в комнате слышалось только потрескивание подброшенного в камин

полена. Логейн размышлял. Алистер за шторой с трудом расцепил слипшиеся руки и сунул в рот большой палец, весь в медовой нуге.

— Хорошо, — наконец согласился он, сохраняя на лице всегдашнее его мрачное выражение. — Если ты, Эамон, сдержишь... Договорить он не успел. Взвзвываясь изнеоткуда мощная струя пламени в единый миг испепелила его. Эамон отпрянул от опавшего черным пеплом Логейна, а потом медленно посмотрел в сторону стушевавшегося Дайлена.

— Тьфу ты, лепешка коровья, я ошибся, — Страж-маг поймал уничижительный взгляд Командора и стушевался еще больше. — Сейчас... Кожа Эамона мокро треснула. Из нее стремительно рванулось вверх нечто огромное и, вне всяких сомнений, очень могучее.

— Ссмертные... — презрительно прорычало оно, но закончить ему не дала другая струя пламени, в которой оно с диким ревом исчезло на несколько мгновений. Когда пламя опало, взглядам перепуганных «смертных» предстало все то же чудовище. С висящими лохмотьями мокрой от крови шкуры и огромными волдырями, которые лопались прямо на глазах, чудовище, тем не менее, оставалось живым и еще более озлобленным, чем ранее. С яростным хриплым воем оно бросилось на метнувшихся в разные стороны людей.

— Демон гордыни! Одно из самых сильных порождений Тени! — Ниалл взвизгнул, уворачиваясь от лязгнувших крыков. — Дайлен! Сделай что-нибудь!!

— Сам сделай! — донеслось откуда-то издалека. Реальность комнаты постепенно разрушалась, впуская все тот же зеленоватый туман. Должно быть, она, как и прочие уже виденные пленниками Тени, была небольшой. Просто с соседнего острова они переместились на этот, и по случайности попали прямо в сон несчастного Алистера. — Ты ведь тоже маг!

— Я целитель! О Создатель, о святая Андрасте, кто-нибудь да помогите же мне!

Преследуемый по пятам ревушим демоном и плохо соображающий в рваных опметках реальности Ниалл запутался в полах мантии, споткнулся и упал. Ему хватило времени, чтобы перевернуться на спину и швырнуть в нависшего над ним демона наспех созданную молнию. Этим он выкроил для себя лишний миг жизни, за который Кусланд успел догнать ошалевшую тварь и всадить в нее меч. Меч вошел до середины и застрял. Взревевший от дикой боли монстр обернулся к выпустившему рукоять Командору и ударил его чудовищной лапой. Айана отбросило на десяток шагов в зеленовато-бурую пыль, которой сделались каменные плиты пола комнаты Эамона. Сон Алистера растаял окончательно, являя все те же очертания очередного острова Тени, который был неотличимо похож на остальные.

— Сдохни! — Амелл, ярость которого не смог перебить даже испуг от преображения демона, выхватил свой меч и с маху всадил его в почву острова.

Благородное оружие вспыхнуло, как хорошо просмоленный факел. От него до замершего демона, который быстро не сообразил, кого ему хотелось убить первым, мгновенно пробежала дорожка из огня. В следующий миг огонь охватил все тело твари. Демон взвыл и ударил вслепую, едва не размазав по земле Ниалла. Не переставая завывать, монстр упал и принялся кататься в пыли. Колдовской огонь на нем все не затухал, безжалостно уничтожая то, что с каждым мигом все больше походило на гору дергающегося горелого мусора.

Наконец, все было кончено. С усилием поднялся на ноги Дайлен. Айан смог только сесть, болезненно морщась. У его ног Алистер растерянно моргал в зеленую мглу, которую видел над собой вместо неба.

— Что... произошло? Где мы?

— Мы в Тени, где демоны мучают нас снами, в которых заставляют страдать, —

вкратце просветил его Амелл. Вложив всю свою ярость в удар, он, наконец, вернул себе душевное равновесие. — Нужно добраться до той твари, которая удерживает нас здесь, и убить ее.

— Надо — значит убьем, — если Алистер и удивился, то благоразумно отложил вопросы до другого раза. Не теряя времени даром, он поднялся, и помог подняться ушибленному Командору. — Куда нам идти?

... Живой камень, извлеченный из кусков обгорелой плоти, привел их на последний из четырех островов. Этот был таким же каменистым, неровным и пыльным, как и все его прочие висевшие в пустоте собратья. Как и на других, поблизости от пьедестала на нем колебалось густое кисельное марево чьего-то сна.

Шагнув в который, они очутились опять в тумане — на этот раз молочно-белом. Через этот туман по колено в хлюпавшей в сапогах грязной воде пробирался отряд храмовников, вымокших и заляпанных болотной жижей по самые прорези на шлемах. Впереди, высоко поднимая длинные ноги, вышагивал капитан — широкоплечий, но худой человек со скуластым лицом, глаза на котором горели лихорадочным блеском. В одной руке острием кверху он держал двуручный меч, другой нес на плече большой походный мешок. За ним, спотыкаясь и подскальзываясь на ненадежных кочках, растянутой цепью тащились его люди.

Кроме капитана, все рыцари Церкви были в закрытых шлемах. Однако Хосека узнали сразу — и хорошо знакомые с ним маги, и даже Стражи Алистер и Айан, увидевшие его впервые только сегодня. Рослый храмовник возвышался над самым высоким из своих товарищей на целую ладонь. Светлые волосы, которые он, похоже, не обрезал с рождения, не помещались под шлемом и, как видно, здорово ему мешали. Помимо сумки сэр Бьорн нес за плечами большой мешок, тяжело бряцавший при каждом его шаге.

— Я догадываюсь, где это, — Алистер не без удивления разглядывал кошмар капитана Хосека. — Это дикие земли Коркари.

— Да, действительно, — согласился Айан, следя за тем, как Бьорн Хосек успевает схватить за наплечный ремень одного из храмовников, который, оступившись, стремительно ушел в болотную жижу по самую грудь. Вместе с подоспевшим товарищем, они вытащили незадачливого рыцаря, облепленного грязью и тиной. — Но что делают там воины Церкви? Обращают в андрастеанство хасиндов?

— Тогда бы с ними шла и преподобная мать, — Алистер еще раз внимательно пригляделся к отряду храмовников. — Снарядились, как для сражения. Приглядишься. На каждом под доспехом — еще цельная кольчуга. Наверняка заговоренная, иначе зачем таскать на себе по болоту такую тяжесть.

— И мечи у всех тоже заговоренные, — вмешался Дайлен. — Видите сине-красное свечение вокруг их ножен? Такие наверняка выдаются только для самых опасных дел. Во всей башне постоянно заговоренное оружие носят при себе только Грегор и Хосек.

— Так, капитана мы нашли, — Алистер кивнул в сторону сэра Бьорна, который, как и большая часть его товарищей, бешено вертел головой, разгоняя полчища болотного гнуса. — И что теперь? Как его разбудить?

— Нужно угадать, кто именно из его окружения — демон, — пояснил Ниалл, разглядывая храмовников. — И ошеломить первым ударом. В прошлый раз мы угадали неправильно, и...

— Демон едва нас не прикончил, — мрачно завершил Айан. — Думай сам. Если я правильно понял, как это происходит, демон будет в том, кто причинит храмовнику наибольшие мучения. Пусть даже простыми словами.

Алистер негромко вздохнул.

— Кажется, я понимаю, о чем вы. В моем... сне я тоже сильно обижался на эрла

Эамона. Я всегда считал его названным отцом, а он... — не договорив, сын Мэрика махнул рукой.

— Где ж конец этим болотам? — прохрипел тем временем один из храмовников. Он оступился и лицом вперед полетел в воду. Ближайший к нему товарищ успел подхватить в падении, не давая окунуться в холодную илистую жижу с головой.

— Меньше болтай, — сипло посоветовал кто-то, судя по голосу — кто-то уже немолодой. Под глухими наличниками головы храмовников казались одинаковыми. Рыцари Церкви разнились лишь степенью измазанности грязью.

— Тихо! — идущий впереди капитан остановился, поднимая руку. — Сэр Отто! У тебя острый глаз. Что это там, впереди? Невысокий, но крепкий храмовник, идущий третьим в цепи, вышел вперед. Некоторое время он вглядывался в молочно-белый туман, потом вздрогнул, непроизвольно делая шаг назад.

— К оружию, братья! К оружию!

После его выкрика болото словно ожило. Откуда ни возьмись со всех сторон раздались шипящее кваканье и шлепающие звуки, точно кто-то бегал по трясине, как по твердой земле. Из молочного тумана на одного из рыцарей Церкви стремительно бросилось темное нечто...

— Болотные ящерицы, — морщась, объяснил в воздух Алистер. — Сейчас они им зададут.

Кого он имел в виду на самом деле не казалось таким уж ясным. Болотные хищники, хотя многочисленные и острозубые, были все же недостаточно крупными, чтобы всерьез навредить закованным в броню с головы до ног рыцарям. Но и храмовники на узкой болотной тропе были неповоротливы и являли собой удобную мишень для нападения.

Отмахиваясь от наскაკивавших на них хищников, которые чуяли мясо, но не могли до него добраться из-за покрывавшего железа, храмовники быстро отходили к чему-то, пока не видимому в тумане. Наконец, забрезжившая темная громада возвестила о пролеске. Болота медленно отступили, с ними отступили уже порядком потрепанные ящерицы.

— Все целы? — тяжело дыша, прохрипел капитан. Следы от когтей на его лице воспалялись на глазах. — Отойти от болот. Встанем лагерем. Бьорн, Отто — проверить здесь все. Исполняйте!

Высокий храмовник и его приземистый остроглазый собрат сбросили весь лишний груз прямо на месте и быстрым шагом ушли в лес. Когда деревья скрыли их от занявшихся лагерем товарищей, сэр Отто заметно расслабился. Через несколько десятков шагов он поднял руку, останавливая напарника и, прислонившись задом к дереву, стащил шлем.

— Дыхание Создателя! Я был уверен, что он ко мне прирос.

— Зря снял, — в отличие от более беспечного товарища, Хосек встал так, чтобы видеть как можно больше вокруг себя. Его рука в латной перчатке лежала на рукояти запоясного ножа. — Мало тебе болота? Хочешь шрамы, как у капитана?

— Ладно, брат Бьорн, — сэр Отто заглянул внутрь шлема. Подхватив матерчатую полу своего одеяния, нашел более-менее чистый участок ткани и принялся ею что-то оттирать. — Ты ведь прикроешь меня в случае нужды.

Хосек не ответил. Поглаживая рукоять ножа, он, судя по движениям его головы, обводил взглядом их место.

— Быстрее, брат. Нам нужно обойти кругом всего лагеря.

Отто вытащил импровизированную тряпицу и еще раз критично оглядел свой шлем изнутри.

— Не сердись, — миролюбиво попросил он, протирая выбритую маковку ладонью до того, как опять водрузить на нее шлем. — Уже иду.

Они добросовестно и быстро обошли кругом лагеря, однако не обнаружили ничего за исключением мелкого зверья. Уже возвращаясь, наткнулись на место, где посреди лесной просеки стояло мутное зеленое озерцо. Сэр Бьорн придержал за руку товарища, кивая на росшие у илистого берега кусты.

— Подожди меня, брат Отто.

Оставшийся в одиночестве храмовник присел на траву, положив рядом меч. Потом оглянулся на кусты, в которых скрылся его напарник и стянул с головы шлем. Склонившись над водой, он зачерпнул ее ладонями и с наслаждением умылся. Мигом позже он вздрогнул от внезапного испуга. Из воды на него смотрело красивое женское лицо. Смотрело не отрываясь, и, по-видимому, не было мертво. Сияясь разглядеть это новое чудо, сэр Отто склонился ниже, полагая, что ему почудилось. Незнакомка мягко улыбнулась, и ее образ в мутной зеленой воде будто бы приблизился.

— Бьорн! — не отрывая глаз от незнакомки, негромко позвал храмовник. — Иди, посмотри!

Из воды показалась перевитая водорослями рука. Тонкие пальцы ласково погладили небритую щеку храмовника, и вдруг, впившись в затылок, рванули его вниз.

Толчок был так силен, что сэр Отто сам не заметил, как оказался по пояс в озере. Он не ушел под воду весь только потому, что успел вцепиться в кстати оказавшийся рядом древесный корень. Но нечисть не отпускала, ухватившись за него руками, которых становилось все больше. Не имея возможности вскрикнуть или плотнуть воздуха, храмовник бился, взбаламучивая воду, и обагряя ее кровью из расцарапанного затылка. Теперь лицо, которое он по-прежнему видел сквозь вспыхивавшие перед его глазами черно-багровые круги, не казалось привлекательным или даже вообще человеческим. Состоявшее из переплетений болотных трав, с острыми сучками вместо зубов, оно щерилось в оскале, почти касаясь древесными выростами его судорожно сжатых губ. Сэр Отто отчаянно дернулся из последних сил, чувствуя резкую боль в груди у сердца, и разжал пальцы, давая озерному монстру увлечь себя на дно...

В последний миг что-то жесткое и режущее мертвой хваткой вцепилось в его плечо и рвануло вверх — к солнцу и сырому лесному воздуху, с которыми он уже успел распрощаться. Захлебываясь и кашляя, сэр Отто рухнул в прибрежную грязь, чувствуя пронзительную боль в затылке, с которого, должно быть, сорвало всю кожу. Вслед за ним из озера рванулось нечто дикое, уродливое и сучковатое, взметнув над водой десятки живых травяных отростков...

Чудом увернувшись от рухнувшей сверху болотной мерзости, сэр Отто с оттенком изумления еще не до конца прояснившегося сознания увидел стоявшего у самой кромки воды Бьорна Хосека. Оплетенный тинистыми конечностями огромный храмовник на вытянутой руке удерживал на расстоянии от себя мерзостное существо, чем-то отдаленно напоминавшее сприггана из бресилианских лесов. Его огромный двуручник валялся далеко в стороне, видимо, выбитый при нападении. Однако вторая рука Хосека была свободна, и ее он как раз с маху впечатал в то, что было у твари на месте лица.

В походе храмовнику Отто доводилось вскользь услышать байки о силе сэра Бьорна, с одного удара валившего быка или могущего перешибить хребет волку. Однако когда под латным кулаком раздался отчетливый хруст, Отто не поверил своим ушам. Глазам, все же,

пришлось поверить. Одна за другой разжимались, опадая, сучковатые руки. Чудовище, только что живое и страшное в своей стремительности, теперь превратилось просто в проломленную покрытую тиной корягу. Хосек приподнял висевшее у него на руке, чем-то отдаленно напоминавшее человеческое, тулово и с хрустом переломил его об колено.

Подскальзываясь в грязи, сэр Отто поднялся сперва на четвереньки, потом на ноги. Его потряхивало. Хосек отбросил в сторону уже дохлую тварь и, подобрав валявшийся в грязи шлем, протянул его напарнику.

— Х-храни тебя С-создатель, б-брат Бьорн, — заикаясь, пробормотал Отто и осекся. Со стороны оставленного ими лагеря раздались отчаянные крики и чей-то рев, перемежаемые треском и шипением.

Храмовники, не сговариваясь, бросились туда. Лагерь оказался совсем рядом, благо, они почти закончили обход. И, к тому моменту, как заросли выплонули их на облюбованную товарищами поляну, они уже знали, с чем придется иметь дело. Четверо рыцарей, прикрываясь щитами, отступали назад, к болоту. Двое неподвижно лежали в разных частях поляны куда, судя по виду тел, их расшвыряла какая-то чудовищная сила. Еще один, больше походивший на обагренное кровью месиво из человеческой плоти и покореженного металла, лежал на земле у незажженного костра. На живых, оглашая окрестности диким хриплым ревом, наступал большой, в три человеческих роста, сильван. Демон из Тени, взбешенный многолетним заточением в теле дерева, растерял остатки разума, даже если тот у него имелся. Теперь он видел перед собой живую плоть — то, чего он вожделел более всего в двух мирах, и так и не смог получить. И потому само лицезрение людей приводило его в неопишемую ярость.

— Бьорн! — уцелевший среди своих обреченных людей капитан вовремя отскочил с пути рухнувшего сверху огромного древесного сука. Сильван взревел, вздергивая покрытый зеленью отросток для нового удара. — Твоя сумка!

Задрав голову вслед за указующим перстом старшего храмовника, Хосек обнаружил свой мешок висящим высоко среди ветвей у края поляны. Не задаваясь вопросом, как он туда попал, храмовник кивнул сэру Отто и, подпрыгнув, ухватился за нижнюю ветвь. Стражи и маг в некотором изумлении наблюдали, как быстро храмовник подбирался к подвешенному мешку, несмотря на сильно мешавший ему тяжелый доспех. Меж тем сильван, почти загнавший храмовников обратно в болото, сумел достать еще одного рыцаря, почти снеся ему голову ударом тяжелой ветки. Оставшиеся с отчаянными криками атаковали безумного демона, однако их мечи мало чем могли навредить толстому древесному стволу.

Хосек добрался, наконец, до своей сумки. Мгновение спустя он сбросил ее в руки ожидавшему внизу напарнику. Сэр Отто вытащил на свет нечто круглое, размером не больше кулака, похожее на металлический шар. В какой миг в руках его появились камень и кресало, никто из наблюдавших за битвой углядеть не успел. Храмовник выбил сноп искр прямо на лежавший перед ним шар и, размахнувшись, с силой метнул его в древесного монстра.

Бросок был удачен. Шар попал в сильвана и застрял в его кроне. Демон обернулся и, заметив новых врагов, сделал к ним шаг. Однако больше ничего сделать он не успел. Раздался взрыв, и теснимых храмовников обдало веткам и щепой. Большая часть сильвана упала перед загнанными рыцарями, другая попадала то тут, то там малыми кусками.

К тому моменту, как Хосек спустился с дерева, его четверо уцелевших товарищей уже занялись ритуалом провода погибших к Создателю. Храмовники действовали споро, то и

дело оглядываясь на постепенно погружавшиеся в вечернюю тьму болота. Леса вокруг было достаточно, и не пришлось удивляться тому, что погребальный костер запылал быстро.

— Мы не можем оставаться здесь, сэр, — обратившийся к капитану храмовник был не старше Отто. Свой шлем он потерял во время битвы и пока его не нашел. — Сдохший демон привлекает к себе нечисть.

— Я сам это знаю, брат Кай, — потирая сочившиеся суковицей порезы от когтей, старший храмовник обернулся к Хосеку, который бережно перебирал содержимое мешка. — Что у вас, Бьорн?

— Нечисть в лесу есть, — как всегда без тени эмоций, спокойно доложил Хосек. — Если мы встанем лагерем на ночь, останется уповать на Создателя.

— Что скажешь ты, брат Отто?

— Она уже почуяла нас, — стриженный храмовник потер лоб. — Знает, что мы здесь.

— Ты уверен? — капитан нахмурился. — Этот сильван вышел на нас не сам? Отто?

Тот отрицательно покачал головой, стараясь не смотреть на товарищей. Догоравший смертный костер бросал отсветы на их мрачные лица.

— Она нас почуяла, сэр. И в покое уже не оставит. Может, придет еще одного сильвана. Или древесных дев. Или звериную стаю. А может — придет сама. Я... я не знаю сэр. Не могу читать ее мыслей. Только чую то, что сказал.

— Будь она проклята! Слишком рано она о нас узнала, — старший храмовник еще раз взглянул в сторону вечерних болот.

— Мы потеряли девятерых, чтобы добраться сюда, — в наступившей тишине, нарушаемой звуками леса и треском костра, негромко напомнил Хосек. — Если сейчас пойдем через болота обратно, умрем все.

— И что ты предлагаешь?

— В лесу в лагере не доживем до утра, — спокойно пожал плечами Хосек. Он единственный из храмовников так и не снял своего шлема. — В болотах тоже не доживем до утра. Но если брат Отто слышит ведьму, значит, она недалеко. Можем попробовать добраться до нее раньше, чем она доберется до нас.

Капитан посмотрел на стриженного храмовника. Тот медленно кивнул.

— Где теперь ведьма?

Отто обернулся к ночному лесу и уверенно указал на юго-запад.

— Тогда пошли, — капитан бросил последний взгляд в сторону костра. — Помоги нам Создатель!

— Кто же из них демон? — пробормотал Алистер, поочередно оглядывая каждого из храмовников.

— Демон может появиться позже, — Ниалл тоже смотрел на храмовников, и на лице его читалось сомнение. — Но мы можем приблизить его появление, если попытаемся разбудить капитана прямо сейчас.

— Думаю, это бесполезно, — мрачно вмешался Амелл. — Быть может, я ошибаюсь. Однако что-то мне подсказывает, что пробудить спящего можно только в том случае, если демон рядом.

Меж тем храмовники, ведомые сэром Отто, который, как можно было понять, обладал поразительной способностью чувствовать зло, углублялись в лес. Утомление после долгого дневного перехода через болота и недавней битвы сказывалось в движениях каждого, даже Хосека, который казался крепче остальных. Все чаще, то один, то другой рыцарь

задерживались, чтобы перевести дух прежде, чем снова начать месить грязь и спотыкаться о древесные корни, замаскированные в переплетении пожухлых трав и листьев. Постепенно наползавшая тьма в лесу сгустилась настолько, что вынудила полуживых от усталости храмовников зажечь факелы.

— Все же нам ужасно не повезло, — почти простонал сэр Кай, размазывая грязь по лицу. — Как она могла заметить нас так рано? Если бы все прошло, как задумывалось, мы бы отдохнули этой ночью, а завтра со свежими силами...

Не договорив, он споткнулся, и рухнул куда-то вниз, в замаскированную листвой глубокую яму. Мигом позже раздался звук удара и его вопль. Бросившиеся к яме храмовники увидели товарища, лежавшего в ошметках клейкой паутины. К нему из земляной норы, вырытой в стене той же ямы, уже торопился огромный толстобрюхий паук, величиной с хорошо откормленного взрослого пса мабари.

— Братья! Во имя Создателя!

Сэр Кай рванул из ножен меч, но тот запутался в переплетениях клейкой и на удивление прочной паутины. Паук напряжился, видимо, готовясь к броску. Но прыгнуть не успел. Миг — и его лоснящееся брюхо оказалось припиленным к земле острием двуручника. Не полагаясь только на меч, Хосек с силой метнул в голову насекомого большой камень, едва не угодив в сэра Кая. В последний раз скребнув паутину когтями, ее хозяин затих. Сэр Отто и другой храмовник, оставшийся безымянным, улеглись перед ямой на животы, протягивая руки незадачливому товарищу.

— Не оставь там мой меч, — устало напомнил капитан, не забывая, все же, оглядываться по сторонам. — Не хотелось бы драться с демоновой ведьмой голыми руками...

Он запнулся. Жестом заставив тянувших товарища храмовников и помогавшего им Хосека перестать шуметь, он сделал шаг в сторону и прислушался. Откуда-то из леса со стороны предполагаемого обиталища ведьмы раздавались голоса... нет, плач. Детский плач. Капитан резко обернулся в сторону вновь завозившихся рыцарей и яростно цыкнул. Потом прислушался вновь. Плач сделался как будто ближе и громче. Теперь было ясно, что плакал ребенок. Точнее, девочка. Плакала отчаянно, навзрыд и, кажется, звала на помощь.

Выбравшийся из ямы сэр Кай переглянулся с безымянным рыцарем. Сэр Отто шагнул вперед, остановившись рядом с обратившимся в слух капитаном.

— Доводилось мне слышать хасиндские легенды, — вполголоса произнес он. — О том, что лесные ведьмы принимают звериный облик и крадут оставшихся в одиночестве детей. Волокут их в зубах в свои норы. И пожирают там живьем. Ребенок кричит, бьется в иступлении... Храни Создатель оказаться на месте такого дитя.

— Ты что же, считаешь, что это плачет такой ребенок? — в голосе безымянного храмовника, глухо доносившегося из-под шлема, была откровенная злость. — Ведь даже самому старому и тупому нагу тут ясно, что это ловушка! Морок! Эта тварь хочет заманить нас и убить!

— Или поиграться, — меланхолично предположил сэр Кай, также подходя к капитану и протягивая ему меч. — Благодарю, сэр. Капитан взял меч и не глядя вложил его в ножны.

— Мы должны выяснить, что там, — решил он, принимая из рук Хосека свой факел. — Создатель не простит, если мы оставим в беде ребенка.

— Капитан! — безымянный храмовник сорвал с головы шлем, являя ночному мраку грязное усатое лицо. — Разве вы не видите, что это — западня?

Плач ребенка теперь был совсем рядом. Он больше не походил на стоны призраков, сделавшись вполне реальным и очень горьким. Меж деревьев мелькнул детский силуэт в длинной белой рубашке.

— Вот она! — сэр Кай вскинул руку. — Я ее видел!

— Стой! — капитан сорвался с места, кидаясь в лесную чащу. — погоди, дитя!

За ним неуверенно оглядываясь, быстро ушел сэр Кай. Отто двинулся было следом, но его удержала рука в тяжелой латной перчатке — та самая, что спасла ему жизнь у лесного озера. С другой стороны мрачно смотрел безымянный храмовник. Усатое лицо даже в лесной темноте, разгоняемой лишь светом их факелов, казалось серым от усталости, и выражало уже равнодушную безысходность.

— Бесполезно, — в ответ на вопросительный взгляд сэра Отто, которого все еще удерживал за плечо Хосек, устало проговорил усатый. — Она околдовала их. Все с самого начала, с тех пор, как мы ступили в дикие земли, было так, как хотела она. И сейчас тоже. Она вот-вот до них доберется, а потом...

Его прервал отчаянный крик. Кричали с той стороны, куда ушли за призраком девочки околдованные храмовники. Оставшиеся на поляне переглянулись. Кричал как будто бы сэр Кай и так, словно с него сдирали кожу.

— Далеко же они успели уйти, — спокойно проговорил Хосек, снимая руку с плеча Отто и вытаскивая ею свой двуручник. В другой руке у него по-прежнему был факел.

— Во имя Создателя! Мы должны были задержать их! Какого демона мы бездействовали?

— Ведьма с удовольствием полюбовалась бы на нас, бьющихся друг с другом, — усатый горько покачал головой. — Я слышал о таких штучках. Они любят стравливать храмовников. Если бы мы попытались их остановить, они бы посчитали демонами нас, не дающих им спасти несчастного ребенка... Будь они все прокляты!

Кого конкретно он проклинал, усатый уточнять не стал. Сэр Кай вскрикнул в последний раз и умолк. Хосек поправил мешок на плече, без видимого усилия действуя той рукой, которой продолжал удерживать меч.

— Где ведьма? — спросил он у бледного, как лик ночного светила, сэра Отто. Силясь унять дрожь, тот указал направление.

— С-совсем близко, — заикаясь, предупредил он. Усатый поддернул пояс и проверил свой меч.

— Во имя Создателя! — обреченно выдохнул безымянный храмовник. Хосек промолчал. Он первым шагнул в указанную сторону, не выявляя признаков беспокойства. Товарищи старались держаться поближе к нему.

Постепенно лес стал редеть, и спустя короткое время храмовники вышли на опушку. Впереди, насколько было видно в темноте, вновь простирались болота, кое-где поросшие жидкими деревцами. У самого края леса на пригорке притулилась вросшая в почву хижина, кровля которой поросла мхом, и оттого была едва видна от земли.

— Это — ее логово? Она там?

Сэр Отто, к которому был обращен вопрос, с силой стиснул руками виски. Его покачивало, как от сильного ветра, хотя воздух над болотами был на удивление тих. Молодой храмовник поднял взгляд на хижину, а затем вдруг развернулся к толям и глаза его расширились от ужаса.

Над болотами словно пронесся ураган. Усатый храмовник не удержался на ногах. Отто

и Хосека отнесло в другую сторону и повалило, как поленья. В ночное небо взвился огромный черный силуэт и, взмахнув чудовищными крыльями,дохнул на обреченных рыцарей струей ревущего пламени.

Миг спустя Хосек был уже на ногах. Его опять едва не сбило с ног мощным потоком воздуха, когда дракон пронесся над подожженной поляной и полетел в сторону леса, явно намереваясь развернуться. Бросив мгновенный взгляд на то, что когда-то было усатым товарищем, Хосек подхватил за шиворот стонущего сэра Отто и потащил его в кажущееся единственно возможным укрытие — в далеко отстоявшую от горящего леса хижину ведьмы. Кое-как втиснувшись в незапертую дверь и затащив товарища, храмовник бросил его на пол и спешно прикрыл дверь. Существовала небольшая надежда на то, что дракон их не заметил. Потому что если он все же заметил, надежды на спасение не было.

Хосек огляделся. Изнутри хижина представляла собой ожидаемую нору, с набросанными на пол выделанными шкурами и связками сушеных трав, свисавших отовсюду. В углу шкур было больше — должно быть, там была постель. Приглядевшись, храмовник в самом деле различил под наваленными мехами грубо сколоченное широкое ложе. У единственного, затянутого по хасиндскому обычаю рыбьим пузырем окна, стоял не менее грубо сколоченный стол, на котором громоздились разнообразные кувшины, склянки, миски и плошки. Там же лежала раскрытая тетрадь в темном кожаном переплете. Вокруг стола в таком же беспорядке было навалено множество книг.

Хосек подошел к столу. Взяв в руки тетрадь, он в тусклом свете окна бегло просмотрел открытую страницу и, недолго думая, свернул найденное в трубку. Задрав полу мантии, он вытащил засапожный нож и бросил за стол, а в опустевшее гнездо принялся засовывать тетрадь, испещренную малопонятными рисунками и символами.

— Брат... Бьорн...

Покончив со своим занятием и убедившись, что его стараниями тетради не было видно даже при тщательном осмотре, Хосек выглянул в окно. Дракон не возвращался. Глубоко вдохнув, Хосек опустился на колени рядом с товарищем и перевернул его на спину.

Голова и руки сэра Отто сильно обгорели. Его лицо было сплошным ожогом. Кое-где даже доспех выглядел порядком оплавленным. Хосек порывлся в мешке, который он умудрился не потерять при бегстве, и выудил оттуда лечебную настойку. Накапав бесценной жидкости на чистую тряпицу, он укрыл ею глаза товарища.

— Воды...

Хосек оставил лекарственный пузырек и взялся за притороченную у пояса флягу. Отто пил жадно, проливая и то и дело болезненно вскрикивая, когда его обожженные губы касались края сосуда. Наконец, напившись, он откинул голову и, с помощью товарища уместил ее на полу.

— Бьорн... благодарю. Теперь убей... такая невыносимая боль, Бьорн... убей, прошу тебя, не лечи, убей меня! Все равно... она сейчас придет сюда, и тогда... Пусть посчитает, что никто не спасся. Убей меня и уходи, слышишь, Бьорн! Она уже рядом! Ну! Скрипнула открываемая дверь. Хосек вскочил, сиюсь разглядеть вошедшую. Вне всяких сомнений, перед ним стояла та, кого они столько недель искали в диких землях Коркари. Женщина шагнула вовнутрь хижины, и с ее появлением в комнате зажглись все не замеченные ранее лучины и лампадки.

— Дыхание Создателя! Это же Флемет!

Айан молчал. Он и сам видел, что это была Флемет. Не та старуха, которая лечила его

раны в своей — другой, чем эта, хижине. Нынешней Флемет было не более сорока. А может, и поменее. Седина только немного тронула ее еще густые темные волосы. Уже начинавшая увядать красота все еще оставалась в ее облике, как может оставаться в небе солнце в последние дни поздней осени. Флемет была одета в добротное крестьянское платье. Длинные тонкие руки она сложила на груди.

— Так-так. У меня незваные гости, — ведьма ухмыльнулась, делая приветственный жест. — Доблестные рыцари Церкви. Не сказать, чтобы я была рада видеть вас. Все же я думала, что все вы мертвы. Ну что же, раз вы уже здесь, будет неприлично вот так сразу прогонять вас прочь.

Хосек прыгнул вперед, занося меч. Но, несмотря на свою быстроту, опустить его не успел. Ведьма дернула рукой, и храмовника прижало к стене ее хижины. Переступив через стонущего на полу сэра Отто, Флемет прошла на середину комнаты, и остановилась перед корчившимся в путах заклятия Бьорном.

В полуоткрытую дверь проскользнула худая темноволосая девочка лет пяти. Ее длинная белая рубашка была чистой, словно не она только что бегала по лесу, завлекая в чащу непрошенных гостей.

— Они снова пришли, — обращаясь к девочке, проговорила Флемет, оглядывая взглядом фигуру Хосека, который в сравнении с женщинами казался великаном. — Говорила я тебе, они все время приходят, опять и опять. Когда нужно выследить и убить ведьму, их не пугают ни враждебные племена, ни гнилые бездонные болота, ни страшные леса, полные нечисти. Ведь так, доблестный воин своего Создателя? Желание убить в тебе сильнее страха за собственную жизнь?

Хосек молчал. На миг ему показалось, что он способен оторвать руку от стены, но под взглядом ведьмы вся его чудовищная сила вновь и вновь обращалась в ничто.

— Не нужно стараться. Знал ведь, что охотишься на малефикара? Ты сможешь двигаться только, когда я этого захочу. Девочка раздула угли небольшого очага и сунула туда котелок с водой. Ведьма продолжала стоять перед пойманным ею храмовником, прокручивая дешевое медное кольцо на одном из пальцев.

— А ведь я предупреждала, — после паузы, сказала она. — Я всегда предупреждаю. И в землях хасиндов. И в болоте, и в лесу. Но они не слушают. Никогда не слушают. И все же, как они нашли нас на этот раз? Мне казалось, наше убежище было достаточно надежным. Не откроешь секрет, воин Создателя? Я даю тебе разрешение говорить.

Хосек почувствовал, как оковы крови слегка разжимаются. Он попытался оторвать от стены голову, и ему это удалось. Однако прочее тело было будто бы деревянным. Ведьма покачала головой.

— Безнадежно. Этот такой же, как остальные. Даже говорить не хочет. Или он немой?

Рыцарь оставался безмолвным. Флемет шагнула к нему и, взявшись за края, стянула шлем с головы.

Без шлема сэр Бьорн оказался неожиданно юным, не старше Айдана Кусланда, а может, и младше. Его почти мальчишечье лицо, еще не отмеченное никаким пороком, хранило печать бесстрастности и отрешенности, словно происходившее в хижине его не касалось. Очевидно, для удобства ношения доспеха с одной стороны его волосы были заплетены в грубую косу. Ведьма провела ладонью по высокому лбу храмовника, счищая грязь, что набилась в прорези шлема, и усмехнулась.

— Видно, совсем оскудела воинами эта их Церковь, раз посылает в дикие земли таких

цыпляют.

Хосек смотрел на нее, не отрываясь, и взгляд его был до странного спокойным. Флемет, похоже, это удивило. Она подошла ближе, заглядывая в глаза.

— Страха я не чувствую. Как и ненависти. Нет ни обиды, ни жажды убийства, а это странно. Жив ли ты, храмовник? Ну же! Поговори со мной. Не может человек ничего не испытывать. Здоров ты или нет?

Сэр Отто застонал сильнее. Должно быть, уже в бреду. Флемет бросила на него короткий взгляд, и вновь обратилась к Хосеку. Попутно перебирая между пальцами его спутанные волосы, те, что не были забраны в косу.

— Ты, в самом деле, ничего не чувствуешь. Бедняга. Никаких желаний, никаких пороков. Ничего. Идеальный воин Церкви. Но не Усмиренный же ты, в самом деле. Как так вышло, храмовник?

Сэр Бьорн отвел от нее взгляд, посмотрев на продолжавшего стонать товарища. Флемет пожала плечами.

— Не хочешь говорить — не надо. Все, что мне нужно, я и сама могу узнать.

Она тронула его лоб, прикрывая глаза. Рыцарь дернул головой, попытавшись сбросить ее руку, но Флемет держала цепко. Сэр Бьорн рванулся еще раз и, смирившись, застыл. Спустя какое-то время ведьма открыла глаза и, отпустив его, неожиданно расхохоталась.

— О великий хаос! Я-то думала, передо мной очередной великий стоик, из тех, что Церковь воспитывает в послушании для себя, делая из своих почитателей не людей, но оружие. А ты-то... — она обхватила себя за плечи, не в силах сдержать искреннего смеха. — Тебя же с крыльца уронила кормилица, и, ударившись головой, ты навсегда разучился чувствовать и желать. Наш бедный рыцарь просто болен!

Бьорн продолжал глядеть спокойно. Его узкое лицо не выражало интереса или иных чувств. Флемет оборвала смех и, подойдя вплотную, коснулась его губ, оттягивая нижнюю. А потом вдруг прижалась к ним своими.

Поцелуй длился долго. Наконец, Флемет отстранилась. В ее лице читалась досада. Хосек равнодушно смотрел в пол. Он не пытался уклониться, но и не отвечал на ласку лесной ведьмы.

— Так не пойдет, мой рыцарь, — Флемет прошлась по комнате. — Так ведь не интересно. Большая редкость поймать такое великолепное животное, как ты — молодое, выносливое, сильное. Но без чувств это все впустую. Где твоя ненависть к отступникам? Где твоя жажда убивать? Твои возмущение и ярость? Где, в конце концов, твое вожелание, храмовник? В деревянной колоде — и в той больше жизни!

— Хватит пустых разговоров, — пересохшее горло слушалось с трудом, и голос Бьорна оказался внезапно сиплым. — Замыслила убивать — убей.

Собеседница рассмеялась.

— О, так ты, все-таки, умеешь говорить, — она растерла ладони. — Я уж думала, ты совсем недоумок.

— От десницы Создателя не требуется разговоров. Ей достаточно крепко держать меч.

Флемет опять рассмеялась.

— Еще и философ! Знаешь, что, — ведьма подошла ближе и ладони ее загорелись целительским синим пламенем. — Пожалуй, я ведаю, как мы с тобой поступим. Я излечу тебя. Ты сможешь чувствовать и вожелеть, как все прочие люди. Ты рад? Как тебе такой подарок от ведьмы за то, что ты единственный из всех добрался невредимым до ее логова?

— Лучшим подарком для меня будет свобода.

Ведьма рассмеялась вновь. Определенно, в сне храмовника она мало походила на ворчливую старуху, которую помнили Стражи в том, реальном мире.

— Мы не всегда получаем то, чего хотим, мой гость.

Она запустила пальцы в волосы юного храмовника, крепко стиснув его голову между ладоней. Синеватое свечение ее рук сделалось почти фиолетовым. По мере того, как магия перетекала в голову храмовника, выражение его лица менялось. Отчужденность и равнодушие все более уступали место испугу и смятению. Рыцарь словно пробуждался от долгого сна, и пробуждение это вовсе не было приятным. Когда волнение перешло в ужас, Хосек вновь попытался вырваться из оков заклęcia, но опять не смог.

— Что... что ты со мной сделала ведьма? Что это... такое? Во имя Создателя!

— Вот это другое дело, — Флемет удовлетворенно кивнула, убирая руки. — О, да, теперь я чувствую тебя! Даже, пожалуй, слишком хорошо... а ведь это еще одна прекрасная мысль!

Она провела ладонью по лицу сэра Бьорна, будто снимая невидимую паутину. Кожа храмовника вспыхнула, расцветая бордовым багрянцем. Потяжелевшее дыхание сделалось прерывистым. Ведьма понимающе улыбнулась уголком рта и коснулась тыльной стороной ладони его щеки. Юный храмовник с хрипящим стоном потянулся за дарившей ласку ладонью. Глаза его сделались затуманенными, как в бреду.

— Помоги мне Создатель... ведьма, что бы ты ни сделала... умоляю, прекратить... я теряю разум... Создатель да поможет мне превозмочь... эту... пытку...

Заклęcie отпустило его. Храмовник рухнул на колени, сотрясаясь и пряча в ладонях лицо. Он уже не пытался бросаться на хозяйку берлоги с мечом и, похоже, вообще был не в себе.

— Я помогла тебе с твоими желаниями, — Флемет с легким интересом сверху вниз смотрела на рыцаря Церкви, почти упиравшегося лбом в ее туфли. — Теперь ты чувствуешь то же, что другие, те, кто не усмирен. Все человеческие страсти тебе доступны. Больше того — я усилила их, в награду за все те годы, что мертвой куклой ты жил. Отныне там, где другой будет ровно гореть, ты пропадать станешь в буйном пожаре.

Рыцарь Церкви всхлипнул куда-то в пол. Все его большое тело сотрясалось от беззвучных рыданий — или от неудержимого смеха, понять это не представлялось возможным, не видя лица. Ведьма сочувственно покивала.

— Да, теперь, когда мир не так прост и понятен, будет труднее выполнять твою работу. Ты всегда был верным слугой своего Создателя, непогрешимым и не сомневающимся. Ни разу не дрогнула твоя рука, уничтожая плоды человеческой слабости. Это так, храмовник?

— Порочная слабость — греховна, — глухо пробормотал сквозь прижатые к лицу ладони сэр Бьорн. Несмотря на бурю, бушевавшую в душе и теле, ответы его, хоть и невнятные, оставались разумны. — Люди... маги, потекающие своим страстям... ох... есть прах перед Создателем... и... должны вернуться к праху... дабы гнев его... вызванный их мерзостью... не... не пал на истинных почитателей... как было когда-то...

— Оставим этот разговор, — перебила Флемет, разглядывая юношу с все тем же интересом. — Спрошу еще кое-что. Скажи, храмовник, если бы тебе удалось убить меня, пощадил бы ты ее? — она указала на девочку, которая, сидя у очага, не сводила с них внимательных недетских глаз. — Или не стал бы возиться, ведя через все дикие земли к вашим церковным судьям, и голова ее торчала бы на пике рядом с моей?

Бьорн с трудом оторвал ладони от лица и, дрожа, поднял взгляд на ребенка.

— Н-не ст-тал бы убивать... — через силу выдавил он, стараясь не стучать зубами. Лицо его, некогда отрешенное и спокойное, дергалось и цвело красными и багровыми пятнами, которые тут же стухали, уступая место мертвенной бледности. Доселе не испытываемые им чувства, выжигали нутро храмовника, как едкий настой, что используют чеканщики для гравировки своих изделий. Сознание его мутилось, и только слабеющая мысль о том, что его сумасшествие доставит удовольствие ненавистной ведьме, заставляла юношу хвататься за остатки разума, с трудом удерживая себя на границе безумия.

— Не стал бы, — повторил он. — Любое дитя... младше двенадцати, должно быть доставлено в Круг для обучения... дабы уберечь от демонов из трижды проклятой Тени...

— Почему же убиваете вы взрослых отступников? — снова перебила Флемет. — В чем их вина перед вашим Создателем?

— Только тех, кто противится, — стараясь справиться со своим дергающимся лицом, ответил несчастный. — К чему эти... все эти вопросы, ведьма? Я... не могу поверить, что... что я первый, с кем ты... беседуешь об этом... этих вещах...

— Мне интересно, что скажешь ты. Вы все говорите одно и то же, но бывают такие... интересные мнения!

— Мое... ты знаешь. Маги... порочны... Забывая о долге... перед Создателем они... потакают своим страстям... и делаются сосудами для демонов... Люди... не могут защитить себя... ни от магов, ни от чудовищ, в которых их превращает гордыня и...

Храмовник, не договорив, затрясся и обнял себя руками, вновь опуская голову. Его волосы упали с плеч, закрывая лицо, но и так было видно, что юноша вот-вот лишится последних сил — или рассудка. Флемет покивала, как будто бы соглашаясь.

— Странно слушать рассуждения о подавлении страстей от человека, который до сего часа не знал, что такое страсть. Однако эта нелепица теперь исправлена. Отныне тебе доступны все страсти и желания, какие только могут быть — самые сильные, самые порочные. Попробуй превозмочь то, за что раньше ты так легко судил на смерть других, храмовник.

Сэр Бьорн поднял на нее блестящие глаза.

— Да, ты понял правильно, мой рыцарь, — ведьма неподдельно вздохнула, но взгляд ее оставался насмешливым. — Жаль отпускать такое красивое животное. Ты бы продержался долго, очень долго. Но теперь я хочу, чтобы ты жил. Живи как можно дольше, храмовник. Если я велю тебе остаться хотя бы на одну ночь, отсюда ты уже не уйдешь. А потому — убирайся сейчас.

Хосек поймал на себе взгляд темноволосой девочки, и поспешно отвел глаза.

— Я надеюсь, ты сумеешь не издохнуть по дороге и все-таки доберешься к своей Церкви, — наблюдая за его попытками подняться на ноги, с усмешкой проговорила Флемет. — Хочу, чтобы ты на своей шкуре испытал, что такое ее терпимость к человеческим страстям. Твоим страстям, храмовник. Я отпускаю тебя только потому, что знаю — скоро ты сойдешь с ума, а до тех пор жизнь твоя будет страшнее тех снов, что постоянно видят Серые Стражи.

Рыцарь Церкви поднялся на ноги. С трудом заставив себя отпустить стену, сделал неуверенный шаг к двери, еще...

— И заberi с собой этот мусор, — кивнув на затихшего на полу сэра Отто, напоследок приказала ведьма. — Выбросишь где-нибудь по дороге...

Алистер и Дайлен ударили одновременно. Меч и магия поразили Флемет, из которой на миг вырвалась грязная коричневая тень — и опала у их ног. В тот же миг реальность хижины, вспыхнув, погасла.

— Это был демон голода, — ни к кому не обращаясь, пояснил Ниалл, наблюдая за поднимающимся на ноги Хосеком. После прекращения сна капитан храмовников вернул себе свой прежний вид, сделавшись на двадцать лет старше, и в разы неприятнее. — Самый слабый из демонов Тени. Хвала Создателю, мы с ним справились так легко.

Подняв брови, сэр Бьорн оглядел окружавшую его реальности Тени. Принадлежавший демону голода остров ничем не выделялся среди других таких же едва видимых в зеленом тумане островов.

— Я много слышал о Тени, — наблюдая, как Ниалл вытаскивает из горы коричневой жижи мерцавшее сердце демона, проговорил он. — Однако никогда не думал, что увижу ее собственными глазами.

— Некоторые тевинтерские ученые считают, что барьера между нашим миром и Тенью не существует, — внезапно поделился знаниями Амелл, потирая локоть. — Все зависит от способности смотреть и видеть. Сильные маги видят мир так, как он устроен — в гармоничном сочетании обиталища смертных и духов, — он оставил руку в покое. — Трудно в такое поверить.

— Если мы постоянно живем в Тени, но не видим ее, что же такое Завеса? — не понял Алистер. Он встревоженно поглядывал на Айана. Тот вытирал бежавшую из распухшего носа кровь, которая все не желала останавливаться. — Разве она не отделяет нас от Тени?

Дайлен пожал плечами. Дожидаясь, пока Ниалл очистит пульсирующее сердце, капитан храмовников повертел головой и, высмотрев что-то в отдалении, указал туда рукой.

— Считается, что там, дальше, в Тени, на одном из островов находится тот самый Золотой город, где тевинтерские маги сумели побывать во плоти, — сказал он задумчиво. — Город самого Создателя, который маги осквернили своим присутствием. — И откуда потом они притащили скверну, — обтирая сердце о собственную мантию, пробормотал Ниалл.

— Что же можно было сделать такого, чтобы осквернить город самого Создателя? — Алистер еще раз посмотрел на прижимавшего к глазу холодную стальную перчатку Командора и покачал головой. — Что эти безбожники там натворили?

— А мне иногда кажется — ничего они там не творили, — Дайлен отобрал у Ниалла сердце и появившейся изнеоткуда водой вмиг смыл с него наносную корку из нечистот, которых отчего-то в демоне голода было больше, чем в прочих. — Посмотрите вокруг — сколько здесь островов. На каждом — какая-то мерзость. Что если маги ошиблись? Что если они попали вовсе не в город Создателя? А тоже на остров, просто большой? Известно, что тевинтерские маги поклонялись Думату, низвергнутому Создателем. Думат и прочие мятежные боги по велению Создателя были заперты под землей. И выйти каждый из них может только во время Мора, под личиной архидемона. Так может, скверна нужна была древним богам для освобождения из плена? И Думат, связавшись с последователями, обманул их, посулив единение с Создателем в его Городе? Тевинтерские маги просто попали в ловушку, из которой они принесли скверну в наш мир, что освободило первого из богов —

самого Думата. После того, как он был повержен, скверна не пропала, и когда ее сделалось столько, сколько необходимо, пробудился второй бог. Сейчас буйствует Уртемиэль, пятый бог. Всего их семь. Когда будет убит последний, Моря прекратятся.

Слушавшие его стояли в некотором замешательстве, все, кроме Айана, которого все больше беспокоила наливавшаяся в лице горячая опухоль и сильная головная боль.

— Большой ереси я не слышал за все свое служение Церкви, — медленно проговорил Хосек, глядя на сердце демона в руках мага. — Но трудно что-то возразить на это, кроме того, что Церковь учит неукоснительной виновности магистров и магов в целом.

— Они на самом деле виновны, — Дайлен кивнул, незаметно для себя ввязываясь в беседу с ненавистным ему храмовником. — Как андрастеанин я осуждаю гордыню явиться к Создателю против его воли. Но как человек... сомневаюсь... до конца ли можно доверять бытующему мнению... обо всем этом. Быть может, Церковь Андрасте, так же, как и магистры, была просто... обманута или... введена в заблуждение? Кто вообще разнес весть о том, что магистры побывали в Городе? Кто слушал их, когда они вернулись? Мы все знаем с чьих-то слов, которые говорят о том, что в свою очередь слышали чьи-то уши зачастую — очень невежественные. И счастье, если уши слышали то же, что видели и глаза. Но, как правило, болтуны слышат только домыслы и байки, которые потом разносят всюду под видом правды, и баламутят народ.

— Капитан! — Ниалл в ужасе отшатнулся от все более распалявшегося Амелла. — Он творит непотребные речи. Он — хуже отступника! Отчего вы позволяете ему это?

— Я почитаю Создателя и благую Андрасте, — резко бросил мятежный Страж, и его темные глаза выцвели сине-белым. — Но это не значит, что я не могу задумываться об очевидных вещах, о которых не совсем все понятно!

— Дайлен, — негромко напомнил Кусланд. — Не теперь. Мы и так потратили много времени на сон капитана.

Амелл опустил голову, играя желваками. Как всегда, Командору он подчинялся беспрекословно. Наконец заметивший состояние Стража Ниалл окутал руку синеватым целительским свечением и несколько раз провел по его лицу — там, где пришелся удар о камень.

— Давай уже, клади эту штуку в... эту штуку, — наблюдая, как под пальцами мага с лица товарища спадает отек, попросил Алистер. — Если нужно убить еще одного демона, чтобы уйти отсюда — сделаем это и уйдем. Здесь людям не место.

Дайлен дернул щекой, видимо, окончательно смиряя желание продолжить разговор, и, повернувшись к последнему из четырех пьедесталов, возложил на него очищенное сердце демона.

В отличие от прочих, пьедестал вспыхнул мгновенно сверху донизу. На глазах у столпившихся вокруг него людей, объединяющие четыре островные точки линии соединились в одну, протянув лучи к главному острову, который тоже засветился тем же колдовским светом, что и прочие острова.

— Путь открыт.

Гости Тени переглянулись.

— Уверен, он нас ждет, — хмуро сказал капитан Хосек.

— Но не идти мы не можем, — в тон ему обрадовал Дайлен. — Скоро ему надоест ждать, и тогда он нагонит других демонов, которые скрутят нас в два счета.

— А сейчас не скрутят?

— Сейчас он наполовину в нашем мире и только что лишился своих приспешников. Это может ослабить его, — Амелл пожал плечами. — Командор, не смотри на меня так. Я понимаю в Тени и демонах немногим больше твоего. Не могу знать, с чем нам придется бороться на этом проклятом острове. Я сделаю для нашей победы все, можешь не сомневаться. Но я не Создатель, и даже не старший маг. И с высшими демонами мне до сих пор сталкиваться не приходилось.

— Не скромничай, Дайли. Ты куда сильнее всех старших магов вместе взятых, что топтались по коридорам Ферелденской башни Круга за последнюю сотню лет, — Хосек потер переносицу. — Командор?

— Тут нечего обсуждать. И ждать тоже нечего.

— Не нужно забывать, что нас ожидает не один высший демон, а целых два, — ненавязчиво напомнил Алистер. — Этот ваш... как там его... Ульрик?

— Ульдред, — поправил побледневший Ниалл. — Да поможет нам Создатель!

Переход был мгновенным. Крепко взявшихся за руки людей вышвырнуло на покрытую жестким камнем твердь главного острова почти одновременно. Алистер поднялся первым, помогая Ниаллу, который упал, неудачно ударившись о колонну. Колонн было действительно много, хотя они не поддерживали ничего, будучи наставленными в беспорядке в разных частях острова. Место, куда они попали, больше напоминало развалины замка или храма. То тут, то там высились остатки стен и колонн, сплошь из матового камня темных цветов. Казалось, лучше всего сохранился пол. Блестящий, выложенный пластинами, он вызывал опасения подскользнуться, лишь только ступив на него. Той зеленовато-бурой пыли, в избытке устилавшей другие острова, здесь не было в помине.

— Сразу видно, что здесь живет хозяин, — громко, на весь остров, заявил Дайлен, рассчитывая на внимание демона. — Все его владения — жуткая дыра, а здесь — дыра, заполненная хламом!

Плита под его ногами с хрустом разломилась, и из нее взметнулись вверх языки холодного зеленого пламени, в единый миг охватившие тело мага. Спасаясь от нестерпимой боли, вызванной то ли холодом, то ли жаром, Дайлен с криком запрокинул лицо, и пламя вокруг него застыло уродливым переплетением стекла. Все произошло настолько быстро, что его спутники, в немом изумлении глядевшие на случившееся с Амеллом, упустили мгновения, когда вырвавшаяся из-под стеклянных плит магия поразила их самих.

Спустя несколько мгновений все, кроме Ниалла, который не ступал на плиты, оставшись у колонн и излечивая поставленную при падении шишку, оказались в западне. Застывшее пламя не причиняло боли, но и не выпускало из стеклянных объятий, не давая шевельнуться. Со стороны могло показаться, словно четверо людей вросли в камень.

— Дайлен! — резко бросил Айан, который, попытавшись в последний миг отпрыгнуть из колдовского огня, застыл в неудобной позе. — Чего ты ждешь?

— Ничего, — севшим голосом отвечал смятенный маг, морщась и сцепивая зубы. — Я ничего не могу сделать.

— Не можешь?

— Что-то случилось с... с моей связью с Тенью. Это стекло... как будто бы отгородило... я... едва слышу Тень. Недостаточно даже, чтобы...

Он напрягся, и воздух перед ним сгустился, готовясь выплюнуть струю обжигающего огня. В лицо мага дохнуло жаром, взлохмачивая волосы. Однако самого огня вызвать не удалось. Дайлен оборвал попытку, но попробовать снова не успел. Из ниоткуда на его лоб опустилась костлявая и когтистая рука, мягко, но предупреждающе. Вслед за рукой перед стеклянной чашей появился ее хозяин. Высокий и худой остроголовый демон в длинной мантии чем-то мог напоминать человеческого мага, если бы не размеры. Удерживая голову Стража-мага, демон обернулся, оглядывая прочих пленников, и демонстрируя им безгубый оскал впечатляющих клыков.

— Что это? — глухо прогудел он, поочередно глядя на каждого. Дайлен дернул головой, скидывая чудовищную ладонь, на что, впрочем, демон не обратил никакого внимания. — Что тут у нас? Мятежные любимцы? Беглые рабы? О великий хаос... впрочем, это было ожидаемо.

Он прошелся между застывшими пленниками, касаясь лба каждого. Лица Айана и сэра

Бьорна он изучал особенно долго.

— Я пожалничал, — пояснил демон с долей сожаления. — Набрал слишком много пленников и слишком мало помощников. Будь у меня время, я бы увеличил число моих помощников, но как я мог предугадать, что моими гостями будут настолько сильные смертные? И сразу так много?

— Как тебе удалось оградить меня от Тени? — с ненавистью прошипел Дайлен, глаза которого горели синим лириумным огнем. — Теперь, когда мне наконец-то начало нравиться быть магом!

— Твоя связь с Тенью сохраняется, — заботливо пояснил демон, останавливаясь рядом с Хосеком. — Стоит только разбить мою магию. Впрочем, ты можешь попробовать магию крови... разумеется, если ты настолько силен, что умеешь творить заклятия, не выпуская ее. Ведь магия крови проистекает изнутри мага, а не из Тени.

Под обращенными на него взглядами Дайлен покраснел.

— Дыхание Создателя, да не пяльтесь вы так на меня! Я вам не тевинтерский магистр! Я не умею... не могу... того, что вы от меня ждете. Я не мог выучиться этому... по одной книжке... без практики... когда за мной... по пятам... ходили... полоумные храмовники!

— Веришь, Дайли, — маг не мог видеть, но прекрасно слышал насмешливый голос Хосека. — Я и так, как мог, создавал тебе условия учиться и постигать. Ты мог до утра сидеть в библиотеке даже после отбоя, тебя не трогали часовые, когда вы с дружкой шатались ночными коридорами, ты мог беспрепятственно шастать даже к стеллажам с книгами, запретными для других учеников. Я был уверен, что пестую будущего Первого Чародея. Не моя вина, что ты оказался такой ленивой бестолочью.

Демон прислушивался к перепалке смертных, склонив голову набок. Трудно было что-то понять по страшной маске на месте его лица, но общий вид его выражал немалую заинтересованность.

— Прошу вас, продолжайте, — просительно прогудел он, убедившись, что маг умолк надолго, и переговариваться с храмовником дальше не собирается. — Мне интересны разговоры смертных. В них столько... жизни, столько... эмоций. Все это довольно... интересно и... вкусно.

— Он жрет силу наших чувств, — напомнил капитан, цыкая щекой.

— Ты хочешь нас убить?

— Убить? — демон подошел к Алистеру, впервые за все время заинтересовавшись им напрямую. — О, забыл, совсем забыл. Королевская кровь. Нет, убивать — расточительство. Найду других помощников. Верну вас на место.

— Королевская кровь? — не понял Хосек. Он силился повернуть голову так, чтобы взглянуть на Алистера, но это ему не удавалось.

— Не твое дело, мерза... храмовник!

— Тише, Дайли. В это время твой враг — это демон, а не я.

— Демон! — Кусланд повел плечами, но, как и всех, стеклянные оковы держали, будто камень. — Демон! — он крикнул громче, привлекая к себе внимание. — Я слышал, вы любите заключать сделки со смертными.

— Да, — глубоко прогудел демон, поворачиваясь к Алистеру спиной. — Любим. Если есть в том выгода для нас. Если смертный имеет что-то предложить. У тебя ничего нет, избранный Создателем. Кроме твоего тела, которое мне не подходит. Впрочем, среди вас есть тот, с кем я был бы готов заключить сделку. Если он согласится.

Демон посмотрел на одного из своих пленников. Тот хмыкнул.

— И что же ты хочешь от меня? Мое тело?

— В мире смертных твоё тело лежит у моих ног. Я могу занять его в любой миг, — демон праздности шагнул ближе, останавливаясь перед капитаном Хосеком. — Мне нужно не тело.

— Ну? Ты хочешь, чтобы я задавал вопросы, пытаясь у тебя, что тебе от меня нужно?

— Мне нужен страж, — помедлив, гулко сообщил демон. — Вы убили моих помощников. Должен найти других. Но уйти из мира смертных тоже не могу. Кто-то из магов стянет края Завесы и я не смогу вернуться. Я — высший, но когда мыслю по оба края Завесы — тяжело, я слаб. И если вас покину — магия моя ослабеет, истончится. Нельзя оставлять стихии без присмотра. Нужен страж. Который присмотрит. Я покажу, как.

— То есть, ты хочешь уйти и оставить меня сторожить моих же товарищей? — не веря своим ушам, переспросил Хосек. Лица прочих невольных гостей демона выражали не меньшее удивление. — А что я получу взамен? Ты обещаешь дать мне проснуться?

Демон прошёлся между пленников, приопустив голову. Это получилось у него почти по-человечески. Полы длинного диковинного одеяния волочились по стеклянным плитам пола, но бесшумно, словно не касаясь его.

— Есть ли смысл тебе просыпаться? — загудел он опять, заставляя морщиться тех, кто был к нему ближе. — Что тебе твоё смертное тело? Я знаю — проклятие древнего существа, более древнего, чем многие создания Тени. Много лет ему противостоял. И убивал свою плоть. Боль и лириум сильно подпортили твою смертную оболочку. Без помощи магов-целителей жить недолго сможешь. И с помощью немного лет тебе осталось. Ты пьешь настои, которые перестают помогать. Причиняешь себе увечья, чтобы боль перекрывала тягу пороков, что не ослабевает со временем. При том калечишь мясо внутри себя, и лекари башни уже не в силах излечить его. Постоянные боли уже есть. Это предвестники разложения калечного мяса, глубоко внутри. Раньше ты помнил каждого мага башни, от рождения и до кончины. Мог читать на память трактаты древних. Теперь же временами забываешь, с какой стороны ложа ставил сапоги. Это лириум, которым злоупотреблял все долгие годы. Боли усилятся, память уйдет. Потом разум. Потом придет слепота. Ты быстро умираешь, храмовник, и знаешь об этом. Так скажи теперь — зачем тебе обратно?

Хосек молчал. Молчали и остальные. Глаза Амелла выцветали белым, что было признаком сильного волнения, но не злобы. Многие в Тедасе непонаслышке знали, что творит лириум с теми, кто его пьет. Судя по многим признакам, Хосек пил его, как воду. Если демон и приукрашал что-то, то немного.

— Ну и что ты предлагаешь? — тише обычного поинтересовался сэр Бьорн. — Что? Убить меня здесь, чтобы я не разлагался там?

— Нет, — в гудении демона послышались первые нотки торжества. — Я предлагаю тебе остаться здесь и служить мне. Служи хорошо, и я сделаю тебя помощником.

— Ну, это уже ни в какие ворота не лезет!

— Ты дурачишь меня, демон, — вполне солидарный с Алистером, пробормотал храмовник. Он глядел прямо перед собой. — Демоны не берут в услужение смертных.

— Ты не обычный смертный, — повелитель праздности почти человеческим жестом похлопал его по стеклу над плечом. — Все вы не такие. Но твоя сила — в духе. Редкий смертный столько лет способен противиться проклятию древнего. Если все сделать правильно, со временем от долгого бытия в Тени ты можешь измениться. Сердце твоё

изменится. Оно будет пылать, и давать тебе силу вечности.

— Он станет демоном!

— Это невозможно, — если бы мог, Амелл покачал бы головой. — Так не бывает.

— Что вы знаете о Тени? — демон говорил все увереннее. Даже голос его, глухой и гулкий стал звучать четче. — Есть неизблемые вещи, есть те, что меняются. Я предлагаю сделку. Нельзя изменить ее условий. Вы все это знаете. Ты будешь жить здесь и сделаешься моим помощником, — повторил он еще раз, обращаясь теперь прямо к Хосеку. — Не сразу. Придется долго видеть сны. Но не те, что раньше. Мне подходят любые чувства. Боль и страдания я получу от других. Ты же сможешь сам делать свои сны. Я знаю — чувствую. Столько желаний, что подавлялись год за годом. Боль, яд, самоотречение. И — страдание от того, что не всегда справлялся с собой. Здесь ты сможешь исполнить любое желание. Любая прихоть. Любой сон. Без осуждений. Без наказаний. Без страдания совести. Подумай. Долгая смерть там. Агония. И покой и умиротворение здесь.

Хосек молчал. Очнувшийся Айан снова завожился в своих стеклянных оковах.

— Тебе настолько понравились наши души? — мрачно поинтересовался он. — Что ты готов принять к себе смертного на таких условиях?

— Тень безгранична, — демон сделал движение, словно бы пожимая плечами. — Тварью больше, тварью меньше. Это не так важно, как кажется вам. Но и такие души, как ваши, попадают редко.

Он помолчал.

— Ты отмечен Создателем. Большая редкость, малая малость на множество смертных поколений. Создатель избирает и накладывает свое клеймо. Я вижу, вы нет. Отмеченный не сильнее, умнее, или достойнее. Он просто отмечен. Но это редкость, а редкость приятна. Он, — демон указал в сторону кусавшего губы Амелла, — стихиарий. Большая редкость, еще реже отмеченных. Пока он слышит Тень, вся Тень за него. Если бы довелось ему сделаться демоном, он стал бы высшим. И королевская кровь. Пусть даже пестованная неподобающе, она говорит за себя. Тот, в чьих она бежит жилах — всегда желанен. Пусть даже его собственная сила не так велика и... спит.

— Ты что, королевский ублюдок? — не особо чинясь, мрачно поинтересовался Хосек. Впрочем, не особо рассчитывая на ответ. Его и не последовало. Алистер молчал, стиснув зубы.

— Не пойму, отчего ты сомневаешься, — так и не дождавшись ответа, вновь заговорил демон праздности. — Ведь то, что я предлагаю тебе, должно быть, никто не предлагал еще смертному. Подумай, что тебя ждет в случае отказа. Те же страдания, что и в жизни, из раза в раз, снова и снова, пока душа твоя не истощится, и не растворится в Тени. Или — сделаться свободным в своих желаниях и порывах. Пусть даже во сне, но — свободным.

Рыцарь молчал. Прищурившись, он смотрел в одну точку и, по-видимому, серьезно обдумывал предложение демона.

— Ладно, смертный, — когда молчание стало затягиваться, досадливо проговорил тот. — Только потому, что мне нужен страж, а никто другой не подходит для этого. Им всем, в отличие от тебя, есть что терять. Я отдам тебе то, что тебе нужно. Что ты желаешь. Сны будешь творить ты сам, но подопечный твоих снов будет настоящим. Это мое последнее предложение.

Лицо Хосека оживилось. Впервые за долгое время он поднял на демона глаза.

— Я почувствовал твою заинтересованность, смертный.

— О, да, — храмовник ухмыльнулся. — Ты наконец-то предложил мне то, что смогло заинтересовать.

— И ты...

— Я согласен, — Хосек мотнул головой. — Теперь согласен. Если подумать — ты прав. Там... действительно начались боли, которые целители унять не в силах. Они успели утомить, а ведь чем дальше — тем будет хуже. Если ты исполнишь здесь все, что обещал — я согласен.

Клетка хрустнула, жидким стеклом сползая с рыцаря обратно в плиты пола. Тот выпрямился и потянулся, разминая спину.

— Так что ты говоришь, мне нужно делать?

— Оставайся здесь. Сторожи моих... гостей. За стихиирием следи особо. Он твой, но без моей помощи для тебя он опасен.

— Мальчишка опасен? — мягко ступая по стеклянным плитам, сэр Бьорн приблизился к клетке Дайлена и взял того за подбородок, заглядывая в глаза. — И как я справлялся с ним там, в Круге, столько лет?

— Если ты сейчас не уберешь свои руки, — бешено дергая головой, процедил Амелл. — Я их тебе отожгу.

— Побереги свой пыл, — проводя тыльной стороной ладони вдоль линии его скулы, улыбнулся храмовник. Улыбка эта вышла неожиданно страшной в своей обреченности. — Понадобится. Действуй, Дайлен.

Острый шип латной перчатки храмовника впечатался в шею мага, резко раскраивая тонкую кожу и мясо. Из разорванной жизненной жилы сильным потоком хлынула алая кровь.

— Обманщик! — гулко взревел демон, и рев его раскатисто прокатился по всему телу острова. — Предатель!

В лапе демона возник огненный шар, но метнуть его в рыцаря, который заслонил собой клетку, ему не пришлось. Выскочивший из своего укрытия за колонной Ниалл запустил в хозяина острова россыпь ледяных стрел из мгновенно замороженных водных капель. Развернувшись, разозленный демон швырнул в него шаром, но ничего больше сделать не успел.

Хлеставшая из шеи Амелла кровь мгновенно собралась в бордовый туманный вихрь. Его клетка с треском лопнула, а за ней — клетки Айана и Алистера. Миг вихрь клубился над застывшими людьми, и потом — обрушился на демона.

— Чего вы ждете? Убить его!

Трудно было понять, кому именно принадлежали эти слова. Смертные сорвались с места одновременно, с разных сторон бросившись на окутанного губительным кровавым маревом высшего демона. За их спинами малефикар в покрытом кровью доспехе посылал на порождение Тени все новые волны своего бешенства, уже не соображаясь с количеством выпущенной крови, и пылая лишь одним желанием — размазать высшего по стеклянным плитам его острова. Люди атаковали яростно и отчаянно, не жалея друг друга и не останавливаясь ни на миг, уклоняясь от заклятий и ударов демона, и наскакивая вновь, с отчаянным упорством.

Даже ослабленный, высший демон обладал чудовищным могуществом, быстро перемещаясь по острову, часто меняя личину и швыряясь убийственными по своей силе огненными шарами. Множество раз он вновь пытался поймать противников в стеклянные

ловушки, но всякий раз терпел поражение от Дайлена, которого не было видно за вихревыми потоками магии крови. Спустя какое-то время взбешенный малефикар вспомнил о подчинявшихся ему стихиях, и обрушил на уже потрепанного демона камнепады из огня, заставив прочих бойцов спасаться бегством.

— Дайлен! — уворачиваясь от падавших из ниоткуда раскаленных булыжников размером с конскую голову и прикрывая голову щитом, проорал Айан. — Хватит! Хватит, слышишь! Ты его убил! Он мертв!

Рискуя собой, сквозь сбивавшие с ног потоки смертоносной магии, Алистер сумел подобраться к Амеллу и вцепиться в его плечо, сильно встряхивая. Дайлен резко обернулся к нему. Искалеченные глаза горели пронзительным синим светом, выдавая крайнюю степень бешенства.

— Ты сошел с ума! Ты всех нас убьешь!

Маг с силой зажмурился. Разлетавшиеся от него магические вихри опали на почву кровавыми брызгами. Со свистом грянул о пол последний булыжник. Отпрыск королевской фамилии успел подхватить покачнувшегося товарища и усадить его наземь. Подбежавший Кусланд помог зажать рваную рану на шее Амелла, препятствуя ходу крови. Всегда светлокое лицо мага ныне было почти зеленым. Дайлен запрокинул голову, пытаясь справиться с крупной дрожью, сотрясавшей его тело.

— Где этот целитель? — сквозь зубы процедил Айан, тыльной стороной ладони смахивая кровь со лба и оглядываясь в поисках второго мага. — Ниалл!

— Ниалл мертв, — храмовник подошел тоже. На его волосах и плече застыла корка льда от неосторожного подставления под замораживающее заклятие демона. — Его разнесло первым заклятием. Нужно поскорее убираться из Тени. В мире смертных с Дайли будет все в порядке.

— Как?

— Убить демона праздности, — стуча зубами, простонал Дайлен. — Если мы все еще здесь, он жив. Вы... помогите мне подняться. Опираясь на плечо Айана, маг в сопровождении остальных сумел дохромать до хозяина острова, распростертого среди обломков колонн и плит стеклянного пола. Вид демона праздности был плачевным. Магия крови сильно обожгла его кожу. Ноги были оторваны, грудь — раздавлена ударом щита Кусланда. Демон открыл глаза, и, с трудом сконцентрировавшись, вперил тускнеющий взгляд в шатавшегося Дайлена.

— Стихиарий... — просипел он. — Знал, что... нужно... опасаться тебя... Жаль... не довелось схлестнуться... когда я в полной силе. Я...

Меч Хосека со свистом рассек стоячий воздух Тени. Демон дернулся с хриплым криком. Ударив второй раз, храмовник отрубил голову твари.

— Поди ты с твоими сделками, чудище, — сплюнув на труп, пробормотал он, обращаясь больше к себе. — Я всю жизнь положил на то, чтобы оберегать мир от таких, как ты. Если в вашем мире так хорошо, как ты расписывал, отчего вы все так рветесь в наш?

Голос его становился все тише. Стражи с удивлением смотрели, как сэр Бьорн будто растворялся в воздухе, исчезая из Тени. Алистер протянул руку, чтобы тронуть рыцаря, но тот уже исчез, истаяв, как туман. Изумленный Страж поднес к глазам руку, пальцы которой таяли, как только что это происходило с Бьорном.

— Увидимся...

Его голос сделался невнятным и стих. Лицо Дайлена, только что безразличное и

бледное, заметно оживилось. Нашупав на поясе нож, он выхватил его и упал на колени перед телом демона. Трясущимися руками вспоров раздавленную грудь, сунул внутрь руку.

— Что ты делаешь? — мрачно поинтересовался Кусланд, когда в руках мага появилось ярко мерцавшее сердце демона.

— Времени у нас мало, а потому слушай и не перебивай, — торопливо заговорил Амелл, чувствуя, как его тело становится все легче и невесомее. — Это свойство я случайно открыл во время путешествия по Тени. Слушай, говорю! Сердце демона усиливает связь с Тенью, если съесть его! Да, съесть, — он протянул руки, и сквозь его исчезающую плоть сочащиеся соками сердце шлепнулось на ладонь Командора. — Я испытал это на себе. Съешь его — сделаешься магом. Если захочешь...

Дайлен исчез. Кусланд посмотрел на сердце, лежавшее у него на ладони, в молчании наблюдая, как последняя тает в зеленом мареве Тени.

Айан открыл глаза. Прямо перед собой он увидел чью-то руку. Подняв голову, Командор убедился, что рука принадлежала Ниаллу. Мертвый маг лежал на боку, откинув кисть далеко в сторону, а другой прижимая что-то к груди. Рядом с ним валялось тело одержимого, некогда бывшее вместилищем демона праздности.

Рядом тяжело поднялся сэр Бьорн. Храмовник прошествовал мимо Стражей и, склонившись к Ниаллу, вынул из его рук свиток, прикрепленный к тонкой деревянной раме.

— Литания Адраллы, — храмовник подставил плечо, помогая подняться. — Идем обратно. Нас, должно быть, уже сочли погибшими. Алистер был уже на ногах. Дайлен поднялся последним, ощупывая шею. Ран, полученных в Тени, не было ни на ком.

... Их возвращение действительно было встречено изумленным молчанием. Не дожидаясь вопросов, Хосек поднял руку, и опустил ее, отменяя долгие разговоры.

— Вот Литания. Мне нужны те, кто сможет драться. Элуат, твоя компания. Рыцари пойдут все, — он обернулся к группе молодых магов, жмущихся друг к другу. — Вы. Хотя кто-то из вас, вечно ноющих дармоедов не хочет показать, что он хоть на что-то способен?

— Решайтесь, — кашлянув, Амелл прислонился плечом к стоявшему тут же шкафу. — Докажите, что вы нужны Ферелдену. Быть может, сейчас... проклятье, сейчас может решаться очень многое.

— Мы пойдем, — высокая худая девушка, стоявшая рядом со старухой Винн, решительно стиснула свой посох. — Эти твари убивали наших друзей. Мы можем поквитаться.

— Бьорн, — старая магиня шагнула вперед. — Дай мне взглянуть на Литанию. Полагаю, следует просмотреть ее перед тем, как начать читать.

Капитан склонив голову, исполнил ее просьбу. Винн несколько раз пробежала глазами по тексту и лицо ее вытянулось.

— По правде говоря... я не знала... она же...

— На древнетевинтерском, — Хосек кивнул. — Я понял, как только увидел текст.

— О Андрасте, — магиня подняла тревожно заблестевшие глаза. — Все, кто мог бы прочесть, мертвы. Разве что... Подождите! Дайлен брал в библиотеке свитки... те, которые хранились со времен Империи. Так, Дайлен? Я помню твои препирательства с библиотекарем. Тогда было много шума. Ты мог бы прочесть Литанию?

Под обращенными на него взглядами Амелл досадливо поморщился.

— Почему с недавних пор все стали видеть во мне Создателя? Я знаю всего несколько десятков слов, необходимых для чтения свитков по тактике и стратегии древнего Тевинтера. В основном я... рассматривал... схемы. Построения войска. Я даже не смог до конца осилить трудов знаменитого тевинтерского стратега Максимуса Туллая, потому что ваш библиотекарь отобрал у меня словарь, обвинив в том, что я все время его листаю, и от этого ветшают страницы! Я... мне нужно время, чтобы быть уверенным, что я прочту правильно. Некоторые правила произношения... боюсь, что их можно толковать двояко, и...

— Я прочту Литанию, — Хосек почтительно взял текст из рук старой магини. — Многие трактаты по малефикаруму написаны на древнетевинтерском, — пояснил он окружавшим, которые как один взирали на него с немым изумлением. — Как капитан рыцарей Церкви, для обеспечения безопасности вверенных мне магов я должен разбираться

в азах магии крови. Хотя бы теоретически.

— И для этого ты осилил древнетевинтерский? — Винн покачала головой. — Не удивляйся, капитан, если я скажу, что меня одолевают сомнения...

— Понимаю, — Хосек кивнул одному из храмовников. — Посвети мне, брат Алесар.

Дождавшись факела, старший рыцарь близоруко сощурился, поднеся свиток к самым глазам, и медленно заговорил на языке древнего могущества.

— На кэрэтисис и аиа Анзрасте кэ катапликтико тис андра о Зимиурго маз...

— Достаточно, Бьорн, — на строгом лице Винн впервые появилось подобие улыбки. — Ты удивил меня. Что ж, как бы то ни было, теперь у нас есть все, что нужно. Осталось только подняться к Ульдреду и прочесть это ему в лицо.

— И побыстрее, — Дайлен взглянул на своего Командора. — Неизвестно, чем они заняты там столько времени взаперти.

— Мы идем на самый верх башни? — негромко поинтересовался Алистер у поднимавшегося рядом с ним по ступенькам Дайлена. — Почему маги выбрали местом собрания эту комнату? Я думал, там ничего нет. Только сторожевая площадка.

— Там — комната для Истязаний, — задыхаясь, прошипел белый до синевы от сильной кровопотери Страж-маг.

— Для чего??

— Чего слышал, — Дайлен сбился с шага и на него тут же налетел поднимавшийся следом храмовник. — Так они называют демоново посвящение в маги. Травят тебя лириумом и забрасывают душу в Тень на поживу ее тварям. И все время, пока твое тело валяется в этой комнате без души, демоновы храмовники держат у твоего горла клинок. Если они решат, что ты пробыл в Тени слишком долго и не можешь вернуться обратно — перерезают горло. Это у них называется Истязание. Не знаю, кто выдумал такое дурацкое название для этого дурацкого действия. Какие выдумщики, такое и название, нужно полагать.

Как и всегда, щедро поделившись своим настроением, Амелл надолго умолк, и сосредоточился на подъеме. Лестница все время поворачивала и была до того крутой, что под конец восхождения запыхались даже маги в легких мантиях, а хриплое дыхание носивших броню храмовников и Стражей могло загодя предупредить об их приближении любого противника.

Однако, против ожиданий, на широкой площадке перед входом в комнату Истязаний их встретил один только храмовник. Он стоял, склонившись в молитвенном положении, и даже не поднял головы, когда перед ним неожиданно появилось столько людей. Вокруг храмовника, переливаясь, мерцала сиреневатая стена, из-за чего казалось, будто рыцарь сидит в большом стеклянном стакане. — Магия крови, — вполголоса пояснил Элуат капитану Хосеку, который стоял, держась за грудь. Кровотечение из-под его доспеха усилилось. — Зовется Тень Завесы. Это применяется для пытки. Разрушить можно только кровью.

— Можешь разрушить? — тоже негромко поинтересовался тот в ответ. Элуат пожал узкими плечами.

— Можно попытаться. А вы... вы ведь передумали казнить всех нас? Сможете потом защитить меня от Усмирения, сэр? На случай, если кто-то донесет рыцарь-командору?

Капитан сделал знак всем умолкнуть. Он и Кусланд подошли к плененному магией рыцарю. С некоторым удивлением Командор Серых Стражей вспомнил его искаженное полубезумной гримасой лицо.

— Каллен!

Сидевший в магической клетке рыцарь крупно вздрогнул. Взгляд его сделался осмысленнее. Пошарив глазами, он наткнулся на Бьорна, потом — подошедшего к клетке Амелла и замотал головой, зарываясь в ладони лицом.

— Опять то же! Вам меня не сломать, нет, не сломать! Я выстою! Выдержу! Создатель да укрепит волю мою..!

— Эта клетка поддерживается силой его же страданий, — морщась, догадался Страж-маг.

— Каллен, — Хосек присел перед мотающим головой и тихо подвывающим

пленником. — Заткнись хоть ненадолго. Сейчас мы тебя отсюда вытащим.

— Хватит видений! — рыцарь резко мотнул головой и попытался вцепиться зубами в собственное покрытое сталью плечо. — Хватит голосов... этот хохот... если в вас осталось еще что-то человеческое... убейте... прекратите эту игру..!

— Он бредит, — Хосек тяжело выпрямился, не сумев сдержать стона. — Его пытали. И, судя по виду, не давали пить. Дайли, сможешь ему помочь?

— Отойдите, — потребовал Амелл, снимая рукавицу. Крови под ней было достаточно. Он поднял руку, без вреда для себя касаясь кожей поверхности клетки. Подцепив что-то на переливавшейся сиреневой стене, он дернул, раз, другой. Под его кровью стена оплывала, но восстанавливалась, стоило только ее отпустить.

— Может, попробовать сжечь? — Винн подошла ближе, наблюдая за его усилиями.

— Нет, — Элуат оперся на посох. — Попробуйте, и убедитесь, что это не поможет. Клетку можно сломать только используя кровь... или подождать его смерти. Когда нечему станет ее подпитывать, со временем она распадется сама собой.

— Дайли, — Хосек тронул переливающийся сиреневый край и, обжегшись, отдернул руку. — Вытащи его оттуда.

— Я и так это делаю, — Амелл зло дернул плечом. — Он не прошел мимо меня, и я мимо него не пройду. Но я потерял сегодня столько крови, что уже просто не могу выдавить еще!

— Может, подойдет моя кровь? — Айан снял перчатку, протягивая руку.

— Я уже говорил, что не умею творить магию из чужой крови, — Дайлен вытащил нож. — Если бы умел, давно в этом признался. Он сделал новый надрез. Брызги крови упали на стенку клетки, на несколько мгновений растворяя ее. Айан и подоспевший Хосек ухватились за края щели, не давая им сойтись. Поспешившие на помощь Алистер и еще двое храмовников удерживали разрыв до тех пор, пока мокрый от натуги Амелл не пропорол стену клетки снизу доверху. От разрыва по колеблющейся сиреневой поверхности быстро пробежали трещины, в несколько мгновений охватившие всю клетку.

Элуат взмахнул посохом. Клетка треснула, разлетевшись осколками стекла. Осыпанный ими Каллен неловко прикрыл голову руками, не имея возможности увернуться. Тем, кто стоял ближе, тоже досталось. Чудом оставшаяся невредимой Винн стремительно подошла и склонилась над бывшим пленником. Рыцарь Каллен все еще дрожал крупной дрожью, но взгляд его прояснился.

— Бедный мальчик, — Винн провела по волосам храмовника, оставляя по ходу ладони след целительной магии. — У него сильное обезвоживание. Какое варварство!

— Каллен, — Хосек, морщась и поддергивая кирасу, вновь присел рядом. — Ты видел Ирвинга? Он там?

Храмовник поднял трясущуюся голову и вдруг заметил столпившихся у лестницы магов. Вскрикнув, он вскочил, пятясь назад и не сводя полубезумного взгляда с их мантий.

— Не подходите! Во имя Создателя, не подходите! Вы не заставите меня... никогда... клянусь благодетельной Андрасте, я...

— Тихо, Каллен, — Хосек поднялся, опершись на колено. — Заткнись, возьми себя в руки. Где Ульдред?

При звуках этого имени рыцарь еще раз крупно вздрогнул. Он обернулся к двери, ведущей в комнату Истязаний. Словно нарочно из-за нее донесся сильно приглушенный чей-то дикий крик.

— Там, — сипло выдавил он из себя. — Оба там. И еще целая толпа одержимых. Они... — он сглотнул, пытаясь смочить горло. — Они кого-то пытаются. Временами оттуда доносятся такие звуки... такие...

— Странно, что эта толпа до сих пор не выскочила и не задала нам жару, — Алистер кивнул на дверь. Элуат неопределенно пожал плечами.

— Нет в этом странного. Мысли и поступки демона нельзя мерить человеческими. К тому же... судя по звукам — там что-то все время происходит.

Запертую дверь в ненавистную комнату Истязаний маги выбили с первого раза. За ней обнаружился обширный круглый зал, освещенный несколькими факелами. Посреди зала в окружении раздутых до безобразия одержимых стоял худощавый мужчина. Он был абсолютно лыс, хотя еще далеко не стар. Перед ним, удерживаемый заклинанием, был подвешен полуголый изможденный маг. На глазах у вошедших вылетевшая из рук лысого молния поразила тело его пленника, заставляя того корчиться и кричать от боли.

— Прими мой дар! — лысый ухватил пытаемого за подбородок, вздергивая его лицо. — Скажи, ты принимаешь его? Скажи!

Не в силах выдерживать дальше пытку, несчастный кивнул, будто ему подрубили голову. В тот же миг заклятие отпустило его, и он со стуком упал на пол, не успев даже вскрикнуть. Лысый и двое других одержимых обступили его с трех сторон и одновременно подняли руки. С их пальцев сквозь тело пленника все быстрее замелькало нечто похожее на паутину, которая разрасталась, пронизывая мага насквозь холодным пронзительным светом.

— Подол Андрасте, они вновь раздирают Завесу! — Элуат взмахнул посохом и с силой саданул им в пол. Ударившая в лысого молния на несколько мгновений оглушила его. Одержимые отпрянули в стороны. За их спинами оказалось еще четверо пленных магов. Все они связанными сидели на полу, прислоненные спинами друг к другу.

— Ульдред! — Винн стукнула по полу своим посохом. — Что ты делаешь, опомнись! Ты же превращаешь магов в одержимых! Выпускаешь демонов!

Лысый в последний раз мотнул головой, видимо, окончательно оправляясь от удара. Лицо его, впрочем, не казалось испуганным или смущенным.

— О, у нас гости, — он улыбнулся. — Да еще так много. Я впечатлен, что вы сюда добрались. Что ж, добро пожаловать. Желаете присоединиться к... веселью?

— Желаем, желаем. Для этого и пришли, — Хосек прищурился, высматривая Ирвинга среди пленников. — Сейчас здесь будет так весело, что демонам в Тени тоже станет жарко. Какого нагъего помета ты связался с демонами, Ульдред? Тебе мало было тех привелегий, о которых мы договаривались? Или ты не знал, что такое одержимость?

Лысый покачал круглой головой, дернув бровями.

— Ульд্রেда здесь больше нет. Признаться, я владею кое-какими его воспоминаниями. Ты — капитан здешних храмовников. О, я чувствую твою ярость. Ты, кажется, взбешен. Могу я знать, отчего?

— Отчего? — при всей его невозмутимости Хосек некоторое время не мог подобрать нужных слов. — Ты забрался в мой загон. Перебил почти всех моих овец. И спрашиваешь, почему я взбешен? Это были мои маги, демон. Мои! Какого... какого нагъего дерьма ты вздумал их пытаться?

Тот, кто раньше был Ульдредом, усмехнулся.

— Я не пытаю. Я даю им новую жизнь, отличную от той, что они влачили здесь. Каждый маг — это только личинка великого существа. А посмотри на них. Они слепо

повинуются Церкви. Даже не Церкви, а таким, как ты. Это отвратительно! Я лишь помогаю им достичь истинного величия!

— Опомнись, Ульдред, — Винн оглянулась на выстроившихся с посохами молодых магов, которые со смесью ужаса и брезгливости разглядывали раздувшиеся тела одержимых. — В том, кем ты стал, нет ни капли величия!

Лысый прошелся перед застывшими одержимыми.

— Ты можешь говорить что угодно, старуха. Но это не делает тебя правой. Я могу вручить тебе этот дар. Тебе, и всем магам. Примите его добровольно, так будет гораздо проще!

— Нет, — Винн подняла посох, качая головой. — Добровольно ты нас не получишь.

Ульдред цыкнул щекой.

— Она противится. Они всегда противятся! Очень неразумно. Видишь, на моей стороне даже Первый чародей, — он поднял руку, указывая на сидевшего среди пленников седого изможденного старика, непрерывно трясущего головой. — Не так ли Ирвинг?

— Останови его, — под обращенными к нему взглядами Ирвинг затрясся сильнее. — Он... собирает войско. Сначала он уничтожит храмовников, а потом...

— Ирвинг, старый лис, ты зачем на меня наговариваешь? — демон в теле Ульдреда возмущенно вздернул руками. — А я-то думал, ты уже за меня!

— Н-никогда... — прохрипел старик и закашлялся. Хосек с непонятной гримасой посмотрел на него и поднял руку с зажатым в ней свитком.

— Прикрой меня, Дайли, — бросил он устало прислонившемуся к одной из колонн Амеллу. — Для драки ты все равно не годишься.

— Что вы... — начал было Ульдред, но осекся при первых бормочущих звуках Литании Адраллы. Лицо лысого мага исказилось. Теперь он действительно больше походил на демона, чем на человека.

— Умолкни, смертный! Или...

Дайлен закричал, падая на колени. Кровь из его носа брызнула фонтаном. Выставленную вперед руку он судорожно сжимал в кулак, не давая магии демона прорваться сквозь выстроенную им стену и обрушиться на людей. С каждым мигмом удерживать ему становилось все сложнее.

— Чего вы ждете? — заорал он из последних сил, обводя глазами всех, от не прекращавшего бормотать Хосека до Алистера, бледного, как лист бумаги. — Это демон, вот и убейте его!

Кожа Ульдреда треснула. Из нее полезли клыки, жвалы, огромные лапы с острыми когтями, и оскаленные зубы. Высший демон Тени предстал перед застывшими людьми во всей красе.

Очнувшиеся маги осыпали его градом заклятий. Храмовники и Серые Стражи, все, кроме Дайлена, схлестнулись с одержимыми, которые казались крупнее и сильнее всех виденных до этого тварей. Сам Амелл оставался возле непрестанно читавшего Литанию сэра Бьорна, который вынужден был уворачиваться от волн магии высшего демона, во что бы то ни стало пытавшегося прорваться к нему и оборвать корезившее его чтение. Дважды демону почти удавалось добраться до храмовника, и оба раза маги ценой невероятных усилий останавливали его, отбрасывая назад. Сдерживавшим натиск одержимых воинам приходилось хуже — уродливые твари обладали силой подземных брнто. Они теснили изрядно потрепанных рыцарей и магов обратно к выходу из зала, там, где, прикрытый

щитами Амелла, спешно дочитывал последние строки храмовник.

— На инэ тосо! — в последний раз проорал сэр Бьорн, и вслед за этим полыхнула яркая вспышка.

Когда к ослепленным людям вернулось зрение, все было кончено. Сэр Бьорн не ошибся ни в единой букве. Демоны мертвыми тушами валялись на полу. Над самой большой и уродливой тушей, некогда бывшей телом мага Ульдреда, стоял Командор Кусланд. Подаренный ведьмой доспех уберег его от большей части ран и ударов, но все равно Айан выглядел так, словно им вымыли все полы и даже стены зала Истязаний. В стороне все еще трущий глаза Алистер пытался выбраться из-под придавившего его одержимого. Сделать это ему удалось не без труда и с помощью двух уцелевших в битве магов.

Винн присела над некрасивой долговязой магиней, излечивая ее вспоротый когтями бок. Однако взгляд ее был прикован к Хосеку, который при помощи Серых Стражей освобождал спасенных магов. Сильно изможденные, бывшие пленники едва могли говорить. — Благодарю, Бьорн, — сделав над собой усилие, просипел Ирвинг, обводя глазами склоненные к нему лица. — И всех вас... — он запнулся взглядом о Дайлена и, помедлив, оперся о его протянутую руку. Утвердившись на ногах, Ирвинг вскрикнул, схватившись за тощий живот, и упал бы снова, не будь он подхвачен Алистером.

— Создатель милосердный, — он покачал головой. — Староват я уже для такого. Впрочем, я рад хотя бы, что жив, и разрыв в Завесе залатан, — он обернулся, поглядев на магов, которые пытались на месте хотя бы поверхностно излечить раны друг друга. — Это все? Где остальные?

— Кейли и Петра присматривают за детьми, — Винн подошла тоже, тяжело опираясь на посох. — И Каллен там, за дверью. Остальные все здесь.

Ирвинг опустил голову. Ужасаться и переспрашивать он не стал. Очевидно, он ожидал подобного ответа.

— Значит, Круг пал, — Первый Чародей сделался как будто еще старше и меньше ростом. — Для магов Ферелдена все кончено.

— Как ты можешь так говорить? — удивилась Винн, кивая на своих копошившихся подопечных. — Пятнадцать магов еще живы, не считая детей.

— Мы отправим послания в другие Круги Тедаса, — Бьорн сунул за пазуху Литанию Адраллы и потер доспех в месте ранения. — Они будут рады избавиться от излишков магов в их стенах. Не пройдет и полугода, как Круг Ферелдена восстановится.

Ирвинг вздохнул.

— Ты, как всегда, деятелен, сэр Бьорн. Твои слова утешили меня. Прости старику его слабость, — он посмотрел на Дайлена, потом на Айана, и наконец, на подставлявшего ему плечо Алистера Тейрина. — А вы... если с вами этот беспокойный мальчишка, то вы значит — Серые Стражи. Все-таки Дункан был прав?

— Да, учитель, — Дайлен склонил голову. — Надвигается Пятый Мор. Серые Стражи пришли просить у Круга помощи в борьбе с ним. Против воли Ирвинг хмыкнул.

— Ты же сам видишь...

— Вижу, но когда мы отплывали из Редклифа, мы ничего об этом не знали.

— У Стражей к Кругу есть еще одно дело, — Кусланд качнул головой в сторону лестницы. — Но, быть может, сперва спустимся и успокоим рыцаря-командора? Он вот-вот явится сюда, чтобы воевать со всеми нами.

Первый Чародей горько усмехнулся.

— Это похоже на Грегора, — он кивнул Алистеру. — Тебе придется помочь мне сойти по этой длинной лестнице, Страж. Я слаб. Чума на тех, кому пришло в голову разместить Круг в башне!

— Ирвинг! Клянусь дыханием Создателя, я уже не чаял увидеть тебя живым, — Грегор стиснул плечо старика и кивнул капитану. — Сэр Бьорн. Не знаю, как бы я справлялся без тебя. Рад, что вы оба выбрались оттуда.

— Все кончено, Грегор, — Хосек оперся на свой меч, достававший рукояткой ему до середины груди. — Коридоры башни очищены от одержимых и демонов. Зачинщик Ульдред мертв.

— Ульдред пытал магов, надеясь сломить их волю, и сделать одержимыми, — неожиданно вмешался сэр Каллен, вместе с другими спустившийся к основанию башни. Молодой храмовник уже почти оправился от мучений, и только лихорадочный блеск его глаз выдавал недавнее полусумасшедшее состояние. — Многие из них шатались по башне, полной демонов, пока не собрались за барьером. Мы не знаем, сколько из них могли принять в себя демонов. А вот он, — рыцарь обличающе вскинул руку, целясь пальцем в злого и усталого до полусмерти Дайлена. — Вообще маг крови. Сильный маг! Ты не видел, что он творил! Он может носить в себе даже высшего демона, он подходящий сосуд! Создатель, мы не должны допустить, чтобы то, что случилось в башне, повторилось где-то еще!

Дейлен закатил глаза, словно призывая Создателя и всех светлых духов Тени в свидетели своего долготерпения. Грегор посмотрел на него, и поморщился, будто раскусив кислицу.

— Здесь командую я, — нехотя проговорил он и, не удержившись, еще раз посмотрел на Амелла. Однако ничего сверх обычного не углядел. — Башня снова в наших руках. Я приму заверения капитана, что все в порядке.

— Мы обошли каждую комнату. Заглянули под каждую кровать и даже проверили шкафы. Тварей там нет. Но убирать придется долго. Грегор покосился на распахнутую дверь во внутренние помещения башни.

— Значит, решено. Благодарю вас, Командор, — он слегка склонил голову в сторону Кусланда. — Стражи показали себя друзьями храмовников и Круга. Если в этом есть еще смысл, полагаю, вам с Ирвингом следует обговорить исполнение магами обязательств по договору.

— Круг... то, что от него осталось, придет тебе на помощь, Страж, — Ирвинг выжидательно посмотрел на Грегора, и, не дождавшись от того реакции, продолжил. — Мы немедленно начнем готовиться. К назначенному часу ты можешь на нас рассчитывать.

Айан кивнул. Пятнадцать молодых и плохо обученных магов — это не то, чего он ожидал от помощи Круга. Если вспомнить битву с высшим демоном, по его прикидкам, один Дайлен стоил их всех пятнадцати.

— Рыцарь-командор, — решил он попытать счастья, с нажимом обратившись к Грегору. — Быть может теперь, когда Круг почти уничтожен, храмовникам не нужно много людей для охраны магов?

Грегор переменился в лице.

— Храмовники останутся здесь, чтобы защищать магов и Круг, — резче прежнего проговорил он. — У нас нет обязательств перед Стражами. В договоре говорится только о магах.

— Дозвольте мне сказать, брат командор, — осторожно вклинился в разговор Бьорн Хосек. Грегор досадливо крикнул.

— Брат капитан, я догадываюсь, что ты сейчас скажешь. Потому говорю заранее. Что бы ты сейчас ни предложил — нет.

— Но брат командор, речь идет не о простой помощи, — Хосек стиснул пальцы на рукояти меча, прокручивая его меж ладоней. — Стражи явились не за людьми для Ордена, они зовут нас на борьбу с Мором. Это война не только Стражей, это война всего Ферелдена. А может и всего Тедаса, если Ферелден не сможет остановить порождений тьмы в одиночку. А он не сможет, если на их пути встанут только те пятнадцать неумех, которых мы, стоит признать, отправим на верную гибель, если с ними не пойдут храмовники.

На некоторое время воцарилась тишина, во время которой Грегор, по-видимому, подыскивал слова, которыми в полной мере мог бы заявить, что думает о собеседниках.

— В конце концов, присутствие храмовников в армии Стражей может оказаться тем полезнее, что они будут присматривать за выпущенными на свободу магами, — подкинул новый повод для размышления Хосек, незаметно для Грегора подмигнув Айану. — Подумайте, на что способны эти маги, если не осуществлять за ними надзор.

Рыцарь-командор покачал головой.

— Не знаю, отчего ты столько лет здесь служишь в чине капитана, брат Бьорн. Ты всегда мне перечил, сколько я себя помню. Но... похоже, в этот раз твои слова имеют смысл, — он досадливо цыкнул щекой. — Хорошо. Храмовники поддержат Стражей и выступят на вашей стороне, Командор. Не думаю, что Верховная Жрица была бы против.

Грегор протянул руку, и Кусланд горячо пожал ее. Армия многочисленных, хорошо обученных и хорошо вооруженных рыцарей Церкви — о таком он не надеялся мечтать, переступая порог Круга магов. Мельком подумалось о том, что сестра Лелиана была права. В этот раз Стражам действительно помогал сам Создатель. Чем-то иным такое нежданное везение объяснить было трудно.

— Я упоминал еще об одном деле к Кругу, — пока храмовник не опомнился, и не передумал, поторопился разобраться со всеми заботами Айан. — Это касается Коннора, сына эрла Эамона...

Занимавшийся рассвет окрашивал воды озера Каленхад в желтые и розовые тона. Хотя осень окончательно вступила в свои права, погода по-прежнему стояла неожиданно теплой и тихой для такого времени. Быстроходный корабль эрла покачивался у ветхой пристани, готовый отчалить в любой миг. На его борту сонный Алистер отдавал последние распоряжения. Весь его вид говорил о желании поскорее где-нибудь прилечь.

Провожать Стражей вышли почти все уцелевшие, как маги, так и храмовники, за исключением только тяжело раненых и бывших с ними целителей. Грегор, который при свете дня смотрелся ровесником Ирвинга, еще раз пожал крепкую руку Айана.

— Позвольте вновь поблагодарить вас за вашу помощь, Командор. Без вас Круг не удалось бы сохранить, — он в последний раз стиснул руку молодого Стража и выпустил, отступая. — Как только мы наведем порядок в башне, капитан Хосек отправится собирать рыцарей Церкви. К тому моменту, как вы нас призовете, мы будем готовы.

— Я тоже хочу сказать спасибо, — Ирвинг опирался на посох, но стоял прямо, без чьей-либо помощи. — Грегор поблагодарил вас за Круг и как Первый Чародей я присоединяюсь к нему. Но от себя добавлю — я рад, что вы присматриваете за моим учеником. Жаль, что все получилось так, Дайлен, — он протянул свою костлявую руку и стиснул плечо Амелла, ухитрившись не порезаться о шипы его гномьей брони. — У тебя большие способности. Ты мог бы со временем занять мое место. Тебе стоило остаться в Круге. Безумно жаль, что ты занялся тогда магией крови.

— Мне не жаль, Ирвинг, — Страж-маг положил руку поверх ладони старика и мягко, но непреклонно снял ее со своего плеча. — Мое место — среди Стражей. Здесь, рядом с моими братьями. Если бы тогда Грегор пощадил мою жизнь, вам все равно было бы не удержать меня в Круге.

— Ну что же, — Винн поправила сумку на сухом плече и покрепче стиснула руку на посохе. Старейшая из уцелевших высших магов сама вызвалась оказать помощь Стражам в ритуале излечения одержимого Коннора. Винн была лучшим целителем в башне до ее падения, и никто кроме нее не мог лучше помочь эрлу Эамону, если способ исцелить его при помощи магии вообще существовал. — Нам пора. Прощай, Ирвинг.

— Постараюсь, чтобы к твоему возвращению, Круг сделался прежним...

Уцелевшие маги подошли ближе, чтобы попрощаться с наставницей. Пользуясь суматохой, Хосек направился к стоящим у трапа Стражам. Кусланд первым протянул руку, которую капитан с удовольствием пожал.

— Грегор бы не согласился на наше предложение без твоего вмешательства, — Амелл впервые за все время посмотрел на него прямо. — Почему ты помог?

Хосек усмехнулся, оглянувшись на что-то говорившего старой магине рыцаря-командора.

— Вы слышали демона. Впрочем, он не сказал ничего из того, чего бы я не знал, — храмовник дернул плечом. — Проклятый лириум сделал свое дело. Осталось мне недолго. Не хочу, чтобы последним, что увижу, были разоренные порождениями тьмы и отравленные скверной земли Ферелдена.

Он протянул руку Дайлену. Страж-маг опустил взгляд и несколько долгих мгновений игнорировал латную перчатку храмовника, находившуюся в поле его зрения. Положение

спас спустившийся с трапа Алистер, пожавший протянутую руку капитана Хосека.

— Прощай, капитан.

— Мы еще встретимся, Командор, — храмовник отступил на шаг, глядя за тем, как Алистер, а за ним Дайлен поднимаются на борт. — Клянусь Создателем, я перетряхну весь Ферелден и добуду для тебя всех храмовников из каждой самой далекой деревни. Все, что мы сможем сделать — мы сделаем.

Распрощавшись с каждым из своих подопечных, на борт поднялась старая магиня. Кусланд в последний раз кивнул Хосеку и запрыгнул следом. Трап тотчас же убрали. С севера дул сильный теплый ветер, и поднятый парус мгновенно наполнился упругим воздухом. Оставляя позади угрюмый остров с нависавшей над водой мрачной башней магов, корабль миновал опасные рифы и, все набирая скорость, устремился обратно в Редклиф.

Вечерело, когда далеко впереди на скалах показались первые хижины Редклифа. Заспанный, но уже посвежевший Айан прошел на нос корабля, на ходу приняв заверения капитана о скорейшем прибытии. Остановившись рядом с неподвижно сидевшим здесь Дайленом он некоторое время глядел на медленно проплывавший берег. Однако, взглянув на товарища, переменился в лице.

— Ты должен был поспать, как и все мы, — жестче, чем обычно, сказал Командор. Амелл поморщился, но его ужимки мало тронули Айана. — Ни Винн, ни Морриган не справятся с демоном. В Тень пойдешь ты.

— Я знаю, — раздраженно бросил Страж-маг.

— Если знаешь, какого нагьего помета ты не отдохнул? Живой мертвец — и тот выглядит... живее.

Дайлен вздохнул. Раздражение медленно сползло с его лица, уступая место прежним угрюмости и равнодушию.

— Я размышляю, — признался он спустя какое-то время. — Ранее мне казалось, что я понимаю замысел Создателя. Что все в мире совершается по его мудрому плану. А зло происходит от неумных и недобрых людей.

— Так и есть, — осторожно согласился Айан, исполненный самых дурных предчувствий. И они не замедлили оправдаться.

— Тогда во имя Создателя, отчего в башне Круга, где, помимо всякой мерзости, служили рыцари, преданные Церкви и следующие своим обетам, отчего, спрашиваю я, уцелели Хосек, Алесар и Каллен, а их добродетельные братья мертвы? Отчего из всех магов достойных уцелела жалкая горсть, а все прочие... так неумелы, что... если бы не Бьорн с его храмовниками, мы бы даже с Ульдредом не справились, не говоря уже о том, чтобы получить помощь против порождений тьмы!

Айан присел рядом с разглядывавшим доски палубы магом и уперся локтями в колени.

— Хосек показался мне человеком, который помнит о долге и печется о судьбе Ферелдена, — медленно проговорил он. Дернув углом рта, Дайлен несколько раз качнул головой, будто соглашаясь.

— Ты прав, брат. Капитан Хосек всегда помнит о долге, — он сцепил руки, оценив заботу товарища, давшего ему возможность выплеснуть то, что мутным маревом клубилось запертым в душе. — Он всегда помнит о долге, даже когда присутствует при издевательствах над магами, что чинят его подопечные, либо когда творит насилие сам — помнит всегда. Создатель, я долгое время поражался этому его качеству. Многие рыцари Церкви умны, способны, и омерзительно безжалостны к подчиненным им магам, но совмещать такое умеет только сэр Бьорн.

Дайлен умолк, но, по-видимому, еще не закончил. Айан не торопил его, следя за полетом озерной птицы, что уже долгое время сопровождала их корабль.

— Среди храмовников много... таких вот... людей, — спустя некоторое время продолжал Амелл. Его глаза оставались темными, не выцвечивая навсегда въевшимся в них лириумом, только пальцы подергивались, словно желая сжаться в кулак. — Тех, кто не сообразуется ни с чем, разрушает семьи и судьбы... Для них любой маг — выродок. Им плевать, что маг может быть чьим-то отцом, чьим-то сыном, чьим-то любимым. Они придут

за тобой. В любой забытой Создателем вонючей деревне, на краю света, но они тебя найдут. Ты видел отряд Бьорна, который охотился за ведьмой. Храмovníки идут по следу до последнего человека, до последнего! Она смогла защитить себя. Но часто маг не может справиться со всеми. Они заберут с собой силой, а родителей лишат всех прав перед Создателем. А если сбежишь — они тебя выследят. Снова, и снова, и снова.

Против ожиданий встревоженного Кусланда, стихиарий говорил не зло, а устало. Теперь он тоже смотрел в небо, но не на птицу, а на подсвеченные предзакатным солнцем облака.

— Из твоего сна я знаю, как забирали тебя. Жаль твоего отца.

— Отца? — Дайлен, по-видимому, не удивился осведомленности Командора. — А сестру мою тебе не жаль? Ведь они бросили ее там!

— Как? — не поверив своим ушам, переспросил Кусланд. — Бросили? Сколько ей было?

— Три лета, — Дайлен опустил взгляд и его красивое лицо исказилось. — Они заставили меня умолять взять ее вниз, в деревню. Я валялся у них в ногах, целовал пинавшие меня сапоги. Я... был готов на что угодно. Но... им просто хотелось видеть мое унижение. Унижение мага. Когда натешились, ушли, и уволокли меня с собой. И излеченные мною ушли тоже, а ее оставили там... Она... должно быть, умерла. Девчонка не могла бы выжить там одна, даже будь она постарше. Не было дня, когда бы я не молил Создателя, чтобы смерть ее была быстрой.

Дайлен прервался, пережидая, пока тащившие мимо канат матросы отойдут на достаточное расстояние.

— Жизнь мага в Круге — это мука, — ровно продолжил говорить он о том, чем, должно быть, хотелось поделиться уже давно. — Все подчинено правилам, весь день, изо дня в день, из года в год. Маг почти не видит неба, не видит солнца, не дышит свежим воздухом. Каждый день нужно ложиться, вставать, есть по часам. Отступление от этого строго карается. Проклятые храмovníки натыканы в каждом коридоре, перед каждой дверью, даже возле уборной. И таращатся, таращатся, таращатся... Ты не представляешь, каково это — все время чувствовать на себе чужой недоброжелательный взгляд. Это пытка, Айан.

Он зло поджал губы.

— К тому же, Круг Ферелдена расположен, должно быть, в самом неудачном месте из всех в Тедасе. В отличие от магов, храмovníки могут выходить наружу, но на голом острове вдалеке от человеческих поселений им просто нечем занять свое свободное время. Ни рынков, ни трубадуров с их песнями и плясками, ни арен петушиных и собачьих боев, ни шлюх. Только вода и камни. Они бесятся от скуки. Но быстро находят, чем, или вернее сказать, кем занять свои вечера... и ночи.

Встретившись взглядом с товарищем, Айан отвел глаза. Как занимали себя храмovníки, он видел из его сна.

— Ниалл, да примет Создатель его душу, упоминал о насилии, что чинят храмovníки над магами.

— Должно быть, Ниалл из щепетильности... приуменьшил размеры... происходящего, — Дайлен криво усмехнулся. — Только в нашем... в ферелденском Круге ежегодно по несколько магов отдают души Создателю, предпочитая смерть тому, что делают с ними слуги Церкви в стенах святилища знаний и магии. При том, что Хосек часто удерживает своих псов от наиболее жестоких развлечений и... нужно признать, что он

вправду допускает многие послабления, недоступные для магов где-то еще. К тому же, постоянно вступается перед Грегором. Но не из доброты или сочувствия. Ему просто нет резона сокращать поголовье таких нужных узников. Маги полезны, если уметь их правильно использовать, а капитан умеет, можешь мне поверить.

Амелл прервался, кашлянув в кулак. Почувствовав, что холод осеннего ветра наконец-то забрался и под его доспех, Кусланд запахнул край своего плаща.

— Хоть кто-нибудь из вас пробовал говорить с Грегором, или хотя бы Ирвингом?

Дайлен хмыкнул.

— Брат, ты думаешь, что они не знают? Это все в порядке вещей. Старый капитан так и вовсе применял к магам такие наказания, что поневоле начнешь ценить сэра Бьорна, который добился их отмены. Каково было бы тебе посидеть несколько часов в стальном кресле, на которое наложено заклинание обледенения, и без штанов? А ведь совсем недавно такое было обыденностью. Ко всему прочему, Грегору нет дела до происходящего в Круге. С тех пор, как, говорят, он, подчиняясь закону, вынужден был отправить собственного новорожденного сына от какой-то магини, в Церковь за пределы Ферелдена, рыцарь-командор пристрастился к антивскому вину. Во всех делах он полагается на капитана Хосека, который железной рукой держит за глотку каждого мага в башне... да и храмовника тоже. А Ирвинг — его единственный собутыльник. Другим по рангу не положено. Хотя бы раз в неделю старики надираются в доску, а все прочие дни скорбят по своим жизням, которые безвозвратно прошли в той дыре, именуемой башней магов.

— Я не мог этого знать, — напомнил Кусланд, следя за приближением берега. Корабль эрла почти достиг крайних домов Редклифа, и темная громада замка уже виднелась вдали, закрывая добрую четверть неба. До городской пристани оставалось не более получаса. Амелл пожал плечом, давая понять, что теперь-то он знает.

— По всем законам Создателя капитан должен был погибнуть, — не зло, а как будто удивленно продолжал Амелл, без перехода возвращаясь к предмету своих размышлений. — Он, и подлец Алесар, и фанатик Каллен. Но Создатель принял к себе благодетельных рыцарей и магов, а самых... отвратных оставил жить. Я не могу постигнуть его замысел, Айан. В чем тут справедливость?

Командор покачал головой, поморщившись.

— Не нужно искать справедливость или высший замысел Создателя там, где их нет, и не предполагается, — он поднялся на ноги и, подойдя к борту, оперся на него. Амелл с трудом преодолевая сопротивление затекших мускулов, и прихрамывая, последовал его примеру. — Говорю же тебе. Это не испытания судьбы, о которых любят петь сказатели. Это просто жизнь. Я также долгое время терзался измышлениями о справедливости или помысле Создателя, пока не понял этого, и... что?

— Не сочти за обиду, Айан, — Страж-маг всем весом облокотился на борт и опустил взор к бегущей из-под кормы воде. — Но что ты, сын тейрна, можешь знать о несправедливости? Твой отец, да примет его Создатель, был вторым после короля. Кто-то хотя бы раз пытался тебя обидеть?

Айан обернулся. Уже проснувшийся Алистер, поглядывая в их сторону, о чем-то беседовал с капитаном. Винн, сидя у мачты, перебирала содержимое взятой из Круга сумки. Временами она поднимала лицо, подставляя его ветру, и на губах ее появлялась улыбка. Матросы сновали по палубе, готовясь к скорому причаливанию. Никто в ближайшее время беспокоить их не собирался.

— Я родился в семье Кусландов и первые девять лет жизни был сущим проклятием для родителей, — медленно и подолгу подбирая слова, заговорил Айан. В отличие от скорого на язык товарища-мага, вести рассказы ему давалось тяжелее. — У меня был брат, Фергюс, почти двенадцатью годами старше. Отец, как казалось мне, делал большую разницу между нами. Он всячески привечал моего брата. Ко мне же относился, как к беспородному щенку. Толкал, одергивал, но чаще не замечал.

— Отцы бывают скупы на любовь, — заметил Дайлен, охотно переходя со своих на переживания товарища. — Мой редко ласкал меня и Солону. Но все же я знал, как крепко он нас любит. Быть может, многое тебе чудилось по малолетству?

— Дослушай. Мне казалось, что отец не примечает меня оттого, что Фергюс большой, а я мал. Он замечал только, когда я совершал проступки. За них наказывал меня сам, да так, что, бывало, я по нескольку дней не мог ни присесть, ни прилечь без боли. Но все же он меня замечал, и постепенно я стал совершать все больше провинностей. Я всегда терпел его порки молча. Мне, глупцу, казалось, что он по стойкости моей увидит, что я — тоже мужчина. Такой же, как Фергюс. И будет относиться ко мне с тем же расположением. Быть может даже, полюбит. Но делалось только хуже. Со временем отец даже имя мое перестал упоминать. Называл Волчонком. Всякий раз морщился, стоило мне попасться ему на глаза.

— А твоя матушка? — хмурясь, спросил Амелл. — Что она?

— Матушка, — лицо Айана смягчилось. — Редкая мать не любит свое дитя. Хотя моим безрассудством, чем дальше, тем больше, я огорчал ее. Я понимал, что делаю многое не так. Но не разумел, что и как должен делать. И поступал по велению детского упрямства и обиды.

— Но ведь все переменялось.

— Да, — Кусланд был рад догадливости товарища, избавлявшей его от необходимости долгого рассказа, который, как ему казалось, выходил у него непонятным и нескладным. — Все переменялось, когда однажды я подслушал разговор матери и Нэн, моей старой няньки, что смотрела еще Фергюса. В тот вечер отец особенно жестоко избил меня. Впрочем, заслуженно. Мать успокоила и, думая, что я сплю, беседовала с Нэн в ее углу за занавеской. Я впервые видел мать плачущей, — он качнул головой. — Она всегда была сильной. Умела сражаться наравне с мужчинами, была мужественна и неизменно весела. Но тогда она плакала. Жаловалась на отца. Пеняла, что он не справедлив ко мне, хотя до сих пор ни он, ни она, ни в чем не уверены. Из их разговора я многого не уразумел, но после, уже наедине с собой, догадался.

Он вздохнул.

— Расскажу, как понял, уже своими словами. После Фергюса у матери долго не получалось зачать ребенка. Они с отцом ждали и надеялись, приглашали врачей, но безуспешно. Постепенно они смирились, что у них будет один сын. Не особо уповая, мать в последний раз отправилась в храм Андрасте на одном из островов. Отец должен был ехать с нею, но в последний миг прибыл нарочный от короля с важными известиями. Мать отправилась без мужа.

Амелл слушал молча. Он уже начинал догадываться.

— Пар Валена далеко, но Хайевер стоит на побережье, и бывает, тал-васготы приплывают на своих кораблях, дабы творить бесчинства в землях Ферелдена. Большинство гибнет от наших мечей, но всегда находятся новые. Однако между храмом и замком — неполный день пути, потому мать не взяла с собой много охранных людей.

— Все же тейрне пришлось столкнуться с косситами, — полуутвердительно проговорил Дайлен, когда молчание друга затянулось. Айан кивнул.

— Ее отряд попал в западню. Мужчин перебили сразу. Мать... тогда еще была молода и очень красива. Вождь косситов... принудил ее... провести ночь в его палатке.

Страж-маг вскинул и опустил загоревшиеся недобрым синим светом глаза.

— Отец должен был ехать в Денерим. Но он вернулся с полдороги. Как почувствовал что-то, — Айан по-прежнему говорил ровно и спокойно, как непросто говорить о подобных вещах. — Узнав, что тейрна не вернулась в замок, он с отрядом рыцарей отправился на ее поиски, и довольно скоро нашел. Тал-вагготы даже не потрудились убрать следы разгрома, что учинили охране матери накануне. Отец жестоко расправился с безбожными мерзавцами. Но матушке это уже помочь не могло. Она осталась жить, но... спустя некоторое время поняла, что беременна.

Дайлен потер переносицу, кончиками пальцев разглаживая собравшиеся там морщины.

— И все это ты понял из одного разговора двух женщин?

Айан качнул головой.

— После я подстерегал их за беседой, уже намеренно. Они еще не раз говорили об этом.

— Но, быть может, твои родители ошиблись? Что если ты все-таки сын своего отца?

— В том и дело, что они ни в чем не могли быть уверены, — скособочившись, Айан полуоперся на один локоть. — Их убежденность колебалась еще и оттого, что я, хотя вовсе не походил на тейрна Брайса, зато во всем похож на моего деда, банна Эдмунда Ворта, отца моей матери, героически павшего в войне с Орлеем. Он был высоким, крупным мужем — и огненно-рыжим. Ростом и статью я мог уродиться в него, а не в коссита.

— Так ты до сих пор не знаешь, чей ты сын?

— До сих пор. Не ведаю, чего это стоило моим родителям, но они вырастили меня как настоящего Кусланда. Правду обо мне знали только трое — отец, мать и Нэн. Теперь еще ты. Стражи помолчали.

— Ты упоминал, что после услышанного что-то переменялось, — напомнил маг. Командор утвердительно кивнул, выныривая из омута своих воспоминаний.

— То, что я узнал, потрясло меня. Все-таки я был ребенком. Не знаю, откуда я взял, но ужас от того, что от меня могут отказаться в любой миг из-за моих выходок или услать из дома, сковал меня. До сих пор я слышу его отголоски. И тогда я решил сделаться хорошим, — Айан усмехнулся, отгоняя от лица водяную стрекозу. — Чтобы у них не было повода отсылать меня. Оставил шалости. Сделался очень исполнителен и послушен. Пытался добросовестно учиться, хотя у меня нет способностей к ученью. Стал упражняться в воинской науке, и достиг в ней успехов. Со временем родители смогли гордиться мной. Я выигрывал королевские турниры, был учтив, исполнителен и целомудренен, чем отличался от Фергюса, на всю округу славившегося своим распутством. Порой мне бывало непросто придерживаться роли хорошего сына, в особенности, когда я сопровождал брата во время его походов. Но всегда помнил о своем положении, и это придавало мне сил. В конце концов, старания мои окупились. Тейрн Брайс... за несколько часов до его кончины я узнал, что он окончательно признал во мне сына.

— Признал?

— Когда за мной пришел Дункан. Я был уверен, что отец будет рад избавиться от меня и незамедлительно отдаст приказ о вступлении в Орден. Вместо этого он до последнего препятствовал в этом Командору, и сдался уже перед лицом гибели всей семьи. Помню, я

так был воодушевлен тем, что отец признал меня кровным сыном, что на привале почти набросился на Дункана с требованием сказать, смогу ли после посвящения продолжить свой род. Род Кусландов. Представляю, как я его этим удивил.

Дайлен не смог удержаться от улыбки.

— Как, как ты сказал?

— Точно не усомню, — Айан улыбнулся тоже, и напряг память. — Кажется «смогу ли я после посвящения продолжить свой род» — так и спросил. Мне это тогда казалось очень значимым. Видел бы ты лицо Дункана в тот миг.

Они рассмеялись. Постепенно тяжесть недавней беседы таяла сама по себе, как и дурное настроение мага. Разделив тревоги с товарищем, Дайлен ожидаемо почувствовал себя лучше. Впрочем, последнее относилось не только к Дайлену.

— А теперь скажи, друг, — посерьезнел Айан, сумев поймать его взгляд и завершая беседу. — Разве справедливо то, что тейрн Кусланд так относился ко мне? Вдруг я все же его сын? А если нет? Разве справедливо, что меня не выбросили куда-нибудь на кухню, драить котлы и чистить корнеплоды? Или выносить навоз за лошадьми? Или корм носить для свиней? Что справедливее, как по-твоему?

Амелл молчал. По крайней мере, теперь ответить ему было нечего.

— Потому не нужно всюду пытаться разглядеть промысел Создателя и огорчаться, не разглядев, — Кусланд хлопнул товарища по плечу, отчего последние слова утратили назидательность, претворившись просто в дружеское напутствие. — Это не проявление справедливости или несправедливости, это просто жизнь.

Дайлен снова не ответил, но было видно, что слова Командора не прошли мимо него. Некоторое время Стражи помолчали, погруженные каждый в свои мысли.

— Скажи, Дайлен, — спустя какое-то время неожиданно спросил Кусланд, продолжая размышлять уже вслух. — Тогда, в Остагаре. Ты мог сотворить магию и освободиться сам. Отчего ты этого не сделал?

— Если мог — освободился бы, — хмыкнул тот, явно удивленный. — Ты всерьез думаешь, что мне нравилось там сидеть? Магия это не так, что захотел — и получилось. Это абсолютная концентрация желания и воображения, делающие мысль материальной. Тебе нужно до мелочей представить, как оно должно быть, где преображаться, с какой скоростью двигаться. В очень короткое время. Все это требует серьезной сосредоточенности, ясности и напряжения. А у меня перед глазами плыл туман. Все же удар по затылку тогда был силен. Все время мутило, да и голова болела зверски. Даже думалось с трудом. При том, что порождения тьмы не давали скучать.

— Значит, тогда ты не мог творить магию?

— Может быть, и мог, — пожал плечами Дайлен. На мгновение он уронил тяжелую голову на руки, но тут же поднял ее вновь, и принялся растирать глаза. — В целом тогда я едва помнил себя. Быть может, если бы в голове прояснилось хоть ненадолго, мне не потребовалась бы ваша помощь.

— То есть, все дело в сосредоточенности?

— По большей части — в ней.

— Из-за того ты можешь творить магию без посоха и рук?

— Верно. Но учиться этому пришлось немало. Маги, все же, как правило, помогают себе — посохами, или руками, как, вот, целители.

Кусланд посмотрел на свои руки и несколько раз постискивал их в кулаки, сжимая и

разжимая пальцы.

— У магов — несхожие магические способности, — помог ему Дайлен, предвосхищая следующий вопрос. — Тех, кто бы был хорош во всем — нет. Это как с обычными людьми. Кто-то ладно держит меч, а кто-то лепит горшки, и местами их менять не стоит. Ты знаешь, друг, что я — стихийник. Или, быть может, даже стихийарий — сильный маг стихий. Но зов природы, тонкие материи бытия, целительство — это все мне почти не доступно. Кое-что я могу, но в целом... Вот как бы растолковать... если у тебя отобрать меч, и посадить тачать сапоги — много ли наработаешь?

Кусланд усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— А Винн все свое бытие занималась только целительством. Ее магия — не в разрушении. Или взять Морриган... она скрытна. В природе ее дара я разобрался плохо. Но из того, что на виду — она тоже целительница и способна видеть мир глазами зверей более чем кто-либо. Не думаю, что теперь осталось множество звериных магов, но Морриган — одна из них.

Айан кивнул. Это было ожидаемо.

— Почему ты решил учиться творить магию без рук? — спросил он еще. Дайлен повел головой, одновременно пожимая плечами.

— Так ведь не всегда можно ими воспользоваться. Храмовники, да и не только они, знают твердо — связанный маг перестает быть магом, — он помолчал. — В тот день, когда меня притащили в Круг, я сделался свидетелем казни. Маг убил старого капитана, того, который еще до Хосека. Не знаю, из-за чего это случилось, но, как мне рассказывали, старик тот был жесток даже к подчиненным ему рыцарям. Многие вздохнули спокойнее, когда он отправился к праотцам. Но, как бы то ни было, преступника это не спасло. Храмовники выкачали из него ману, связали руки и — сожгли на пустыре за башней. А нас заставили смотреть.

— И ты...

— Да. Если они когда-нибудь захотят казнить меня — по крайней мере, утащу с собой побольше этих мерзавцев. И это я должен буду сделать со связанными руками, ногами, глазами, кляпом во рту и сидя в мешке, на случай, если меня решат утопить. Так я тогда и решил. Что должен готовиться к тому, чтобы убить как можно больше храмовников. Не суди строго — ведь они убили моих отца и сестру. Душевные раны были свежи.

Айан еще раз взглянул на свои руки. Дайлен понимающе стиснул его плечо.

— Спрашивай в любое время. Я готов помочь, когда потребуется.

Позади раздался нарочито громкий топот. Обернувшись Стражам предстал Алистер с тремя большими кусками хлеба и сыра в грубой деревянной миске.

— Не смог дождаться, пока вы dokonчите делиться друг с другом важными тайнами, — покаялся он. — Но Винн уже дважды отправляла меня к вам с ужином. Она утверждает, что перед уходом в Тень маг должен сытно есть и мало спать. На берегу поесть нам не дадут, ведь демон долго ждать не станет. И потому — вот. Разбирайте быстрее, скоро будет не до того. В особенности Дайлену.

Алистер оставался Алистером, и все же что-то в его голосе насторожило товарищей. Дайлен догадался первым и, подмигнув Кусланду, приобнял сына Мэрика за шею одной рукой. В другой он держал кусок сыра.

— Не обижайся, друг, тут нет никаких секретов, — примирительно покаялся он. — Визит в Круг не доставил мне веселья, и я долго досаждал Командору своими жалобами и

стенаниями о горькой судьбе мага. Если ты желаешь послушать, я с радостью повторю все еще раз для тебя.

— Не стоит, — попытался вывернуться из-под заботливой руки товарища Алистер, но был перехвачен с другой стороны.

— Тогда, быть может, желаешь послушать горькую историю моего детства? — мягко предложил Айан, хлопая друга по доспеху ближе к плечу. — Я не так скор на язык, как вот этот ненавистник храмовников, но обещаю, что если говорить коротко, то ты успеешь узнать все еще до того, как корабль подойдет к пристани.

— Обойдусь, — получив желанную свободу, Алистер на всякий случай отступил на два шага и взял из миски последний кусок сыра. — Благодарю вас, друзья. Теперь я даже счастлив, что ничего не слышал. Куда больше, чем выслушивать чужое нытье, я люблю делиться своим. Вот послушайте...

Поднявшаяся на корабле суета, вызванная подходом к берегу, не дала ему закончить. Должно быть, их приближение в замке заметили еще издали. К тому моменту, как судно пришвартовалось к потемневшему от влаги и времени причалу, его уже ожидали. Банн Теган, прибывший в сопровождении четырех своих людей, был мрачен. Весь вид его говорил о крайней усталости. Сестра Лелиана, одетая не в доспех, а в простое зеленое платье и оттого неузнаваемая, прикладывала ладонь к глазам, силясь разглядеть что-то или кого-то на палубе. На ее миловидном лице читалась тревога. Вид потрепанных, но целых Стражей, которые прибыли в том же составе, что и отплывали, заметно ее успокоил.

— Хвала Создателю, вы вернулись!

— Командор, — забыв поздороваться, банн Теган шагнул вперед, протягивая руку, которую Айан пожал с искренним расположением.

— Скажите, вам... удалось?

— Мы взяли все, что нужно. Винн, — Кусланд тепло кивнул старой магине, которая, опираясь на руку Алистера, сходила по трапу, — вызвалась помочь с ритуалом. Что у вас?

— У нас все еще тихо, — Теган потер лоб рукой. Бывший по слухам, первым ловеласом и дамским угодником в столице, внешне брат эрла сильно изменился за последние дни. Несчастье, случившееся с его семьей, сильно подкосило блистательного банна. — Капитан Харрит и магиня... Морриган неотступно находятся рядом с Коннором. Он не просыпался. Но капитан предупреждает, что теперь счет идет на часы. Мы должны как можно скорее вернуться в замок. Сколько вам понадобится времени на подготовку к ритуалу?

— Не более получаса, — Дайлен посмотрел в сторону старой магини, и та прикрыла глаза в знак согласия.

— Тогда не будем терять времени, — Теган простер руку в приглашающем жесте. Прибывшие с ним солдаты держали на поводу лошадей. — Мои люди доберутся пешком. Мы должны спешить.

Узкая темная комната, в которой был заперт демон, явно не годилась для того, чтобы принять стольких людей, сколько пытались одновременно в нее набиться. Сын эрла лежал на широкой кровати, скованный тяжелыми ручными и ножными кандалами. Лицо его, расслабленное от долгого сна, все еще хранило выражение хищной злобы. Возле ложа с обнаженным мечом в руках яростно тер глаза капитан храмовников. Беды, обрушившиеся на Редклиф, унесли жизни всех его людей, за исключением нескольких, занятых наведением порядка в городе, и сменить его для охраны одержимого было попросту некому. По другую сторону от кровати тяжело опиралась на посох Морриган. Банн Теган и эрлесса Изольда стояли поодаль, поочередно переводя взгляды с изготовленного оружия рыцаря Церкви на хлопотавшую у постели мальчика Винн. От такого многолюдства малая комната словно делалась еще меньше.

Справив все, что нужно, старая магиня в последний раз коснулась детского лба и покачала головой в искренней скорби. Поймав взгляд эрлессы, она поджала губы.

— Если, да поможет ему Создатель, мой ученик спасет вашего сына, его необходимо будет доставить в Круг для обучения.

— Я... понимаю... — супруга Эамона отняла платок от губ. — Я сделаю все, что нужно. Просто умоляю, помогите ему! Вы ведь ему поможете?

Ей пришлось посторониться, пропуская Алистера, который нес высокий трехногий столик. За ним, спотыкаясь и позезывая, едва переставлял ноги Дайлен. Добравшись до ложа, маг опустился на него резче, чем бы мог, и, с трудом удерживая глаза открытыми, нащупал прохладную руку Коннора.

— Я готов, — стискивая ладонь мальчика в своей, и едва удерживаясь, чтобы снова не зевнуть, оповестил он. — Поторопитесь. В дверях показался Айан, в руках которого было накрытое плотной тяжелой крышкой блюдо. Свою ношу он оставил на столике у самого ложа и сдвинул крышку, стараясь держаться от нее подальше. Бросив взгляд на тускло мерцавший на блюде лириумный порошок, Дайлен обернулся к Винн.

— Мы готовы, — старая магиня подняла глаза на Морриган. Та ответила утвердительным кивком. Обе магини подняли посохи. Рыцарь Церкви шагнул ближе. Его рука, тискавшая рукоять меча, напряглась.

— Командор, — попросил Дайлен, бросив неприязненный взгляд в сторону храмовника. — Не дай ему меня убить.

— Я лишь исполняю свой долг, — капитан Харрит дернулся, раздраженно моргая. — Если в тебя вселится демон...

Дайлен закатил глаза и сунул руку в блюдо. Мгновенно вспыхнувший от прикосновения лириум синим огнем пробежался по коже мага к его лицу, и полыхнул повторно. Когда он погас, глаза Амелла оказались плотно закрытыми. Морриган и Винн одновременно опустили свои посохи, наверхья которых горели тем же огнем, что и кожа мага.

— И что теперь? — не выдержала эрлесса, обхватив себя за плечи. Голос ее звучал почти спокойно, словно супруге эрла, против обыкновения, удалось взять себя в руки.

— Ждать, — не оборачиваясь и не отрывая взгляда от лица Дайлена, пояснила Винн. — Он уже в Тени рядом с Коннором. Если демон там, они, должно быть, уже схватились.

— Схватка? С демоном? Они могут задеть Коннора?

— Не тревожьтесь, Теган, — хмуро успокоил Командор. — Если это вообще возможно, Дайлен вытащит Коннора невредимым.

Несмотря на уверения магини, что Амелл уже, возможно, вступил в схватку с демоном, глядя на спящих в это трудно было поверить. В полутемной тесной комнате ничего не происходило. Дыхание мага было ровным, таким же ровным оставалось дыхание Коннора. Их лица были спокойны. Никаких признаков боя или хотя бы волнений они не являли.

— Дайлен выглядит так, будто спит, — спустя некоторое время поделился Алистер. Винн на миг подняла на него взгляд.

— Что тебя удивляет? Он спит. Уход в Тень возможен лишь во сне. Потому перед ритуалом магу требуется не спать как можно дольше. Так его связь с Тенью делается сильнее.

— А как мы узнаем, если победит демон? — Теган прошелся на узком пяточке перед кроватью. — Маг умрет?

— Демон не победит, — напряженно всматриваясь поочередно в лицо каждого спящего, не желая пропускать малейших изменений, проговорила Винн. Ее голос не оставлял почвы для сомнений.

— Не с этим магом, — едва слышно поддержал ее сын Мэрика. Харрита, однако, они не убедили.

— Если ваш маг вернется одержимым, — не выдержал он. — Я буду обязан...

Договорить ему не пришлось. Внезапно тело мага с хрипом выгнулось, точно Дайлену резко перестало хватать воздуха. Мигом позже корчи отпустили его, и Амелл рывком сел на постели. Его широко открытые глаза горели пронзительным синим светом.

— Нет! — Алистер рванул из ножен клинок, едва не задев стоявшую рядом с ним Морриган, и в невероятном прыжке успел отбить удар храмовника, без сомнений обрушившего меч на голову беззащитного мага. Кусланд со спины перехватил оба запястья капитана, не без труда удерживая рыцаря Церкви от повторной попытки покончить с силой трущим лицо Дайленом.

— Это лириум, капитан! Это не одержимость!

Харрит стряхнул руки Кусланда. Не было похоже, чтобы слова Стражей его урезонили. Дайлен медленно отнял руки от глаз и, оперевшись взглядом в подрагивавший у его лица меч, посмотрел на храмовника.

— Так я и знал, — ни к кому особо не обращаясь, просипел он и закашлялся.

— Что с Коннором? — едва дождавшись окончания его приступа, с тревогой спросила эрлесса, прижимая руки к груди. — Он жив? Дайлен мотнул головой на неподвижного мальчика.

— Скоро проснется, — он поднялся на ноги и, качнувшись, оперся на столик, едва вновь не угодив в лириум рукой. — Только я бы советовал расковать. У него, наверное, и ноги и руки затекли.

— Ты не ответил на вопрос. Что случилось в Тени? Демон мертв? — неприязненно и с нажимом переспросил Харрит. Сделав над собой усилие, он спрятал меч в ножны. Не отвечая ему, Дайлен обернулся к Винн.

— Разбуди его, если сможешь, — попросил он, кивая на сына эрла. — Пусть убедятся.

Винн склонилась над мальчиком и провела рукой по его волосам и лицу. Коннор дернулся, как до него маг, со свистом вбирая в себя воздух. На глазах взволнованной матери он широко открыл глаза и отшатнулся, увидев склоненное над собой чужое лицо. Потом

поднял глаза, и его расслабленный рот дернулся.

— Ма... ма... мама!

Никем уже более не сдерживаемая эрлесса бросилась к сыну. Айан прикрыл крышкой сделавшееся ненужным блюдо, и отодвинул в сторону вместе со столиком — подальше от греха. Глядя, как леди Изольда покрывает поцелуями лицо жмущегося к ней Коннора, Теган шагнул к Дайлену и протянул ему руку.

— Мы вновь в долгу перед тобой, Страж, — начал было он, но его прервал вскрик мальчика, который пытался дрожащей рукой указать на мага, но не мог из-за мешавших ему тяжелых кандалов.

— Он! Он...

Эрлесса тоже обернулась на Дайлена, не выпуская сына из объятий.

— Что, милый?

— Он... убил...

— О чем ты говоришь, любовь моя?

— Он... убил... рогатую даму. Мама! Мы были вместе. Дама... она просила его... просила его отпустить ее! С ней было так весело... весело и страшно! А потом пришел он. И убил ее. Сжег! Он маг, мама! Злой маг! — Коннор отвернулся от хмуро глядевшего Дайлена, и, всхлипывая, спрятал лицо у матери на груди. — Она так горела... так горела и визжала... и горела... Он тоже отступник, мама? Ка... как Йован?

— Нет, — эрлесса вновь прижала сына к себе, глядя, как комнату постепенно покидали все лишние из присутствующих. — Он не отступник. Это добрый маг. Он вернул мне тебя. Хвала Создателю, ты прежний. Как я люблю тебя, милый...

— О Создатель, неужели это происходит?

Отвечать не хотелось. Приятная теплая тяжесть лежала на глазах, по горячему телу ползла сладкая истома. Крепкие молодые мускулы были теперь расслаблены, и даже сердце стучало в груди как будто глуше. Всеобщее блаженство лишь немного портила правая рука, упиравшаяся во что-то шершавое и порядком измочаленное, но сил отодвинуться уже не было. Казалось, ничто в целом мире не могло заставить теперь...

Хлопнувшая дверь, и прошелестевший по ногам холодный воздух возвестили прибытие кого-то еще. Хотя понятно было — кого. Настолько понятно, что глаза решили это сами, и не раскрылись.

Мигом позже все же оказалось, что раскрыться им придется.

— Брачное ложе Андрасте! Ты только взгляни на него!

С большой неохотой и немалым трудом Алистер поднял руку и сдвинул лежавшее у него на лбу мокрое полотенце. Однако, мигом позже, когда он с невероятными усилиями поднял голову, чтобы узнать, что заставило товарища поминать невесту Создателя, оказалось, что его старания полностью окупились.

Купальная парная эрла была жарко натоплена и полна пара, однако явившийся в нее Дайлен оказался полностью одет. Простой темный камзол и высокие сапоги выгодно подчеркивали достоинства его ладной фигуры не мага, но воина. Обличье Амелла можно было бы признать пригодным как для городских трущоб, так и для королевского приема. Сочетание изысканности и простоты его одежды говорило о хорошем вкусе — если не самого Дайлена, то распорядителя эрлессы Изольды, к которому он, по-видимому, и обратился.

— Зачем ты так обрядился? — с искренним недоумением поинтересовался Айан. Дайлен уклончиво повел плечом, стирая мгновенно выступившую испарину со лба.

— Сегодня я уже ничем не могу послужить Ордену, — он помялся, что никогда не было ему свойственно. — Могу я уйти на весь вечер?

Кусланд и Тейрин переглянулись, для чего Командору пришлось высоко задрать голову из бадьи с горячей водой, где он сидел, а Алистеру наоборот, опустить ее, чтобы видеть товарища с высокой деревянной полки, на которой он полулежал рядом с двумя вениками — старым, измочаленным об Айана, и относительно свежим, припасенным для мага.

— Чтоб у архидемона рога поотпадали! — прозрел Алистер, хлопая свежим веником по колену. — Если он собрался не к женщине!

Дайлен вскинул на него глаза и снова, против обыкновения, не стал язвить. Он ждал ответа Командора. Айан пожал плечами, сползая глубже в бадью.

— Где тебя найти в случае нужды?

— Третий дом от храма в сторону порта, — не отвел взгляда маг. — Спросите Кейтлин, дочь повитухи.

— Ты не можешь идти, — серьезно встрял Алистер, тщательно скрывая зависть в голосе.

— Почему? — удивился Дайлен. Айан покосился в сторону Тейрина. Ему тоже требовались пояснения.

— Не можешь, — подтвердил тот с самым испуганным видом. — Ты забыл

побрызгаться орлейскими духами!

В следующий миг он с воплем подскочил на месте. Обвившееся вокруг него облако пара опало на скамью и кожу самого Алистера охлажденными каплями влаги. Дайлен сложил руки на груди.

— Поосторожнее с магией, — серьезно предупредил Кусланд, косясь на кусавшего губы Алистера. — Если ты испортишь еще и этого сына Мэрика, найти другого будет непросто.

— Ты так говоришь, словно я уже точно испортил, по меньшей мере, одного сына этого распутного монарха.

— Иди, — Кусланд прикрыл глаза, откидывая голову на край бадьи. Втожение Амелла и его тоже вывело из состояния приятного оцепенения, что обычно охватывает очень усталого человека в горячей воде. Хуже того — разбудило любопытство. И, хотя Айан прозорливо решил, что для его удовлетворения можно будет подыскать более подходящее время, обратиться к Дайлену с расспросами его подмывало не меньше, чем ерзавшего на своей полке Алистера. — Но к утру ты должен вернуться в замок.

Маг не смог сдержать улыбки. Непривычная для товарищей застенчивость растаяла, сменившись на более присущую ему нагловатую развязанность. Он шагнул к выходу из парной, но уже у самых дверей обернулся, словно вспомнив что-то.

— Насчет духов, — он кивнул лениво приоткрывшему глаз Алистеру. — Не знаю, как мне, а вот кому-то они точно бы не повредили. Кому-то, кто на лошадях не ездит, но пахнет так, как будто бы живет в седле...

— Так, — перебил Алистер, медленно откладывая в сторону веник. — У меня звон в ушах, но я точно знаю, как его унять.

— Я тоже знаю, — только что расслабленно лежавший в большой горячей бадье Кусланд одним звериным рывком выпрыгнул на пол, подхватывая со скамьи ведро с холодной водой. — Топи его!

Два полных ведра ледяной воды выплеснулись на мага, но окатили только хлопнувшую дверь. Амелла в парной уже не было.

Вечерний Редклиф был непривычно тих и темен, хотя столица эрлинга Эамона всегда славилась допоздна работавшими мастерскими и шатавшимися гуляками. Проезжая улицами родного города, Дайлен большее внимание уделял тому, чтобы не упасть с лошади, потому что дорога могла испугать своей крутизной и более опытного наездника, чем того, кто второй раз в жизни был в седле. Но перемены, вызванные недавними развлечениями демона, не могли не бросаться в глаза.

Пропахший озерными травами и рыбой проулок, где стоял дом давних знакомых его родителей, был еще темнее главной улицы, но в доме Кейтлин и Бевина горел свет. Дайлен кое-как сполз с коня и, привязав его к чему-то в темноте. Сделав несколько неуверенных шагов на одеревеневших ногах, он поднялся на скрипнувшее крыльцо, и постучал. Подождав какое-то время, постучал опять.

В доме раздался шум, потом чьи-то легкие шаги, замершие у двери.

— Здравствуй... Кейтлин. Это я, Дайлен Амелл. Наши отцы служили в замке вместе. И ты просила за брата... Бевина. Помнишь меня?

Несколько мгновений с той стороны двери все было тихо. Амелл услышал тихий вздох.

— Господин Дайлен. Ты пришел за платой? Прошу, уже поздно. Возвращайся утром.

— Я не за платой, — Амелл поднял лицо к небу, но увидел только навес крыльца и распорки с развешенным бельем прямо над ним. — И завтра меня может уже не быть в Редклифе. Не бойся. Я хочу почтить память о давней дружбе наших отцов. Открой, Кейт. Клянусь посмертием родителей, я не причиню тебе вреда.

На этот раз молчание длилось так долго, что убежденность Дайлена в том, что ему придется прямо сейчас вновь садиться на лошадь и уезжать, делалась все крепче. Но в тот миг, когда он окончательно уверился, что его уже не пустят, раздался стук поднятой щеколды. Заскрипев, дверь отворилась. Из-за нее несмело выглядывала едва различимая в полутьме девушка.

— Проходи. Только тише. Бевину едва удалось уснуть.

Дайлен шагнул вовнутрь хижины. Несмотря на то, что когда-то она, без сомнений, была добротным домом, теперь время и отсутствие мужских хозяйских рук сделали свое дело. И, хотя скрипящие половицы с щелями между ними были чисто выметены, а ветхие стены — замазаны глиной, бедность этой семьи глядела отовсюду.

Входная комната освещалась двумя лампадками. Из обстановки имелись только широкий выскобленный стол и две скамьи перед ним. В углу был тщательно замазанный, но сильно истрескавшийся очаг, рядом с которым стояли котел и несколько горшков.

Остановившись посреди комнаты, Кейтлин, по-видимому, испытывала немалое смущение. Она приглашающим жестом указала позднему гостю на скамью, и тут же отдернула руку, словно совершив нечто предосудительное. Дайлен поблагодарил кивком и присел. Некоторое время они провели в молчании, избегая глядеть друг на друга.

— Ты сказал, что пришел не за платой, — наконец, через силу произнесла девушка, несмело посмотрев в сторону Амелла. — Тогда чем моя скромная семья обязана визиту сиятельного господина?

Дайлен поднялся и присел обратно. В присутствии Кейтлин терялась вся его развязанная уверенность в себе.

— Я пришел... — он помедлил, подбирая слова. — Прости меня. Должно быть, это не в приличиях, молодой девушке принимать гостей в такой час. Но я не мог не навестить людей, которые помнят меня и... мою семью. После того, как мы с отцом покинули Редклиф, прошло много времени. Не думал я, что здесь есть хоть кто-то, кто бы меня узнал. В другое время я прийти не мог, — он отважился, наконец, взглянуть в лицо девушки. — Есть только этот вечер. Завтра мне прикажут — и я пойду дальше. У меня есть обязательства, от которых я не могу отказаться. Но... Кейтлин, наши родители знали и уважали друг друга. В память об этом я хотел бы... если я могу как-то помочь — скажи. Я знаю, вы остались без матери. Есть у вас на что жить? Быть может, вам нужны деньги?

К его удивлению Кейтлин, столько не решавшаяся ступить лишний шаг, опустилась на ту же скамью, сложив руки и опуская голову. Некоторое время она сидела так рядом с растерянным гостем, потом подняла на него покрасневшие глаза, в которых стояли слезы.

— Прости мне мою слабость. Я... просто устала, господин. А ты так добр ко мне. У тебя хорошее лицо. Я... верю, что ты меня не обидишь. И... благодарю, но боюсь, что никакие деньги уже не смогут мне помочь.

Дайлену не понравился ее голос. Ему уже приходилось слышать подобное раньше у разных людей. В голосе девушки было глухое отчание.

— Кейтлин, если я хоть чем-то...

— Ничем, — ее голос прервался. Юная хозяйка хижины сжала губы, мотнув коротко подстриженными светлыми волосами. — Мой брат, Бевин...

— Бевин? — Дайлен искренне удивился. — Но ведь я принес его прямо в дом.

— Да, это так, да благословит тебя Создатель. Сама бы я не нашла его. И даже если бы нашла, не смогла бы перетащить сюда. Помочь мне в этом было некому. У всех свое горе. Но теперь же благодаря тебе, мой брат сможет уйти к Создателю не из грязной ямы, а из дома наших родителей. Это... хотя бы... хорошо... Спасибо тебе, господин. Спасибо!

— Уйти к Создателю? — едва ли не впервые в жизни Дайлен не понял сказанного ему с первого раза. — Но отчего? Твой брат болен?

Кейтлин кивнула и, наконец, заплакала, пряча лицо в ладонях.

— Когда он упал в яму, то сломал ногу, — она всхлипнула, вытирая глаза передником. — Кость сильно торчала. Я пыталась ее вправить, как меня учила мама, но... наверное, что-то сделала не так. Бевин все время жаловался на боль, не мог ни лежать, ни сидеть. Нога распухла. У него начался жар. О, благая Андрасте, — речь девушки делалась все невнятнее из-за судорожных рыданий. — Ему так больно! Почему он так страдает? В чем он провинился? Он умирает, мой братик! Умирает!

Дайлен несмело протянул руку и сжал ее плечо.

— Послушай, Кейт. Слышишь? Послушай меня. Если ты позволишь попробовать, я мог бы попытаться сделать что-нибудь для твоего брата.

Девушка оторвала лицо от обмотанных передником ладоней. Ей показалось, что она ослышалась.

— Ты... хочешь помочь моему брату? Но как? Ты целитель? Моему брату нужен...

— Проводи меня к нему. Я плохой целитель, но обещаю сделать все, что смогу.

Не веря, но затаенно на что-то надеясь, Кейтлин поднялась, промокая передником глаза. И, хотя участие постороннего человека в судьбе ее семьи могло показаться необычным, от нежданно появившегося в ее доме товарища по детским играм веяло уверенностью и силой. Кейтлин хорошо помнила Дайлена, сына капитана стражи замка

Редклиф, под началом которого служил ее отец, и отчего-то прониклась к нему доверием еще там, на площади перед храмом. К тому же, несчастье, случившееся с ее братом, не оставляло ей выбора. Кроме Дайлена помощи ждать было неоткуда.

— Только тише, господин. Он уснул только теперь, а до того от боли не спал два дня.

Обстановка соседней комнаты могла показаться богаче, чем входной. Бевин лежал на высокой кровати. Рядом на столе и табуретах были расставлены тазы с водой, бинты и притирки. Заметив скользнувший по ним взгляд гостя, девушка чуть заметно стушевалась.

— Мама учила меня своему ремеслу, — Кейтлин скупно указала на разложенные вещи. — Но я не знаю, как вправлять кости. Я пыталась... но, по-моему, ему сделалось только хуже.

Дайлен склонился над мальчиком. Даже на расстоянии можно было чувствовать жар, исходящий от тела ребенка. Страж опустил руку на лоб Бевина, потом взял его за плечо и легонько встряхнул.

— Твой брат не уснул, — медленно и с сожалением пояснил он умоляюще взглянувшей на него девушке. — Он потерял память, и вот-вот отправится по дороге к Создателю. Но я не могу понять, отчего... — он отогнул край одеяла, обнажая больную ногу мальчика. — ... это произошло, — спустя некоторое время сумел закончить он.

Нога Бевина безобразно распухла и была уже почти черной. Но даже сквозь опухоль было видно, что кость сдвинута, сильно натягивая мясо и жилы. Дайлен, едва касаясь пальцами, ощупал ногу мальчика и покачал головой.

— Если ты позволишь, я могу попробовать... облегчить... то, как ему теперь. Ты позволяешь мне?

— Ну конечно! — Кейтлин взглянула недоуменно и с затаенной обидой. — Если ты можешь, сделай хоть что-нибудь. Помоги, прошу!

Дайлен опустил на табурет перед кроватью, и растер ладони. Он вовсе не был уверен в своих силах. Молодой маг не лукавил, уверяя товарищей в своей неспособности к целительству. Но жалость к страдающему ребенку и желание заслужить благодарность его прекрасной сестры придавали ему решимости.

Руки Амелла окутались едва заметным синеватым свечением. Все же усталость его была слишком велика, а способность к целительству — слишком мала для того, чтобы всерьез помочь несчастному больному. Стараясь не обращать внимания на прижатую ко рту ладонь Кейтлин, теперь только догадавшейся, какое именно лечение предлагал гость, Дайлен вновь прикоснулся к ноге мальчика, и попытался вложить всю бывшую в нем ману в единое целительское действо.

Спустя какое-то время он опустил руки. Благодаря его усилиям страшная чернота больного места превратилась в синеву. Но кости по-прежнему не были сложены, как подобает, и не сросшены, а жар продолжал иссушать детское тело. Дайлен бросил еще один взгляд на бессознательного мальчика и покачал головой, поднимаясь.

Все это время зачарованно наблюдавшая за ним Кейтлин очнулась. Шагнув вперед, она с силой стиснула руки Дайлена, словно желая выдавить из них больше магии.

— Ты обещал исцелить моего брата! Прошу тебя, маг! Проси, что хочешь! Умоляю! Ну... ну пожалуйста! Помоги! О, Андрасте... скажи, чего ты хочешь? Я все сделаю... все...

Амелл осторожно высвободился. Умоляющий взгляд девушки жег его сильнее огненного заклятия. Но еще большее беспокойство задавала обида — быть может, о том, что Кейтлин так ни разу и не назвала его по имени. Маг прикрыл больную ногу Бевина одеялом

и ободряюще кивнул его сестре, продолжавшей глядеть на гостя с мольбой.

— Я не целитель. Прости меня, я не могу помочь твоему брату. Но... — он заторопился, видя, что Кейтлин готова была опять заплакать, — знаю того, кто может. Подожди. Просто подожди, я вернусь быстро!

Кейтлин проводила гостя до порога. Дайлен с третьего раза сумел все-таки забраться на лошадь и пустил ее крупной рысью по направлению к замку. Девушка прикрыла дверь и вернулась в комнату брата, не зная, что подумать.

Однако не прошло и четырех мер времени, когда под ее окнами опять раздались цокот копыт и лошадиное ржание. Узнав голос Дайлена, хозяйка дома впустила его самого и высокую, статную старую женщину, одетую в мантию Круга магов. Старая магиня выглядела порядком утомленной, однако нашла в себе силы ласково улыбнуться взволнованной девушке.

— Проводи меня к мальчику, дитя. Посмотрим, что я смогу для него сделать.

Кейтлин повиновалась. Больше всего на свете хотелось ей теперь чтобы эти неожиданно посетившие ее хижину маги спасли ее брата. Как и до нее Дайлен, старая магиня некоторое время пристально изучала больное место, оглаживая его пальцами. Потом подняла лицо, на которое легла тень заботы.

— Кость не просто треснула, а переломилась во многих местах, — не отводя руки, и словно к чему-то прислушиваясь, медленно проговорила она. — Некоторые осколки прорвали мясо и жилы, по которым бежит кровь. Кровь, не находя выхода наружу, начала собираться внутри. И портилась, а за нею — мясо. Оттуда зараза пошла во все остальные жилы и вызвала жар.

— Ты можешь что-то сделать? — мрачно спросил Амелл, поглядывая на бессильно привалившуюся к дверному косяку Кейтлин. Винн, а это была она, пожала сухими плечами.

— Я могу отнять ногу, — магиня покачала головой. — Это самый верный способ. Или сейчас можно уменьшить опухоль и, сложив все кости, срастить их. Но не уверена, что все ляжет, как подобает. Осколки кости очень мелкие.

— О благая Андрасте, — Кейтлин всхлипнула, опуская голову и обнимая себя за плечи. — Как он мог так неудачно упасть!

— Есть еще путь, — Дайлен поморщился, и нехотя продолжил. — Из магии крови. Я излечил им Первого Чародея Ирвинга, когда... не важно. Но целительный малефикарум — очень тонкая магия. Прошел не один месяц прежде, чем я овладел ею. К сожалению, я не могу провести это действие более ни над кем, кроме Серых Стражей. Скверна в моей крови не позволит разделить ее, не навредив больному. Но если ты, Винн, сможешь... Я буду показывать тебе, как и что делать.

— Я никогда не творила малефикарума, — голос магини звучал резко. — И теперь не стала бы, даже если смогла. Смотри, ты напугал бедную девочку. Постыдись!

Дайлен бросил взгляд на девушку, слышавшую его слова и взиравшую на него с ужасом, и покачал головой. Однако неожиданно Кейтлин удивила обоих гостей.

— Если малефикарум поможет... если хотя бы что-нибудь поможет... умоляю вас... спасите его!

Винн улыбнулась.

— Ты смелая девочка. Но, увы — Дайлен прав. Я не смогу применить магию крови. А ему этого делать нельзя, или брат твой умрет от скверны. Что ж... я сделаю, что могу. Постараюсь сохранить его ногу. Но ты должна быть готова к тому, что твой брат... его тело

может не справиться с жаром.

— Винн, — обратился Дайлен, угрюмо разглядывая увечье мальчика. — Я верю, что ты можешь его спасти.

Старая магиня дернула плечом и возложила руку на больное место. Ее лицо приняло отрешенное выражение.

— Пойдем отсюда, — Амелл мягко подтолкнул Кейтлин к выходу из комнаты. — Мы будем только мешать.

Оставив целительницу наедине с больным, они прикрыли дверь, и некоторое время сидели молча, скашивая глаза на синеватые магические всполохи над порогом. Наконец Кейтлин, все чаще бросавшая несмелые взгляды на Дайлена, не выдержала.

— Господин, прости мне мою дерзость. Я не уверена, что поняла правильно твой разговор с госпожой магиней. Ты... маг, и... Серый Страж? Это правда?

Амелл отчего-то смутился, будто бы правдивый ответ на этот вопрос мог показаться бахвальством.

— Моя семья уехала потому, что у меня начались сны из Тени, — помедлив, пояснил он. — Отец попытался спрятать меня от Церкви, но не смог. Я провел в Круге магов девять лет. Несколько месяцев назад меня призвали Серые Стражи.

Кейтлин улыбнулась. История Дайлена помогла ей на некоторое время забыть о бедах.

— Удивительно. Не могу поверить. Ты — маг и Страж. Это... это здорово...

— Дайлен. Раньше ты не стеснялась звать меня по имени. Создатель, помнится, ты даже не стеснялась обливать меня помоями с крыльца!

Девушка улыбнулась шире, обнимая себя руками.

— Откуда мне было знать, что из тебя получится такой важный господин? И при том, разве это не ты кидал в меня камнями? А еще вы с друзьями подглядывали за нами на озере, во время купания. Вспомни!

Амелл улыбнулся в ответ. Возникшее поначалу стеснение начало постепенно проходить.

— Я не мог забыть. Твоя мать пришла жаловаться к моей, и отец устроил мне такую взбучку... после нее я долго не мог присесть. Нужно было тебе из всех подглядывальщиков запомнить именно меня!

— Это было не мудрено, — Кейтлин пожала худенькими плечами, обтянутыми сукном грубого платья. — Из всех ты был самый красивый. И... остался.

Дайлен смутился, но ненадолго. Он совсем уже было нашел нужный ответ, когда скрипнувшая дверь отвлекла их внимание друг от друга. Появившаяся на пороге Винн казалась старше, чем была, когда туда входила. Отчего-то с ее появлением растаявшая было между ними неловкость, вспыхнула с новой силой.

— Твой брат не умрет, девочка, — старая магиня перевела взгляд на Дайлена и осуждающе качнула головой. — Я очистила кровь и срастила кости, но вставать с постели нельзя еще не меньше двух-трех дней. И поначалу не позволяй ему много ходить. Можешь пойти к нему, если хочешь. Он теперь спит.

— Благодарю вас, госпожа! Я... я не знаю, что...

— Девочка, — удержав попытавшуюся было кинуться к ребенку юную хозяйку дома, Винн обеими руками оперлась на свой посох. — Я рада была помочь. Но теперь будь добра, проводи нас во двор. Я стара, и только что потратила много сил. Дайлен, — она внимательно посмотрела на молодого мага. — Ты ведь проводишь меня до замка. Уверена,

Кейтлин захочет побыть подле ее брата.

— Конечно, Винн, — бросив взгляд на девушку, покорился Амелл.

Они вышли во двор. Старая магиня довольно ловко для ее лет оказалась в седле. Страж шагнул к Кейтлин, которая оставалась на пороге.

— Я... заеду... когда смогу. Проведать твоего брата.

Девушка кивнула. Потом приподнялась на носках и, едва коснувшись, поцеловала его в щеку.

— Я буду ждать, — негромко ответила она. Дайлен мысленно вознес благодарственную молитву Создателю, попустившему вскочить на лошадь с первого раза и, махнув на прощание рукой, рысью двинулся вслед за Винн.

Обратный путь до замка давался труднее. Возбуждение, вызванное ожиданием встречи с подругой, прошло, и на Дайлена вновь навалилась усталость. Скованный ею, он едва держался в седле. Вновь внимание его сузилось до старания не упасть с коня и желания поскорее добраться до постели. Тем мучительнее было подстраиваться под Винн, которая, свернув на главную улицу Редклифа, ведущую прямо к замковому мосту, пустила лошадь шагом. Постепенно мир перед глазами смазывался, утрачивая четкость, и заваливался куда-то вбок...

— Дайлен, я хочу поговорить с тобой.

Почти ткнувшийся носом в жесткую конскую гриву маг резко выпрямился в седле. В голове немного прояснилось. Проморгавшись, он обернулся к Винн, из уважения к старой магине пытаясь изобразить на не желавшем слушаться лице почтительное внимание.

— Ты попросил помочь твоему другу, — несмотря на ее лета, Винн хорошо держалась в седле, хотя едва ли была более опытной наездницей, чем ее молодой спутник. — Не ожидала я, что другом окажется молодая девушка, такая красивая к тому же.

Сон отполз еще дальше. Дайлен взглянул на целительницу с немалым изумлением.

— Разве это что-то меняет? Когда еще Ирвинг заставлял меня ходить на практику по целительству, я не раз видел, как ты лечила молодых, красивых девушек в Круге. Или ты больше им не помогаешь?

Магиня улыбнулась.

— В этот раз я лечила не девушку, а больного ребенка. Но я бы помогла кому угодно, кто нуждался в моей помощи. Однако не поэтому я начала наш разговор.

— В чем же тогда дело? — терпеливо поинтересовался снова начавший клевать носом Амелл. Стрекот ночных насекомых и плеск недалекого озера убаюкивали, и только осенняя ночная сырость, пропитанная запахами нечистот, рыбьих потрохов, выдубленных шкур и готовящейся пищи удерживала готовую уйти в Тень сновидений душу молодого мага в его утомленном теле.

— Я стара, Дайлен. Но глаза мои зрят так же хорошо, как раньше. Я вижу, что вы с Кейтлин уже увлечены друг другом.

— Верно, — осторожно признал Амелл, сон которого опять на некоторое время как сняло рукой. — И... и что же?

Взгляд магини из проницательного сделался цепким.

— Я хочу у тебя спросить. Чем, по-твоему, все это может закончиться?

Дайлен наклонился, пропуская над головой провисшую под тяжестью вывешенной одежды бельевую веревку.

— Я еще не думал об этом. Мы видимся второй раз, но толком не говорили.

— Но она тебе нравится.

— Да, нравится, — Амелл удивленно повернулся к магине. — Но почему ты спрашиваешь? Что-то не так?

— Да, что-то не так, Дайлен. Я знаю, ты умен. Не думаю, что нужно тебе растолковывать, что именно.

Окончательно проснувшись, молодой маг сдвинул брови.

— Все же объясни мне, Винн. Я хочу услышать.

Его собеседница в ответ сощурила глаза.

— Кейтлин — хорошая девушка. Искренняя и простодушная. Она не заслуживает того, чтобы страдать.

Дайлен хмыкнул.

— Не понимаю, к чему ты говоришь мне это. Или ты полагаешь, что... страдать она будет, если я... захочу ее навестить? Я никогда... не думал... О Создатель, я никогда... у меня в мыслях не было причинить ей боль!

Целительница покачала головой. Очевидно, она ожидала услышать что-то подобное.

— Я уверена, что намеренно ты бы никогда не обидел ее. Но сами... обстоятельства таковы, что ваши... отношения могут обернуться бедой для вас обоих, — она помолчала. — Вспомни. Ты — Серый Страж. У тебя есть обязательства, которые стоят выше твоих личных желаний.

Дайлен ответил не сразу, подыскивая в своем усталом рассудке правильные слова.

— Я... исполнен уважения к Ордену Стражей, — заговорил он наконец. — Стражи не единожды спасли мне жизнь, они же дружбой и участием помогли вернуться к жизни, когда тьмы и злобы на весь мир во мне было больше, чем скверны в крови. Пока жив, я буду следовать всем заветам Ордена, и участвовать во всех его делах. Но еще я... живое существо, с душой и сердцем. Я мужчина. А не только Серый Страж.

— И ты готов пожертвовать счастьем этой девочки во имя собственного... сердца?

Страж-маг усилием воли подавил раздражение.

— Все не обязательно... должно быть так плохо. В чем будет заключаться эта жертва? Если... мы сговоримся с Кейтлин, мы можем пожениться. Стражи — не храмовники. На нас не налагается обета безбрачия. Я знал нескольких братьев из Ордена, которые были женаты, и даже имели детей. Отчего у нас с ней не может случиться так же?

— Любовь безмерно эгоистична, Дайлен, — Винн вздохнула. — Она требует, чтобы любящий посвятил себя одному человеку, тому, кто заполнит весь его разум и сердце, и исторгнет из них остальное. Серый Страж не может быть эгоистичен. Вдруг тебе придется делать выбор — спасти любимого человека или кого-то другого? И что ты тогда будешь делать?

Дайлен дернул щекой. Чем дольше, тем сильнее разговор с бывшей наставницей заставлял его сердиться.

— Я не вижу никаких... обстоятельств, при которых нужно было бы делать такой выбор, — тщательно гася в себе недовольство, проговорил он. — Но если все же придется... надеюсь, я выберу правильно.

Винн вздохнула еще тяжелее.

— Допустим, — она натянула поводья, заставляя лошадь свернуть на дорогу, ведущую к замковому мосту. — Но есть еще кое-что. Ты — маг, Дайлен. Скажи, тебе нравилось в Круге?

Амелл стиснул зубы.

— Я знаю — нет. Ты хотел бы того же для своих детей? Ты готов к тому, чтобы видеть боль этой девушки, когда у нее их отнимут, чтобы навечно запереть в башне посреди озера?

— Хватит! — не выдержал Дайлен, и едва не вылетел из седла, когда конь шарахнулся от звука его голоса. — Проклятье, Винн. Не странно было бы услышать то, что ты говоришь от какого-нибудь храмовника, но от тебя... Что же, из того, что я маг, следует, что я никогда не смогу лечь с женщиной? Что у меня не будет детей? Или как, по-твоему?? Все то время,

что провел в Круге, я... много раз был близок к тому, чтобы шагнуть с верха этой башни, как делали многие ее узники до меня! От этого шага меня удерживала только одна мысль — о том, что когда-нибудь, когда придет мое время, я убегу. Поступлю на военную службу, если повезет, сделаюсь даже рыцарем. И у меня будет семья, красивая, добрая жена и дети, что будут встречать меня со службы и любить так же, как я почитал и любил своего отца. Так задумывалось, и так будет, Винн. Если Создатель дарует мне такую семью, я позабочусь о том, чтобы никто не смог отнять ее у меня!

Винн отвернулась от него. Видимый Дайлену строгий профиль ее лица будто бы сделался еще строже. Как и тон ее голоса, в котором теперь хрустел лед.

— Мой долг был предупредить, Серый Страж. Думай. Как поступить — решать тебе.

— Маги вернулись, — выглянувшая в окно Лелиана хмыкнула, встряхивая протянутыми между пальцами коричневыми и синими перевязками. — И Страж, и старуха. Интересно, куда они, все-таки, ездили?

— Интересно — спроси. Не немая ведь ты. Говорить умеешь.

— Так я и спрашиваю — у тебя.

— Спросить у них самих толку больше.

Бывшая послушница махнула рукой и, подув на шелковые перевязки, принялась ловко их переплетать, сотворяя причудливый узор.

— На самом деле можно было бы догадаться, — она, наконец, справилась с узором и, приблизившись к сидевшей прямо Морриган со спины, принялась вплетать перевязки в жесткие темные волосы ведьмы. — Если бы с Дайленом не ездила и Винн. Что они могли делать в городе вдвоем — ума не приложу.

Морриган промолчала. Рыжая собеседница закончила с одной из ее прядей и, приподняв волосы целиком, стала критично оглядывать шею и плечи.

— Что ты там делаешь?

— Ничего особенного, — Лелиана так и эдак примеряла тяжелые волосы Морриган к воображаемым прическам, потом, вздохнув, отпустила и взялась за другую прядь. — Просто ты очень красивая.

— Я и сама это знаю.

— Но ты всегда одеваешься в такое тряпье... Конечно, сквозь прорехи в одежде видна кожа, а это интересно мужчинам. Но все же...

— Уверена, что правильно ты выбрала, в послушницы уйдя?

— Но так ведь я больше не послушница! — Лелиана рассмеялась и отступила на шаг, залюбовавшись своими трудами. — И не всегда ею была. Нет, ну на самом деле, Морри. Послушай. Мы добудем тебе красивое платье. Шёлк... нет, пожалуй, бархат. Бархат тяжелее, он лучше защитит от ферелденских холодов. Тёмно-красный бархат... да... и золотая вышивка. Конечно, с глубоким декольте. Мы же не станем скрывать твоих пре... достоинств. Ну, что скажешь?

— Не называй меня Морри.

— Будет прелестно, обещаю! — бывшая послушница впустила чужие волосы. — А ещё нужны будут туфли! О, туфли! Надо будет вместе пройтись по лавкам, когда мы окажемся в Денериме! Ведь мы там окажемся, я уверена!

Ведьма повела головой. Ее тяжелые пряди выскользнули из ладоней рыжей и рассыпались по плечам.

— О чем-то кроме нарядов еще думаешь ты?

— Конечно, думаю, — после нескольких неудачных попыток поймать ее волосы в то время как ведьма отстранялась, Лелиана махнула рукой, легко вскочила на кровать рядом и, перекатившись на живот, замерла, уложив голову на скрещенные кисти. — О том же, о чем и ты.

— О том же?

— Ну, не совсем о том же, — рыжая хмыкнула. — О другом, но из того же Ордена.

— О чем говоришь ты?

— О, Морриган, не притворяйся глупой. Я, разумеется, говорю о Сером Страже. Скажи, — тон Лелианы из игривого сделался заговорщицким. — А это правда, что можно сделать приворот на жизнь? Не те дрянные зельишки, которые используешь на один вечер, а... навсегда?

Морриган усмехнулась и, подняв руки, в несколько движений разрушила плод долгого кропотливого труда собеседницы.

— Приворот можно, — повернувшись к Лелиане, она оперлась о постель рукой. — Но зачем тебе это? Собственных чар уж не хватает?

— Ну, приворотом-то надежней, — бывшая послушница рассмеялась, как всегда переводя все в шутку. — А скажи... его... ну, приворот, то есть, на женщину можно сделать тоже?

Ведьма покачала головой.

— Конечно, нет. Делается это на тех только животных, у которых ум руками можно трогать.

Некоторое время Лелиана молчала, переваривая услышанное.

— Жаль, — платье соскользнуло у нее с плеча, и она не торопилась его поправлять. — Но если ты действительно умеешь привораживать мужчин, отчего не воспользуешься этим сейчас? Для себя?

Взгляд Морриган из насмешливого сделался раздраженным.

— О чем ты там болтаешь все время?

Рыжая перевернулась на спину, заложив за голову руки. Саму голову она держала запрокинутой так, чтобы не выпускать из виду досадливо кусавшей губы ведьмы.

— Я не дурочка, Морриган, — напомнила она немного другим тоном. — Все-все вижу. И... если не хочешь, чтобы, в конце концов, это увидели другие, тебе стоит обдумывать тщательнее все, что ты говоришь и делаешь.

Ведьма подняла брови, забираясь на кровать с ногами.

— Глупости ты бормочешь.

— Ну, конечно, — Лелиана вновь перевернулась на живот. — А ты, разумеется, всегда говоришь по уму. Только ты понятия не имеешь, кто из Стражей глянулся мне, а вот твое пристрастие сразу бросается в глаза. Ты что, никогда не обольщала? У такой красавицы, как ты, это должно быть в крови! Ни за что не поверю, что ты не знаешь, каково это — быть с мужчиной!

— Ты имеешь в виду, если не привязан он, пойманный, и не ждет участи накормить мою магию своими телом и душой? Нет.

— Оно и видно, — не стала ужасаться бывшая послушница и зевнула. — Ты красива, но совсем не умеешь этим пользоваться. В том, что на тебя ведутся мужчины, нет твоей заслуги. Любая крестьянка знает об обольщении больше тебя.

Морриган не ответила. Ее темные волосы лежали на спине и плечах, скрывая полуобнаженную грудь. Тонкие пальцы перебирали густые пряди.

— Мой тебе совет, перестань над ним насмехаться, — зевнув шире, поделилась Лелиана. — Ты совсем его запугала. Уверена, даже этого хватит, чтобы...

— Уверена, что Командору рыжему тоже немного нужно, чтобы к ногам твоим упасть. Разумеется, так трудно углядеть, что-то, когда он глазами тебя пожирает, и ты отвечаешь ему тем же.

— Я? — Лелиана стушеввалась на какой-то миг. На ее лице несколько раз сменились

смущение, недоверие и самодовольство. — Вовсе он не пожирал меня глазами. Или пожирал? Нет, правда — пожирал?

Морриган поднялась, пересекла комнату и решительно распахнула дверь.

— Постель у тебя своя есть. Сегодня поспать пораньше лечь я хотела бы.

Лелиана встала и потянулась с кошачьей грацией.

— Кого ты пытаешься обмануть? Опять побежишь по своим делам на четырех лапах и вся заросшая этой ужасной шерстью?

— Рыжая, предупреждаю...

— Я уже ухожу, — проходя мимо ведьмы, Лелиана не удержалась и подмигнула. — Мы так хорошо понимаем друг друга, не находишь? Нам нужно было бы родиться сестрами.

Морриган коротко выдохнула. На сегодня предел ее терпеливости был уже исчерпан.

— Это было бы ужасно, — сквозь зубы процедила она вслед.

На следующий день, спустившись по ступенькам на задний двор, первыми, кого увидел Айан, были спасенный из Лотеринга коссит и его собственный волкодав мабари, нос к носу застывшие на траве под стеной замка. Не отводя взгляда и не шевелясь, они сидели на локоть друг от друга и периодически оглашали воздух грозным рычанием. На появление хозяина Иеху отреагировал чуть напрягшимся затылком. Стен даже не повернул головы.

Миновав эту странную пару, Айан прошел дальше, на вытоптанное ристалище, где, судя по их взмыленному виду, уже давно упражнялись с оружием Алистер и Дайлен. Тут же на грубой деревянной скамье рядом с Лелианой сидела изумительной красоты темноволосая девушка в теплом бархатном платье, в которой споткнувшийся от неожиданности Кусланд только со второго взгляда признал Морриган.

— Хорошо! — донесся до него голос Алистера, едва успевшего принять удар мага на свой щит. — А так?

Избегая лезвия меча товарища, полоснувшего его по ногам, Дайлен успел в прыжке уйти в сторону, но потерял равновесие, и упал на бок. Быстро перекатившись, он вскочил и попытался зайти противнику за спину, но как бы ни старался, Алистер неизменно оказывался к нему лицом.

— Ну, давай, — подзуживал сын Мэрика, в глазах которого было безудержное веселье осознанного превосходства. — Покажи, на что ты годеи!

Заметив Командора, он мгновенно посерьезнел, опуская меч. Амелл опустил свой, оборачиваясь.

— Что там? Что говорит Винн?

Кусланд оправил меховик и опустился на скамью рядом с Лелианой.

— Она не может пробудить его. Яд глубоко впитался и пробыл в теле слишком долго. Коннор заключил сделку с демоном для того, чтобы спасти отца. Но теперь демон мертв, и эрл начнет быстро угасать. Винн будет удерживать жизнь в его теле несколько дней или неделю. Может, немного дольше. Но он умрет, это неизбежно.

Алистер вложил меч в ножны. От легкости его прежнего настроения не осталось следа.

— Должен быть способ помочь эрлу, — он взглянул на Айана, потом на Дайлена так, словно от них зависело выздоровление хозяина замка. — Ну, хоть как-то!

— Чудо только спасет его, — Морриган запахнула накидку на меху. — Или ничто.

Она замолчала. Молчали и остальные. Дайлен убрал свое оружие и стоял, хмуро разглядывая мощенную землю заднего двора. С его покрасневшего лица медленно сползал румянец, вновь открывая синеватую бледность, вызванную сильной кровопотерей.

— А помните стражника у входа на мост, — Лелиана говорила всем, но обернулась она к одному только Айану. — Он что-то рассказывал об Урне Праха Андрасте. Что если принести ее? Это может помочь.

— Урна — сказка, — Айан покачал головой. — Игры демона, заставлявшего эрлессу исполнить его желание и усласть всех рыцарей из замка. Нельзя всерьез даже говорить об этом.

— А что, если не сказка?

— Не сказка если — где искать мы будем? Неделя всего у нас.

— Я не могу говорить уверенно, — подал голос молчавший до того Дайлен. — Но, если

Урна вообще существует, я, быть может, знаю, где, с помощью Создателя, мы можем попробовать найти ее.

— О какой Урне речь?

— Урна Священного Праха, — Лелиана обернулась к незаметно подошедшему к ним Стену. — После сожжения благой Андрасте, ее прах был собран в Урну и... куда-то исчез. Однако сказания гласят, что прах Невесты Создателя может исцелить любой недуг, стоит только болющему прикоснуться к нему...

— Нелепица, — коссит поднял подбородок, складывая руки на груди. — Вам прежде нужно заняться Мором, а сказками — потом.

— Втроем нам не остановить армию порождений тьмы, даже со всей его помощью, — Айан кивнул на о чем-то напряженно вспоминавшего Дайлена. — Нам нужны союзники. Теперь, когда мой отец мертв, эрл Эамон — наиболее влиятелен после Логейна. К его мнению прислушаются.

— Так вот, о том, где можно искать Урну, — возвысил голос определившийся со своими непонятными воспоминаниями маг. Убедившись, что завладел всеобщим вниманием, он продолжил. — Расскажу то, что знаю. Быть может, это как-то подсобит делу... ну уж точно не навредит.

Он кашлянул. Остальные молчали, ожидая продолжения.

— Как я уже рассказывал, моя семья бежала из Редклифа, когда мне было десять, — не стал томить их Амелл. — Отец стремился найти такое место, где я мог бы справиться с кошмарами и научиться скрывать мой... дар. В бытность простым стражником, ему доводилось бывать в горах к северо-западу от Редклифа и охотиться там на дракона. Он решил, что в той глуши храмовники до нас не доберутся.

— В горах водятся драконы? — удивился Алистер. — До сих пор?

— Водятся, — не стал тратить времени на долгие разъяснения Дайлен, и продолжал. — По имперскому тракту мы добрались до урочища Рейнсфир, а дальше уже свернули прямо в горы. Несколько дней — два или три — поднимались, придерживаясь северо-запада. Там несколько деревень. Но они малы, все люди на виду. Отец решил двинуться выше. Он упоминал о каком-то большом селении разорителей орлиных гнезд — всем известно, что яйца горных орлов целебны. Мы должны были поселиться в окрестностях, так он говорил. Достаточно близко к людям, чтобы в случае нужды получить от них помощь, и достаточно далеко, чтобы никто не смог раскрыть нас.

— И что с того?

— А то, что, добираясь до деревни охотников за птичьими яйцами, мы сбились с пути, — Амелл недовольно покосился на нетерпеливого коссита, но устроить с ним дуэль взглядов посчитал ниже собственного достоинства. — Мы отклонились к юго-западу, как я теперь уже помню. Целый день шли, все надеясь впереди увидеть селение, и действительно увидели его. Только это селение было отцу незнакомо. Мы заблудились. Уже вечерело, переход был труден, а сестра моя, двух месяцев от роду, нуждалась в молоке. Выбора у нас не было, решено было заночевать среди тех людей.

Он остановился, отдергивая руку, в которую мокрым носом ткнулся Иеху.

— Они встретили нас очень недоброжелательно, даже враждебно. Но, в конце концов, вид измученных переходом детей смягчил их сердца. Нам разрешили заночевать в сарае на краю селения, а с рассветом немедленно их покинуть. Мы так и сделали, — он опустил голову, пытаясь восстановить в памяти события, после которых прошло больше двенадцати

полных лет. — Ночью отец мой спал, как убитый. Как и моя сестра, хвала Создателю, даровавшему нам такую милость, ибо многие прочие ночи она кричала, не переставая. Не спал только я, хотя устал не меньше родных. Но я боялся сомкнуть глаз. После того, как пришли сны из Тени, отец еженощно сидел подле меня, спящего, и будил всякий раз, как чувствовал неладное. В ту ночь же он уснул, и я опасался, что если тоже усну, то проснусь уже демоном.

— Это ужасно, — искренне посочувствовала Лелиана, притуляясь к плечу Командора. — Вам, должно быть, было так непросто!

— Отец твой невозможное совершил, — подала голос Морриган, и в голосе этом было удивление. — Помочь магу, такому как ты, со снами справиться даже опытному чародею непросто. А отец твой магом не был?

— Не был, — Дайлен досадливо поморщился. — Но речь не о том. Дайте досказать. Сияясь не уснуть, я выбрался из сарая и, держась в ночной тени, отправился гулять по деревне, чтобы холодный ветер разогнал наваливавшуюся на меня сонливость. Везде было довольно темно, только в церкви горел свет. Я направился туда. К моему удивлению я увидел там людей. Они пели Песнь Света, но я не узнавал слов. Точнее, не все слова были правильны. К тому же, в церкви я не заметил Преподобной Матери. Служение вел один только жрец, седой муж. Это удивило меня и, устроившись под окном, я принялся слушать.

— Интересно, — Алистер с особым интересом вслушивался в последние слова товарища. — Еретики? Ты уверен?

— Я ни в чем не уверен, брат мой. Я был ребенком, которому, к тому же, очень хотелось спать. И я почти уснул под тем окном. Очнулся уже тогда, когда люди начали выходить из церкви. Тут уж пришел мой черед молиться. Я молился, чтобы они не заметили меня, потому что чутье подсказывало мне, что если бы заметили, теперь я с вами не говорил бы тут. Я дождался, чтобы последний из молящихся удалился, и совсем было решил идти обратно, когда услышал голоса, доносившиеся из церкви. Говорили двое — жрец и кто-то еще. Среди прочего я различил что-то вроде... это было давно, не помню всего, но вот это тогда удивило меня: «... нужно это сделать, или плохо будет всем» «... но проклятый Страж не пускает к Урне никого, мы только зря потратили духов пепла, пытаюсь выкурить его из святилища» «гнев Андрасте падет на нас, если мы не добудем ее Урну. Мы должны сделать других духов пепла, как можно больше. Завтра же объяви о призыве добровольцев...» Это было так захватывающе и так пугающе, друзья мои, что я едва смог вернуться к отцу, в отведенное нам место для ночлега. Утром мы покинули то странное селение, жители которого указали нам дорогу до деревни любителей орлиных яиц. С тем, чтобы мы никогда не возвращались и не приводили с собой других чужаков. И вот, я выкинул ту историю из головы. У меня хватало других забот. Но временами я ее вспоминал. И, даже, пугал этой страшилкой младших учеников в Круге, когда наступала моя очередь следить за ними в спальне.

— Ты полагаешь, что эти люди прячут Урну? Ту самую Урну Праха Андрасте?

— Я слышал, как они говорили о какой-то Урне и поминали Андрасте. И еще, какого-то Стража, который не пускает к Урне недостойных. Это все, о чем я слышал тогда. Может, было что-то еще. Прошло много лет, это могло стереться из моей памяти.

— Глупо, — Стен говорил, как всегда, отрывисто, и в речах его был слышен говор Пар Волены. — Серым Стражам слушать рассказы саирабаза.

— Я не говорю, что точно знаю, что они говорили о той самой Урне, и что эта Урна вообще существует, — Дайлен дернул плечами, разминая руки. — Я рассказал вам то, что

слышал когда-то, ребенком.

— Это хоть что-то, Командор. Хотя... какая-то надежда, — Алистер говорил неуверенно, но быстро, поглядывая то на Айана, то на Дайлена. — Мы можем отправиться туда прямо сейчас, а можем... можем остаться здесь ждать... смерти Эамона. Я считаю, что, по крайней мере, мы должны попытаться! Если Дайлену, конечно, не приснилось.

— Мне не приснилось, — серьезно подтвердил маг. На недоверие он не обижался, понимая, как могла слышаться его история.

— Ты помнишь, где эта деревня? — Айан поднял на него глаза, которые помимо его воли скашивались на рыжие волосы Лелианы, касавшиеся его плеча. — Сможешь показать дорогу?

— Я помню, где мы два года прожили с отцом, — Дайлен с готовностью кивнул. — Оттуда до этой деревни три дня пешего пути. Но на лошадях доберемся быстрее. Тропы там есть. Или, во всяком случае, были. Лошади пройдут.

— Тогда не будем терять времени, — Командор поднялся. За ним поднялись и все прочие, кто сидел. — Отдохнем, когда Мор будет остановлен.

Алистер Тейрин был занят важным делом. Пользуясь краткосрочным привалом, объявленным для разведывания дороги, он, глядясь в собственный щит, прислоненный к спине Дайлена, сосредоточенно отскребал с лица трехдневную щетину. Амелл не мешал ему, не шевелясь, и всесторонне изучая захваченную из замка Редклиф карту, которую и так знал уже, как свои пять пальцев. Временами он поднимал голову и оглядывал со всех сторон подступавшие к лагерю величественные горные склоны, вершины, и покрывавшие их леса и снега. С лица его не сходила тень озабоченности.

— Пятый день, — ни к кому особенно не обращаясь, пробасил Стен. Он проводил точильным камнем по лезвию своего двуручного меча, временами оглаживая пальцами зазубрины и цокая языком.

— Если я прав, то мы почти на месте, — не оборачиваясь в его сторону, и даже не поднимая глаз от карты, тоже в воздух отозвался Дайлен. — Ни разу не сбились с дороги. И добрались сюда гораздо раньше, чем намеревались. От нашей стоянки до деревни не больше двух часов пути.

— Пятый день вместо того, чтобы воевать с порождениями тьмы, мы гоняемся за сказкой саирабаза, чей арвараад слишком много ему позволяет. Может, ему нужно сменить арвараада?

Дайлен, наконец, поднял голову. И поймал устремленный на него тяжелый взгляд коссита.

— Я не понимаю твоих куннарийских словечек, — сказал маг, спустя какое-то время, пока они сверлили друг друга глазами. — И не ищу с тобой ссоры.

— Ссора не при чем, — Стен поморщился, точно нюхнув из выгребной ямы. — Пустая трата времени. Глупо верить саирабазу. Всегда. За него говорят его демоны.

— О, — молчавшая до сих пор Морриган усмехнулась, разглядывая на солнце камни одного из своих амулетов. — Маг этот молодой и прекрасный покоя тебя лишил? О нем и думаешь только, куннари?

— Не подобает женщине мешаться в разговор мужчин, — перенес свое внимание на нее сделавшийся против обыкновения необычайно словоохотливым коссит. — Негоже.

— Значит это «да»?

— Ты защищаешь его, потому что вы похожи, — Стен со скрежетом провел камнем по лезвию меча. — Те же демоны владеют вами обоими.

Морриган рассмеялась.

— Не думаю я, что много знаешь ты о демонах, куннари.

Алистер оторвал взгляд от своего отражения в щите, поочередно оглядел всех участников разговора, и, качая головой, вернулся к своему занятию. Больше не обращая внимания на мрачно глядевшего то на него, то на Морриган коссита, Дайлен снова склонился над картой.

— Полдня, — глядя в испещренную линиями и обозначениями кожу, забормотал он про себя. — И полдня на то, чтобы вернуться. Итого, если гнать лошадей — двенадцать восходов. Винн твердо обещала пятнадцать...

Оборвав себя, он поднял голову и прислушался. Издалека слышался конский топот, и из-за деревьев, что вплотную подступали к облюбованной ими для лагеря поляне, в

сопровождении крупного пса мабари, показались двое всадников. Яркое утреннее солнце играло в рыжих шевелюрах обоих так, что издали могло показаться, будто головы верховых объаты пламенем.

— Ты был прав, Дайлен, — осадив коня и легко, несмотря на тяжесть своего доспеха, спрыгивая на землю, подтвердил Кусланд. — Там действительно едва заметная тропа. Пришлось повозиться, разыскивая ее, — забросив поводья на спину животного, он помог спуститься Лелиане. — Но она там.

Дайлен кивнул, поднимаясь и опрокидывая прислоненный к нему щит. Айан сразу понял обращенный к нему взгляд.

— Есть что-то еще, о чем нам следует знать?

— Не совсем, — Дайлен замялся, что было тревожным признаком, и сразу насторожило не только собратьев по Ордену, но даже успевшую изучить его Лелиану. — Так как мы добрались сюда на три дня раньше предполагаемого срока... Я подумал... быть может, ты разрешишь мне отклониться от прямого пути и съездить к той сторожке, где встретила смерть моя семья? Если выехать прямо сейчас, я вернусь уже к вечеру.

Айан и поднявшийся на ноги недобрый Алистер переглянулись.

— Ой, как это не вовремя, — выразила их общее мнение Лелиана. Айан согласно и молча развел руками.

— Мы должны торопиться, — напомнил он. — Кто знает, сколько еще Винн сможет удерживать душу в теле эрла. Любой лишний час промедления...

— Да нам все равно придется ждать до вечера, — Дайлен свернул карту и сунул ее в футляр. — Поверь мне, ночь — самое лучшее время, чтобы наведываться в ту деревню. Если приедем днем, нас попросту могут не пустить, а если все же позволят войти, то не спустят глаз, пока не уберемся. И потом уже будут настороже.

— Тут он прав, — Алистер осмотрел лезвие ножа с обеих сторон и обтер его о выглядывавший из-под доспеха край рукава рубахи. — Лучше всего пробраться в селение ночью.

— И хорошенько пошарить в их церкви. Уверен, ответы на многие наши вопросы — если и есть, то там. Создатель, Командор, — Амелл прикусил губу, игнорируя вперившийся ему в затылок тяжелый взгляд коссита. — Мои отец и сестра лежат там непогребенными уже десятое лето. Не знаю, представится ли еще мне возможность исполнить для них все то... что должно. Ведь... только Создателю известно, что станет с нами завтра.

— Хорошо, — после долгого молчания, решил Айан. — Но у меня два условия. Я еду с тобой. И при появлении любого препятствия, которое будет задерживать нас в пути, мы поворачиваем обратно.

— Я слышал, что Командоры Серых Стражей — могучие воины и дальновидные командиры, — хмуро пророкотал Стен. — Мне повезло. Я могу своими глазами убедиться в правдивости сказок. Они лгут.

— Благодарю тебя, друг, — Дайлен улыбнулся, что с ним случалось нечасто. — Сейчас я приведу лошадь...

— Я еду с вами, — Лелиана легко взлетела в седло. — Быть в лагере целый день — скука смертная. Айан, ты же не против?

Кусланд улыбнулся и отрицательно качнул головой. Амелл отвязал свою лошадь и закинул на ее спину самую тощую из сумок. Потом взялся за лук и, совершив над собой усилие, с первого раза оказался в седле.

— Кажется, у меня стало уже лучше получаться с этими тварями, — пробормотал он, имея в виду лошадей.

— Страж, — Стен поднялся, вкладывая меч в ножны. — Я тоже не желаю сидеть в лагере. Уйду на охоту. До заката вернусь.

Алистер бросил беспокойный взгляд на коссита, потом еще более беспокойный — в сторону Морриган.

— Останусь я, белобрысый, — ведьма усмехнулась, водружая амулет обратно на шею. — Тебя сторожить, и лагерь.

— Морриган, — Командор огладил шею своего коня, откуда перед тем согнал жирного овода. — Ты ведь можешь оборотиться птицей? Как тогда, при Остагаре?

Ведьма пожала плечом.

— Птицей или тварью иной. Что нужно тебе?

— Мне нужно, чтобы ты приняла птичий облик и отправилась к той деревне. Разведай все, что сможешь. Сколько у них мужчин, способных держать оружие. Сколько крепких молодых женщин. Не заметно ли чего-то странного. Чего-то такого, что отличало бы это селение от других. Особенно следи за их храмом. Подметь, как можно было бы туда пробраться незаметно, и возможно ли это вообще.

— По-твоему будь, — в голосе Морриган слышалась непонятная досада. — Вызнаю все, что нужно тебе.

— Добро, — Кусланд утвердился в седле. — Тогда встречаемся здесь, перед закатом. Иеху!

Алистер смотрел вслед удалявшимся конникам, пока густые еловые заросли не поглотили их всех. Спустя какое-то время ушел и Стен. После отъезда остальных, ведьма снова перестала обращать на него внимание, занявшись подготовкой к перевоплощению. Не желая присутствовать при этом, Тейрин достал скребок и отправился к оставшимся в лагере лошадям, рассчитывая провести хоть с какой-то пользой это свое собственное время.

Деревня разорителей орлиных гнезд показалась спустя несколько часов после того, как они покинули лагерь. Дорога была нелегкой. То поднимаясь, то опускаясь вниз и делаясь совсем отвесной, она проходила через горные луга с уже пожухлой лежалой травой, покрытые лесами горные склоны и каменистые плато, где деревьев и трав не было вовсе. Тем не менее, Дайлен вел друзей довольно уверенно, время от времени сверяясь с картой — лучшей из тех, что он нашел в библиотеке эрла Эамона. Полдень не наступил, когда они уже были на месте.

— Хороший источник, — кивая на протекавший перед деревней ручей, через который был перекинут мост, возвестил Дайлен. — Как помню, вода в нем всегда холодная и вкусная.

Спешившись, Стражи позволили утолить жажду лошадям и сами отдали должное воде, которая действительно оказалась вкусна. В деревне их появление не осталось незамеченным. От ворот уже шествовала толпа сельчан, состоявшая преимущественно из вооруженных дубинами и вилами мужчин. Все же неожиданные гости были редкостью в этих краях. Вилы, впрочем, как и дубины, они пока держали опущенными в землю.

— Приветствую милордов рыцарей и даму в нашем селении, — вперед выступил приземистый и лысоватый муж, одетый в куртку охотника с начавшим обрисовываться под ней брюшком. — Могу я, староста этой деревни, узнать, какие дела привели вас сюда? Или вы остановились у нас лишь проездом, а сами направляетесь в Рейнсфир? Быть может, милордам будет угодно купить у нас яиц? Торговцы только день, как покинули нас, увозя партию, но охотникам повезло, и вчера вечером они нашли новое большое гнездо. Не сомневайтесь, у нас на продажу целебные яйца, самые свежие!

— Было бы неплохо купить у вас яиц, — Дайлен передал поводья Кусланду и шагнул к напрягшемуся старосте. — Они действительно целебные, я знаю. Но приехали мы не за этим. Нам в ту сторону, — обернувшись, он указал на едва приметную тропу, огибавшую селение, и уходящую выше в горы.

— В ту сторону? Милорды, должно быть, заблудились, — староста обернулся к своим людям, и те, кто еще не опустил оружие, сделали это теперь. Отсутствие враждебности со стороны приезжих, успокоило их настороженность. — Эта тропа заканчивается на узком плато. Дальше дороги нет, только скалы и обрывы. Там не пройдет и пеший.

— И все-таки, нам нужно туда, — Дайлен кивнул, дернув щекой. — Благодарю за предостережение. На обратном пути мы купим все свежие яйца. Приберегите их для нас.

— Погодите, добрый господин! — ожидание барыша сделало старосту еще разговорчивее. — Не знаю, какие там у вас дела, но не стоит туда ездить. Поверьте, я прожил здесь всю свою жизнь. Не стоит, милорд. Там... дурное место.

— Дурное место? — взявшийся было за лук Дайлен отпустил седло. Айан и Лелиан переглянулись. — Отчего? Там опасно?

— Простите, я никак не смею сомневаться в вашей храбрости или... остроте мечей, но... быть может, там вы столкнетесь с тем, против чего бессилён любой меч...

— Просто скажи, что там, — вмешался Кусланд. Каждый миг, проведенный вдали от цели их пути, казался проведенным зря. — Почему мы не можем ехать?

— Не хотелось говорить. Но почти тринадцать лет назад там проживало семейство магов. Ну, знаете, отступники, — староста сплюнул под ноги. — Пришли к нам в один

паршивый день, а остались почти на три лета. Все время, пока они тут жили, беда приходила за бедой. То гроза огороды побьет, но падеж среди скота, а то и...

— Вы что, укрывали отступников? — угрюмо спросил Айан, поскольку Амелл молчал. Староста замотал головой.

— Да мы не знали. Он был вдовец с мальчишкой и девчонкой. Мы и смиростивились, позволили поставить хижину. Женщины, из вдов, даже ходили к ним на плато, таскали гостинцы для детишек. И парень его часто в деревне бывал, менял яйца на барахло. А потом этого ублюдка застали пускавшим искры с ладони. Мальчишку, то есть. Сынок мой, Райрад, и застал. Хорошо, что никто из проклятых отступников его тогда не заметил. И ладно, что храмовники появились едва не быстрее, чем мы их вызвали.

— Так чем же нехорошо то место? — Лелиана пожала плечами. — Что там случилось?

— Ну так — маг там подох. Который папаша. А мальчишку утащили в Круг. Не знаю, довели ли до башни, за то время, пока еще тащили через село, стервец поджег два сарая. Таких убивать должны... ну, по законам Церкви. А только с той поры ровно как хуже сделалось. По ночам на горе стали сполохи мелькать, и звуки страшные оттуда неслись. Храмовники возвращаться отказались. Дескать, все, что должно, они там уже справили. Ну, мы сами, кто похрабрее, среди дня отправились туда. Сожгли кости мертвяка в его же хижине. Вроде как полегче сделалось. А только... я б все равно не советовал ездить, милорд. Не ровен час, какое проклятие над тем местом. Что за дело там у вас?

— Вы сожгли тело мужчины, — Дайлен закусил губу, тщательно гася лириумный блеск в глазах. — Его сына увели храмовники. А дочь? Девочка, трех лет от роду. Ты упоминал о ней.

Староста недоуменно пожал плечами.

— Когда мы пришли, нашли только труп... как же его звали... два имени, как у благородных... Аеп? Мартин... Марк. Марк Аепк...

— Амелл, — хмуро подсказал ему Дайлен. — Моего отца звали Марк Амелл. Ты не узнаешь меня, дядя Барнард? Я Дайлен. Это меня тринадцать лет назад увели храмовники. Теперь я хотя бы ведаю, кого мне нужно благодарить за это.

Староста сощурился. Несколько мгновений он вглядывался в черты молодого темноволосого рыцаря, которого видел перед собой, потом изменился в лице, отшатываясь. По взмаху его руки вилы и дубье вновь перехватились наизготовку. Дайлен даже не повернул головы.

— Ты пришел, чтобы мстить? — хрипло пробормотал староста Барнард. Он побледнел, и, как видно, прикидывал шансы своих сельчан против пришлых рыцаря, лучницы и мага, в случае схватки. — Что тебе нужно?

— Я вернулся, чтобы предать огню останки отца, — Дайлен бросил на собеседника тяжелый взгляд и выдохнул сквозь зубы. — И узнать о судьбе моей сестры. Ты не ответил мне. Нашли вы ее в нашем доме?

— Не было там твоей сестры, отступник! И тебя сюда не звали! Убирайся!!!

— Закрой рот, собака, — загремел Кусланд так грозно, что шарахнулся даже Дайлен. Сельчане втянули головы в плечи, вздрогнул староста Барнард, лошадь Лелианы отпрянула в сторону, и даже лакавший из ручья Йеху дернулся, поджав хвост. — Как смеешь ты раззевать свою грязную пасть на Серого Стража, спасителя Редклифа и сильнейшего чародея Круга магов!

По бегаящим глазам и перешептываниям охотников за орлиными яйцами было видно,

что его невеликая, но внушительная речь попала в цель. Серых Стражей уважали даже разбойники на дорогах, и только полоумный глупец мог бы назваться Стражем, на самом деле им не являясь. Староста, сотрясаясь, отвесил поклон, обращенный одновременно ко всем пришельцам сразу.

— Прошу простить меня, милорды... Серые Стражи! Я... мы... не знали, кто перед нами! Я клянусь! Я... Если бы я только знал...

— Скажи, Барнард, — негромко переспросил Дайлен. — Вы действительно не нашли у дома моей сестры Солоны? Хорошо все там обыскали?

— Мы не обыскивали окрестностей, но там и обыскивать-то нечего — все на виду. Ее там не было, клянусь, милорд. Батюшку вашего... предали огню. Вместе с домом...

— И справили все, как должно? Бросали в пламя бессмертник, остролист, стебли цветов Андрасте?

— Не сомневайтесь! Все сделали, чин по чину, чтоб, не приведи Создатель... ваш батюшка... не встал. Мало ли... на всякий случай. Но девчонки не было. Клянусь покоем предков, ее не было, когда мы пришли!

— Я вам верю, — Дайлен махнул рукой, прерывая торопливые оправдания старосты. — Демон с вами. Несите яйца. Мы их купим.

— Ты не хочешь наведаться к самому дому? — догадалась Лелиана, глядя в спины спешно отходивших в селение охотников. — Почему?

— Нечего там делать, — маг опустил глаза, и так, с опущенными глазами взгромоздился на лошадь. — Глупо терять еще два часа, чтобы посмотреть на пепелище. Они бы не посмели солгать. Тело моего отца должным образом предано огню. Это то, за чем я сюда стремился. Сестра... мертва... Как я и предполагал. Создатель! По правде, все эти годы в Круге я надеялся... надеялся, что все ж кто-то из сердобольных сельчан заберет ее или передаст в один из церковных приютов. Все же они знали нашу семью, и мы всегда жили с ними с мире. Но, похоже, она шла, чтобы найти меня и... сорвалась куда-то в пропасть. Ей даже трех лет тогда не исполнилось. Нет сомнений, она погибла. Больше оставаться здесь незачем.

Обратный путь занял меньше времени, поскольку уже не приходилось выискивать дорогу среди нагромождения скал и покатых склонов пожухлых горных лугов. Дайлен, как и прежде, ехал впереди, не оглядываясь на приотставших спутников. Айану и Лелиане не было видно выражения его лица, но хорошо знавший друга Командор был уверен, что тот спокоен. Даже спокойнее, чем был, когда отправлялся в путь.

Зато чем ближе к лагерю, тем беспокойнее делался Иеху. Мабари, всю дорогу смирно пробежавший по правую сторону от коня хозяина, уже у знакомого им перелеска, скрывавшего место стоянки отряда, напрягся, словно что-то предчувствуя. Однако, по резким движениям морды, Айан не мог понять, действительно ли пес учуял опасность, или его беспокоило что-то еще. Ветер дул им в спины, и чуткий нос мабари ничем не мог помочь его хозяину.

Держась настороже, они добрались до поляны. На ней все оставалось по-прежнему. Мирно паслись стреноженные лошади. Вещи лежали на тех же местах, что и были оставлены утром. Разве что костер не потрескивал, и над ним, поджидая их, не висел котелок с густой мясной похлебкой или супом. Такая небрежность не была свойственна для Алистера, хорошо готовившего, и потому во всех походах бывшего главным кашеваром. Самого Тейрина тоже нигде не было видно.

— Алистер! — зычно позвал Кусланд, выезжая на открытое место. — Друг! Куда тебя архидемон уволок?

Дальше все происходило быстро, но при том словно во сне. Иеху прижал уши к голове. Взгляд Айана мимо воли скользнул к нему, а рука уже вскидывала щит, не дожидаясь команды прочего зазевавшегося тела. Дайлен впереди вскрикнул, хватаясь за шею и, закатив глаза, начал медленно крениться набок. Лелиана сорвала с плеча лук и, развернувшись, выпустила стрелу в ближайшие к ним еловые заросли, туда, откуда прилетели две крошечные иглы, одна из которых ударилась в щит Кусланда, а другая все же нашла свою цель. Заросли отозвались болезненным вскриком, и почти одновременно — предсмертным воплем, когда выхвативший меч Айан метнул его вслед за стрелой.

Крик этот словно оборвал тот самый тягостный сон, заставив время бежать быстрее. С лязгом упал в траву Дайлен. Лелиана вырвала из колчана другую стрелу и выпустила ее раньше, чем отзвучал последний вскрик. С верхушки ели сорвался человек и упал перед лошадью Дайлена, которая встала на дыбы. В горле его торчала та самая стрела. Кусланд пришпорил своего коня и погнался за последним из трех неизвестных, поджидавших их в засаде в их собственном лагере. Опережая коня, за убегавшим человеком страшной беззвучной тенью метнулся огромный мабари.

— Нет! Иеху, нельзя! Фу!

Стелющийся прыжок боевого пса был стремительным и коротким. Повинуясь окрику, он тут же отскочил, но его жертву это не спасло. Спрыгнув на землю, Кусланд перевернул лежащего ничком человека. Его шея была сломана.

— Айан!

Опомнившись, Командор бросился к Лелиане. Стоя на коленях перед лежавшим на земле Дайленом, она пыталась привести его в чувство.

— Он жив?

— Дышит, — Лелиана приложила ухо к губам мага, потом оттянула его веко и, зачем-то сжав ладонь, попыталась разогнуть судорожно скрюченные пальцы. — Жив. Я... догадываюсь, каким ядом была вымазана игла.

— Ядом? Он умрет?

— Нет, Айан. Он очнется... должно быть, скоро. Захоти они убить, он был бы уже мертв. Как и ты. Этот яд для обездвиживания. Вас хотели взять живьем. То есть... нас.

Кусланд бросил еще один взгляд на Дайлена и поднялся, упершись руками в колени. Подойдя к дереву, где, прибитый к стволу его мечом, висел один из неизвестных, он некоторое время прикидывал, как получить обратно свое оружие.

— Плохо, что не удалось допросить их, — взбираясь на нижнюю ветку, вслух подумал он. Лелиана, умащивая на коленях голову мага, пожала плечами.

— Еще успеешь. Когда мы доберемся до их селения.

— Нас хотели взять живьем, — Кусланд дернул меч, высвобождая тело соглядата, с мертвым стуком упавшее под дерево. — Значит, Алистер тоже может быть еще жив...

Лелиана не дослушала, вскакивая на ноги и роняя голову мага в траву. Острие ее зачарованной на пламя стрелы смотрело в кусты на другом конце поляны. Кусланд тяжело спрыгнул с дерева, оборачиваясь к тем же зарослям, из которых, сгибаясь под грузом двух тел — одно из которых он нес на плече, другое — тащил волоком, показался Стен. Бросив несколько мгновенных взглядов по сторонам, он дошел до середины поляны и швырнул свою ношу под ноги Командору.

— Охота получилась удачной, — пробасил он, рассматривая бессознательного Амелла.

— Что здесь произошло? Кто это?

— Я не успел спросить. Напали в лесу. Плевались ядом.

— Д-демоны, — с чувством выругался Командор, вновь приседая над Дайленом. — Нам нужно привести его в чувство. Если смотреть по этим пятерым, без такого мага в ту деревню даже соваться нечего.

— Ты думаешь, это деревенские?

— Кто еще? На многие меры пути нет других людей.

— Но Морриган... ты же отправил ее следить за ними!

— Они могли ее раскрыть, — Айан откупорил флягу и щедро полил из нее голову мага. — Иначе бы она уже была здесь. Да помогите мне!

Вдвоем с косситом они приподняли оказавшееся неожиданно тяжелым тело Дайлена и перенесли на спешно расстеленный Лелианой плащ. Однако все попытки пробудить его ни к чему не привели. Маг не реагировал на воду, тряску и даже оплеухи. Не принимавшая в этом участия лучница потерянно качала головой.

— Говорю же, это яд. Пока он сам не очнется, вы его не разбудите. Можно не стараться.

Спустя какое-то время Кусланд отступился. Дайлен лежал так же, как его положили, только в луже воды и с пылавшими от усердия товарища щеками. Командор переглянулся со Стеном, и они поняли друг друга. Вдвоем приподняв по-прежнему облаченного в доспех, тяжелого мага, они уложили его поперек седла.

— Очнется по дороге, — мрачно пояснил Айан поднявшей брови Лелиане. — Нет времени ждать. Если Алистер жив, нужно торопиться.

На поляну упала тень. Задрав головы, они увидели большую черную птицу, которая спикировала вниз и почти прокатилась по траве. Когда она остановилась, на ее месте уже была Морриган.

Лесная ведьма поднялась на ноги. С ее плечей и груди еще слетал серый пепел оборота. Морриган была растрепана больше обычного. Через все ее тело от шеи до бедра шел свежий глубокий порез. Тонкие пальцы подрагивали, щеки покрывал лихорадочный румянец, а глаза горели пронзительным желтым огнем.

— Чего ждете вы? — выкрикнула она, делая к ним шаг и не обращая внимания на свою наготу. — Они убьют его ведь! Убьют вашего Алистера!

Никогда еще никто не слышал в ее голосе такой тревоги.

Сознание возвращалось медленно и так неохотно, что под конец уже хотелось, чтобы оно не приходило вовсе и дало еще поспать. Желанию этому, однако, не суждено было сбыться. К медленно прояснявшемуся рассудку постепенно добавлялась делавшаяся все более резкой боль от укола в шее и общее неудобство в сильно растянутом, задеревеневшем от холода теле.

Последнее, а еще более — желание свернуться в клубок и греть дыханием заочневшие пальцы, послужило окончательным толчком к пробуждению. Алистер с трудом разлепил покрытые инеем веки. На него равнодушно смотрел обросший огромными сосульками каменный потолок. Закусив губу, Тейрин попытался перевалиться на бок, но у него не вышло. С усилием повернув голову, он увидел свои руки, накрепко примотанные к оголовью толи непокрытого каменного ложа, толи пыточного стола. Ног ему видно не было, но судя по ощущениям, с ними дело обстояло не лучше.

Едва ощущая смерзшейся голой спиной поверхность камня, Алистер дернулся раз, еще... Стиснув зубы, он пытался снова и снова, пока не ощутил покалывание в онемевших кистях и ступнях, возвещавшее возвращение чувствительности. Вновь овладев своими руками, Алистер некоторое время разминал их, стараясь не допустить повторного онемения и вернуть гибкость. Но когда ему это уже стало удаваться настолько, что можно было бы подумать о том, чтобы что-то делать с удерживавшими его тело ремнями, ухо Алистера уловило звук приближавшихся шагов.

В большую, каменную комнату, стены которой так заросли льдом, что больше напоминали своды пещеры, вошли трое мужчин, одетых в меха. Двое остались стоять в отдалении, а третий, невысокий и бородатый, подошел к самому столу и, склонившись над Алистером, зачем-то потрогал место, куда пришелся укол отравленной иглы. Кожа запульсировала горячей болью растревоженной опухоли. Пленник выдохнул, давая невольный стон.

— Кто вы? — стуча зубами, едва выдавил он сквозь сжатое морозом горло. — Что вам нужно?

Вопрос ожидаемо остался без ответа. Тот, кто стоял рядом, некоторое время без стеснения разглядывал обнаженное тело наследника ферелденского трона со скучающим видом покупателя скотины в крестьянское хозяйство. Потом пожал плечами, отступая.

— Демон его разберет, — обращаясь, видимо, к стоявшим поодаль, бросил он. — Выглядит крепким. Помнится, мы уже совершали обряд над теми, кто не был подготовлен.

— Тогда воплощаемый умер, — хрипло напомнили со стороны.

— Но он продержался почти до конца, — мужчина еще раз скользнул взглядом по распростертому перед ним Стражу. — Этот моложе. Крепче. А для обряда непременно нужен пятый. У нас попросту нет выбора. Нужно попробовать.

— Это не тебе решать, Сур.

— Я уверен, что Сиятельная меня поддержит!

Собеседник Сура, видимо, имел, что возразить, но вместо этого обернулся ко входу в комнату, склоняясь в почтительном поклоне. Двое других мужчин поспешно последовали его примеру. Скосивший глаза Алистер сквозь иней на ресницах увидел силуэт стройной женщины, одетой, в отличие от мужчин, не в меха, а в платье из кожи. Чем ближе подходила

женщина, тем сильнее удивлялся Алистер. Кожа, из которой были сшиты ее одежды, по мере того, как на нее падал свет, менялась, делаясь похожей на змеиную, а быть может даже, и драконью. Только во всем Ферелдене не нашлось бы мастера, способного настолько тонко выделывать драконью кожу, чтобы ее можно было носить, как одежду из тканей, в этом Алистер был уверен. Тем страннее казалось одеяние женщины.

Занятый рассматриванием платья, Страж не сразу обратил внимание на ее лицо. Однако когда все же поднял глаза, тотчас забыл о своих наготы, холоде, боли и страхе, весь исполнившийся искреннего, благоговейного восторга. Женщина, нет, молодая девушка, едва вышедшая из возраста детства, оказалась самой красивой из всех, виденных им ранее. Чем дольше смотрел на нее Алистер, тем большего восхищения, жажды поклонения и служения исполнялось все его существо. Одновременно с тем, на задворках разума, еще не до конца поглощенного затягивающей красотой юной женщины, копошилась мысль о том, что ее черты — или сходные с ними — он мог видеть и ранее. То же мраморное тонкое лицо с благородными, правильными чертами, темные брови вразлет, красиво очерченные губы и черные глаза, которые у девушки были холоднее морозившей спину Алистера каменной плиты. Ее длинные волосы вились, темным ореолом обрамляя стройную хрупкую фигуру. Позабыв все на свете и самое себя, Алистер изумленно и потерянно продолжал взирать на девушку, не испытывая ни малейших сомнений в том, что если все же доведись сделаться королем, ему не нужна была бы на троне другая королева.

Между тем странно одетая пришелица склонилась над ним как до того делал Сур. Узкая ледяная ладонь легла на широкую грудь сына Мэрика, считая удары его сердца, пробежалась к низу живота, где задержалась вновь. Потеряв из виду лицо девушки, и потому постепенно выходя из-под гипнотического влияния ее совершенной природы, Алистер, ежась, чувствовал, как смерзаются под тонкими пальцами его потроха.

— О Сиятельная и Благословенная Избранница благой Андрасте! Дозволь спросить считаешь ли ты этого мужчину достойным воплощения? Срок уже подходит, а мы с братьями до сих пор не решили, как поступить.

Прекрасное лицо было теперь совсем близко от посиневшего от холода красноногого лица Алистера. Темные глаза юной женщины поймали его взгляд и уже не отпускали, казалось, желая выпить и заморозить саму его душу. Тейрин пытался бороться с этим взглядом, пытался — и не мог. Холод, вековой холод безбрежной вечности сковывал его со всех сторон. Холод шел отовсюду — из самого воздуха, камня, на котором он лежал, близости женского тела. Тело самого Алистера, его мысли и воля сделались медлительными и неповоротливыми, словно густой кисель. И одновременно с тем его по-прежнему не покидало ощущение, что он видел, знал ранее прекрасную королеву холода и льда — а если не ее, то кого-то, очень на нее похожего...

Девушка отстранилась, когда он почти совсем окоченел. В ее черных глазах впервые промелькнула искра в противовес царившему холоду темных зрачков.

— Совершите все, что надлежит сделать, — ее голос оказался неожиданно тонким, почти детским. — Если будет на то воля Андрасте, обряд воплотит его, как должно.

Она бросила последний замораживающий взгляд на пленника и, более не говоря ни слова, вышла. Трое мужчин, вновь склонившись в поклонах, почтительно проводили ее взглядами. Потом в одно время обернулись к рвано дышавшему простуженной грудью Алистеру.

— Сегодня армия благой Андрасте пополнится еще на нескольких защитников воли

ее, — ни к кому не обращаясь, но довольно уверенно пробормотал бородатый Сур.

После ухода той, кого называли Избранницей Андрасте, ее подчиненные братья взялись за своего пленника всерьез, силой разжав зубы и залив почти до горла непонятым отваром. Если ранее Алистеру казалось, что вреднее, омерзительнее и гаже разбавленной крови порождений тьмы он ничего не пил и не выпьет, то варево слугителей Андрасте полностью опровергло это неистинное убеждение. После того, как последняя капля жижи оказалась внутри, самое нутро и потроха Стража будто начало разъедать жидким раскаленным металлом. Одновременно Алистер чувствовал, что что-то меняется внутри, делается иным, чем ранее. Но долго и здраво рассуждать об этом не мог. С каждым мигом его боль и тошнота делались все острее, напроць лишая пленника способности к соображению и воли к сопротивлению. Занятый тупой внутренней болью пережевываемых кишок и дикой тошнотой, вышибавшей горячий пот, тут же замерзавший на его коже холмиками льда, Алистер даже не попытался вырваться из их рук, когда одетые в меха похитители отвязали его от стола и куда-то потащили. Нутро бунтовало, хуже, чем на посвящении в Стражи, в голове стоял туман. Навалившаяся резкая слабость не давала даже сохранить достаточно сил для того, чтобы удерживать помутившееся сознание. Мало-помалу влекомый куда-то пленник провалился в муторную тяжелую мглу.

Очнулся он спустя долгое время тоже в темноте. Алистер попробовал шевельнуться, и это ему неожиданно удалось. Поборов вернувшиеся тошноту и слабость, сын Мэрика попытался нащупать пространство вокруг себя, но пальцы почти сразу же наткнулись на холод металла.

Уразумев, наконец, отчего он испытывает такое сильное давление на спину и затылок, Алистер оперся рукой о решетку узкой клетки, в которой сидел, и попытался выпрямиться, чтобы переменить положение. Хотя и не сразу, но это ему удалось.

— Ты очнулся? Приветствую, воин. Или, должно говорить — сэр рыцарь?

Негромкий надтреснутый голос раздался совсем близко от него. Алистер крупно вздрогнул, вглядываясь в темноту. Постепенно его глаза привыкали к сумраку небольшого, выбитого прямо в скале помещения. Откуда-то сверху из узкого отверстия лилось тусклое сияние ночного светила. Другого источника света тут не было.

Напрягая глаза, Страж сумел разглядеть помимо своей ряд других клеток, стоявших вдоль темневшей стены. Говоривший с ним, должно быть, сидел в одной из них.

— Кто здесь? — не стал молчать Алистер, силясь разглядеть собеседника. — Где мы?

— Мое имя — сэр Донелл, я состою на службе эрла Эамона, — ответили из темноты и закашлялись. — Со мной тут славные рыцари сэры Пэрит, Хентир и Седрик.

— Сэр Донелл? — в памяти Алистера всплыл высокий худощавый вассал его опекуна, несколько раз в детстве дававший подержать настоящий рыцарский меч. — Я — Алистер. Воспитанник эрла Редклифа. Ты меня помнишь?

На несколько долгих мгновений повисла тишина.

— Алистер? — тон немолодого рыцаря сделался теплее, как и его слова, однако в нем теперь сквозило немалое изумление. — Во имя Создателя, мальчик мой! Я был уверен, что тебя уже нет в живых. Как я слышал, ты вступил в Стражи, а никто из них не вернулся из-под Остагара.

— Кое-кто вернулся, — Алистер поморщился, сглатывая горькую слюну. — Сэр

Донелл, можешь мне объяснить, что происходит? Последнее, что я помню — это как я ни с того, ни с сего упал в разбитом товарищами лагере, и очнулся уже здесь. Хотя нет... там... здесь... еще была девушка... девочка...

— Они ее зовут — Избранницей Андрасте, или как-то похоже, — сэр Донелл снова закашлялся, потом громко чихнул и зашмыгал носом, судя по движениям в темноте — вытирая его рукой. — Они почитают ее, словно сама благая Андрасте избрала девчонку своей Жрицей. Создатель, ты бы послушал их! Они говорят об Андрасте так, словно она жива!

— Кто — они?

— Они — жители этой Создателем забытой деревни, — отозвался из тьмы другой голос, высокий и простуженный. Должно быть, один из рыцарей, которых представлял сэр Донелл, решил присоединиться к разговору. — Когда заболел эрл Эамон, эрлесса отправила нас на поиски лекарства. Нас, благородных вассалов! Но мы не могли послушаться. Эрлесса все твердила об этой Урне Праха Андрасте как одержимая. Рыцари разъехали во все концы страны, а мы с братьями направились в Денерим. После длительных поисков Создатель направил нас в дом мудрого служителя Церкви, брата Дженетиви. Его изыскания о прахе Андрасте вели сюда, в горы. Мы вышли к этой деревне, не ведая секрета ее жителей, и наутро направились бы дальше. Но, должно быть, нам что-то подсыпали в пищу, потому что очнулись мы уже здесь, безоружные. Сельчане поведали, что мы избраны для великой цели — послужить на благо делу Андрасте. С тех пор только и слышим от своих пленителей, что об Андрасте и об Урне, которую не добыть без нашей помощи.

— Но к нашей помощи они не прибегают! — вмешался еще один рыцарь. — Они держат нас здесь, в холоде, морят голодом и заставляют пить какой-то демонов отвар, от которого мы теряем память!

Алистер изумился.

— Меня тоже заставили выпить отвар. Зачем им это?

— Мы спрашивали, — голос простуженного сорвался на сип. — Они твердят, что пост и питье укрепят нашу плоть, дабы «предначертанное смогло свершиться». Еще по их словам мы должны беспрестанно возносить молитвы Создателю и Андрасте. Чем, впрочем, мы и так занимались всю первую неделю нашего здесь заточения. Только Создатель пока не снизошел к мольбам об избавлении. О чем еще просить — пока неизвестно.

— Ирония, не так ли, — сэр Донелл покачал головой в темноте. — Мы долго искали Урну, и теперь знаем, где она, но не можем до нее добраться.

— Урна существует? Это не сказки?

— По всему видно, что существует, — на миг в голосе безвестного простуженного рыцаря скользнули ядовитые нотки. — Мы все слышали, как проклятые безбожники беседовали о том, что ее не добыть и что Андрасте теряет терпение. Мол, если они не добудут ее и на этот раз, то это грозит их демонову селению бедами от гнева прекраснейшей Невесты Создателя.

— Так значит, Урна не у них, — Алистер цыкнул от разочарования. — По правде сказать, мы с товарищами надеялись найти ее в деревне.

— Урна — где-то рядом, — после непродолжительного молчания отозвался сэр Донелл. — Быть может, выше, на горе. Но ее охраняет какой-то «заблуждающийся», как они зовут его, Страж. Он не пускает к Урне никого. И настолько могуч, что даже совместными силами всего селения они не могут с ним справиться... уже не первый десяток лет.

Алистер опустил голову. Услышанное им радовало, и не радовало. Он ни минуты не сомневался в том, что товарищи уже обнаружили его отсутствие в лагере и, быть может, даже знают, где он находится. А если не знают, то быстро догадаются. Но, даже если в скором времени удастся вырваться из рук последователей непонятной Андрасте, на их пути к выздоровлению эрла Эамона должен встать некий Страж, убедить которого в необходимости пройти к Урне будет, судя по всему, куда как непросто.

Однако стоило прикинуть, сколько еще нужно ждать его товарищей. Если их ничего не задержало в пути, к ночи они должны были быть у деревни.

— Сколько я пробыл здесь? — спросил он в темноту.

— Почти весь полный день, — откликнулся сэр Донелл. Судя по звукам, он возился в своей клетке, пытаясь устроиться поудобнее, что было непросто. — Взгляни в ту дыру. Давно уже наступила ночь...

Его речь была прервана звуком приближавшихся шагов. Со стороны предполагаемого входа показалось зарево факелов и в их тесную комнату вошли четверо одетых в те же меха сельчан. Повернувший голову Алистер, наконец, смог рассмотреть прочих узников тесных клеток. Все рыцари, включая знакомого ему сэра Донелла, оказались грязными, без клочка одежды, заросшими и истощенными до крайности. Блестящими глазами они следили за тем, как последователи Андрасте подошли к крайней клетке, и вытащили оттуда одного из них — того самого простуженного рыцаря, оказавшегося единственным, кто был едва ли не моложе Алистера.

— Сэр Седрик! Куда вы его забираете?

— Отпустите, болваны! — сэр Седрик рванулся из удерживавших его рук. — Не смейте меня трогать, вы, мужичье!

Рыцарь пытался сопротивляться, но, голодный и больной, он ничего не мог поделать с тащившими его крепкими сельчанами. Спустя совсем короткое время его крики и звуки шагов застыли в отдалении.

— Куда его повели?

— Я не знаю, — впервые в голосе сэра Донелла послышалось беспокойство. — Они раньше никогда не забирали нас отсюда. Даже свою отраву вливали прямо в клетках!

Потянулись длинные минуты. Однако на этот раз пленители не заставили себя долго ждать. Оставшиеся не успели измаяться окончательно, утомив себя тревожными размышлениями о судьбе товарища, когда одетые в меха сельчане вернулись. Так же они вытащили из клетки следующего рыцаря, потом еще одного. Алистера забирали последним. Оказавшись на ногах, сын Мэрика понял, отчего все уводимые до него рыцари не смогли дать отпора мужичью. Едва только его вынудили встать прямо, как отступившие было слабость, головокружение и тошнота навалились с прежней силой, и Алистера едва не вывернуло прямо перед клеткой. Дальше — хуже. Все его силы уходили только на то, чтобы перебирать ногами. Занятый этим немаловажным делом, Страж не заметил, как они прошли несколько гротов и оказались в огромной пещере. В центре ее, на возвышении, к которому вели искусно вырезанные в камне ступени, стояла прикрытая крышкой огромная жаровня. Над ней, прикрученные к распоркам из прокопченного металла, с четырех сторон были привешены пленники деревни.

Алистер сбился с шага, в страхе глядя на обнаженных рыцарей, грудь и животы которых были распороты по странной, ломанной линии, достаточной для того, чтобы открыть еще живые, пульсирующие соками потроха, но ровно настолько, чтобы под собственным весом trebuха не вываливалась наружу. Несмотря на страшные раны, все рыцари эрла оставались живы, в том не было сомнений. Но еще более странным казалось то, что из открытых ран не выливалось ни капли крови. Ровно как и никаких звуков, кроме потрескивавшей от жара крышки жаровни, да покашливания столпившихся вокруг людей в мантиях жрецов Андрасте, слышно не было. Корчившиеся в своих путах рыцари молчали. Приглядевшись, Алистер увидел на каждом намордник, не дававший открыть рта.

Рядом с жаровней, опустив к животу тонкие изящные руки, в одной из которых был зажат странной формы нож, стояла темноволосая Избранница. Подсвеченное факелами, ее лицо казалось еще прекраснее, и одновременно страшнее в застывшем на нем выражении отрешенной жестокости. По короткому кивку ее головы, Алистера повлекли к остававшейся незанятой последней распорке.

Вид того, что ему предстояло, неожиданно придал сил. Алистер рванулся в сторону того из тащивших его под руки, который показался слабее, и изо всех сил ударил головой в висок.

Пленитель со вскриком отпустил его, оседая на пол. Освободившийся кулак Стража впечатался в скулу другому раньше, чем тот осознал произошедшее. Вывернувшись из-под падающего тела, Алистер в прыжке выхватил из ножен служителя Андрасте длинный кинжал и отскочил назад, к большим железным дверям из зала, которые теперь были закрыты.

Стоявшие вокруг жаровни жрецы зашевелились. К сыну Мэрика, изготовив такие же кинжалы, с двух сторон стали подступать служители непонятной Андрасте. Их было десять, и для ощущавшего предательскую болезненную дрожь в руках и ногах Алистера этого было более, чем достаточно.

— Осторожнее с оружием! — самый дряхлый из жрецов, заросший бородой до бровей тощий старик воздел трясущуюся руку. — Он нужен нам живым!

— Вы — проклятые безбожники и демоновы дети, — Алистер с убежденностью сплюнул на пол, творя перед собой в воздухе символ Андрасте. — Не приближайтесь ко мне, мерзавцы!

Избранница усмехнулась. Ближайший к беглецу служитель культа первым бросился с кинжалом. Алистер пропустил его мимо себя и с силой полоснул вдогонку по спине. Вскрикнув, противник завалился на пол. Сразу же вслед за этим Тейрин поймал другую руку с занесенным над ним ножом и резко вывернул ее. Поймав оружие в полете, он отшвырнул ногой ставшего ненужным мужика в лохматой куртке и, приняв на оба лезвия клинок третьего нападавшего, отбросил его на остальных.

— Погодите! — тот же старец вскинул руку, видя, что дело принимает скверный оборот. — Постойте! Быть может, если мы посвятим этого мятежного юношу в великую суть наших намерений, он проникнется ими и сложит оружие сам. Дайте мне сказать!

Алистер поднял на дряхлого жреца взгляд, в котором в полной мере, хотя и молча, выразил свое отношение к этому предположению. При том он не забывал поглядывать по сторонам, на по-прежнему не опускавших оружие служителей культа.

— Выслушай меня, я буду краток. Много столетий тому назад благая Андрасте снизошла к нам, простым жителям этой деревни, с давней древности поставленных здесь для охраны Урны с ее священным Прахом. Много лет наше селение жило по заветам Создателя, в труде и благочестии. Видит небо, наши верность и преданность были вознаграждены. Пророчица явилась во всей ее красе и величии. Не было зрелища прекраснее, чем сходящая к нам с небес Андрасте, благословенная Невеста самого Создателя. Мы возблагодарили его за ниспосланную милость.

Он прервался, закашлявшись. Алистер сделал шаг спиной вперед к угадывавшейся позади громаде двери. Это не укрылось от внимания старика.

— Погоди, дай мне досказать. Мы обрели пророчицу нашу и с тех пор не одно поколение верно служим ей. Однако по сию пору существует препятствие, из-за которого Андрасте не может воплотиться в подобающую ей форму. Это препятствие — в Урне с прахом ее. Пока она цела, воплощение пророчицы не может завершиться. Именно поэтому нам, ее верным последователям, нужно непременно добыть Урну и совершить над прахом все должное, дабы Андрасте...

— Отчего вы не можете просто взять Урну? — Алистер, едва сдерживая тошноту, переступил уже начавшими леденеть босыми ногами по холодному каменному полу. — Что вам мешает?

— Урна — на вершине этой горы, в древнем склепе, — охотно поделился старик, явно не предполагавший, что строптивый пленник сможет когда-нибудь покинуть комнату, дабы разнести по миру эту тайну. — Ее с момента захоронения охраняет Страж, который призван останавливать всякого, кто захочет подойти к Урне. Он не внемлет нашим увещаниям и просьбам. Меж тем благая Андрасте продолжает оставаться в невозможности нести свет и просвещение всем тем, кто еще не знает о возвращении ее...

— Но для чего вам нужны наши смерти?

Старик сокрушенно покачал головой. Толпа его сообщников ответила раздраженным гулом.

— Нам не нужны ваши смерти, глупый юноша. Наоборот, мы хотим дать тебе и этим воинам бессмертие. Вечность служить милосердной Андрасте, что может быть восхитительнее? Ты, как и эти рыцари, попросту измените форму, воплотившись в духов пепла, верных и непреходящих воителей Пророчицы, и сделаетесь много, много более могучи. С вашей помощью мы сразим заблуждающегося Стража и добудем Урну. Андрасте будет освобождена!

Алистер с трудом опустил бровь, которая поднималась сама по себе по мере того, как говорил старик.

— Я все понял, — он сделал еще шаг назад, держа кинжалы от себя в положении боевой защиты. — Все вы — опасные умалишенные. Заклинаю вас именем Создателя, оставьте ваши безумства и...

— Достаточно, — Избранница Андрасте подняла изящную руку, ту, в которой не было ножа, и поманила все дальше отступавшего Алистера. — Ты. Иди сюда.

Сделавший очередное движение, чтобы шагнуть назад, Тейрин застыл. Тело его словно оборвало связь с разумом, который отлично понимал, что нужно бежать, как можно скорее и дальше. Но, вопреки этому пониманию, тело нежданно взялось решать за него. Напряженные, точно тетива натянутого лука, руки опустились, и Алистер выронил добытые с таким трудом кинжалы. Медленно, преодолевая сопротивление не до конца сдававшегося

разума, он сделал шаг навстречу неотрывно глядевшей на него Избраннице. Потом еще один и еще...

Ряды последователей Андрасте за его спиной сомкнулись, отгораживая от двери. Но Алистер уже не пытался бежать. Все еще не веря себе, и не понимая, что творит, и отчего, он поднялся по каменным ступеням, и остановился перед юной жрицей, возвышаясь над ней на добрых три длани.

— Хорошо, — детский голос Избранницы отразился в его пустой, как медный котел, голове. Тонкие сильные пальцы пробежались по обнаженной груди Стража. — Хорошо!

Изящная белая ладонь легла на его плечо. Повинуясь легкому нажатию сын Мэрика опустился на колени. Девушка склонилась к его лицу и с улыбкой коснулась рта. Разомкнув губы, Алистер успел разглядеть между пальцев юной жрицы невеликий темный шарик, при мимолетном рассмотрении показавшийся ему жемчужиной.

— Не глотай до срока.

Алистер покорно положил шарик под язык. Перед его взором были только глаза девушки — большие и черные. Когда и как оказался на нем железный намордник, препятствовавший расжатию челюстей, он не заметил.

— Иди.

Каким-то образом сообразив, чего от него хотели, Алистер подошел к последней, пятой распорке. Появившиеся рядом служители в единый миг прикрутили его так же, как были подвешены остальные рыцари. С той же улыбкой Избранница приблизилась к тяжело и рвано дышавшему на весу Алистеру и подняла руку с зажатым в ней ножом.

Хорошо отточенное лезвие легко вошло в тугую из-за натянутых крепких мышц плоть Серого Стража, взрезая мясо и жилы, но огибая важные внутренние куски потрохов. Чужая воля отпустила его тело и, не могущий крикнуть Алистер задержался в оковах, запрокидывая голову. Надежный крепкий намордник превратил его вопль в мычание. Жрица улыбнулась вновь, невесомо смахивая брызги крови с лица рукавом, и ни на миг не прекращая своего занятия. Вскрыв грудь пленника так же ловко, как она это сделала с остальными, Избранница Андрасте напоследок еще раз внимательно оглядела трясущегося и мотавшего головой Стража и сунула окровавленный нож в руки дряхлого жреца.

— У него кровь, — она кивнула на красные потеки из ран Алистера, которых не было у других приговоренных. — Плохо. Крови быть не должно. Не подготовлен. Может не дотянуть до конца.

По ее кивку с жаровни медленно потянули крышку. Жрецы, выстроившись полукругом перед обреченными, затянули какую-то заунывную молитву, обращенную к Андрасте.

Только когда тяжелая каменная крышка перестала прикрывать горевшие алым цветом угли под ногами, Алистер понял, что настоящая пытка только начинается. Все усиливаясь, снизу поднимался такой жар, что, нижняя часть туловища, оказавшаяся ближе к жаровне, казалось, обуглилась в тот же миг. Сквозь пелену дикой боли на глазах не могущий отодвинуться Алистер видел пляшущие куклы из других несчастных, растянутых над углями и дергался сам — выворачивая, выламывая руки и ноги, исходя тут же высохшим потом и дико крича. Крики коптимых заживо рыцарей, впрочем, не мешали жрецам благой Андрасте проводить молитвенный ритуал, во время которого одни падали на колени вокруг жаровни с рвущимися от нее ошалевшими от боли будущими духами пепла, а другие бросали на угли порошки и травы, попеременно меняя цвет и запах дыма.

— ... ндрасте, — сквозь потрескивание углей, заунывное пение и его собственные

очумленные глухие вопли и взмыкивание, доносилось до Алистера, который был привязан ближе всех к тому месту, где стояла юная жрица, и волей-неволей слышал отдельные ее слова. — Благослови и ниспошли... на удачу задуманного... Создатель да отвергнет эти души... и да примут их те камни, что удерживает каждый... да запрут они сущности этих избранников... сделай своими верными слугами... рабами воли твоей...

Алистер инстинктивно пытался свести колени, чтобы заслониться от подбирившейся к лицу гари уже высушенными, обугленными ногами, но не мог. Он чувствовал, как жар от углей, над которыми он был подвешен, пробирается в прорехи в груди, иссушивая и выжигая все соки, медленно, очень медленно. Никто из пленников не терял сознания от боли — в том, видимо, и был виноват демонов отвар, который их заставляли пить. Они должны были жить до конца, до самого конца... А что, что будет в конце?

Внезапно в окружавшей их действительности что-то стронулось. Это ощутили даже выжигаемые рыцари, которые давно уже не могли думать ни о чем, кроме поднимавшегося перед их глазами с их же обугливавшейся, черневшей плоти серого дыма, который не улетал, а почему-то скапливался, клубясь над каждым несчастным. Однако то, что происходило, затронуло даже их. Говорившая нараспев жрица споткнулась в своей речи, ощутив подземный толчок. Следующий был уже сильнее. От закрытых дверей в зал до самых каменных ступеней пробежала глубокая трещина. Еще один толчок горы оказался настолько силен, что жрица, не удержавшись, припала на колено. Те из ее приспешников, кто был дряхл и немощен, заваливались там, где стояли, прочие хватались друг за друга, пытаясь удержаться на ногах. Потолок пещеры тихо, угрожающе затрещал, и с него посыпалась каменная крошка. Еще несколько толчков пришлось как будто в стену пещеры со стороны дверей, а потом камень вокруг огромных петель треснул, и нечеловечески сильным ударом одну из створок снесло на пол, внутрь зала, куда она и упала с ужасающим грохотом.

Сухими, как пожухлая трава, глазами, которые, как оказалось, у него еще оставались, Алистер различал рванувшиеся внутрь пещеры фигуры людей, закованных в броню. Метнувшаяся вперед них тень огромной черной птицы забилась под потолком, завертевшись над головой сына Мэрика и отчаянно вереща. Миг еще живой Страж сумел сфокусировать зрение, выхватив из расплывчатого горячего мира искаженное ужасом лицо какого-то — он не помнил имени — его друга. А потом жерло засасывающей, и почти засосавшей его бездны внезапно захлопнулось.

Облегчение пришло вдруг, как и внезапное прояснение сознания. Из неоткуда на прошмаленных, точно свиные туши в ярмарочный день, рыцарей обрушился целый водопад холодной воды, в единый миг остудивший их тела и загасивший огонь над углями, как и сами угли. На мгновение подвешенных пленников окутал жгучий пар, но его тут же снесло сильным порывом воздуха.

— Вы! — взвизг дряхлого жреца перекрыл крики, звон оружия схлестнувшихся служителей и пришлых, и даже гул потревоженной горы. — Вы не смеете! Вы все испортили! О Андрасте, защити нас!

Кусланд грохнул щитом несшегося на Амелла сбоку лохматого культиста. За его плечом Стен отшвырнул еще одного. Несколько валялись в разных местах, там, где их настигли стрелы рыжей лучницы. В стороне Иеху терзал отчаянно верещащего жреца. Другой бездыханным покоился рядом. Остальные сгрудились у стены, явно неготовые к тому, как оборвался проводимый ими обряд.

Прикрываясь собственным щитом, Дайлен ближе подбирался к подвешенным рыцарям.

Бой вокруг мало-помалу стихал. У жаровни остались только несколько вовсе дряхлых жрецов и Избранница Андрасте. Темными, как беззвездное небо пасмурной ночи, глазами девушка следила за подходившим магом. Хрупкая на вид, юная жрица не могла показаться представлявшей хоть сколько-нибудь угрозы. Но Амелл, не доходя, внезапно остановился у нижней ступени и сделал знак своим друзьям, предупреждающий их от приближения к девушке.

— Вы, мерзкие безбожники, — никак не желавший уняться дряхлый жрец воздел посох. — Да отвернется от вас Создатель!

Дайлен без усилия поймал в руки слетевший с клюки старца огненный шар, и небрежно отбросил его в сторону оставшихся в живых служителей. Не обращая внимания на поднявшиеся среди ее сторонников вой, беготню и катание по полу, в попытках погасить одежды, Избранница Андрасте медленно, словно танцуя, стала спускаться по ступенькам к ожидавшему ее магу. Углядевший среди подвешенных Алистера, Кусланд, вопреки молчаливому предостережению товарища, шагнул было к лестнице в обход жрицы, но больше ничего сделать не успел.

На мгновение взгляды Командора и девушки встретились. А в следующий миг Айану показалось, будто у него лопнула голова. Лишь ударясь о стену у самых сломанных ворот десятой мыслью он припомнил. Доспехи отражали любую магию. Но, по-видимому, сила удара магии крови была настолько чудовищно велика, что оказалась чрезмерной даже для них.

Лелиана и Стен упали одновременно, будто заранее сговаривались о таком слаженном движении. В стороне от тискавших головы, корчившихся людей, скулил, катаясь по полу, Иеху. Из носа припавшего на колени Дайлена сбежала капля алой крови. Избранница Андрасте, с легкой улыбкой собственного превосходства сошла с последней ступеньки каменной лестницы, и направилась прямо к нему, но дойти не успела.

С резко синеющим, точно он вознамерился в одиночку поднять и перевернуть всю эту гору, лицом Дайлен, надсаживаясь, вскочил и, в движении, дернул рукой в сторону жрицы, словно рассеивая что-то в броске. Из самого воздуха в единое мгновение возникли десятки длинных, с ладонь, ледяных игл и быстрее стрелы метнулись к девушке и ее последователям.

Тонкий вскрик и за ним частые всхрипы возвестили о том, что, по крайней мере, часть заклятия достигла своей цели. Невесомое тело жрицы еще не успело опуститься на каменные плиты пола, а более не сдерживаемые магией крови люди уже были на ногах. Однако, как оказалось, больше здесь драться было не с кем. Избранница Андрасте, раскинув руки, одна из которых была пробита льдом в двух местах, лежала у самых каменных ступеней. В ее груди и горле торчали призванные Амеллом сосульки. Все прочие жрецы, попавшие под удар, были мертвы. Лишь самый дряхлый, царапая окровавленный живот, еще дергался, скрючившись подле жаровни.

Морриган упала на пол, вновь перетекая из птичьего образа в человеческий. Стен и Лелиана вдвоем, как могли, бережно сняли с распорок бессознательного Алистера. Медленно, держась за голову, и все время уклоняясь куда-то влево, приковылял Айан. Мабари у его бедра жалобно поскуливал.

— Мерзавцы. Нелюди! Твари!

Не стесняясь, лучница расплакалась. Обнаженная Морриган в волнении присела рядом с тем, что ранее было сыном короля Мэрика. Замерев на несколько мгновений, словно не зная раньше, за что взяться, лесная ведьма прижала пальцы к его шее, и, убедившись, что

занесший ногу над порогом смерти Алистер все же еще не перешагнул его, принялась сдирать нелепый железный намордник.

— Помогите, чего бревнами как застыли!

Шатавшийся Айан присел рядом и, взявшись за края намордника, в единый миг разогнул прокопченный металл. Морриган выкатила из-под языка Тейрина черную жемчужину и брезгливо отбросила в сторону.

— Душу поймать в нее пытались. Чтоб их в Город Черный унесло самих!

— Ты сможешь его спасти?

Морриган вскинула злой пронзительный взгляд горевших желтых глаз и оскалилась.

— Чудо ему нужнее, чем Эамону сейчас.

Закусив губу, она вновь склонилась над Алистером, одну ладонь положив ему на лоб, другую — рядом с огромной зиявшей спекшейся раной в груди и животе. Айан и Лелиана замерли рядом, стараясь не мешать. Взгляд Кусланда все время сползал на обгоревшие до кости ступни Тейрина, и Командор старательно прогонял от себя назойливую и абсолютно справедливую мысль, что этого не вылечить ни одному, пусть даже самому сильному целителю. Стен полез за последним прикрученным над жаровней рыцарем. Трех других он уже успел снять, и теперь они один подле дугого лежали рядом с жаровней. Все они были живы, но в состоянии, не лучшем, чем Алистер.

Морриган выдохнула сквозь зубы с коротким стоном. Ее тонкие руки до плеч покрылись страшными ожогами и язвами, словно перетекавшими с кожи по-прежнему не приходившего в сознание Стража. Впрочем, кожа самого Алистера при этом разглаживалась на глазах. Ведьма вновь со свистом втянула воздух. Ее тело содрогалось от напряжения и, как видно, сильной боли.

— Как он вообще может быть жив с такими ранами? — не удержавшись, всхлипнула Лелиана. Лесная ведьма, не выдержав, отняла, наконец, руки от тела Стража с такой поспешностью, словно то жгло ее, как огнем. Что, впрочем, если поглядеть на ее руки, вполне могло оказаться правдой.

— Готовят их как-то к действию этому, — Морриган одну за другой оглядела свои руки и передернула плечами. — Пить дают что-то, либо втирают, либо окуривают травами на лириумном настое. Есть способы держать мужч... человека любого в сознании и муки продлевать как можно дольше. Иначе умирали пленники бы сразу, пыток не выдерживая.

— Дайлен! — опомнившись, Кусланд обернулся к магу, про которого все забыли. Амелл единственный не поднялся к жаровне с остальными. Вместо этого он сидел у основания ступеней, зачем-то прижимая к груди голову убитой им жрицы. Плечи его подозрительно подрагивали. — Дайлен, иди сюда! Алистеру нужна твоя помощь!

Страж-маг поднял отчего-то мокрое лицо и, бережно уложив Избранницу обратно, поднялся, шмыгнув носом. В молчании он прошел к Алистеру. Мгновенного взгляда ему хватило. Оттеснив Морриган, он присел рядом и снял перчатку, проводя острием ножа по своей многострадальной ладони.

Кусланду уже приходилось видеть такое раньше. Дайлен стиснул ладонь, выжимая капли собственной крови на грудь Алистеру. Одновременно бормоча что-то маловразумительное, он попеременно тыкался пальцем то в собственную руку, то в грудь Тейрину, и писал рядом на полу загадочные символы из высшей магии крови. Договорив, хлопнул ладонью о ладонь и невольно отшатнулся, когда взвившаяся красным туманом кровь вместо того, чтобы окутать тело товарища, бросилась ему в лицо.

— Не пойму, в чем дело, — оттирая, и при том еще сильнее размазывая брызги, пробормотал Амелл, в отчаянии глядя на угасавшего Алистера. — Я готов поклясться, что все сделал правильно!

— Скверна в крови твоей, — Морриган приняла на плечи плащ Лелианы, которым лучница прикрыла ее наготу. — Так лечить не даст. Подозревала я.

Дайлен окутал ладони синеватым лекарским свечением. Некоторое время он сосредоточенно пытался стянуть края грудной раны Тейрина, и тут даже несколько преуспел. Успех этот, правда, дался ему нелегко. Спустя какое-то время он отступился. На его лбу выступила испарина. Руки так же, как у Морриган, покрывала запекшаяся кора ожогов.

— Я плохой лекарь, — в отчаянии пробормотал Дайлен, стараясь не смотреть на тело Алистера, мучений которого почти не ослабил. — Помоги ему Создатель!

— Но что же нам делать? — Лелиана вытерла мокрую щеку об наруч, и несколько раз энергично шмыгнула носом. — Мы не можем... просто...

— Нужно сделать то, за чем пришли, — Айан сдернул плащ и укрыл им остывавшее тело бессознательно отшатнувшегося Алистера. — Добыть прах. И принести сюда. Как можно скорее, пока Алистер жив. Он здесь, на вершине горы. Деревенские не посмели бы соврать.

— Особенно после сотворенного нами огня того круга, что опоясал селение их жалкое, — согласилась Морриган. Откинув плащ, она трогала огарки черной кости, в которые превратились ноги всегда раздражавшего ее белобрысого Стража. — Стоит тогда дальше идти. Идите. Тут подожду я. Остаться кто-то должен с ним...

— Останусь я, — Айан прижал ладонь ко лбу. — От меня больше проку будет здесь. Малефикар... эта жрица ударила слишком сильно. Я даже теперь почти не вижу ваших лиц, друзья. Верх все норовит в моих глазах поменяться местами с низом, да и пол все куда-то заваливается. А прямо теперь исправить этого нельзя. И на гору нельзя. Иначе буду только вас задерживать. Дайлен, — он кивнул кусавшему губы магу. — Поведешь отряд. Отправляйтесь. Если прах там — вы должны его принести.

Лелиана и Стен переглянулись. Морриган поднялась на ноги, запахивая накидку. В последний раз она бросила взгляд на Алистера. Прикрытый плащом до горла, он казался спящим.

— За это не беспокойся, — мрачно пообещал Амелл в ответ на обращенные к нему слова. — Если прах — на вершине, мы его принесем. Даже приведись для этого убить... как его называют — Стража, кем бы он ни был, сразиться со здешней Андрасте и просить отодвинуться самого Создателя, если ему, не приведи небо, вздумается встать у нас на пути.

Первые лучи занимавшегося над Морозными горами холодного рассвета, осветили четыре заснеженных промерзлых фигуры, когда те уже подбирались к вершине. Оставленный за плечами ночной переход отпечатался в памяти каждого тяжким, муторным кошмаром, на грани сна и яви, когда скольжение под утомленными ногами в кромешной тьме в любой миг было готово оборваться коротким полетом в невидимую бездну. Дайлен торопился, как мог, без нужды подгоняя своих спутников, однако обледенелая тропа и поднявшаяся метель вкупе с все усиливавшимся холодом и изнеможением от усталости не давали двигаться так быстро, как хотелось бы. Многократно Страж-маг прилагал усилия осветить дорогу с помощью огненных шаров, но из-за сильного ветра и снегопада все старания его заканчивались ничем. Морриган после единой попытки воплотиться в птицу, также вынуждена была от этого отказаться. Снесенная ветром, она едва сумела вернуться на тропу. На широкую каменную площадку на вершине, в дальнем конце которой в скале было выбито нечто, напоминавшее вход в пещеру, усталым до беспамятства путникам удалось добраться лишь к утру.

Если с самого начала похода за Урной Стен принял мрачный, угрюмый вид, и, что ранее было ему несвойственно, даже, выражая недовольство, временами начинал первым заговаривать со спутниками, и в частности, с Дайленом, которого считал виновником совершения ненужного пути, то теперь, на вершине горы, его большое серокожее лицо комкала гримаса уже настоящей злобы. Привычный к долгому теплomu году Пар Волены коссит страдал от холода больше других, и это не добавляло легкости его настроению.

— Погоди, Дайлен, — прокричала Лелиана, поскольку иначе мага было не дозваться. Все звуки тонули в вое ветра и стоне метели. — Дай отдышаться!

Амелл обернулся. Идущая позади всех лучница и так последний час все время отставала от группы. Видно было, что девушка держалась из последних сил.

— Если мы остановимся, то нам конец, — проорал он в ответ, чувствуя, как в открытом рту смерзается влага. — Идем, осталось недалеко!

— Недалеко, надеюсь, — Морриган встряхнула плечами, сбрасывая осевший на накидке сугроб. — Или до смерти мы замерзнем, кости сумасшедшей выкапывая.

— Вашедан, — лица Стена не было видно за облепившим его снегом. Руки он держал зажатыми под мышками. — Эбост иссала, бас саирабаз! Твой арваарад ослеп и не видит, что ты отпустил своих демонов, и они ведут Стражей к... к-ката!

— Ни к какой ката они не ведут, — огрызнулся Дайлен, приостанавливаясь, и вызывая вокруг отряда мгновенно вспыхнувшее огненное кольцо, на миг сделавшее их существование теплее. — Что бы оно ни было такое. Мы почти у цели. Если верить легенде — вон там Урна. На вершине этой горы! Осталась всего пара сотен шагов.

Он снова вызвал кольцо, запылавшее прямо из воздуха. Стен шагнул к нему. Тяжелая рука опустилась на плечо мага.

— Я каждый раз слышу, что вот-вот — и мы будем у цели. Вместо того все делается хуже и хуже. Один Страж уже мертв. Другой едва жив. Тот, другой — твой арваарад. Саирабаз не может быть без арваарада. Нехраа акун эбра ката арваарад!

Дайлен резко отстранился, смахивая налетавший снег с ресниц. Глаза его загорелись недобрым синим огнем.

— Не то место и время ты выбрал, куннари, — угрожающе предупредил он. — Дождись, когда мы вернемся назад и, да поможет нам Создатель, исцелим Алистера. Тогда я дам тебе попробовать убиться об мою магию. А теперь не до того. Пошли! Это приказ!

— С тех пор, как арваарад стал слушать тебя, а не ты арваарада, беды приходят одна за другой, — Стен снова схватил за плечо Амелла, разворачивая его к себе. — Я поступлю умнее твоего арваарада. Теперь я — твой арваарад!

— С огнем играешь ты, — согревшаяся от по-прежнему пылавшего кольца Морриган почувствовала, как оттаивают и ее мысли. — Остерегись. Сапог горелых не оставит от тебя.

— Убери руки! — Страж-маг передернул плечами, вырываясь из хватки коссита. Вызванный им ранее огненный круг погас, и всем вновь сделалось сыро и очень холодно. — Только тронь меня еще раз и, клянусь Создателем, я вышибу из тебя дух!

— Меравас, — Стен выхватил свой меч, сбрасывая меховую накидку. — Шок астаарит! Катара, бас саирабаз!

Дайлен вскинул щит. Глаза его полыхнули ярко-синим. Морриган и Лелиана рывком переглянулись, не успев решить, стоит ли вмешаться. Больше, однако, никто и ничего сделать не успел.

Откуда-то из-за их спин раздался чудовищный рев, и сильным потоком воздуха всех, даже тяжелого Стена, посбивало с ног. Большая стремительная тень пронеслась в метели, дохнув сверху огнем. По счастью, из-за сильного ветра огонь упал в стороне, далеко от них. Очумелые от ужаса путники успели увидеть тяжелую тушу дракона, размерами превышавшего их самые глубокие кошмары.

Дракон сделал полукруг над площадкой и снова выпустил поток огня. Но на открытом месте людей уже не было. Морриган и Лелиана нырнули за большое нагромождение камней. Стен и Дайлен метнулись в противоположную сторону. Дракон рванулся от площадки и, сделав круг, вернулся вновь, тяжело хлопая крыльями. Он явно ждал, когда кто-то из явившихся сюда людей покажется из укрытия.

— Это и есть Страж? — в испуге обзревая темневшую за метелью тушу дракона, каждый взмах крыльев которого поднимали завихрения снега едва ли не со всей обширной каменной площадки, прошептала Лелиана. Морриган осторожно выглянула из-за камней. На глаза ей попался прижимавшаяся к скале Дайлен, делавший какие-то знаки.

— Поняла! — ведьма покивала, чтобы Амелл знал, что она уразумела его замысел. Рывком обернувшись к Лелиане она тыкнула в сторону дракона, который как раз в этот момент обернул к ним большую голову. — Ты, рыжая. Твари будешь отвлекать внимание.

— Что??

— Слышала ты. Отвлекай. Мы со Стражем станем убивать ее.

— Ты с ума сошла. Это же высший дракон! Они... н-н некоторые считают, что они бессмертны.

— Зато смертны мы. Ждать тут будешь?

Лелиана сбросила меховую накидку и стремглав бросилась из укрытия, вскидывая лук. В тот же миг на открытое пространство выскочил Дайлен. В мгновение сотворив большой огненный шар он метнул его в дракона, привлекая внимание.

Сплетенное в клубок пламя, ударившись в морду чудовища, расплескалось по его челюсти и ноздрям струями жидкого пляшущего огня. Взревев, дракон дохнул в ответ, утопив в бушующем пламени треть площадки и стоявшего на ней Дайлена. Однако когда порывистый горный ветер разорвал огненные языки, маг под ними обнаружился целый и

невредимый, припавший на колено и прикрывавший голову остатками оплавленного щита. Отбросив сделавшееся негодным железо в сторону, человек развернулся и вновь с руки запустил заклятием в дракона.

Огромный ящер сложил крылья и камнем упал на площадку. Казалось, от этого удара вздрогнула сама гора. Только успевший выпрямиться Дайлен завалился опять. Дракон потянулся к нему мордой, но был остановлен вонзившейся в чувствительную и уже обожженную ноздрю стрелой.

— Эй, ты! А ну, съешь меня!

Забыв об откатившемся из-под его лап человечке, дракон тяжело шагнул к громоздившимся в отдалении скалам, на которые взобралась еще одна жалящая стрелами аппетитная зверушка. Лелиана хладнокровно наложила на тетиву еще одну стрелу, потом еще и еще. Одна из стрел попала в глаз, и чудовище взревело от боли, мотая во все стороны головой и размахивая хвостом. Воспользовавшись этим, Стен, уворачиваясь от ударов чудовищного хвоста, подбежал к самому дракону и, подпрыгнув, всадил меч в его брюхо.

Дракон вздрогнул всем своим огромным телом, огласив окрестные горы очередным еще более громким ревом боли. Мотнув туловом, он стряхнул отлетевшего далеко в сторону коссита идохнул огнем на натягивавшую лук Лелиану. Девушка кубарем скатилась с каменной насыпи, и с ходу бросилась в снег. Ее одежда и волосы пылали.

Однако, вместо того, чтобы проглотить полуослепленную пламенем лучницу, внезапно дракон обернул голову в сторону показавшейся из-за камней Морриган, между ладоней которой, все уплотняясь, потрескивали молнии. На мгновение оторвав глаза от творимого заклятия, Морриган успела только заметить падавшую сверху раззявленную пасть с зубами каждый длиной в человеческий локоть. А в следующий миг сильный незримый удар мотнул огромную голову огромного чудовища в сторону от застывшей в оцепенении ведьмы.

Опомнившаяся Морриган метнула шар из молний, попав в оскаленную пасть. Одновременно с другой стороны Амелл рывком раскинул залитые кровью по локоть руки.

Над головами гроыхнуло с такой силой, точно небеса раскололо пополам. Воздух лопнул, как струна, на миг оглушив окаменевших людей. Из завихрившихся над горами облаков в оглушенное чудище ударило ослепительно белой вспышкой.

Туша дракона содрогнулась, охваченная, как пламенем, разрядами слепящей молнии. Несколько мгновений выший среди подобных себе ящер дергался, а после рухнул на расколотые камни площадки. Его лопнувшие глаза кровавой жижей стекали по морде, мешаясь с хлопьями вскипевшей слюны.

Лелиана поднялась из снежной ямы, куда зарылась почти с головой. Ее одежда сильно обгорела, как и густая шевелюра, изрядно прореженная проплешинами спекшейся кожи. И все же лучница почти не пострадала, вовремя загасив пламя. Со стороны приковылял Стен. Его нагрудник был сильно помят. На павшего дракона он смотрел с уважением. Двигавшаяся отчего-то подобно сломанной детской кукле Морриган столкнулась с едва переставлявшим дрожание ноги магом и с ходу ткнулась в его закованное в броню плечо лицом.

— Ловко ты его, Дайлен, — морщась и закусывая губу от боли, Лелиана, едва касаясь пальцами, ощупывала голову, силясь представить всю глубину своей потери. — Убить высшего дракона... это... это нечто! Барды должны сложить об этой битве не одну песню!

— Анаан вас аташи, — Стен мотнул головой в сторону дракона, по шкуре которого еще пробегали остаточные разряды, и, встретившись взглядом с Дайленом, тяжело кивнул ему. — Базалит-ан, бас саирабаз. Твоя мощь достойна уважения.

— Я не все понял, — Амелл осторожно отстранил молчаливую ведьму, тело которой сотрясилось, как в лихорадке, — но из того, что было сказано — убивать меня ты передумал.

Стен не ответил. Направившись к дракону, он с усилием выдернул засевший у него в боку отчего-то почерневший меч и, обтерев, сунул в ножны.

— Лелиана, — Амелл подобрал с земли уже полузанесенную снегом сброшенную здесь в начале боя накидку. — Ты ранена.

— Заживет, — досадливо поморщившись, лучница закуталась в протянутый мех. — Хотя это так некрасиво! Я имею в виду мои волосы...

— Путь не окончен наш, — утрюмее обычного перебила лесная ведьма. Дрожать она перестала, и теперь ежилась от ветра. — Еще не середина даже.

— Морриган права, — Амелл бросил еще один взгляд на уже бездыханную тушу высшего дракона. Вне всяких сомнений, он был мертв. — Мы должны идти.

При приближении делалось все более очевидным, что то, что они принимали за вход в пещеру, в действительности было высокими двустворчатыми воротами выбитой в скале древней гробницы. Большая часть скалы была покрыта льдом, но видимые остатки каменной резьбы восхищали своей величественностью и мастерством исполнения. У ворот, сложив на груди руки, стоял человек в хорошей латной броне. Каждый из отряда мог бы поклясться, что во время битвы с драконом его там не было.

— Приветствую, — несмотря на по-прежнему воющую метель, голос латного незнакомца был хорошо слышен даже вновь отставшей от отряда Лелиане. — Благодарение Создателю, я так долго ждал этого дня! Но сначала — хочу поблагодарить вас за избавление от драконихи. Это нечестивое создание еще долго отравляло бы умы моих братьев ложной принадлежностью к образу благословенной Пророчицы и Спасительницы нашей.

— Приветствую, Страж, — уже уразумев, кого видит перед собой, склонился в поклоне маг. — Прости мне мою непонятливость. Этот... эта дракониха — та самая Возрожденная Андрасте, о которой нам рассказывали в селении?

— Истинно так, — Страж, вопреки ожиданиям, оказавшийся не призраком, и не духом пепла, а обычным человеком из плоти и крови, склонил голову в согласии. — Братья, что поставлены были оберегать святыню нашу, соvrращению греховному с пути истинного поддались и долгое время почитали порождение отголосков хаоса как ту, что некогда заступничеством своим вставала на пути беззакония его. Силы духа не хватило им служить беззаветно. Создатель молчал к их молитвам, и так же молчалива оставалась Андрасте. И тогда они согрешили. В облике зверином нашли свои чаянья, и к тому склонили прочих. Я — единственный, кто отказался следовать по мерзкому пути их заблуждений. Они пытались принудить меня, но Андрасте даровала мне стойкость и всю силу праха. Долгое время я один стоял на пути их бесчинств во имя проклятого дракона. Однако теперь, благодаря вам, с этим покончено, — Страж улыбнулся и благодарно кивнул. — Я видел вашу битву. Впервые с того дня, как с обнаженными мечами ворвались ко мне мои обольщенные братья, довелось мне испытать такое потрясение. Скажи, достойный пилигрим. Каково это — жить с таким могуществом в себе?

— По правде сказать, я сам не знаю границ своего... могущества, — смутившись, признался Дайлен. Он повертел порезанной рукой, на которую так и не натянул перчатку, и зачем-то спрятал ее за спину. — Раньше у меня не было возможности узнать о нем больше. Я старался не показывать, что умею. Это было опасно.

— Но ведь теперь все переменялось.

— Переменялось, — каким-то шестым чувством маг понимал, что здесь нужно говорить только правду или не говорить вообще. — Чем дальше, тем сильнее мною овладевает гордыня за то, как меня одарил Создатель. Величина моего дара... заставляет меня смотреть на многих... свысока. Будто бы я чем-то лучше их.

Страж понимающе кивнул. Он словно ждал такого ответа.

— Как ты думаешь сам — это хорошо?

— Нет, — поежился Дайлен, так как в этот момент новый резкий порыв ветра забрался к нему под накидку, вздыбив ее. — Это не правильно и недостойно любого, кто ищет покровительства Создателя и благой Невесты его. Я... знаю, что это дурные мысли. И

постараюсь...

— Быть может, ты нас внутрьпустишь? — не сдержалась Морриган, хватаясь за сорванный ветром капюшон. — Мы околеем, останемся стоять тут если.

Тяжелые двери за спиной Стража распахнулись. Он отступил от входа и сделал приглашающий жест рукой.

— Простите мою негостеприимность. Я давно уже не помню, что такое страдания плоти. И забываю, что простые смертные по-прежнему умеют испытывать боль от ран или холода.

За дверьми обнаружился длинный, но неширокий зал со стен которого свисали сосульки. Однако, несмотря на обилие льда, здесь было гораздо теплее. Жарко горели просмоленные факелы. У больших железных дверей в противоположной стороне зала, куда вел их Страж, еще две небольшие жаровни грели воздух на высоких подставках.

— Ты здесь живешь? — не сдержалась Лелиана, рассматривая затянутые паутиной углы зала. — Один?

— Я охраняю Урну с прахом Пророчицы, — дойдя до закрытой двери, ведущей, видимо, во внутренние помещения гробницы, пояснил Страж. — У меня нет нужды в том, что требуется людям.

— Не человек ты?

— Сила праха благой Андрасте питает меня, — Страж кивнул на дверь. — С момента захоронения. И до сих пор.

— Ты бессмертен?

— Я буду здесь до тех пор, пока остается то, что охраняю. Если Урны не станет, надобность в сохранении пропадет. Как и во мне.

Морриган и Лелиана переглянулись.

— Просил я простить мою негостеприимность, а теперь уповаю на ваше понимание и попрошу извинить и любопытство, — голос Стража звучал не жестко, но его глаза, в свете факелов блестящие в прорезях шлема, посуровели. — Я существую здесь давно, и нечасто выпадает мне возможность поговорить с живым человеком. Дозвольте, о путники, задать вам несколько вопросов. Если отвечать не захотите — я не стану вас неволить.

Понимая, что отказаться будет неправильным, Дайлен кивнул.

— Говори, Страж. Я отвечу... если смогу.

Служитель Андрасте обратил на него пристальный взгляд. Отчего-то Амеллу показалось, будто за единый миг его увидели насквозь. Его, и всю его жизнь, со всеми неблагоприятными поступками и греховными помыслами.

— Тебе, Дайлен, — Страж некоторое время помолчал, словно собираясь с мыслями. — Сегодня для спасения твоих друзей в первый раз в жизни довелось убить человека. Смог бы ты сделать это еще раз, уже зная, что убитой окажется твоя давно потерянная сестра?

Лицо мага окаменело. Спутники взирали на него с неменьшим изумлением, нежели гости столицы империи Тевинтер взирают на охраняющих ее ворота огромных големов, видя их в первый раз.

— Не знаю, — через силу сказал, наконец, Дайлен, ни на кого не глядя. — Должно быть, смог бы. Тогда... это было необходимо, чтобы не погибли мы все. Солона... могла единым усилием мысли спечь головы, как пирожки. Я сам едва не поддался творимой ею магии крови. Хвала Создателю, я разглядел... разглядел и узнал ее уже после того, как... как сделал то, что было нужно. Но... я никогда... об этом... не забуду. Как я... своими руками...

Страж прикрыл глаза, дав понять, что его ответ принимается. Однако сам Дайлен в волнении шагнул вперед, по-видимому, желая продолжить беседу.

— Погоди, — он справился с собой, просительно вскинув руку. — Прошу. Скажи, известно ли тебе, как сестра оказалась у этих безбожников? Мне говорили — она погибла, и я оплакивал ее.

— Так ли это важно? — древний защитник Андрасте едва заметно пожал плечами, но все же ответил. — Сестра твоя после ухода врагов пробудила дар крови. В отчаянии она взывала к тому, кто мог прийти и спасти ее. Сила девочки была столь велика, что достигла разума дракона и та откликнулась. Когда в когтях принесла она в селение ребенка, заблуждающиеся братья мои признали девочку святой... и воспитали так, как сочли во благо.

Дайлен опустил голову. Видимо, услышав для себя все, что хотелось.

— Лелиана, — воин Пророчицы обратил взор на рыжую девушку, которая потупилась. — Осознав прошлые свои преступления ты вступила на благочестивую и достойную дорогу служения Создателю. С которой сошла ради любви к мужчине. Ты добила много, как послушница. Душа твоя делалась чище и ты сама чувствовала это. Скажи, не жалеешь ты теперь о содеянном? Бывают разные пути. Ты выбрала правильно?

— Да, Страж, — неожиданно твердо и без промедления произнесла лучница, поднимая синие глаза и без прежней нерешительности глядя на вопрошающего. — Не знаю, что будет потом. Но сейчас мне кажется — выбрать по-другому было бы грешно.

Бессмертный воин кивнул и обратил свой взор на Стена. Тот, однако, заговорил раньше, чем был задан вопрос.

— Да, мне стыдно, — коссит нервно дернул большой головой. — Вместо того чтобы поступить, как должно, я склонился перед большей силой и отступил, как... дасраси. Это... недостойно. Я признаю.

— Быть может, тебе стоит заглянуть глубже в свое сердце, воин, — служитель Андрасте шагнул вперед и прикоснулся закованной в доспех рукой к плечу серокожего великана. — И корень бед твоих — не в юном могучем маге, что смущает тебя речами, которые ты считаешь нашептываниями демонов. В тебе самом. Убив невинных, ты совершил деяние, что преступлением считают одинаково басра и люди Кун. И искупление видишь в битве с архидемоном. А маг этот по твоему суждению препятствует заглаживанию вины. Уводит от порождений тьмы, туда, где не добыть искупления. Без которого путь к твоим людям закрыт. Здесь, среди басра, чувствуешь ты себя чужим. Это сильно огорчает тебя. Но ты должен подумать об истинном виновнике того, что с тобой происходит. И обратить гнев во благо... если это тебе удастся.

Коссит глядел в пол. По полуприкрытым веками красным глазам нелегко было прочесть мысли. Тем страннее было слышать его глухой сиплый бас.

— Благодарю, Страж. Ты... помог мне.

Служитель Андрасте отступил, снимая руку с его плеча.

— Быть может, ты позволишь мне помочь больше. Если готов поверить словам. В маге этом наносного много. Как в любом, будь он кунари или басра. Но говорит всегда он только от себя. Одержимый демоном... либо духом не преступил бы порога этого святилища. Так было заповедано самим Создателем, закрывшим ход для первых детей своих к величайшей святыне вторых.

Стен промолчал, но выражение его лица изменилось. Зато не промолчала Морриган,

почувствовав обращенные на нее глаза бессмертного.

— Не знаю, и не хочу знать того, что спросишь, — сложив руки на груди, она сделала предотвращающий жест. — Не буду играть я в игры твои.

Воцарилось молчание.

— Я уважу это, — сказал, наконец, Страж. Он не выглядел подавленным или огорченным словами ведьмы. Могло быть так, что он заранее знал и о них.

— Страж, — решил перейти к делу Дайлен, не вполне представляя, как справляться с древним защитником Андрасте, если он и вправду бессмертен, и вздумает отказать. — Прими нашу благодарность за твою помощь. Говорить с тобой было... полезно. Однако мы пришли с просьбой, которая не терпит отлагательств. Наш... наши друзья смертельно больны. Они погибли, если не излечить их. Во всем Тедасе это сможет лишь частица того, что ты охраняешь. Скажи, ты можешь дать немного праха, для спасения этих людей?

Древний слугитель вновь обернулся на дверь.

— Сожалею, смелый пилигрим. Я не могу дать того, о чем ты просишь. Я не притрагиваюсь к Урне, — но глядя в вытянувшиеся лица своих гостей, поспешил их успокоить. — Но вы сами можете попробовать добыть то, за чем пришли. Если Андрасте сочтет вас достойными коснуться праха ее.

Он повернулся к ним спиной, и обеими руками налег на двери, с трудом сдвигая их вовнутрь. Из открывшегося прохода на гостей дохнуло холодом и пылью. За дверью оказался большой округлый зал, в центре которого размещалось возвышение со статуей Невесты Создателя на нем. У ее ног на камне стояла небольшая бронзовая урна.

Дайлен и Лелиана переглянулись. Морриган выглядела озадаченной.

— И все? — она хмыкнула. — Просто так вот — приходи и бери?

— Наверняка все не так просто, — Лелиана пожала плечами. — Страж...

Они обернулись. Но охранителя святилища за их спинами уже не было. Не было его и в зале перед святилищем. Непонятным образом он исчез.

— Так, — Амелл поднял обе руки, призывая всех унять изумление и подумать. — Он сказал «если Андрасте сочтет достойными коснуться праха». Это что-то значит. Не стоит торопиться.

— Ну, так гадать к чему? — Морриган мотнула головой в сторону Урны. — Иди. Достоен если ты — дотронешься до праха. Поторопись. Забыл, что друг твой умирает?

— Погодите! — Лелиана потеряла обоженное место среди волос и, видя, что никто не понимает, указала на пол. — Да посмотрите же туда! Что это?

Возвышение с Урной находилось в самом центре зала. Вокруг камнем на полу были выложены три больших кольца, далеко отстоящие друг от друга. Вдоль каждого из них шли выжженные в камне буквы — каких до сих пор, из взиравших на них теперь, не видел никто, кроме Дайлена.

— Древнетевинтерский, — маг подошел, склонившись над символами, и, переступая, пошел вдоль первого круга. — Тут говорится... эээ... м...

— Можешь прочесть?

— Н-не знаю. Не уверен. Без словаря... — Амелл наморщил высокий лоб, который, несмотря на царивший в святилище холод, вот-вот грозился покрыться испариной. — Тут говорится... говорится... А, вот. Сейчас... «лишь... мощный»... нет. Твердый. «Лишь твердый в вере» и... Зиммургос — вне всякого сомнения, Создатель. А нифи... невеста. Тогда так: «Лишь твердый в вере и тот, кто почитает Создателя милосердного и благую Невесту его Андрасте сможет пройти первый круг».

— Хорошо прочел, — глухо похвалил коссит. Дайлен передернул плечами.

— Ну да, половину я просто додумал. Можешь — прочти правильное. Прошу!

Лелиана присела на колено

— Интересно, как мы выясним...

— Просто, — Морриган еще раз указала на Урну. — Идет пусть тот, кто верит в чепуху. Я к глупцам не отношусь, что поклоняются мертвой женщине, которую сами же сожгли.

— Если ты не веришь в благость Андрасте, значит, это место не свято, и с тобой ничего не случится, если перейдешь черту, — хмыкнул Дайлен.

— А сам-то ты чего боишься? Видела я не раз, как перед сном молитвы ты творишь. Взывая к тому, кто до того благостен, что последователи его драконам от скуки начинают поклоняться. Набожного такого магия наверняка пропустит. А она тут есть. Сам не чувствуешь?

— Я — не ты, и не чую магии, если не вижу ее, — раздражаясь, напомнил Амелл. Обернувшись на остальных, он поймал два настороженных взгляда и один нетерпеливый. — Ладно. Не вечность же здесь топтаться.

Он протянул руку. Слегка подрагивающая изрезанная ладонь не встретила никакого сопротивления. Глубоко вздохнув, Дайлен занес ногу — и перешагнул каменную черту.

Ничего не произошло.

— Здорово! — Лелиана переступила черту вслед за магом и тоже без последствий.

— Быть может, истончилась магия? — Морриган в недоумении пожала плечами. — Но нет. Что-то чувствую я. Непонятное. И здесь оно по-прежнему.

— Это испытание на мужество. — Стен решительно направился к черте. — Дабы недостойные не...

Резко вспыхнувшее пламя заставило его отшатнуться. Куннари успел вскинуть руку, защищая лицо, и мгновенно нагретая перчатка заставила его зашипеть от боли. Кое-как содрав горячую сталь, Стен вцепился в собственный локоть. Его рука до кончиков пальцев покрылась сильными ожогами.

— Есть тут все-таки магия, — после паузы заключил Дайлен, глядя, как сжимавший зубы коссит пытается обернуть руку чистой тряпицей, выуженной из сумки, всегда висевшей у него на боку. — И сильная. Нужно впредь быть осмотрительнее.

— Хорошо, — Лелиана опасливо покосилась на буквы вокруг второго круга. — Слушай, я не хочу обжечься еще раз. Это очень больно! Что тут написано?

Амелл набрал полную грудь воздуха и с шумом его выпустил. Покосившись на более и не помышлявших приблизиться к первому кругу Стена и Морриган, он медленно пошел вдоль второго.

— Опять то же самое в начале, — спустя какое-то время пробормотал он. — «Лишь...» о проклятие, касара — что такое касара? Сома — вроде бы тело. Дальше похоже — сможет пройти, только не первый, а второй круг.

— Касара — значит чистый, — подал голос Стен, обматывая тряпкой пострадавшую кисть. — Недалеко от Пар Волены есть остров Касарос. Когда-то он принадлежал Тевинтеру. На нем магистры приносили очищающие жертвы древним драконам... до принятия иной веры.

— Получается, пройти могут только те, кто чистый? — не поняла Лелиана, пожимая плечами. — Тогда никто из нас не пройдет. После этого ужасного перехода мы все так жутко воняем...

— Думаю, целомудрие подразумевается тут, рыжая. Ты, конечно, хранила себя для Командора своего могучего?

Дайлен и Лелиана переглянулись.

— Нет, — приглушенно призналась лучница. — У меня... я... в общем, если мы все поняли правильно — мне не пройти.

Морриган раздраженно дернула плечом. Стен покачал головой, мрачно усмехаясь.

— Так что, нам его не достать? — Лелиана бросила горестный взгляд в сторону Урны. — Тут всего несколько шагов. Дайлен, ты же повелеваешь стихиями! Может, если ты прикажешь огню...

— Боюсь, против того, кто наложил огненное заклятие на это место, я бессилен, — маг тоже посмотрел на Урну. — Однако если мы все поняли правильно...

Он кашлянул и, подобравшись, шагнул за каменную черту. Пламя, ранее свирепо набросившееся на коссита, так и не явилось.

— Что? — обернувшись на обращенные к нему взгляды, поднял брови маг. — Кто-то мне хочет что-то сказать? Или обо мне?

— Спросить только, — Морриган не смогла подавить усмешки. — Сколько зим минуло с рождения твоего?

— Двадцать одна, — с подчеркнутым равнодушием не стал таиться Дайлен. — Еще чего узнать желаешь?

Некоторое время подождав другого вопроса и не дождавшись, он отвернулся и склонился над последней записью, которая оказалась самой длинной и малопонятной из трех. Некоторое время он ходил вдоль, потом опустился на колени, что-то проговаривая про себя. Стоявшие поодаль спутники терпеливо ожидали продолжения.

— Не пойму, — наконец, сдался Дайлен. — Тут... наречие Арлатана — и то легче постичь. Какая-то... ерунда. Говорится... нужно сбросить... оковы... что-то про страх... отречение... и рождение заново через очищение... очищение... подобно... о Создатель, не думал я, что мне когда-либо не будет хватать капитана храмовников Круга, который древнетевинтерским владеет в совершенстве!

— Так что же там, ведьмак могучий? Быстрее ты не можешь?

Дайлен покосился через плечо.

— Хвала Создателю, что я вообще понимаю хоть что-то. Если я делаю плохо — идите сюда и читайте сами!

— Рождение заново через очищение... — Лелиана пожала плечами. — Может, просто пройдешь? Ты набожен и... и чист. Ты можешь подойти и по третьему условию, в чем бы оно ни заключалось.

Дайлен нехотя подошел к границе последнего круга. Прямо за ним начинались ступени к возвышению со стоявшей на нем статуей.

— Что-то у меня дурное предчувствие, — поделился он. И, помедлив, сделал шаг.

Свиристое пламя охватило его фигуру, мгновенно раскаляя гномий доспех. Страшно закричав, Дайлен бросился назад, вызвав на себя не меньше бочки холодной воды — и замер, сотрясаясь в сотворенной им луже.

— На этот раз точно все, — наблюдая, как покрытая волдырями мокрая шея мага постепенно покрывается инеем, горестно вздохнула Лелиана. — Бедняжка Алистер!

Дайлен поднялся на дрожащие ноги. Подняв к глазам незащищенные металлом руки, с которых клочьями свисала лопнувшая кожа, он рваными движениями ощупал шею и чудом не пострадавшее лицо. После чего дернул щекой и вновь склонился над малопонятными ему символами, шипя сквозь зубы от боли.

— Тут есть что-то такое... то, чего я не понял, — он еще раз прошелся вдоль линии круга, внимательно вглядываясь в каждое слово. — Сбросить оковы. Сбросить... а что, если...

Маг поднял глаза на спутников. Ответившие ему взгляды не помогли с убеждением в правильности или неправильности его решения. Мысленно махнув рукой, Дайлен взялся за крепления своего доспеха. После некоторой возни тяжелый нагрудник упал на пол. Постепенно избавившись от остальных частей, Дайлен несколько мгновений задумчиво помедлил — и взялся за края толстой рубахи.

— Думаешь, сработает? — наблюдая за его разоблачением, поинтересовалась Лелиана. Против ожиданий ответил ей не Дайлен, а Морриган.

— Попробовать стоит.

Помедлив еще, Амелл снял с шеи амулет с символом Андрасте, и уложил на оставленную на полу кучу одежды. Поежившись, шагнул к каменной линии и, сделав вдох, вновь попытался преступить ее.

Пламя охватило его со всех сторон, как направленное огненное заклятие. Закричав, Дайлен рванулся и, продолжая пылать, рухнул на колени с другой стороны каменной черты, упираясь руками в пол. Некоторое время огонь плясал по его коже, потом опал так же неожиданно, как появился, оставив мага дымиться, как поджигаемая мокрая трава. Амелл перенес вес на ноги и неверяще поднялся, оглядывая себя. Все его прежние ожоги исчезли вместе с пламенем.

— Очищение огнем, как была очищена Андрасте, — от избытка чувств, Лелиана изо

всех сил стиснула руки. — Это... это лучше битвы с драконом! И точно достойно новой песни! Ну, чего ты стоишь? Иди! Быстрее!

Все еще не до конца веря в то, что остался жив и невредим, Амелл опасливо протянул руку обратно над каменной чертой третьего круга за штанами. Спустя короткое время, облачившись в одежду, но без лат, он поднялся по ступенькам к самому праху.

— Ну, чего ты ждешь, Дайлен? Бери! Время не ждет!

Некоторое время маг стоял над урной, подавляя в себе желание коснуться ее немедленно. Что-то мешало, занозой сидя в мозгу и препятствуя поспешным поступкам. Действуя скорее по наитию, он опустился на колено, сложив руки в молитвенном жесте. И — заговорил, с почтением повторяя молитву, возносимую к самому Создателю.

— Создатель неба и земли... услышь народ свой в час нужды нашей... прости мне дерзость мою и позволь коснуться праха Нареченной твоей...

Лелиана, вслед за ним опустившись на пол, шепотом повторяла слова молитвы. Стен и Морриган молчали, стоя в отдалении, за первым кругом. Против обыкновения, лицо лесной ведьмы не выражало обычной глумливости. Угрюмый коссит казался отрешенным. Проговорив все, что должно, Амелл поднял взгляд. И обратил его на стоявшего у ног статуи Стража.

— За долгие столетия, — негромко произнес служитель Андрасте. — Многие добирались сюда. И проходили все три круга. Но ниспослать благодати не просил ни один. Ты — истинный служитель веры, дитя. Сердце Создателя смягчится ко всем сущим в мире благодаря таким, как ты.

Дайлен смущенно кашлянул. Сам себя не он считал достойным настолько лестных речей.

— Теперь ты можешь взять, что тебе нужно, — Страж отодвинулся, делая приглашающий жест рукой. — Поторопись. У тех, кого ты должен спасти, осталось не так много времени.

Избегая смотреть на хранителя святилища, которого продолжал немало смущаться, маг вынул из кармана заранее приготовленный мешочек. Закусив губу, он сдвинул крышку урны и, собравшись с духом, коснулся серовато-коричневого праха, которого оказалось куда меньше, чем ему представлялось ранее.

— Благодарю, Страж.

Тот молча склонил голову в ответ.

Айан поочередно вытянул сперва одну, потом другую ногу. Он чувствовал себя так, словно только что снял с десятков кровососов, питавшихся на нем добрых несколько часов. Рядом на полу быстро и рвано, по-собачьи дышал Алистер. Несмотря на все усилия снять жар, последний из Тейринов горел, будто продолжал коптиться над ныне давно остывшей жаровней. Из прочих несчастных в живых оставалось только двое рыцарей. Еще двое перестали дышать ближе к рассвету, хотя для их спасения, ровно как и для спасения остальных, Кусланд сделал все, что мог.

Внезапно все время лежавший в ногах у Алистера Иеху насторожился. Поднявшись, он процокал когтями по полу до самой внешней двери и ткнулся в нее лбом. Проследив за ним взглядом, Айан с усилием встал. Нетвердо переставляя ноги, он тоже добрался до выхода из храма и, с трудом сдвинув сорванную Амеллом и им же приставленную обратно к проему створку тяжелой двери, отшатнулся, когда метнувшаяся вовнутрь черная птица едва не запуталась у него в волосах. Упав на ступеньки, птица перетекла в растрепанную Морриган, лицо, плечи и руки которой были сильно обморожены. Вопреки обыкновению не бравлируя своей наготой, ведьма подхватила с пола плащ, на котором ранее сидел Кусланд, в завернулась в него по шее.

— Что произошло? — не понял Командор, сердце которого, и до того бухавшее тяжело и тревожно, подпрыгнуло вверх, едва не заткнув горло. — Где остальные?

Ведьма смерила его усталым взглядом и склонилась над Алистером, снимая с шеи болтавшийся на шнурке плотно завязанный кожаный мешочек.

— Там метель сильная наверху в горах, — неожиданно сильным и простуженным голосом пояснила она. — Ногами не пройти. Прочие в гробнице дожидаются, пока стихнет буря.

— В гробнице... Андрасте?

— Одна там гробница, Страж.

— А... прах? Вам удалось его достать?

Вместо ответа лесная ведьма разомкнула сухие уста Алистера кончиками пальцев и вложила в них щепотку чего-то из принесенного ею мешочка.

— погоди, — Кусланд придержал ее уже затягивавшую тесемки руку. — Те двое рыцарей еще живы. Дай и им.

Морриган обернулась, оценивая на глаз истерзанных пленников, и раздраженно дернула щекой.

— Что тебе в них? Зачем снадобье чудодейственное тратить? Не боишься, что эрлу не останется?

Командор качнул головой.

— Сколько праха нужно для исцеления?

Смерив его взглядом, ведьма вновь развязала мешок и, отмерив нужное количество, вложила целебные крупы в губы каждого из оставшихся в живых мужчин.

— Доволен ты?

Кусланд промолчал. Морриган простерла над телами руки. Между ее пальцев заструились волокна из целительского тумана, которые, сплетаясь, плотным облаком покрыли раненых.

— Все, — спустя довольно продолжительное время, Морриган бессильно опустилась на пол подле сына Мэрика. — Здоровы должны они теперь быть. Проверь. Я не могу. Устала.

Кусланд откинул плащ с груди Алистера. Не веря, убрал до конца, в изумлении рассматривая не очень чистые, но вполне здоровые ноги Тейрина. Страшные раны и ожоги с его груди пропали тоже. Если бы он не видел собственными глазами, Айан мог не поверить, что они там были.

Крайний из исцеленных рыцарей шевельнулся. Кусланд помог ему сесть, опираясь спиной об одну из распорок над жаровней. Поначалу тусклый взгляд рыцаря постепенно прояснился. Он повел головой, вглядываясь в лица мертвых товарищей.

— О благая Андрасте! Сэр Хентир, сэр Седрик?

Айан покачал головой. Рыцарь обернулся в другую сторону.

— Сэр Пэрит...

— Жив, — сэр Пэрит, молодой, темноволосый рыцарь приподнялся на локтях, оглядывая место побоища. Потом он перевел взгляд на свою грудь, и изменился в лице.

— Я — Айдан Кусланд, Командор Серых Стражей Ферелдена, — на первое время снял все вопросы Айан, устало возвращаясь к Алистеру, который, открыв глаза, смотрел на мир пока еще мутным взглядом. — Мы прибыли сюда за тем же, что и вы и нашли, что искали. Магиня исцелила ваши раны при помощи чудодейственного праха. Если будет на то милость Создателя, он поможет и эрлу Эамону.

— Милорд Кусланд, — первый рыцарь кивнул, собираясь с силами, чтобы подняться. — Я сэр Донелл, верный вассал эрла Эамона. Я и мои люди навеки в долгу перед вашим Орденом!

— Вы достали прах?? — Алистер наконец очнулся окончательно, одним из последних.

— А иначе как бы вы исцелились? — Морриган, до сих пор не принимавшая участия в беседе, на миг сощурила утомленно прикрытые глаза. — Ну и дурак же ты, Алистер, ты уж прости!

— Значит, достали, — уже привычно проигнорировав выпад ведьмы, понял Тейрин. — Проклятье, опять я пропустил самое интересное! А... где остальные?

— Все живы, — успокоил Айан. — Они подойдут позднее. Пока же вспоминай, где может быть твой доспех. Его нужно найти. Не гоже тому, что ковалось для королей, пропадать в такой дыре.

Путь обратно занял меньше времени. Спасенные рыцари оказались лучшими знатоками здешних мест, и смогли указать более короткую дорогу обратно на Имперский тракт, по которому до Редклифа оставалось неполных три дня пути. И, хотя в храме драконопоклонников пришлось порядком задержаться, предав огненному погребению погибших рыцарей и сестру мага, а также сподобив сельчан заняться прочими телами, срезав путь, они наверстали потерянное время.

Несмотря на подавленность мага и выживших рыцарей, скорбевших о смертях близких им людей, общее настроение возвращавшихся в город было приподнятым. Прах величайшей из людей висел в мешочке теперь уже на шее Командора. Оставалось только надеяться, что за эти несколько дней в замке не случилось непоправимого и дожидавшийся их возвращения эрл Эамон был по-прежнему жив.

... Ночь последней стоянки перед Редклифом застигла отряд в небольшой ореховой ложине, лежавшей по одну сторону от Имперского тракта. По другую в темной тиши плескалось озеро Каленхад. По-прежнему охваченный мрачными размышлениями и терзавшийся чувством вины по погибшей от его руки сестре, Дайлен увильнул от расставления палаток и в одиночку отправился на ближайший холм, с которого, как он предполагал, открывался лучший вид на великое озеро. Добравшись до вершины, маг некоторое время стоял, находя облегчение в лицезрении того, как блики от света ночного светила преломлялись в катившей ленивые волны воде. Потом, подсобрав в избытке валявшиеся вокруг ветви орешника, разложил костер.

Постепенно свежий ветер, тепло от огня и вид на величественное озеро вытесняли его угрюмое настроение. Поглубже запахнувшись в плащ, Дайлен присел у костра и, сменив направленность мыслей, совсем было погрузился в приятные мечты о скором возвращении в город и встрече с прекрасной Кейтлин, когда новый звук привлек его внимание. Обернувшись на шорох, маг не увидел ничего, кроме переплетения теней. Однако в следующий миг редкие заросли раздвинулись, и на расчищенное место шагнула тень, своими очертаниями хорошо знакомая Дайлену.

— А, это ты.

— Я, — неслышно ступая, Морриган приблизилась к обращенному к ней спиной магу, который, потеряв интерес, вновь устался в костер, и присела рядом.

— Что же, во всей округе не нашлось другого холма? — ворчливо осведомился Амелл, рассчитывавший побыть в одиночестве.

— Холмов хватает, — сделав вид, что не замечает его недовольства, ведьма вытащила ветку из заготовленного Стражем хвороста и одним концом опустила в огонь. — Но шла я к тебе намеренно. Жизнь мне ты спас там, на горе. Не дал сожрать дракону. Поблагодарить тебя хочу.

Дайлен передернул плечами.

— Хорошо. Но вот чего хочу я — так это побыть одному. Ты уже поблагодарила?

Ведьма усмехнулась полными губами. Сдвинувшись, она потрянула головой, и отсветы пламени костра заплясали в ее рассыпавшихся черных волосах.

— Не так благодарить тебя хочу. Не словами.

Амелл обернулся к ней. Желтые глаза Морриган горели едва не ярче его собственных

колдовских лириумных зениц, и внезапно молодого мага пробрала дрожь. Он замер, не в силах стряхнуть овладевшее им странное оцепенение, и очнулся уже, почувствовав губы ведьмы на своих губах.

Сделав над собой усилие, Дайлен отстранился, радуясь, что не видит своих, полыхавших, как факелы, щек.

— 3-зачем?

— Зачем? — Морриган мелодично рассмеялась. — А разве для этого важна причина? Или не желаешь ты?

Плащ соскользнул с ее плеч, обнаруживая под собой лишь тонкую рубашку. Отчего-то теперь, когда на ведьме было что-то надето, недостаточное, однако, для того, чтобы считаться приличным, Амелл смущался больше, чем когда ему доводилось увидеть наготу Морриган целиком.

— Умею я вождение чувствовать. Хочешь меня, — ведьма улыбнулась, вновь подаваясь вперед и обнимая крепкую шею Дайлена руками. — К чему тогда сомнения твои?

На этот раз поцелуй двух магов длился гораздо дольше. Руки Морриган ненавязчиво распустили завязки на рубаше Дайлена и, забравшись под нее, ласкали загоравшуюся под умелыми пальцами кожу. На миг оторвавшись от ее губ, Амелл в порыве желания притиснул к себе лесную ведьму, торопливо опуская лицо, чтобы коснуться ее едва прикрытой тканью груди, и вдруг мимолетно запнулся взглядом о глаза.

Приоткрытые губы Морриган улыбались поощрительно и призывно, но глаза ее оставались холодными. Желания в них не было, это Дайлен понял за единый миг и с несомненной ясностью. Лишь только усталое презрение от еще раз полученного подтверждения... чему?

Почувствовав изменения в настроении напрягшегося мага, Морриган мгновенно приопустила густые темные ресницы, и, изогнувшись, приникла поцелуем к его шее. Но, еще несколько мгновений назад готовый на все ради нее и в накрывшем его с головой потоке вождения, едва понимавший, что делает, Дайлен теперь все пытался понять, что еще было в глазах ведьмы до того, как она вновь скрыла это от него. И лишь когда надежда почти совсем ускользнула, как вспышка его настигло мрачное понимание — в глазах ведьмы было торжество. Почти удавшегося, того, что, подобно драгоценному кладу, было у нее уже в руках. Что же именно не испытывавшая желания, но сама предложившая ласку женщина ждала от него? Только лишь благодарность двигала ею?

— Да дело в чем, маг? С чего вдруг замер ты? — Морриган недовольно отстранилась, заглядывая в глаза. Весь вид ее говорил о немалой досаде. — Неужто... взаправду сколь прекрасны лицо твои и тело, столь малой мужественностью одарила тебя природа? Оттого невинность твоя цела до сих пор?

Ее последние слова словно обухом ударили по голове, и с сильной обидой окончательно придали решимости. Дайлен резко поднялся и, запахнув рубаху, связал обратно ее тесьму. Потом выдернул из-под Морриган и набросил на плечи меховой плащ.

— Прости, ведьма, — неожиданно спокойным голосом, который никак не вязался с цветущими на его светлокожем лице малиновыми пятнами, и то и дело вспыхивавшими глазами, попросил он. — Недостойно мужчины ложиться с женщиной, когда мысли его — о другой.

Морриган опустила голову. Ее темные волосы соскользнули с плеч, закрывая лицо, пока она негромко и язвительно смеялась.

— Все же ошиблась я, полагая, что самый глупый дурак в отряде — Алистер.

Дайлен не был до конца уверен, но ему послышалось разочарование в ее голосе. Едва заметное, оно все же было. Утомившись угадывать намерения поступков ведьмы, маг, все же, как ему казалось, убедился в правильности своего, каким-то неясным шестым чувством угадав, что об этом отказе он не пожалеет никогда.

— погоди, Морриган, — заметив, что его несостоявшаяся любовница собралась уходить, он поймал ее за руку, но тут же отпустил. — Если ты на самом деле хотела отблагодарить, кое-что ты можешь сделать.

На несколько мгновений ведьма замерла, и магу показалось, что его желают если не убить, то крепко ударить. Однако внешне своих намерений Морриган не показала. Даже теперь ее красивое лицо выражало то, что и всегда — насмешливую иронию.

— Что мыслишь ты себе?

Амелл усмехнулся тоже и, раскинув руки, помахал ими в воздухе.

— Научи меня тому, как оборачиваться, — попросил он. — Всю жизнь мечтал летать, как птица.

Миг Морриган стояла, глядя на него в безмолвном удивлении.

— Т-ты хочешь... — наконец, сумела выдать она из себя, теряя привычное самообладание. — Не думала я услышать такую просьбу — и от мага Круга!

— Отчего? — искренне изумился Дайлен.

— Церковь воспитывает вас там. Магия, о какой ты просишь, в разряд запретных попадает. Должен плеваться ты и знаки защитные творить, а не просить об обучении.

— Я должен только Стражам. Они мне жизнь спасли. Всем прочим — никому, — Амелл повел рукой, и из-под его ладони выпорхнули с десятков огненных бабочек, распадавшихся в воздухе на лету. — Так что, берешь меня в ученики? Или вся твоя благодарность — только слова?

— Красиво сделал, — наблюдая полет последней искры, которой мысль повелевавшего стихиями мага придавала такую форму, признала Морриган. — А птицу можешь?

Глаза Амелла обратились к огню. Миг или два ничего не происходило. Затем пламя костра причудливо изогнулось, словно расправляя два больших крыла. Из переплетавшихся огненных языков поднялась изящная голова птицы. Взмахнув огненными крыльями, птица взмыла ввысь и, сделав круг над костром, полетела в сторону недалекого озера, постепенно теряя огненное оперение с крыльев и хвоста.

— Творец ты, — после молчания признала Морриган. — Немногие так могут. Представить — да. Сделать — нет.

— Я научился такому, чтобы развлекать малолетнюю сестру, — пожав плечами, пояснил все же довольный похвалой Дайлен. — Пускал разных огненных зверей. На этом и попался храмовникам. Если бы не бабочки, им нипочем не догадаться, что я маг.

— Тогда тебе попроще будет, — Морриган тоже провела рукой над костром, но тот ответил ей лишь россыпью искр. — Представь то же, но к своему телу. И — отпусти магию. Знаю, получится у тебя. Давай, я покажу. Исполнять нужно, раз отплатить за жизнь пообещала я...

...Занимавшийся рассвет застал двух волков катавшимися в покрытой инеем траве. Время от времени один из них подскакивал на скользившие лапы и пытался броситься на другого, но даже неопытному стороннему наблюдателю было понятно, что звери не грызутся, а играют. Наконец, крупной черной самке удалось так удачно опрокинуть своего

противника, что самец, взблескивая глазами, откатился далеко в сторону по мерзлой траве. Самка вскочила, и, подскальзываясь на разъезжавшихся лапах, бросилась куда-то одной ей известным путем.

Вскочивший самец издал харкающее рычание, и бросился следом. Попадавшие на дороге травы и ветви кустов стегали зверей по лбу, застили глаза и разлетались комья из-под взрывающих почву крепких когтей, а волки носились по облетевшей ореховой роще, оглашая окрестности рычанием, скулежом и азартными взвизгами.

Наконец, утомившись, водившая за собой самца волчица побежала по склону холма, и в несколько десятков скачков оказалась на его вершине. Здесь возле потухшего и тоже успевшего покрыться ином кострища в беспорядке валялись разбросанные дрова и кучки человеческой одежды. Из последних сил рванувшись к ней, волчица подпрыгнула, и в клубах темного дыма на сброшенный плащ упала разгоряченная погоней обнаженная женщина. Миг спустя рухнувшее рядом тело крепкого светлого мужчины ознаменовало переход из зверя в человека охотившегося за ней волка.

Дайлен смеялся так беспрестанно, что сквозь застывшие глаза слезы с трудом различал лицо лесной ведьмы, которая смеялась тоже. Наконец, кое-как совладав с собой, тем более, что холод осеннего утра начинал уже всерьез пробирать их разгоряченные обнаженные тела, маг отыскал среди вытоптанной травы рубаху и торопливо натянул ее. Морриган облачалась так же поспешно — осенняя сырость постепенно и ее пробирала до костей.

— Сегодня, — дрожа от холода и пережитого возбуждения, поделился Амелл, начиная кацать зубами. По мановению его руки на вчерашних углях вновь запылало жаркое пламя. — Только сегодня я до конца понял, как это... как это здорово — быть магом!

— Весело было, — согласилась Морриган, собирая вокруг себя разбросанные ветки и швыряя их в костер. На миг замешкавшись, она вытерла кровь с рассеченного ветвями лба. — Бывало часто, что носилась я со зверями. Была с ними на равных. Но все же они зверями оставались, а человеком — я. В такие игры до сих пор не доводилось мне играть. И... магов кроме матери моей я редко видела. А коли видела — не говорила с ними.

— Мне нравится, что рядом с тобой не нужно прятать мою магию, — Дайлен вызвал из неоткуда поток воды и тут же его заморозил, в мгновение ока выстроив под рукой ледяную гору. — Конечно, можно обходиться без нее, но иногда так хочется подурачиться. Приходится сдерживаться... из-за товарищей.

— Сила Тени переполняет тебя, — Морриган понимающе коснулась верхушки сотворенной горы, и та оплавилась под ее ладонью. — Оттого ты так могуч... и так нетерпелив. Другим магам проще.

Она подняла голову. На несколько долгих мгновений ее желтые глаза удерживали взгляд темных глаз Амелла.

— Мы очень похожи, маг, — наконец, проговорила Морриган, не отводя глаза. — Быть может, больше даже, чем знаем теперь.

— Быть может, — Дайлен кивнул в знак согласия. — Но различий у нас больше, чем у людей, которые могли бы сделаться друзьями, — он помолчал. — И все же... наберется пока недостаточно... для вражды.

— Пока, — Морриган с усмешкой поцеловала мага в бледную щеку и поднялась, собравшись уходить. — Не стоит забывать об этом.

— Никогда, — пообещал Дайлен. Последнее слово маг произнес тише, и, ни в пример прочим — очень серьезно.

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigolub.net